Были и былички

Александр Арефьев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

И были, и небыли

- Александр Арефьев
  -
  -

Александр Арефьев

Были и былички

(на правах мемуаров)

Еда

(краткий кулинарный экскурс)

Согласитесь, в жизни не так уж много радостей. К тому же, как сказал один мудрец, все истинные удовольствия в ней или противозаконны, или аморальны, или ведут к ожирению.

По большому счету, истинное счастье ждёт нас лишь в любви да в изысканной еде. При этом в любви бывают болезненные срывы, трагедии, с годами она чахнет. А вот в еде, кроме случаев, когда что-то не то съел или уж очень переел, сплошное и незатухающее удовольствие. И удовольствие универсальное. Нет денег на икорку или обрыдло однообразие, перенеси обед на ужин, и манная кашка покажется истинным деликатесом. Еда – как вехи на жизненном пути, особо вкусненькое – всплеск на кардиограмме, деликатес – памятная зарубка в жизненном календаре.

Для меня первым кулинарным оргазмом стал омлет, но не привычный нам, а китайский. Было это в далеком 1965 году, в разгар "культурной революции" в Китае. Я добирался поездом из Пекина во Вьетнам. В международном вагоне было нас всего трое, я да два поляка, хоть все остальные вагоны были забиты под завязку. Путь долгий, из развлечений лишь упрятанный под обшивку и не умолкающий денно и нощно динамик, из которого неслись оглушающие звуки бравурных революционных маршей и цитаты Мао Цзэдуна. На остановках столь же шумные митинги у наших окон с обличением подлых ревизионистов в нашем лице да еще ресторан в соседнем вагоне.

На завтраке, дабы не искушать судьбу, заказали стоявшее первым в пухлом меню и знакомое не понаслышке – омлет. Но принесли нам на большом овальном блюде нечто невообразимое. Вернее, вообразить можно было только одно – женскую грудь,

судя по цвету и консистенции, китаянки, но весьма упитанной. Это нечто слегка колыхалось под мерный стук вагонных колес и источало восхитительный аромат. Когда мы решились разрезать, грудь не опала, а величественно открыла нежное жёлто-розовое нутро с ломтиками ветчины и кусочками овощей и зелени. Мякоть таяла во рту, вкус – божественный. Как сотворено это кулинарное чудо, для меня секрет и по сей день.

В последующие посещения Китая я плотно познакомился с его кухней, вернее, кухнями, ибо там в каждой провинции она своя и особенная.

Как самое экзотичное осталось в памяти считающееся культовым блюдо

"лунхудоу" или по-нашему – "бой дракона с тигром", что на поверку оказалось змеятиной с кошатиной вкуса необыкновенно утончённого.

Единожды в жизни наотрез отказался попробовать лишь одно экзотическое блюдо, мозг живой обезьяны. Приятель мой не устоял перед соблазном и после этого как-то сник и прятал глаза при попытках узнать о полученном впечатлении.

Вообще-то, отношение к приёму пищи в Китае здорово отличается от нашего. Китайцы воистину знают толк в еде и разбираются в её воздействии на организм. Популярный в Китае и по всему миру супчик из акульих плавников сами граждане Поднебесной потребляют не абы как, а с целью привести в порядок печень, почки и сердце. Мидий и устриц китайцы съедают, чтобы нормализовать кровяное давление, а десертом из ласточкиных гнёзд очищают кровь. Мао Цзэдун ежедневно ел блюда с красным перцем и считал, что это лучшее средство омоложения организма.

При этом каждое блюдо имеет по китайским поверьям свой смысл.

Так, запечённый целиком карп означает материальный достаток, грибы – открывающиеся возможности, свиные ножки – везение, телячьи языки – доходы, устрицы – везение в предпринимательстве.

Кулинария Поднебесной, как никакая другая в мире, увязана с медициной. Так, например, считается, что рисовая водка, настоянная на змее, укрепляет потенцию и помогает при головной боли. Но голову можно лечить и другими средствами, а вот для повышения мужского достоинства в самый раз отведать блюдо "Бычья гордость". Но не надейтесь на свои кровные рублики быстренько приобщиться в расплодившихся сейчас китайских ресторанах к многовековым тайнам китайцев – по старинным неписаным правилам им западло раскрывать по-

настоящему секреты национального искусства каким-то "гвайло", т. е. белым дьяволам.

Основатель главной китайской религии – философской системы Дао,

Чжан Даолин (совершенно реальная личность) много места в своих трудах уделил проблемам питания и изобрёл "пилюли бессмертия". Из каких продуктов он их лепил, неизвестно, но попринимав их, стал выглядеть в 60 лет пятнадцатилетним мальчиком, что, впрочем, не помешало ему умереть в возрасте 122 лет. Но ведь тоже неплохой результат, правда?

Жаль, что мне не довелось их попробовать, а вот собачатинку, стыдно признаться, вкушал неоднократно. Вкусно, если бы только не грустные глаза друга человека, всплывающие в воображении. В Китае щенков, выращиваемых для ресторанов, в течение нескольких недель перед забоем по 20 часов гоняют по вольеру, чтобы мясо меньше пахло псиной. А вот вьетнамцы и корейцы, считающие собаку своим национальным блюдом, готовят ее ещё более варварским методом.

Подвешенного за задние ноги пёсика нещадно колотят дубиной и у еще живого перебивают все кости и сосуды. Делается это для того, чтобы кровь пропитала мясо, которое после приготовления приобретает специфический вкус и становится буро-перламутровым. Слабым, но оправданием служит то, что едят специально выведенную породу собак с психологией поросенка.

Корейцы как-то вообще в своих кулинарных изысках заходят слишком далеко. Ну что вы скажете на то, то осьминогов с их мудрыми глазами едят живыми, отрезая по кусочку, а те, бедные, молчат и только эти свои глаза таращат? А такую любимую у нас детьми черепаху они перед варкой вытаскивают из панциря, разбивая его дубинкой. Но корейцы, будем справедливы, не так уж одиноки в своём увлечении.

В Индии, скажем, очень популярны крысы гриль. Их перед разделкой живыми опускают в кипящий гудрон, чтобы легче снять шкурку. Во

Вьетнаме очень уважают блюдо под названием "Три писка". Вырезанных из брюшка беременной крысы зародышей тут же подают к столу. Первый писк – когда эмбрион подхватывают палочками, второй – при обмакивании в острейший соус, третий и последний – в пищеводе едока.

Ну да Бог им всем судья да Бриджит Бардо, защитница животных, а мы вернёмся к китайской еде. Совершенно новой стороной открылась мне китайская кухня в клубном ресторане Бангкока для китайских богатеев, играющих в Юго-Восточной

Азии роль евреев в Европе и подмявших под себя весь крупный бизнес в торговле и финансах. Представьте себе довольно большой зал со стеклянными шкафами по стенам, в которых стоят старинные статуэтки ценой в миллионы долларов, некоторые – вообще бесценные. Посередине массивный круглый стол, центральная часть которого проворачивается, давая доступ к постоянно меняющимся блюдам, число коих близко к сотне.

Тихая музыка, эдакое китайское попурри, создаётся специалистом-аранжировщиком под каждое меню и строго согласуется по времени с подачей очередного блюда. От крещендо под семенники молодых обезьян, возбуждающие плоть, до модерато под семена лотоса в мучнистом соусе, её, плоть, расслабляющих. Каждое блюдо воздействует на строго определенные органы и части тела, и в конце трапезы встаешь помолодевшим и умиротворенным.

Моим поводырем в этом застолье был местный мультимиллионер

(естественно, в долларах, а не в таиландских батах) и номер один в торговле так называемыми товарами тибетской медицины. Немалую часть своих капиталов он заработал на поставках с нашего Дальнего Востока, в том числе кабардиной струи, что означает олений пенис и высоко ценится китайцами как препарат повышения потенции. Кстати, от него же я узнал, что есть и специальный ресторан для желающих похудеть, где еду вам подберут специально обученные лекари. Так как тогда ожирение мне ещё не грозило, желания его посетить не возникло.

Там же, в Бангкоке, попробовал я впервые и знаменитую на весь мир утку по-пекински. Это, действительно, нечто божественное, однако тайцы считают, что их поросёнок по-бангкокски, приготовленный по схожей технологии, достойный ответ этому блюду. И в том, и в другом случае едят только зажаренную до аппетитного хруста кожицу, а тушки идут в отход. Такое отношение к продукту для нас, русских, сами понимаете, кощунство, потому мы обычно, смолотив кожицу, гнали официанта на кухню приготовить из останков порося или утиного мяса аппетитный супчик, который, кстати, почему-то считается первейшим средством для поссорившихся супругов и примиряет их сразу по окончании совместной трапезы.

Вообще китайцы являются истинными виртуозами по части кулинарно-лечебного искусства. В их фармакопее присутствуют препараты из тигра, леопарда, слона. Из России в Поднебесную везут древесных лягушек, средство из которых используется для разжижения крови. Однако, создается такое впечатление, что их мужиков заботит больше всего одна сторона здоровья,

называемая половой потенцией. В любой из китайских аптек, разбросанных по всему миру и забитых высушенными рогами, рысьими лапами, змеями, варанами, лягушками, летучими мышами и другой нечистью, во что не ткнешь пальцем с вопросом "Для чего это?", продавщица-китаянка стыдливо прикрывает рот ладошкой и хихикает.

Одно из ярчайших воспоминаний, связанных с китайской кухней, оставило посещение ресторана в Калифорнии. Там перед каждым новым блюдом мэтр торжественно объявлял название и автора художественного полотна. Официанты подносили нам большие блюда, на которых ломтиками мяса, рыбы и кусочками овощей, зелени и фруктов были мозаично выложены картины китайской классической живописи, есть которые рука не поднималась. Когда же я ненароком углядел сумму в счете, поданном моему американскому партнеру за съеденную картинную галерею, понял, каких жертв требует наслаждение подлинным искусством.

С японской кухней я познакомился в других странах, так, к величайшему моему сожалению, и не побывав в этой стране грёз (я-то и в Институт стран Азии и Дальнего Востока в своё время поступал в надежде изучать японский). Но главное отличие японских кулинаров от

Бога (прошу прощения за ляп – от Будды), как я понял от китайцев, в том, что те могут вам приготовить конфетку из гуано местной птицы и вы ни в жисть не догадаетесь о происхождении сырьевого продукта.

Японцы же, напротив, так подчеркнут суть смака продукта, что то же самое гуано покажется вам слаще мёда.

Чтобы понять размер японского кулинарного фанатизма, стоит лишь напомнить об одном блюде – рыбе-собаке, больше известной под названием фугу. В её мол*о*ках, икре, коже, а особенно в печени содержится нервно-паралитический яд, в 1200 раз сильнее цианистого калия. Смертельная доза человека – 1 г, противоядия не существует.

Съевшие фугу и оставшиеся при этом живыми японцы со слезами умиления на глазах пытаются передать ощущение внутреннего комфорта и чуть ли не равнозначного сексуальному возбуждение. Не хочу навязывать вам свою точку зрения, но при всём моём кулинарном любопытстве я всё же предпочёл бы альтернативный вариант безопасного секса.

Отменными кулинарами считаются на Востоке и вьетнамцы. Особенно хороши у них лягушки. Ох, уж эти лягушки-квакушки, мечта любого гурмана. Некоторые их виды, например, лягушка буйволиная, достигают размера средней курочки и весят до

килограмма. Надо сказать, что, в отличие от китайских кулинаров, вьетнамцы более гуманны в приготовлении лягушачьих блюд. Те считают необходимым предварительно содрать с лягушки шкурку и дать ей поплавать, ещё живой, в кастрюле с водой. Вьетнамцы же, видимо, из жалости шкурку ей сохраняют. В

Ханое в моё время лягушка считалась пробным камнем для новоприбывших. Их угощали лягушачьим блюдом, называя полевой курочкой, а в конце застолья ошарашивали правдой-маткой. Кончалось либо смехом до слез, либо отпаиванием водкой, а то и валерьянкой.

Хорош у них и кофе местных сортов, но крепости столь необычайной, что лучше идёт со сливками. А совершенно божественный вкус у кофе, сваренного из зёрен, предварительно скормленных хорьку (ну т. е. им, хорьком, выкаканных). Такой не каждому предложат, да и стоит он ого-го. Есть у вьетнамцев и свои вина, но не виноградные, а фруктовые, вкусней всего из слив. Причём настаивают их от десяти до двадцати лет. И на чём, вы думаете? Не поверите, наверно, но на скорпионах, морском коньке и жучках-тараканчиках.

От Камбоджи навсегда остался в памяти непревзойденный вкус лягушачьего супа с цитроном. Готовят его в своеобразном агрегате, называемом "кон дао" (остров) и похожем на наш самовар. На трубу с поддоном с тлеющими угольями надевается плоская кастрюля, в которой суп варится, и всё это подается на стол. Варево насыщенного изумрудно-зеленого цвета, густое как илистая вода в застоялом болотце, и лягушачьи лапки, всплывающие промеж пузырей как последний привет утопающего. Вкус нашего рассольника, но поядрёней и подушистее.

Едят его, как и всё остальное, палочками, но предварительно налив себе в пиалу фарфоровой ложечкой. Кстати, два слова о палочках для еды. Обычно удивляются, а как же ими едят суп? А никак. Просто миска с супом прижимается ко рту, и с громким чавканьем содержимое всасывается, палочками же в рот проталкивается гуща. Надо сказать, что и отрыжка за столом приветствуется как показатель сытости и комплимент хозяйке. Слышал о японце, который палочками ловит мух в полете, сам с восхищением наблюдал за вьетнамцем, жонглирующим в воздухе с помощью палочек мелкой монеткой.

Но вернемся к еде. В Ханое на десерт подают очень вкусные сладкие пирожки из тонкого рисового теста. В конце шестидесятых я в качестве переводчика сопровождал двух наших партчинуш высокого ранга. Один из них после весьма сытного приема пристал ко мне, выспрашивая рецепт этих пирожков для

жены, большой любительницы выпечки. Я долго держался, а потом раскололся. Начинкой для пирожков служила гусеница, такая же, как у нас, ворсистая, нежно-зеленая, только толщиной с большой палец. Хорошо, что дядя сидел у открытого по жаре окна автомобиля, всё меню в обратной очередности украсило метров двадцать мостовой.

Да, я еще ничего не сказал о восточных фруктах. Это особая песня.

Манго, лонган, лиджи (называемое еще глазом дракона за чёрную, как зрачок вьетнамца, косточку в светлой мякоти) и, конечно же, ананас, банан и сотни других, мало или совсем неизвестных у нас. Ананас, почитаемый на Филиппинах как сырье для пряжи, во Вьетнаме великолепен с уткой, тушённой в его соусе с древесными грибами. А вкус клубники со сливками представляете? Так это один к одному мангустан. Рамбутан с колючей, как у ёжика, кожицей – наша спелая вишня. Наверняка пробовали манго, но их, например, в Камбодже более

200 видов и столько же оттенков вкуса.

А о "флямбе", подаваемом в Пном Пене, слышали? Это крупные бананы в сахаре, залитые виски и подожженные до образования стеклянистой корочки. Такое блюдо в пламени не стыдно подать и богам на Олимпе.

Попробуйте сами приготовить, дело немудреное. Ну, и, конечно же, король фруктов – дурьян. Тайцы от него без ума, и просто обязательно угостят вас. Да вот пахнет он… как бы помягче сказать, ну как в отхожем месте дальнего полустанка на задворках Российской империи.

Но если, зажав нос, раз его попробовать, влюбишься на всю жизнь, ибо нет равного ему послевкусья.

Непременным атрибутом ресторанного меню в восточных странах является змея. Памятен связанный с ней ритуал, с которым познакомился в Сайгоне, в плавучем ресторане на набережной. Змею по выбору клиента достают из стоящего тут же вивария и бросают на пол рядом со столом, дразнят, а потом принявшему боевую стойку шипящему аспиду резким ударом остро отточенного ножа сносят голову. Сочащуюся кровь выдавливают в рюмки с водкой, туда же кладут сердце, печень, еще что-то из вспоротого нутра змеи и предлагают выпить за здоровье жён, уверяя, что они будут мужьями очень довольны. Кстати, водку там тоже настаивают на змейке, которая вбирает в себя сивушные масла и придает легкий болотистый привкус свежести.

Змей едят разных. Самого крупного удава размером со слоновий хобот я ел в компании с чудо каким человеком и без

преувеличения гениальным поэтом Евтушенко в Пном Пене, куда он приехал в творческую командировку. Хотел поразить его экзотикой, но на фоне блестящих импровизаций Евгения Александровича она как-то впечатления не произвела. Настоящий пир для желудка и сердца мы устроили на следующий день по сермяжному сценарию: банька, парилка, окрошка, шашлычок ну и, естественно, она, родимая, со льда и со слезой.

Так что не подумайте, что вкуснятина водится только на Востоке. К примеру скажем, будете в Техасе, зайдите в ресторан "У мясника"

("Bucher`s"). Он за углом того дома, с верхнего этажа которого стрелял и убил президента Кеннеди Ли Освальд (а может быть, и не он). В предбаннике ресторана за стойкой стоит мужик с комплекцией нашего Поддубного, за спиной – подвешенные на крюках телячьи туши и объявление "Еще 20 минут назад она мычала".

По указке клиента вырезается шмоть мяса, а дальше сам с усам.

Идёшь к стоящей здесь же печи с решеткой и, натянув перчатки по локоть и фартук до полу, жаришь мясо на открытом огне. Хочешь – с кровью, хочешь – до угольной черноты. К твоим услугам консультант, негр двухметроворостый с белозубой улыбкой, различные соусы, специи, инструментарий. Тут же берёшь запечённую в фольге картофелину размером чуть меньше мяча для регби, переходишь в зал, устраиваешься за столом, на котором тебя уже ждут зеленый салат и свежие овощи.

Посоветовался с сомелье насчет выпивки и ешь не тужи, чрево ублажи.

Там же, в Америке, до ломоты в скулах позавидовал их студентам, попав в столовку Калифорнийского университета. Наш студиозус наелся бы там за один единственный бакс на целый семестр вперед. Причем не забыты здесь мусульмане с их неприятием, Боже упаси, чего-нибудь свиного, евреи с их кошерностью, вегетарианцы со строгой диетой. А меня за уши оттаскивали от запечённых в соевом соусе с шампиньонами мослов с дымящимся костным мозгом и форели в сметане.

Ну, как тут не вспомнить и не отдать должное немецкой голяшке с кислой капустой "вырви глаз", омару в нежнейшем майонезе и эскарго

(то бишь устрицы) в Нормандии, жареным колбаскам длиной чуть не в метр в эльзасском ресторане в Париже. А мясные ломтики в кипящем сыре под веселеньким названием "фондю" в Женеве, а итальянские посиделки в приморском Бари, с обеда до отбоя, с "пастой" десяти видов, жареными анчоусами и ликером

"Дижестиво" для помощи желудку в его тяжелейшей и при том сладострастной работе по перевариванию всего этого деликатессимо?!

Так что истинное удовольствие можно получить и от простого продукта, но, конечно, с "изюминкой". Вот, скажем, застрял я как-то в числе небольшой делегации в аэропорту Орли из-за очередной забастовки французских авиадиспетчеров. Администрация, дабы занять скучающих пассажиров, прислала в зал ожидания несколько огромных корзин с булочками. Кто-то из нас трепетно молвил: "Халява, братцы".

Ну, а дальше масса удовольствия до самой посадки. Булочки с ветчиной, сухой колбаской, рыбой красненькой, пахучим сыром были завернуты каждая в пергаментную бумагу, с пылу с жару, и с хрустящей корочкой. Такого не забудешь.

А еще я помню, как в 50-е годы в портале Елисеевского магазина на

Тверской стояла широченная в кости тётя в синем халате и фартуке не первой свежести, в перчатках без пальчиков и торговала, по-нынешнему коли сказать, хотдогами. Доставала из большого ящика французскую булочку, разрезала вдоль и вкладывала в нее две горячие сочные сосиски. Это была пища богов за пару рублей с изображением родного дедушки Ленина. И, главное, булочки были с хрустящей ко-ро-чкой.

И с такой же корочкой можно было купить булочку с изюмом в расположенной там же рядом Федотовской булочной. Помните, она ещё называлась калорийной и связана была с ней история занимательная.

Владелец булочной и поставщик его императорского двора Федотов был вызван к Николаю Кровавому, и тот сунул его носом в разломленную булочку, в которой оказался запечённый таракан.

Помилуй бог, – воскликнул купец, схватив таракана и проглотив, – это же изюминка, ваше величество. И в подтверждение бросился тотчас в свою пекарню при магазине, засыпал в заготовленную опару сито изюма, и через час сам батюшка-царь с женой своей немецкой

Александрой, чадами и домочадцами, вкушали горячие да румяные калорийки с изюмом да похваливали.

На этой ностальгической ноте ставлю точку. Во-первых, как считал мудрейший Козьма Прутков, нельзя объять необъятное, а во-вторых и последних, если у вас, как у меня, от повествования началось бурное слюноотделение, то бегом на кухню, к столу, тарелочке, ложечке и вилочке. И долой все и всяческие диеты.

Приятного аппетита!

Пословицы и поговорки – суть души народной, так сказать, квинтэссенция жизненного опыта и мудрости, приправленная почти всегда доброй порцией здорового юмора, как специями в умело и от души приготовленном блюде. Истинное удовольствие доставляет испить из этого кладезя, а услышав в разговоре с умным человеком, никогда не уходишь с чувством не солоно хлебавши. Вот и эта поговорка пошла со времён, когда соль на Руси была редкой приправой и подавалась лишь к княжескому столу, остальные едоки ели несолоно. Сравним на немногих примерах наше достояние с английским.

Так, в нашей поговорке "как капля в море" чувствуется широта и размах русской натуры, англичанам фантазии хватило лишь на кадушку, в которой капля тоже, конечно, величина малая. Нам досадно, когда портят бочку меда ложкой дёгтя, им – когда муха в рюмке бальзама попадётся. Мы коротышку успокаиваем тем, что мал золотник, да дорог, они – что в мелком теле часто таится великая душа, правда, наши братья-украинцы считают, что "хай дурне, абы велыкий", то есть высокий. Наша буря в стакане воды в Англии может разразиться, естественно, только в чашке чая, нам важна ложка к обеду, для англичанина представить отсутствие на накрытом столе прибора немыслимо, поэтому проколом считается забытая горчица.

С трудом представляешь пьяного, как лорд, англичанина, нам легче надраться, как извозчик, а если надо подчеркнуть разницу, то у нас одно на другое похоже, как гвоздь на панихиду, там прагматичнее – как мел на сыр. У нас схожее "как две капли воды", англичанину в голову приходят две горошины, роль нашего мартовского кота, который шалеет по весне, исполняет тоже мартовский, но заяц. Бледный, как смерть, ассоциируется в их воображении с обязательным атрибутом замка, приведением, а худой, как щепка, – с граблями. Чувство комфортности, передаваемое поговоркой "Кататься как сыр в масле", выражается тоже представимо – "уютно, как клопу в ковре".

У нас краткость – сестра таланта, там, по Шекспиру, – душа остроумия, не совсем к селу их осторожный совет не класть яйца в одну корзину, ведь у нас кто не рискует, не пьет шампанского и вообще бояться – в лес не ходить. Просто и ясно звучит "На всех не угодить", англичане же намудрили по-чёрному: "Тот, кто всем угождал, умер раньше, чем родился на свет". В пословице "Фамильярность порождает презрение" так и чувствуется английский снобизм, нам не свойственный, а наша, чуть

грубоватая пословица "Кто поздно пришёл, тому обглоданный мосол" в Англии аналогична по-светски элегантной

"Кто первым пришёл, тому первому и подали".

Очень разумно английское наблюдение "Если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, сделай его сам" и совет продержать вещь семь лет, тогда сумеешь найти ей применение. Не знаю, чем вызвано такое отношение в Англии к морским пехотинцам, но там отсылают к ним, а не как у нас к бабушке, сказки рассказывать и лапшу на уши вешать.

Притом не советуют учить свою бабушку, как высасывать яйца. У нас в подобной ситуации говорят "не учи учёного" или "не лохматьте мою бабушку".

В России, как известно, можно родиться в рубашке, в

Великобритании же – с серебряной ложечкой во рту, мы иногда покупаем кота в мешке, они свинью, роль нашего рака, от которого ждут, что он когда-нибудь свистнет, также поручена свиньям, которые всё никак не полетят. Мы откладываем про черный день, они – дождливый, мы сдуру едем в Тулу со своим самоваром, они – с углем в Ньюкасл, мы из двух зол по бедности выбираем меньшее, они вообще отметают выбор в столь жёстких условиях. И, признаюсь, просто влюблён в английскую сентенцию "Живи и давай жить другим!". Нам бы проникнуться этой прямо библейской жизненной философией.

Хочу еще немного злоупотребить вашим вниманием и привлечь его к франко-русским аналогиям. Так, если у нас кашу маслом не испортишь, то у французов более широко – "избыток никому не в тягость", наш кулик своё болото хвалит, у них каждая птичка – свое милое гнёздышко. Французская поговорка "На войне как на войне" русским так пришлась по нраву, что сделалась своей, а "В здоровом теле – здоровый дух" стал в своё время официальным девизом почившего в бозе

ДОСААФа. "Кто не работает, тот не ест" явно занесена на беду нашу вместе с лозунгом "свобода, равенство и братство".

У них плохому работнику мешают вы думаете что? Правильно, инструменты, а до танцора они не додумались, всё больше о любви размышляют. Она и слепа, и все возрасты ей покорны, любовь и смерть преград не знают, от любви, что от болезни, теряют сон и аппетит, сердцу не прикажешь и, конечно, чего хочет женщина, хочет

Бог…чувствуете, кое-что и мы, слава Богу, позаимствовали. Аналогом нашей несколько фривольной поговорке "На безрыбье и сам раком станешь" служит "В царстве слепых и король кривой". Им же принадлежит и высказывание "Народ заслуживает того правителя, которого имеет", правда, у нас к этому привычно

добавляют "и который нас имеет". Такая вот специфика.

Интересно, что если у нас голь на выдумки хитра, то во Франции

"нужда и бабушку (опять бедная бабушка!) заставит рысью бегать".

Нашу поговорку "Милые бранятся, только тешатся" я бы дополнил французской "Удовольствие в семейной ссоре в возможности помириться". Очень мудро ими замечено: "Распустил сопли – воспользуйся платком". Наш Жванецкий тоже эту мысль (помните?) нащупал: "Испортил воздух, не стой в этом, выйди".

А вот как чисто по-французски переиначена наша пословица "Взялся за гуж, не говори, что не дюж" – "Коль достал винцо – надо пить".

Замените винцо на водочку и чем не наше? А вообще-то много у нас общего в словесном фольклоре, видно, сказывается традиционное культурное тяготение. И у нас, и у них друзья наших друзей – наши друзья, только у французов ещё и враги наших врагов – наши друзья, наше "Чужое добро впрок нейдет" у них звучит как "От дьявола пришло, к дьяволу и ушло", у нас спасибом сыт не будешь, у них почти калька с этого: "Даже большим мерси кошелёк не наполнишь".

И завершаем мы дела одинаково – "Конец – делу венец" или по-французски: "La fin couronne l'oeuvre".

Приметы

Намедни пропускаю женщину у выхода из метро вперед, а она мне:

"Мужчина, позвольте вас со спины обойти, а то у меня кошёлка пустая, дурная примета". Я удивился: "Так это же к вёдрам относится да к попу". "Нет, – говорит дама, – я сама деревенская, знаю, что там вёдра, поп и дева непорочная, а здесь, в городе, ничего этого нет, так что взамен пустая сумка срабатывает".

И подумал я – крепко ещё сидит в человеке вера в приметы, даже я, москвич в пятом колене, не напрягаясь, с полсотни наберу. Первым моим учителем в этом деле была бабушка Марфа, к которой пацаном ходил с нашей дачи под Питером за парным молоком. У неё на каждый случай была своя примета. От нее и узнал, что сплёвывать надо только через левое плечо, потому как за ним дьявол маячит, а за правым – ангел-хранитель стоит.

Чёрта вспоминать – к себе звать, а ногами под лавкой качать – чёрта тешить. Обознаться – к свадьбе, варежку потерять, зеркало разбить, соль просыпать – не к добру. Урожай рябины – к худому году, паук – к добрым вестям, дым прямым столбом – к вёдру, лягушки квакают – к грозе, ласточки низко парят – к сырой погоде, локоть чесать – на новом месте спать, собачий вой – на вечный покой.

Вообще-то баба Марфа слыла на селе ведьмой, но доброй и уважаемой, а ещё отменной знахаркой. Так что к ней народу, почитай, больше ходило со своими болячками, чем в построенную ещё барином кирпичную поликлинику (по-местному полуклинику). Барина тоже добром поминали, хоть и пустили ему в семнадцатом году "красного петуха" по указке "большаков" из Питера. Навсегда остался в памяти духмяный аромат её хатёнки, а горница, так вся была в травах. Над дверью из бревенчатых щелей свисала омела, как я потом узнал, от воров, и пришпиленная гвоздиком чесночная косичка – это от всякой нечисти. У порога лежал топор, которым была зарублена змея, – это от всех тёмных сил разом.

Стол всегда был завален охапками трав и полевых цветов, собранных в надлежащее время и в надлежащем месте. И у каждого стебелька своё предназначение. Зверобой, крапива, "мать и мачеха" – это от злых чар и бесовской силы, укроп ведьм отпугивает, чертополох – чертей, душица чистит лёгкие и кровь. Отдельной горочкой лежали цветики для приворотов, то есть для любовной магии. В приворотные зелья шли листья папоротника, жасмин, анютины глазки, валерьяна, даже латук.

Как ни странно, возбудителем любовных чувств баба Марфа считала и морковь, как я сейчас думаю, из-за фаллической формы этого овоща.

Как-то провела она меня в свой сад за хатой, утопающий в цветах, и про каждый цветочек что-то ласковое сказала об их языке. Всё уж не помню, но вот навскидку: вишня – чистота, красная гвоздика – страсть, жёлтая – печаль; боярышник – надежда, незабудка – на помин, магнолия – я вас хочу, мимоза – я вас стесняюсь, колокольчик – больно вы болтливы, нарцисс – мне на вас…, фиалка – скромность, ландыш – возвращение любви, пион – стыд и срам. А ещё помню совет бабы Марфы – при посадке плодового дерева плюнуть посмачнее в вырытую яму, тогда выращенные плоды будут лечебными и бороться с болезнями, которые саженец распознает в слюне.

А пока по саду гуляли с просветительной беседой, узнал я, что коли еду со стола ненароком уронил, так это духи себе забрали.

Собачке или кошечке отдать можно, а уж себе в рот ни-ни, ибо духов домашних обидишь. Ключи от дома и хозяйства, вернувшись, положить надо аккуратненько на привычное место, а бросать небрежно нельзя ни в коем случае – дом чужим отдашь. Свистунов из дома вон, это язык мира потустороннего, а здесь хозяйство и мошну разоряет. Ассигнацию денежную мять не след, она неуважения к себе не терпит. Нищему подавая, сказать надо "Ради Христа", т. е. духам добрым даю, а те воздадут сторицей.

Ещё я в детстве в той же деревне, стоя в очереди в сельпо, прознал, что не каждую обронённую кем-то монетку подбирать можно.

Коли орлом кверху – не поленись, возьми, а коли решкой – ни боже мой, несчастье накличешь. Вот купец на Руси, кто похитрей, нарочно перед своей лавкой перед первой порошей монетки рассыпал, а по весне, как снег сойдёт, сам счастливые и подбирал.

Это всё в деревне каждый знает. А в городе, присмотритесь да прислушайтесь, тоже везде приметы в ходу, хоть смысл многих и потерян. Чёрный кот дорогу перешёл – толпа собралась, никто первым шагнуть не решается, а всего и делов-то, поверни бейсболку задом наперёд, если без кепочки, крутани пуговицу, сплюнь через плечо

(левое) и иди без боязни.

А вот белая кошечка приносит удачу и, слышал, у хозяюшки её никогда не переведутся любовники. Вообще-то, кошки многими дарами обладают. И немудрено, они же, задумайтесь на минутку, появились на

Земле 10 миллионов лет назад, и древние египтяне их как богов почитали. И посейчас хворь из хозяев изгоняют, ясновидением владеют и беды разные предрекают, смерть близкого человека предчувствуют.

Но опасаться всё же чёрного кота следует, хоть англичане и французы и заводят такого кота себе на счастье. Ведь по нашему поверью он слуга дьявола и пособник нечистой силы. Говорят, если перепрыгнет через покойника, тот упырём станет. Ох, не зря на Руси исстари лучшим оберегом была косточка чёрного кота, изловленного в полночь 13-го числа.

Число 13, конечно, особое, для иных пострашнее дьявольских трёх шестёрок. В 13-й номер гостиницы не каждый поселится, а, кстати, в

Англии даже в иных крупных отелях такого номера попросту нет, а на теплоходах и кают таких и вовсе не бывает. Наполеон на тринадцатое число никаких сражений не намечал, а на каждое сражение счастливую монетку с собой захватывал, Бисмарк ни одной мало-мальски важной бумаги в этот день не подписывал.

Правда, в Болгарии как раз это число считается счастливым, а в

Китае "чёрными" числами почитают четвёрку и девятку по созвучию их иероглифов со словом "смерть". А ещё у них пятёрка – противное число, знак адской силы. Отсюда и отношение людей знающих к пентаклю, сиречь столь любимой большевиками звезде. Не зря же принята была в качестве символа Красной армии на заседании реввоенсовета, а там почитай все члены – евреи по национальности, они в нумерологии хорошо разбирались.

Ну а сочетание "пятница тринадцатое" – это вообще полный кошмар.

А спросим себя, откуда такое? Да всё из исторических глубин выковыривается. В пятницу старший сын Адама и Евы Каин замочил младшенького Авеля. Потом, кстати, благополучно женился непонятно на ком. Дарвин, правда, догадался. А мы все от этой пары произошли и, видно, отголоски этой истории на генетическом уровне сохранили. А число тринадцать нумерологи считают простейшим числом, нестабильным.

Вот оно и вихляет от плохого к хорошему. Притом доподлинно известно, что чёрт на ведьмин шабаш являлся всегда тринадцатым, потому и следующее за дюжиной число до сих пор обзывают чёртовой дюжиной.

Ну да чёрт с ней, с историей, вернёмся в наши дни. Кстати, вернулся домой с полпути, непременно перед повторным выходом надо в зеркало глянуть, а то беда. При покойнике же зеркало занавешивают, дабы почившего в бозе не испугать, коли глянет и себя не узрит, а горсть земли в могилу бросают, чтобы покойник не беспокоил. Тот же тринадцатый за столом не ко двору, зато сядешь меж тёзками – счастье на год, а вот за край стола – три года без взаимности. Нельзя назвать сына по отцу – один из них до срока Богу душу отдаст.

Помнится забавный случай при переезде моей семьи на новую квартиру в конце Ленинского проспекта. Все ухохатывались, пересказывая историю, как бабуся- божий одуванчик, приехавшая на новоселье в семью дочки, зашла к соседям познакомиться и выпустила к ним из передника стайку тараканов, рыжих русаков. Новосёлы были, конечно, на грани обморока, а ведь бабушка совершила этот террористический акт от чистого сердца. Ведь по древнему поверью, кто первым перешагнёт порог нового дома, тот и в иной мир переселится первым. Обычно запускали в дом кошку или петуха. Ну а тут бабушка маленько припоздилась, да и кошку уже использовала для дочкиной квартиры, только тараканы, привезённые из

деревни на пожарный случай, и оставались.

Да, хочу сказать ещё пару слов об упомянутом уже зеркале. Больно много вкруг него таинства и примет разных бытует. У нас на святки, а у англичан, к примеру, на день святой то ли Аглаи, то ли Ангелики девушки на суженого с помощью зеркала гадают и по сию пору, раньше на Руси в свадебный ритуал входило смотрение жениха и невесты одновременно в одно зеркальце с загадыванием желания. Каждый знает, что разбить зеркало – не к добру, а вот что делать, коль случился такой грех, – не каждый. А надо так осколки собрать, чтобы в них не дай бог не отразиться, ну т. е. отворотясь в совок их и сразу в мусорное ведро. А с пиететом к зеркалу относиться следует, потому как оно может служить порталом в потусторонний мир и воздействовать, худо ли, хорошо ли, на всякого в него смотрящего.

Тибетские монахи смотрение в зеркало называют "возвращением к себе" и считают, что в нём можно углядеть свои прежние грешные деяния, раскрутить память рода и узреть предков своих. Повесишь зеркало в столовой – к достатку, а в опочивальню ни боже мой – будет навивать кошмары во сне, а кое-какие могут и сбыться. Так что в зеркало надо всегда смотреть с улыбкой на лице и хорошими чувствами к себе любимому.

Вот и девицам-красавицам посоветую выбривать межбровье – это зона катализатора радужных надежд. А при выборе жениха отдавать предпочтение тому, у кого ноздри круглые, а не щелевидные – это верный признак широты душевной, доброты и любвеобильности. Правда, сии приметы уже из области физиогномики, науки, на пару с хиромантией позволяющей по форме черепушки, глаз, ушей, носа, родимых пятен довольно точно определять характер человека, его предназначение в жизни и судьбу.

До отъезда родственника квартиру подмести, мусор вынести – ни-ни, дорогу перебьёшь, гостю дорогому через порог руку подашь – от дома отвадишь. И осколки посуды после бурного застолья можно выносить по той же причине лишь после ухода последнего гостя. Добрая хозяйка всякую посуду прикрывает, чтобы бес не вселился, а щербатую посуду не держит – это к несчастью. Пуговицу на живом теле пришивать не будет – память пришьёшь, чёрных глаз, особенно на лицах кавказской национальности, избегает – сглазу опасается. А вот немногие помнят, что трубочиста или еврея встретить – к удаче, так что жаль, что первые вымерли как класс, а вторые поуехали на свою землю обетованную или куда поближе да и подальше. Встал с постели с левой ноги, через порог дома переступил ей же – жди

неприятностей, сын на мать, а дочь на отца похожи – опять к счастью.

А ещё, как известно, соль подавая, смеяться следует, не то поссоришься. Напомню и то, что по голове сынишку бить никак нельзя, подзатыльником загвоздишь память, а поешь не закрыв книгу – память заешь. Поругаться – самое милое дело, стало быть сердце отвести, подраться – душу вытрясти. Наступили на ногу, наступи в свою очередь

– а то к ссоре. Случайное чихание – кто-то о вас хорошо отозвался, повторное – обругал кто-то непотребно, а больной чихнёт – идёт на поправку. Горят уши – кто-то думает о вас: правое – мать, левое – возлюбленный. В деловом разговоре собеседник пальцы рук скрестил – списать благосклонность судьбы хочет либо право получить на нарушение клятвы или договора. Ну а после подписания договора всенепременно надо запить чем-либо или закусить хоть печенюшкой какой, чтобы духовный лад материей закрепить.

Задумался над проблемой какой-то – представь мысленно себя в окружность либо шар заключённым, глядишь, решение само собой и проклюнется. Недаром же Мыслитель Родена – совершенно окружная, т. е. замкнутая прямая. И ещё это – защита надёжная от сглаза или чёрного наговора, так что чаще представляй себя в в металлическом цилиндре, скажем для простоты, в бочке. А то ещё на сон грядущий продумай тщательно каждый элемент задачи в отдельности, а проснёшься, как Менделеев, с задачей решённой и с шёпотом на устах

"Эврика!".

Почитай, каждому известно, что как встретишь Новый год, таким он и пойдёт. В моей семье в это твёрдо поверили после того, как, открывая новогоднее шампанское, отец ненароком угодил пробкой (слава богу, тогда ещё были они натуральные) в лоб моей любимой бабушке

Ане, которая ему приходилась по стечению обстоятельств тёщей. Притом брызги шампанского достигли и её жабо парадного антикварного платья.

О последствиях для него не буду и говорить. Посоветую только проводить новогодье в самом узком кругу семьи и тщательно продумывать, с кем и в чём сесть за стол.

Икона упадёт, птица в форточку залетит – к покойнику, ключи забыли на столе – опять к ссоре. Мураши в доме к счастью, одел трусы наизнанку – битым быть. Правая ладонь зудит – получать, левая – отдавать, губы зудят – к поцелуям, а бровь чешется – к свиданию, к слезам. В носу свербит – к радостной вести, в правом ухе – добрый помин, в левом – к худой вести,

локоть – к горю, правый глаз – к смеху, левый – к слезам.

Подошва зачесалась – к дороге, отрыжка – душа с Богом беседует, ресница выпадет – к подарку. А вот кончик носа зачешется – скоро в рюмку смотреть, ладошка зачесалась – к деньгам, затылок (вы уж извините) – к бане. Грешно обувать левую ногу наперёд правой, а плевать на воду – что матери в глаза. Кто во время зевоты рот не перекрестит – тому рот перекосит. Если у дитятко "бо-бо" зачесалось

– к выздоровлению, чаще всего мгновенному.

В армии наш солдат знает, что не принято от одного огонька троим прикуривать. И объяснение вроде рациональное есть. Мол, во время войны на первом бойце вражеский снайпер засекал направление, на втором – прицеливался, а на третьем стрелял. А вот почему в Японии по примете не принято фотографировать вместе троих, не знаю. Давно не встречал японцев, а то бы поинтересовался. Не могу также сказать, откуда появилась среди студентов легенда, что в Москве на станции метро "Площадь революции" если потереть сидящей там при пограничнике собаке бронзовый нос, ставший уже золотистым от трения, то непременно сдашь зачёт, а если лапу, то и экзамен. Судя по золотисто сияющим и другим частям собачьего тела, любознательный студент старается на всякий случай потереть и их.

Много примет у артистов, можно сказать, вся жизнь их богемная ими опутана. У театральных актёров боже упаси сценарий уронить – ждёт провал спектакля. А коль уж уронил, тут же задом своим припечатай, да ещё поёрзай – тогда, может, пронесёт. В том смысле, что спектакль пройдёт с успехом. Насвистывать или лузгать семечки перед спектаклем

– к провалу. Не дай бог перед спектаклем пожелать кому-то успеха, только "ни пуха, ни пера", а доброжелателя непременно надо послать, сплюнув трижды через плечо, к чёрту. Из уважения к дебютанту дарят ему кроличью лапку для наложения грима. Считается, что кролики рождаются с открытыми глазками и отваживают нечистую силу. Кстати, с той же целью англичане кладут кроличью лапку в коляску своего дитяти.

Если используются по ходу пьесы цветы, то обязательно искусственные. Глянувший в гримёрке через плечо актёра в его зеркало рискует получить по мордасям. Боже упаси зеркало разбить – все помнят, что случился такой грех с великим балетмейстером Мариусом

Петипа, и это был его последний балет. В гроб лечь по сценарию, изображая покойника, так лучше уж самому повеситься – каждый актёришка вам расскажет про напасти, которые после

этого обрушиваются на нарушившего примету.

Вот пришла на память ещё одна примета, пренеприятнейшая. Я в своё время проскочил, с шиком отметив своё сорокалетие. Видно, потому, что о ней, примете этой, не знал, не ведал. Да и знал бы, всё равно отпраздновал. Ну а как же? Ведь это как пропустить 40 дней по покойнику, да и друзья не простят… Вот много известных миру нашему людей и поплатились, царствие им небесное. Так что, хотите испытать судьбу, бог вам судья, а я вам всё же не советовал бы. Да, ещё нельзя день рождения отмечать заранее – можно не дожить до следующего. Ну и уж, кстати, скажу, что, по народному поверью, у детей тяжёлый и опасный год жизни – опять-таки тринадцатый, у женщин

(не знаю, почему) 53-й, а у мужиков – 55-й (знаю, почему – противостояние их звезды ужасной планете Уран).

Ну да ладно, вернёмся к приметам без могильного оттенка. Вот в каждой, почитай, семье знают, нос чешется – в рюмку глядеть, друг по мобильнику не узнал – ура, богатым буду, нож уронили – жди мужика, ложку – не приведи господь, тёщу. Все поголовно стучат по дереву, чтобы чего-нибудь, тьфу-тьфу, не сглазить, нет рядом ничего деревянного, сойдет собственная головешка.

Надо сказать, что многие приметы я воспринял от родной бабушки по материнской линии, Анны Алексеевны, которая, несмотря на светское образование, полученное ею в пансионе благородных девиц, относилась к ним со всей серьёзностью. И посейчас словно слышу порой её голос -

"Не свисти – чёрта призовёшь, деньги потеряешь". От неё же слышал, что в древности чёрта матерной бранью отваживали, что три свечи зажигать нельзя – к покойнику. А вот если донести зажжённую свечу из церкви до дома, то на год дольше проживёшь. Она меня в тайне от родителей и крестила, и уважение к вере привила в те безбожные времена, за что я ей искренне благодарен. Царствие ей небесное.

А ещё, напоследок скажу, что верю в проклятие и сглаз. А как ещё объяснить, что почитай все американские президенты или погибли, или чудом избежали смерти, как не проклятием индейских шаманов? А наши

Рюриковичи, проклятые на скопище волхвами? Все ведь сгинули, и сам род Рюриковичей закончился на Николае II, как и предсказал обладавший даром ясновидения Павел I. Кстати, и день свой убиения знал он заранее, да ничего поделать не смог. Ну а в сглаз как не верить, когда вам каждая бабушка тысячу примеров оного приведёт.

Так что тянем мы с дремотных языческих времен многие

поверья, порой удивляясь – и откуда это в нас? А новые времена – новые нравы.

И вот уже свежатинка появилась: танец маленьких лебедей по телеку – к путчу, зарплата на понедельник пришлась – три месяца не будет, громкие деньги – к Матросской тишине. Призывают хранить деньги в банке – складывай заначку в банку из-под маринованных огурцов, разговоры о резком укреплении рубля – к дефолту, пенсию увеличили на

2% – жди инфляцию на 20%, включили в доме отопление – к оттепели, отключили – к заморозкам, автомобиль не застраховал – позолоти ручку гаишнику.

Так что держите глаза открытыми и ушки на макушке, а то вдруг поп или баба с пустыми вёдрами ненароком вам дорогу перейдет. И напоследок совет – перед выходом из дома гляньте в зеркало, глаза в глаза, и скажите, хоть про себя: "Ангел мой, пойдем со мной, ты вперед, я за тобой". Здорово помогает, а не поможет, я не виноват, поверье, знаете ли. Ну а если серьёзно, то чтобы не затеряться в лабиринте судьбы, приглядывайтесь к её знакам, оне и суть приметы.

Щука и т русики

В детстве жил я в Брюсовском переулке, что выходит на Тверскую, тогда ещё улицу имени пролетарского писателя Горького, если идти к

Кремлю, то в арку первый дом направо. До революции, или как теперь принято говорить, до Октябрьского переворота, был этот импозантный дом фешенебельной гостиницей, кажется, под названием "Белый медведь" и стоял рядышком с домом генерал-губернатора Москвы, теперешним

Моссоветом. В 30-е годы прошлого столетия поставили его на рельсы да и передвинули в переулок, который переименовали в улицу Неждановой после строительства там Дома композиторов. А сам дом в духе того времени переделали в коммуналку, разделив бывшие просторные номера на клетушки.

Моссовет-то тоже передвинули в соответствии со сталинским планом перестройки Тверской, только его на 20 метров, а наш дом аж на 35, причём жители переезжали даже не выходя из дома, правда, и скорость была, конечно, небольшая. Такая судьба была уготована ещё нескольким домам на Тверской-Ямской, а остальные, среди которых, говорят, были изумительные шедевры

русской архитектуры, пошли на слом как отрыжка ненавистного Сталину буржуазного режима.

Дом генерал-губернатора был на два этажа ниже (это уж потом его надстроили), а вошёл в историю тем, что был продан заезжему англичанину при живом хозяине. Какой-то мошенник втёрся в доверие к губернатору и попросил показать заморскому гостю его усадьбу, выступив переводчиком с английского, ибо тот, кроме французского, другими языками не владел, за что и поплатился. Ханурик оформил купчую на англичанина, заверив её в юридической конторе через дорогу, просуществовавшей ровно один день, взял денежки и тю-тю, был таков.

Представьте теперь удивление губернатора, когда ему доложили о прибытии обоза с пожитками англичанина, намеревающегося вступить во владение своего недвижимого имущества. Ну, об этом подробнее вы можете прочесть в книге Гиляровского "Москва и москвичи", а вот о моём доме там ни слова, даже обидно. А в этом доме и прожил я всё своё раннее детство, ибо родители были в долговременной командировке на о. Сахалин, а я был оставлен на попечение бабушки. Дело было привычное, так как и до этого, буквально с рождения, я был на её руках – родители воевали. Мать, отлучившись с фронта ненадолго, родила меня в Москве и, бросив на бабушку, вернулась довоёвывать

(шёл 1944 год-предвестник победы), а после победы родители задержались в Берлине наводить там порядок.

Так что и воспитание самое раннее и несколько, я бы сказал, специфическое, я получил от бабушки. Вы поймёте, что я имею в виду, если сказать, что она была урождённой графиней Котляревской (тогда это было страшной семейной тайной) и выпускницей пансиона благородных девиц (это не было тайной, но наложило отпечаток на её характер).

Воспитание моё было также благородным, по крайней мере самым суровым порицанием, которое я слышал из её уст, было "Fi, donc" и

"Это моветон, голубчик". Правда, в крайнем случае она позволяла себе слегка потрепать меня за ухо, но только за правое. Сейчас объясню, почему. Левое ухо у меня слегка приплюснутое, и я по простоте душевной считал, что отлежал его в животе у матери. Но бабушка как-то сказала, что это генетический знак рода Котляревских, точно такое ухо было у моего прадедушки, её папы.

Вот, кстати к вопросу воспитания, всплыл в памяти такой эпизод.

Были мы с ней в продовольственном магазине, что от нас

через

Тверскую и ближе к Красной площади. Тогда магазины кишели народом в нескольких очередях, а потому я был оставлен у так называемого стола покупателя, где этот покупатель раскладывал добытые в тяжёлой борьбе продукты по авоськам. Чтоб не было скучно, мне было обещано пирожное

"картошка", любимое бабушкой, а, следовательно, и мной.

И тут какой-то мужик бросил на стол что-то упакованное в плотную бумагу и бросился к своему месту в другой очереди. А я заметил, что пакет начал как-то нервно подрагивать, а потом и вовсе развернулся с одного края. И… в прорехе появилась щучья голова, открылась страшная пасть, а глаза-бусинки зло уставились на меня. Не знаю, что заставило меня сделать это, но я сунул в эту пасть свой палец. Бац и пасть захлопнулась, а острые зубки, растущие у щуки внутрь, впились в мою плоть.

От боли слёзы брызнули из моих глаз, но я не проронил ни звука.

Ну как же, блажить в общественном месте – это моветон. Благо как раз подсуетился покупатель щуки с новым приобретением в руках и с криком

"Чей ребёнок?!!" долбанул сим приобретением, оказавшимся твёрдым

(наверно, сыр "Рокфор"), щуке по затылку. Та от удивления открыла пасть, и мой палец оказался на свободе. Тут появилась и бабушка со словами благодарности для спасшего меня мужика и батистовым платочком для моего изрядно поцарапанного пальчика. При разборе ситуации дома она пришла к выводу, что вёл я себя достойно.

Будучи заядлой театралкой, попыталась бабушка приобщить и меня к театральной культуре. Правда кончилось это страшным конфузом. А дело вот в чём. В какой театр мы пришли, я уж и не помню, но точно, что давали оперу Римского-Корсакова "Золотой петушок". И на сцену вывели лошадей, одна из которых обмишурилась и навалила кучу. Как раз выходит великий тенор Козловский петь арию Звездочёта, которая начинается словами "Царь премудрый, это я!". Что он и делает, стоя прямо над кучей. Публика чуть не подохла, кое-кого пришлось выносить из зала в полуобморочном состоянии. Больше я в театре с бабушкой ни разу в жизни не бывал.

А вот как-то шёл я с ней по той же Тверской в сторону Пушкинской площади. Кстати, от той же бабушки я знал, что когда-то Пушкинская была Страстной, а на ней стоял Страстной монастырь. И ещё я знал, что в монастыре этом был отслужен первый молебен по случаю изгнания из Москвы французов в 1812

году и что красоты он был необычайной и что разрушили его к большому бабушкиному сожалению. Естественно, я полагал, что разрушили его гады французы и только много позже услышал от бабушки же да на ушко, да под страшным секретом, что разрушители-то – "большевички" (так она их по старой памяти называла).

Да, так вот, идём чинно-благородно по всё той же Тверской, держусь я за бабушкину ручку, беседуем о чём-то тихохонько. Вдруг вижу, впереди идущая моложавая гражданка, вся из себя расфуфыренная и в каракулевой шубке, какие-то странные вращательные движения вытворяет в области таза. И тут, батюшки святы, выскальзывают из-под шубейки трусики, маленькие такие, жуть какого благородного малинового цвета. Трусики на асфальт, а дама дальше чешет, как ни в чём не бывало, даже не оглянулась.

Как вы уже поняли, я был воспитан бабушкой в духе политеса и трепетного уважения к женщине. Посему, окрылённый желанием услужить, я шустро трусики эти подхватил и с криком "Вы потеряли!" засеменил за дамочкой. Вот тут уж она оглянулась с ужасом в глазах да как припустит, подобрав полы шубы. Я, вестимо, за ней, да куда там с моими ножками-коротышками, так и не догнал. Стою расстроенный аж до слёз на глазах, да ёщё прохожие по непонятной для меня причине вокруг хохочут-заливаются.

Тут и бабуля моя подошла, брезгливо, двумя пальчиками взяла из моих рук трусики и опустила в близстоящую чугунную урну. Потом повернулась ко мне, погрозила пальцем и строго сказала: "Экий ты, братец, неуклюжий. Запомни, мон шер, не всё, что из женщины выпадает, надо тут же поднимать, может, это так и задумано было или резиночка где-то источилась". Согласитесь, мудрое наблюдение. Уж сколько лет прошло, а всё помню.

Как и помню бабушкин наказ никогда не ходить на перекрёсток

Покровки и Чистопрудного бульвара – нечистое место. Какие же пруды чистые, – говаривала бабушка, – коли прозывались по-старому

"Поганые"? А когда стали строить телецентр, она пришла в ужас. Как же так?! – бурчала она, – Ведь это же Останкино, туда раньше останки свозили умерших нехорошей смертью людей! Ох, не быть телевидению чистым… А ведь как в воду смотрела.

Друг человека

Ну, хоть убейте, не верю я Павлову, который физиолог, насчёт его собачьих рефлексов. Уверен, любая собачка обладает своим умом-разумом, а по силе своих чувств нисколь человеку не уступает. И не на пустом месте я разглагольствую, опыт долговременного общения с первым другом человека имею. Сколько себя помню, в семье всегда была собака. От первой, немецкой овчарки по кличке Ганс, жившей в семье в послевоенные годы и щенком привезённой отцом в качестве единственного победного трофея из Германии, остались только смутные детские воспоминания. Всплывают в памяти добрые глаза Гансика да как он тянет меня по снежному скверу в санной упряжке и всё норовит лизнуть в замёрзший нос.

А уж вторая наша любимица по породе боксёр, крупная девочка килограмм под шестьдесят, с богатой родословной и по имени Бэлла, и по сю пору вспоминается как безвременно ушедший член семьи.

Вообще-то она была записана Беллой, но как-то само собой получилось, что в силу её исключительной интеллигентности "е" в имени перешло в

"э", что добавило ей вальяжности. Была она вся огненно рыжей, только грудь снежно-белая да от задорно вздёрнутого носа по лбу, как у

Горбачёва, белесое пятно, отчего и имя своё получила. Нрава лёгкого, с наивной хитринкой в характере, чистюля, а уж разумница какая… В квартиру с улицы не войдёт, пока лапы особой тряпочкой не вытрут.

Сознавала себя красавицей и при любом удобном случае несла и в руку совала жёсткую щётку, чтобы ей шёрстку вычесали.

Все полагающиеся собачьи команды Бэлла стала понимать с детства без всякой дрессуры, а, превратившись в вальяжную даму, и вовсе изучила самостоятельно слов двадцать. Услужить, принеся по нашей просьбе тапочки, газету, очки, портфель, для неё было радостью и средством выразить нам, членам своей стаи, любовь и уважение. Если газетка при этом оказывалась немного слюнявой, а дужка очков – чуть погнутой, делали вид, что не замечаем, всё же рук-то не было, попробуйте сами ртом всё делать. А посмотрели бы, с какой гордостью и грацией несла она на улице хозяйственные сумки, строго выдерживая подобающую дистанцию у правой ноги хозяйки, моей мамы. Правда, не всегда было ясно, кто кого сопровождает.

Особо уважала бабушку, видимо, за то, что та была дворянских кровей и со времени пансиона для благородных девиц не утратила подчёркнутого благородства в общении. Уж какие

только они меж собой реверансы не выделывали, по утрам чинно приветствуя друг друга и уступая дорогу. Появилась у неё и весёлая подружка, зелёная синица по имени Питютя, уж и не помню, каким макаром поселившаяся в семье.

Та была нахалкой, особенно с Бэллой не церемонилась, без зазрения совести могла забраться с ногами в её миску, а ещё любила разъезжать по квартире сидя на Бэллином носу и на всех чирикая.

В память об этой птичке мать на старости лет завела попугайчика, нравом похожего на Питютю, да ещё и говорящего, я бы даже сказал болтающего без умолку. Наречён он был, как нетрудно догадаться, тоже

Питютей, имел персональный радиоприёмничек у клетки, а потому всегда был в курсе событий в стране и повторял новости пулемётной скороговоркой мамане.

Была у него и подружка, Мика, которую он по-хулигански окликал

"Мика-дура", себя, в отличие от других попугаев, никогда не называя

"Попка-дурак". Мика была совершенно удивительной кошкой. Достаточно, сказать, что вопреки всем законам животного мира, она трижды пыталась в какой-то обиде на мать покончить жизнь самоубийством, прыгая с балкона третьего этажа на стоящее во дворе дерево.

Кроме Питюти и матери, она никого не любила и при гостях забивалась под диван. Исключение она почему-то сделала только для меня, и когда я появлялся у мамы, принимала интимные позы и ластилась ко мне, мурлыкая такое, что вгоняло меня в краску. Жену мою сразу возненавидела и по-женски учиняла ей всякие пакости.

Оставленная однажды на время маминого отъезда в нашей квартире, она собрала в кучу атрибуты её нижнего белья и демонстративно описала.

А вот у Бэллы было много хороших друзей, особенно прославилась она в нашей округе тем, что очень чётко, по человечьи выговаривала слово "ма-ма". Как и все боксёры, она почти не лаяла, а вот зевая, производила звук, похожий на протяжное "ма". Добиться удвоения слога и превращения его в "маму" оказалось проще пареной репы, и получилась наша собака говорящей. Правда, пользовалась она этим обращением в общении со всеми, без различия пола и возраста.

Случилось как-то, зашла старушка-странница к нам за милостынью (в то время это ещё водилось). Пока мелочь и хлебушко искали, Бэлла к матери подошла то ли есть попросить,

то ли погулять предложить, ну, и мамкнула привычно. А бабуся тут как заверещит "Свят, свят, свят, изыди, Сатана" и бух в обморок, а как нашатыркой отпоили, так юбки подобрала да шасть от нас с причитаниями. Ну, всех прямо очень напугала. А то ещё оставили у нас соседи своего малыша, лет двух-трёх, на попечении Бэллы, зная её любовь к детишкам. Как только карапуз над ней не измывался, и осёдлывал на манер лошадки, и за уши таскал, и за усики дёргал, и глазки норовил выцарапать, всё, бедная, сносила.

Но в конце концов, небось, не вытерпело и её большое сердце. Так, что вы думаете, придумала, а я ненароком подсмотрел? Носом развернула малыша да как наподдаст ему по заднице, тот с визгом аж кубарем покатился. А когда родители прибежали на плач, то застали только умилительную сцену, как Бэлла вылизывает слёзки разом приструнённому и успокоившемуся охальнику. Да при этом хитро поглядывала на меня своим глазом с поволокой, зная, что я всё видел, но её, конечно, не продам.

А когда на сносях была и, видно, организм больше витаминов для щеночков требовал, стала приворовывать кое-что из наших продуктов, да так ловко, что не сразу и заметишь. Вот как-то, зная это, поставили воскресный торт от неё подальше на шкаф, а сами все в кино отправились. Вернулись, первым делом на коробку глянули, нет, всё в порядке, только чувствуем по Бэллиному поведению, что набедокурила, а грех свой напускной лаской прикрывает, наперёд подлизываясь. А вскрылось всё, как за стол сели чаёвничать. Торт открыли, а там, батюшки-светы, хоть шаром покати, всё чертовка подмела. И как это она на шкаф с тахты забралась, и, главное, коробку потом аккуратненько закрыла, до сих пор тайна великая есть.

При всём при том дело своё сторожевое туго знала и дом, и всех нас, грешных, до самозабвения берегла. Да никто при ней на нас и вякнуть бы не решился, она в случае чего лишь верхнюю губу слегка приподнимет да покажет клык с мизинец толщиной и всем всё сразу ясно. А тут как-то водопроводчик наш домашний пришёл кран поправить, а мать у соседки сплетничала, так она ему ключ от нашей квартиры вручила, сказав, дескать, занята я, Вася, ты и сам разберёшься, а собаку хорошо знаешь. Через час домой вернулась, а там дядя Вася у порога сидит и с Бэллой от скуки лясы точит, притом рука его накрепко в пасти собачьей зажата. Оказалось, пустить-то его пустили и работу сделать дали, а вот выпустить без хозяев, извини-подвинься.

Вот такая собачка была. Жаль, родители уехали в долговременную командировку за границу, остался я с бабушкой, а Бэллу отдали друзьям в хорошие вроде бы руки, да слышал я,

долго не прожила.

Рояль

В далёком детстве меня, почитай, каждое лето отправляли к ленинградской бабушке на дачу в селе Валговицы, что на полпути от

Питера к Ивангороду, что бок о бок граничит с эстонской Нарвой. Край тот благодатный, много озёр голубизны необычайной, леса густые, но светлые и очень грибные. Народ местный приветливый и улыбчивый, а характерная черта его – то, что любит своих стариков и ещё боле почитает бабушек. Вот и соседняя нам деревушка (в полутора километрах всего) называется Бабкино, подберёзовик зовут тут обабок, а "ведьмины круги" (скопления благородных грибов на лесных опушках)

– бабушкиными кругами.

Дачей нашу избушку на курьих ножках можно назвать с большой натяжкой. Выйдя на пенсию, купила моя бабушка по отцу заброшенную деревенскую баньку с дырявой крышей, помнится, за 250 целковых, всем миром крышу залатали, пристроили малюсенькую терраску, соорудили из подручных материалов уютный сортир, посадили пяток яблонь, пару слив и грушу, развели цветник, вспахали огородец, вот и получилась дача.

Спали все, кроме бабушки, на чердаке, сплошь устеленном соломенными тюфяками. Так что при случае можно было прихвастнуть, что дача у нас двухэтажная. А собиралось там в сезон отпусков до 15 родственников с чадами и домочадцами. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Обида всё же была. Напротив, в каких-нибудь двадцати шагах, привольно раскинулся одичавший вишневый сад бывшей церковной усадьбы дедушки моей бабушки, а стало быть моего прапрадедушки, который был батюшкой в сельской церкви и попал под горячую руку и карающий меч революции. От дома и церкви и помина не осталось, а сад всё пережил и выстоял. Поэтому и куплена была банька в том месте и бабушка со слезами умиления рассказывала, какой хороший был дедушка, хлебосольным и просторным – его дом.

А ещё подальше, вверх по косогору, стояла когда-то барская усадьба, вся белая, с колоннами в викторианском стиле, с каскадом прудов и зеркальными карпами в них, с купальнями,

отдельно господской и для простого люда. От усадьбы осталась лишь груда мусора да заболоченный нижний пруд, в котором рисковали купаться лишь мы, малышня пузатая, да водились раки.

Заправляла всем, конечно, бабушка, дисциплина была строгая, у каждого – свои обязанности. Моей самой нелюбимой было тащиться по утрам спросонья за парным молоком к бабе Марфе. Заходя в горницу, каждый раз удивлялся странной форме стоящего посередине стола.

Как-то не утерпел и спросил. Бабушка молча стянула с него клеёнку, всю в цветочках и мелких трещинках, и, о чудо, под ней оказался концертный рояль, белый и ослепительно прекрасный. Сиял он как новенький, только ножки подпилены, чтобы сидеть за ним было удобней.

На мой немой вопрос бабушка ответила: "Когда барина раскулачивали

(она употребила именно это слово), всем, кто поспел, по кусочку вышло, кому одёжка, кому из посуды что, а мой дурак вот это припёр да ещё полтелеги книг иностранных. Правда, книжки те в войну в дело пошли, на самокрутки".

– А барина-то что, угрохали?

– Да ты что, милок, окснись. Он сам в Гражданку где-то косточки сложил, ведь офицером поди был. А жаль, хороший был человек и хозяин справный. Дорогу построил городскую, нам больницу и магазин в камне.

А уж кого ещё пуще жалели, так это барыню, добрая была, обо всех радела. А её, почитай, голой-босой оставили. Ютилась в Питере в каморке в её же доме прежнем. Мыкалась бедняжка, к чистой работе как бывшего мироеда не подпускали, судомойкой была. Это с её-то пальчиками. Ведь на этой вот пианине и играла, да так, что, бывало, заслушаешься. Вишь, и нам пригодилась, сколько лет с неё едим, а в нутре посуду держим.

Бабушка Марфа ласково погладила заскорузлыми от огорода пальцами сияющую крышку рояля и тихо сказала: "Иди, детка, в сенях бидончик не забудь". В глазах её стояли слёзы то ли из жалости к барыне, то ли к себе.

Надо сказать, что в деревне было ещё одно родовое гнездо нашего клана. Прямо напротив порушенной барской усадьбы, у пруда, утопала в зелени огромная изба старшей сестры моей бабушки, которую мы, малышня, называли тётей Женечкой. Она тоже приезжала туда из Питера на весь летний сезон с мужем, дядей Жоржиком, и двумя внуками.

Вообще у моей бабушки было одиннадцать братьев и сестёр, но к описываемому мной времени в живых оставались лишь три

сестры.

Остальных братьев и сестёр забрали из жизни революция, Гражданская война, ленинградская блокада и другие передряги в нашей стране.

Третья сестра, тётя Анечка, жила безвылазно в Питере в полном одиночестве. Так получилось, что накануне Первой мировой войны к ней посватался молодой князь, тут же и ушедший на войну и погибший в числе первых офицеров. А тётя Анечка всю жизнь хранила ему верность и ни за кого уже не вышла. Меня как-то закинули к ней родители ненадолго, вот она вечером мне про всё это и рассказала, и, растрогавшись до слёз, подарила мне, малышу, бокал из хрусталя

"баккара". А бокал был удивителен тем, что если послюнявить палец и поводить по его краю, то он начинал петь что-то тягуче-заунывное и чарующее.

Была ещё двоюродная сестра, замужем за морским капитаном, прошедшим всю войну на минном тральщике в Финском заливе, каким-то чудом сохранившим старорежимные повадки и традиции настоящих петербуржцев, коих после войны, почитай, и не осталось. Их квартира выходила эркером на Невский проспект, была обставлена старинной мебелью из резного морёного дуба, а за столом на званом обеде нас обслуживала горничная Глафира в накрахмаленном передничке.

А ещё была тётя Зиночка, работавшая диспетчером в таксопарке, хохотушка и любимица всех наших родственников. У неё была изба в селе Бабкино, о котором я ужи поминал, а до революции её отец владел всей этой деревней. Зина была с виду простушкой, но нет-нет, а проглядывала в ней голубая кровь и дворянская порода.

Отец клана Никитиных был из разночинцев, вернее из разорившихся мелкопоместных дворян, но рано выбился в люди, став капельмейстером императорского оркестра, и проживал с чадами и домочадцами в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге, выезжая на дачный период в Валговицы. По рассказам стариков, дача была красоты неописуемой, а пруд чистоты необыкновенной, ибо подпитывался родниками, а дно было выстелено мраморными плитами. В моё время он больше напоминал заиленное болото с весьма ощутимым навозным запашком от построенного на другом его берегу колхозного коровника.

Самой колоритной фигурой был, конечно, дядя Жоржик. Был он из местных, сыном деревенского плотника, и для тёти Женечки брак с ним был "мезальянсом", как она в шутку говаривала. Уважаем был безмерно, оставаясь заводилой и душой любой компании. Часто устраивал раннюю побудку и во главе

всего нашего разношерстного отряда вёл на речку за плотвой и подлещиком, а то и на дальнее озеро "Глубокое", где удавалось поймать на удочку даже щучку.

Как-то, пользуясь старыми связями, он получил пропуск и вывез, правда, ограниченный контингент из наших, в запретную зону балтийского побережья под Калининградом, откуда была привезена большущая корзина отборных белых грибов и янтарная глыба килограмма в три, украсившая нашу хату. А связи его вот откуда. Был он почётным ветераном приснопамятной ЧК, т. е. чрезвычайной комиссии, ставшей впоследствии КГБ, и в своё время чуть ли не правой рукой самого

Дзержинского.

А к красным он, как сам рассказывал, приткнулся случайно. Пришёл прапорщиком с войны и надо было чем-то на жизнь зарабатывать. Своими глазами видел, как брали Зимний. То есть никто его и не брал и не было никаких толп революционных матросов и солдат. Так, мелкие стычки с кадетами, засевшими там для охраны правительства. А дядя

Жоржик пошёл по просьбе матери друга поискать его среди них и притащить домой. Среди живых и нескольких трупов не нашёл, а нашёл у знакомой проститутки-евреечки, где и пили-гуляли они всю послереволюционную ночь, а наутро отправились к большевикам определяться на службу.

Уже будучи чекистом, спас он знакомую по деревне семью капельмейстера от реквизиции, а то и чего похуже, а Аннушку в жёны получил за благое дело в качестве трофея. И об этом и много ещё о чём услышал я, стыдно признаться, подслушивая стоя в подштанниках ночами и ухом прижавшись к двери, за которой сидели дядя Жорж, его младший сын (старший погиб на войне) и мой отец.

Сын дяди Жоржика Володя (для меня – дядя Вова) был тоже, как и мой отец, фронтовиком, но, если и говорил, то только про дирижабли, которыми был по-детски увлечён. Всю свою недолгую жизнь, а умер он вскоре из-за открывшегося плохо залеченного фронтового ранения, бился он в каком-то НИИ за их возрождение.

А страстью к летательным аппаратам заразился от своего отца, который, выйдя ещё до войны на пенсию по здоровью, построил в дачном сарае из фанеры самолётик-биплан. Да вот только опробовать не успел

– спёрли его, хоть и уносил он на ночь вырезанный из липы винт в свою комнату. Этот винт так и висел на стене печальным напоминанием о мечте подняться в воздух, а самолёт так и не нашли – как в воду канул.

В основном под рюмочный звон говорил дядя Жорж. Про то,

как после пустившего себе пулю в висок Дзержинского в ОГПУ пришёл дворянин и утончённый интеллигент Менжинский (знал 16 языков), столько народу сгубивший, что и Геббельс на его фоне бледнеет. Про Петерса, его зама, бандита, сидевшего за ограбление ювелирного магазина, про

Яг*о*ду, его зама, отравившего Менжинского ядом, следов не оставляющим, из токсикологической лаборатории ОГПУ. Про Казакова, главного в лаборатории, послужившего запрещённому писателю Булгакову прототипом профессора Преображенского из "Собачьего сердца" и действительно лечившего вождей революции вытяжкой из семенников обезьян.

Да, много чего я почерпнул для себя в каникулярное время в тех

Валговицах, что застряло в моём пытливом умишке и годы хранилось под грифом "Секретно" и лишь малой толикой чего поделился я сейчас. Как говорится, спасибо за внимание и извините старика, коль наскучил.

Граф

Англичане говорят, что в каждой семье в шкафу спрятан свой скелет. Наверное, это идёт от их же анекдота. Бабушка рассказывает повзрослевшей внучке про дни своей молодости, про первого любовника, которого спрятала в шкаф при стуке в дверь не вовремя вернувшегося мужа, хлопает себя по лбу и с криком "О, боже!" открывает дверцу шкафа, из которого вываливается скелет.

В нашей семье таким скелетом было происхождение моей бабушки, столь неприличное и опасное в нашем рабоче-крестьянском государстве, что его приходилось тщательно скрывать. Дело в том, что она была дочерью графа Котляревского. И хоть граф был поляком (храбе по-польски), жил в Кракове, мало того, в пух и прах разорился на скачках и умер в нищете, аристократическое клеймо, как Дамоклов меч, висело над его дочерью, занесённой враждебными вихрями в революционную Россию.

По словам бабушки, чтобы покрыть грех рождения, ей пришлось пойти на "мезальянс" и выскочить за бравого революционного есаула

Кожевникова из яицких казаков. Кстати сказать, в его станице проживали только две фамилии: Кожевниковы и Сапожниковы.

При этом все считались родственниками в разной степени родства, и при замужестве молодых станичников необходимо было разрешение старушки, которая только и могла эту степень подсчитать. Дед мой оказался выкрестом в том смысле, что он один переметнулся к "красным" в своей совершенно "белой" станице.

Впрочем, это последнее я узнал от станичных родственников, приехавших на поминки бабушки. Заодно была ими разрушена и жившая в нашей семье легенда, что мою прабабушку, красавицу-турчанку, умыкнул прадед во время лихого казацкого рейда в Турцию. Оказалось, что прабабушка, хоть и была турчанкой, но совершенно обрусевшей, и вышла за прадеда по своей воле. Да и как не выйти было за такого удалого казака, который как-то, возвращаясь на коне с гулянки, снес головой свод кирпичной арки, а наутро, маясь головной болью, блажил на плохой самогон.

Но не об этом я хотел рассказать, а о настоящем графе, Шереметеве

– сыне. Мать каким-то образом нашла его, памятуя дальнее родство с этим знаменитым российским родом. Шереметев часто навещал нас, благо жили рядом, мы – на Пироговке, а он в башне Новодевичьего монастыря.

Жил он в одиночестве, излишне, как тогда говорили, злоупотреблял спиртным и слыл неудавшимся художником, подрабатывая где-то рисованием шаржей. Мать он шутливо называл графинюшкой, мы его, тоже не без подначки, графом.

Бывали мы и у него в монастырской башне. Наверх вела крутая лестница, комната круглая, с одним маленьким окном, завалена книгами, эскизами, картинами, в общем, холостяцкий творческий беспорядок. Башня та перешла в наследство от отца, который, то ли добровольно отдав всё свое достояние революции, то ли попав под реквизицию, испросил у самого Ленина разрешение в ней поселиться.

Однажды все вместе, я, мать, отец и Шереметев, поехали в его бывшую усадьбу в Останкино. Помню, долго бродили по просторным залам, Шереметев попытался открыть какую-то дверь. К нему тут же бросился грозный бородатый старикан-хранитель с криком "Куда попёрся, не положено!" и вдруг бухнулся на колени, приобнял графа и выдохнул сквозь нахлынувшие слёзы: "Боже, барин". Оказалось, старик был дядькой графского отпрыска, а заодно еще и маркёром. Он быстренько сбегал куда-то, принес ключ от биллиардной, сдернул суровое полотно со стола, помелил кии, расставил шары и замер в углу. Отец с графом раскидали партию, попивая принесённое дядькой

"Жигулевское". Потом было прощание и опять слёзы.

Ну, вот и всё. А дома у меня висит дуэльный пистолет, каким-то чудом пронесённый бабушкой через все перипетии её бурной молодости.

Из этого пистолета мой прадед-граф застрелил соперника по любви к прабабушке. А ещё висит палаш моего дедушки-казака и парадная генеральская сабля моего отца. Вот такой своеобразный сувенирный комплект наследственный. А от графа Шереметева храню его шаржи на маму, отца и меня. И память храню, ибо не пристало быть Иваном, родства не помнящим.

Баня

Из детства в памяти остаются редкие эпизоды, но уж если что врезалось, то, как фильм "Чапаев", на всю жизнь и до последнего кадра. Хорошо помню моё первое посещение общественной бани. Жил я тогда на Тверской, в Брюсовском переулке, в доме, который когда-то стоял соседним с домом генерал-губернатора Москвы, нынешним

Моссоветом, а в 30-е годы зачем-то был задвинут в переулок. Ну то есть подрубили, поставили на рельсы и со всеми жильцами передвинули на 30 метров. До революции это была фешенебельная гостиница, а после

– стала в духе того времени коммунальным жилищем с длиннющими коридорами, общими кухнями и туалетами с нацарапанными двумя нулями на двери да непередаваемой атмосферой человеческого муравейника.

Учился я классе в третьем и чувствовал себя вполне самодостаточным мужиком. Стало быть и пары лет ещё не прошло с кончины генералиссимуса и пели мы во дворе "Сегодня воскресенье,

Сталину варенье, а Гитлеру кулак, потому что он дурак" и "Я маленькая девочка, танцую и пою, я Ленина не видела, но я его люблю". Наслышавшись от дворовых друзей об удовольствиях похода с отцом в баню, решил сходить сам, благо баня была рядышком, в конце переулка за церковью. Выпросил у отца рубль, купил билет да на сдачу ещё леденец на палочке в буфете, зашел в раздевалку, разделся чин-чинарём и вхожу в банное отделение, делая вид, что не впервой.

Иду, шлепая по мокрому кафельному полу, в угол, подбираю со знанием дела шайку получше из пирамиды на полке и кошу

глазом в поиске мочалки с мыльцем. Ан, лежит одна рядом. Я к ней, а тут голый мужик из-за моей спины шасть, мочалочку хвать и в сторону. Я даже обиделся. Вот, думаю, старый хрыч, видно, последнюю уволок. И замечаю, все мужики при моем приближении мочалки прибирают, а некоторые куркули даже на них садятся. Ну, делать нечего, разбавил в своей шаечке кипяток холодной водицей, сижу, поплескиваю на себя в ожидании, когда мочалки освободятся.

Подходит мужик. "Возьми, – говорит, – моё мочало, если не побрезгуешь, своё-то, небось, дома позабыл". Тут только я и понял, что шаечки в общественной бани общие, а мочалочки-то свои. Так плотно мне в школе в голову вбили, что "всё вокруг колхозное, всё вокруг моё", что и в бане ждал полного гособеспечения, вот и опростоволосился.

И всё-таки помылся я знатно, и в парилке посидел с дедами (мне тогда по младости лет все стариками казались), и в бассейне, где всем по грудь, а мне с головкой, побарахтался, и даже спину мне подобревшие мужики натёрли до пунцового цвета. Вышел на солнышко весь распаренный, чистенький, аж сердце поёт. Да ещё леденец сладости необыкновенной. Я оберточку с него целлофановую в разноцветную полоску долго хранил, да потом затерялась куда-то.

Хохма

Вы не заметили, что чем дальше по жизни, тем меньше смешного. В детстве мы смеялись, заливались, ухохатывались и грохотали до колик в животе над каждой пустяковиной. Да покажи палец согнутый – уже умора, а Чаплин или Райкин на экране – помирали со смеху. А помните, в кино на фильмах "Волга – Волга", "Весёлые ребята" или "Мистер

Питкин" просто лежали, корчась в конвульсиях, выходили все в слезах, держась за надорванные животики. А сейчас? В лучшем случае чинно-благородное хи-хи и всё реже громогласное ха-ха.

То ли жизнь преснее стала, то ли сам с возрастом скучнеешь. Вот, скажем, классе в пятом прицепил я французской булавкой подол форменного платья девочки с передней парты к спине, встала она, обнажив розового цвета, с начесом панталоны, весь класс полёг, пока она, бедная, крутилась, не понимая, в чем дело. Сейчас-то мне ясно, что не хохма это, а мелкое хулиганство, но как смешно было. Или выпендрёжнеце географичке на переменке

в коридоре прилепили на спину плакатик "Я Наполеон". Это же неуважение к старшим, а меня с однокашниками нашатырём отпаивали, так в смехе зашлись.

Ставили мы к школьному празднику серьёзный спектакль "Повесть о настоящем человеке". Маресьева играл второгодник, здоровенный амбал с перманентно упёртым лицом. По сценарию пионеры нашли его обмороженным в лесу и первым делом дали поесть картошечки. Картошку забыли из дома принести и дали ему свёрнутый комком чулок, снятый с ноги какой-то девочки. То ли чулок оказался не первой свежести, с запашком, то ли наш амбал рассчитывал перекусить на сцене и расстроился, что надули, но скорчил, жуя бутафорию, такую рожу, что куда там Чаплину. Зал взвился от смеха, артисты в слезах падали со сцены, завуч в первом ряду дрыгала ногами выше головы. Спектакль был сорван, потому что чёртов Маресьев при попытке продолжить театральное действо опять и с той же неописуемой гримасой совал чулок в рот.

Руководительница кружка художественной самодеятельности получила за это безобразие выговор от директора. Хорошо ещё, обошлось без полит и оргвыводов. Вы думаете, урок пошел впрок? Ничуть не бывало.

Чтобы реабилитировать себя, эта руководительница, она же учитель литературы, решила поставить "Алеко". Ну помните, "Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют"? Кочующих цыган мы изображали без проблем, а как дошло до сцены убийства Земфиры, неувязочка вышла. Её играла рано созревшая девочка с весьма развитым бюстом, кстати, по имени тоже Земфира. Куда прикажете тыкать ножом бедному Алеко?

Решили, что коль уж на то пошло, убивать надо в спину, там плоско. На репетиции эту сцену кое-как обкатали, а на спектакле

Зэфа, видно, от волнения, забыла, где зад, где перёд. Она грозно шла на Алеко, а тот, как бычок с тёлкой, всё пытался забежать сзади. Из зала кричат: "Режь ее, подлюку!", литературша из-за занавеса шипит:

"Души, дебил!", Алеко – в слезы, в зале опять истерика от хохота.

Короче, кружок перепрофилировали на кройку и шитьё, всех неудавшихся артистов туда и забрили.

Вот я и думаю, никогда уж мне не посмеяться так от души, ничто теперь не берёт, ну как принцессу Несмеяну. Хотел посмеяться, когда на даче ползабора из "рабицы" спёрли. Вроде смешно, ситуация как в чеховском рассказе "Гайка", где мужик её на грузило с рельсы отвернул, напрягся – не могу, когда ту же дачу в пятый раз вскрыли и всё до последнего спичечного коробка

унесли, решил схохмить и на дверь объявление прикнопил: "Господа грабители, в хате пусто, прошу не утруждаться". Всё равно дверь в очередной раз взломали, видимо, для проверки информации, а утащили всю электропроводку с лампочками.

Зато в "дефолт"!998 года вспомнил молодость и нахохотался от души – у меня в банке ни копейки не было.

Новодевичий

Кто в Москве Новодевичий монастырь не знает? Ну, кладбище привилегированное для знатных людей, ну, достопримечательность аж

16-го века со старинными церквями, колокольней и почти кремлёвской стеной огороженная. Но для меня это ещё место, тесно связанное с детством. И свет увидел я там рядом, в роддоме на Усачёвке, и проживал там же многие годы на Пироговке. Пацанчиком бегал с друзьями в монастырь поглазеть на пышные надгробия, а то и купнуться в тогда заболоченном и полном пиявок монастырском пруду.

Помню, как-то мать повела туда прогуляться, а заодно и навестить родственников наших дальних, Боголюбских, кои жили в пристройке у церкви, были не по времени набожными и род вели от старинной фамилии. Шли через аркаду в стене, а там в тенёчке череда нищих богомольцев руки к прохожим тянут. Мать каждому, кому 15, кому 20 копеек бросала, а уж при выходе мелочь кончилась, так она последнему рубль бумажный не пожалела.

А последний-то оказался туристом иностранным, шляпу снял по жаре лоб платочком вытереть. Вот пассаж, пришлось из шляпы рублик назад выуживать да извиняться. Но мать себя потом успокаивала и даже гордилась, что рубль ненароком бросила, мол, пусть знают капиталисты, что не жалкие копейки мы нищим подаём.

Ну вот, в таком настроении мы и поспешили к Боголюбским. Семья их была маленькая: бабушка, на мой детский взгляд, лет под сто, её дочь и внучка, чуть меня старше. Сели за стол, к чаю с удивительно вкусными пирожками, и начались разговоры. Сначала мать развеселила всех рассказом о случившемся при входе в монастырь, потом разговор плавно перешёл на тему самого монастыря. Больше полувека прошло, а помню всё отчётливо. Бабушка поведала, что обитель названа по фамилии

первой игуменьи Девочкиной, а, может, по расположенному рядом Девичьему полю, куда ещё татары сгоняли русских девиц для угона в полон.

В разные времена там жили или были заточены женщины, всей Руси известные. Но главной достопримечательностью была царевна Софья, сводная сестра Петра Первого, проведшая здесь многие лета в заточении. А местом её содержания была одна из башен монастырских, и по сию пору называемая Софьюшкиной. И будто бы Софья с того света помогает женщинам – стоит только загадать желание и коснуться рукой стены её башни.

А ещё услышал я, что встречают на аллеях монастырских, особенно в грозу, привидение молодой монашки, всей в чёрном. Якобы во время французского нашествия хотели эти поганцы взорвать обитель, уж и бомбы заложили, и фитиль подожгли, а монашка, ведомая вещим сном, тот фитиль затушила и спасла монастырь. А в наше время является призраком и тоже женщинам помогает предупреждением беды либо советом, либо сны вещие навевает им во спасение.

Но не о том я хотел рассказать, а о случае с собой, ещё более удивительном. На кладбище самой известной была могила Надежды

Аллилуевой, покончившей с собой жены Сталина. На могиле стоит обелиск красоты необычайной. В моё время на нём возлежала чёрная бронзовая роза, заказанная самим генералиссимусом, потом каким-то варваром своровванная.

Надо сказать, что в описываемое мной время не дай Бог было заикнуться о самоубийстве сталинской жены, по официальной версии почила она чуть ли не от гриппа. Но жил я в доме крупных военоначальников, что стоял в Хользуновом переулке и обзывался генеральским. А там народ проживал информированный, на язык чуть посвободней, и своим детским ушком я много чего по мелочам наслушался.

Ходил даже слух, что сам Иосиф Виссарионович свою жену и пристрелил, а потом пожалел и каждый год в её день рождения к ней на могилку ездит и горюнится. Народ к этому времени кагэбэшники с кладбища сгоняют, все окрестности и подходы прочёсывают. Решили мы с друзьями соседскими, Петюхой и Владиком, это дело проверить.

Любимого генералиссимуса-то мы из колонны на демонстрациях с рук родительских видали, а чтобы вблизи… Вот и надумали у той могилы спрятаться и подсмотреть.

С утра залезли под раскидистую ель в сугроб и замерли в долгом ожидании. Как выдержали в холоде и страхе нахлынувшем, уж и не знаю, но дождались-таки. Много не

увидели, но сапоги глянцевые и полог шинели мышиного цвета разглядели. Потом ещё долго не могли прийти в себя, как застекленели, а оклемавшись, поклялись страшной клятвой никому об этом ни гу-гу. Ведь родители прибили бы, а из друзей кто-нибудь и доложить мог куда следует, как Павлик Морозов. Малые детки мы были, а соображали.

Вот только сейчас и решился ту клятву священную нарушить. До сих пор, как вспомню, Бога не перестаю благодарить, что не обнаружили нас тогда. Ведь свободно могли и пристрелить охранники, время-то было не приведи Господи опять на наши головы.

Кошка

Как-то собрались отец с дядькой на очередную охоту, но не по зову сердца, а по призыву деревенских мужиков, задолбанных постоянными нашествиями на их огороды расплодившихся в лесу кабанов. Подготовили жаканы с крупной дробью, ружья почистили и, помолясь на дорожку, отправились, и я с ними увязался. Мне по младости лет особо что не поручали, ну там ружьишко потаскать да собачкой нашей боксёршей

Бэллой покомандовать, и то за счастье почитал. Вышли за околицу, тут дядя Вася остановился, затылок под панамкой почесал и молвит: Нет, мужики, опасное это дело в толпе охотиться, неровён час меня за кабана примут по причине моей крупной комплекции.

Развернулись и в сторону от генерального направления двинули. Да не заладилось что-то. Мы уж с Бэллой кого только не выгоняли, мимо да мимо. Уж на обратном пути дядька вдруг замер и говорит: Ша, робяты, щас я вам на жаркое зайца оформлю, – и "ба-бах" из двух стволов. Я бегом за добычей поперёд собаки, но вижу, что-то на зайца не похоже. Кошка оказалась, чёрт её за околицу понёс. Пригорюнились, стыдоба ведь, кошку захоронили по-человечески, ну как положено то есть, и домой от греха подальше. А там уж Бэлла дожидается и в зубах курицу соседскую держит в укор охотничкам. Мы ту курочку тишком и оприходовали, не пропадать же добру, жаркое знатное получилось.

Каша

Ох, и люблю я, грешный, кашу гречневую. Но чтоб была рассыпчатой да с лучком, поджаренным со шкварками, и чтоб непременно с яичком вкрутую покрошенным да ещё масла сливочного от души. А откуда эта моя любовь скоромная при весьма избыточном живом весе в центнер, сейчас расскажу.

Мамаша моя, царствие ей небесное, была фронтовичкой и на 9 мая цепляла на свой жакетик довольно многочисленные боевые награды. А вот на рассказы фронтовые почему-то скупа была. Как-то в очередной праздник на мой вопрос, что больше всего с войны в памяти осталось, сказала неожиданно: "Греча". И такую историю поведала.

С четвёртого курса ГИТИСа, где она, как я знал, училась в одной группе с незабвенным Евгением Леоновым, отправили на фронт (а дело было в 1943 году) студенческую концертную бригаду. При одном из переездов мать по какой-то причине застряла и догнала свою бригаду на попутке уже поздненько вечером.

Все давно откушали и, пользуясь затишьем, почивали в землянках.

Пришлось бы матери ложиться на голодный желудок, да пожалела сердобольная повариха и накормила сказочным блюдом, приготовленным, как оказалось, для любимого командира дивизии, боевого генерал-майора, Валентина Павловича. Блюдо это и было, как вы, верно, догадались, той самой гречневой кашей, в которую после рассказа матери влюбился я на всю оставшуюся жизнь. А для неё этим всё и началось, а закончилось тем, что бравый комдив кавказских кровей, возрастом под пятьдесят, до того холостовавший и слывший неутомимым бабником, влюбился в молоденькую студентку-актрисочку до потери пульса.

И до того пульс потерял, что тут же присвоил ей офицерское звание, наградил медалью "За отвагу", взял в штаб порученцем по особо важным делам, а заодно и в жёны, благо замполит имел в то время право регистрировать брак на месте. Укатила концертная бригада с потерей одного бойца дикломаторского жанра, а через восемь месяцев победного пути дивизии в сторону Берлина проклюнулся и ваш покорный слуга, Александр, сами понимаете, Валентинович.

Едва успела мамаша добраться по фронтовым дорогам в Москву, как, благополучно разрешившись от бремени, и месяца разлуки не выдержав, бросила меня на бабушку и понеслась довоёвывать. Дошла с отцом боями до Берлина, и вернулись оба в победном году к уже семимесячному сынишке.

Только не долго длилось их семейное счастье. То ли разница почти в 30 лет, то ли ещё что, но не сложилась совместная жизнь у родителей в мирное время. Оставил отец генеральскую квартиру на

Усачёвке, трофейный опель, пригнанный из побеждённой им Германии, и отбыл в свой Мариуполь, откуда был родом и ушёл прямиком на фронт с должности директора оборонного завода.

Шикарный опелевский "Вандерер" с кожаной крышей простоял недолго и был благополучно украден из-под окна квартиры. Напоминанием о войне матери служил её собственный трофей – крупная рубиновая брошь, взятая, как она рассказывала, с рояля на даче Геринга, но и она вскоре ушла в качестве свадебного подарка её лучшей подруге.

Уж не знаю, каким чудом, но сохранился в моей памяти момент расставания на вокзале, помню генеральские лампасы отца, безрукавку овчинную поверх кителя и солёный от слезы прощальный поцелуй. Так больше и не свиделись, мало того, все отцовы фотографии из семьи куда-то исчезли.

Так бы и остались со мною только те смутные вокзальные воспоминания, да произошла удивительная история. После смерти матери я, уже в чине деда, хромой и бородатый, рылся в старых поблекших, оставшихся от неё фотографиях на предмет отбраковки ненужных и вдруг, опаньки, вижу маленькую такую карточку с фигурным обрезом. А на ней отец в форме, фуражке, видно, что держит боевой вид, но улыбка широкая, неофициальная. Скорее всего, снят для фронтовой газеты заезжим репортёром.

На оборотной стороне надпись, которую воспроизвожу доподлинно:

"Шурику от отца. Помни и не ругай. Слушай и люби маму". А ниже дата и размашистая подпись. И всё…

Вот таким манером получил я привет от отца через полвека. Видно, мать в горячке обиды уничтожила все фотки, а на эту рука не поднялась. Вот так теперь и живу. Фотографию мне сын увеличил через компьютер до размера портрета, на стенке висит парадный генеральский палаш, а в сердце храню то немногое, что оставила память. Да ещё вот эта каша гречневая, рассыпчатая, по фронтовому рецепту.

Словесные метаморфозы

Разноязычье со времени вавилонского столпотворения и по наши дни приводит к любопытным, а порой и трагикомичным ситуациям. По воспоминаниям современников, когда французы в 1812 году вошли в

Москву, они обращались к горожанам в привычной для них манере – дорогой друг (по-французски "шер ами"). Москвичи и помыслить не могли, что вражеские офицеры могут обращаться к ним столь дружелюбно и, примеряя на себя это словосочетание, воспринимали как ругательное. Отсюда и появился в русском языке "шерамыжник" в смысле лиходей и ловчила.

Теперешнее наше бистро произошло, как это не парадоксально, от русского же слова "быстро". Считается, что когда уже наши победоносные войска вошли в 1814 году в Париж, гусары, как всегда нетерпеливые до выпивки, заказав шампанское в парижском кафе, поторапливали гарсона: "Быстро, быстро!". Вот так и прилепилось к общепитовским точкам быстрого обслуживания это русское слово, импортированное назад в Россию во французском произношении. Кстати, слышал, что где-то под Парижем стоит памятник тех же времен российскому гусару, который, зайдя в местный ресторанчик и углядев французских уланов, распивающих одну бутылку шампанского на троих, с вызовом заказал три пузыря и в один присест выпил их на глазах у изумлённой публики, которая и донесла триумфатора на руках до гостиницы.

Интересное путешествие совершило в свою очередь французское слово

"интеллижан", что означает всего лишь "умный". Его у нас обрусили до

"интеллигенция" и стали применять к социальной прослойке образованных умников, с не совсем легкой руки Сталина обозванных позднее "сопливой интеллигенцией", а теперь, слава Богу, реабилитированных. Но самое удивительное, что французы за неимением в лексиконе подобного определения, ничтоже сумняшеся спёрли его у нас и используют как ни в чем не бывало в русской же транскрипции.

В тот же Париж для работы швейцаром в посольстве Российской империи выписали из Москвы мужика косой сажени в плечах и с благообразной окладистой бородой. На первом же дипломатическом приеме, подавая в гардеробе жене министра иностранных дел Франции шубку, он со всем почтением изрек: "Ваш салоп", что по-французски звучит точь в точь как "грязная корова" и используется не иначе как в бранном обращении к шлюхам. В результате – скандал, принесение официальных извинений, долгие объяснения. А бедного мужика не за что не

про что выслали восвояси в Москву.

Уже в наши времена российские дамы, не во всех тонкостях владеющие французским и считая слово "конверт" местным, были немало удивлены реакцией на просьбу в почтовом отделении продать парочку. А дело-то в том, что оно для француза звучит как, мягко выражаясь,

"зелёный пенис". Вот и представьте, как воспринималась невинная просьба.

Вернёмся в Россию 20-х годов прошлого столетия. В ходе кампании по борьбе с беспризорничеством, проводимой ведомством Дзержинского, было решено привлечь оставшихся не у дел после расстрелов и бегства российского дворянства французских домашних учителей к созданию музыкальных школ-интернатов в реквизированных помещениях. Грязных и оборванных ребятишек чекисты сгоняли с улиц в пункт отбора для проверки на наличие слуха. Обладавших оным принимали и ставили на кошт, а провалившим экзамен француз говорил "chantera pas", то есть по-русски – петь не будешь, что звучит как "шантрапа". Их-то и стали звать шантрапой, мелочью пузатой.

Французы считают, что странно звучащее в их языке слово

"форточка" (по-французски "васистас") пошло от немецкого вопроса "А что это такое?" (по-немецки "Вас ист дас?". Якобы приехавший в Париж любопытствующий немец заинтересовался новой для него конструкцией оконной рамы, а не знавшие немецкого французы восприняли вопрос как название форточки. Кстати, аналогичная история произошла с англичанами. Впервые вступив на австралийский берег, они, очарованные потешным зверьком кенгуру, тоже спросили у аборигенов "А что это такое?". А те, ещё не успев обучиться пониманию английского, ответили "Кенгуру", т. е. по-аборигенски "Не понимаю". Потом-то разобрались, что в переводе кенгуру называется чем-то вроде

"сумкопрыгалки", но было поздно.

Неловко чувствуют себя в англоязычных странах наши соотечественники с такими довольно распространёнными фамилиями, как

Логинов и Строгинов, воспринимаемыми при представлении как характеристики их половой активности. Дело в том, что на английское ухо их фамилии звучат как "весьма длинный" и "достаточно крепкий" и вызывают у местных женщин или румянец смущения на щеках, или неподдельный интерес в глазах. А скажем, мой дружок по фамилии

Лапин, проживая в командировке в Париже, заказал себе визитку с морковкой перед фамилией, потому как эта фамилия по-французски и звучит, и пишется точь в точь, как кролик. А у

него ещё, на беду, передние верхние зубы по-заячьи крупные.

А братья-болгары со смехом рассказывали о незадачливых русских, пытающихся купить в табачном киоске спички. Пикантность ситуации в том, что по-болгарски слово "спичка" звучит как женский детородный орган (пичка материна). Можно представить реакцию киоскёрши на беспардонный для неё вопрос русского, привыкшего, что его там везде понимают без перевода, "Спички у вас есть?". Но и мы, помнится, были несколько ошарашены, когда в Софии, зайдя позавтракать в кафешку, первым в меню узрели блюдо "Яйца на очи", что оказалось ничем иным, как яичницей-глазуньей.

Сам я в чешском городе Писек не бывал, но от очевидца слышал, что у русских, туда попадающих, всегда вызывает восторг вывеска на фронтоне здания в центре: "Производственный комбинат Писек". Что там в действительности производят, остаётся тайной, так как на экскурсию туда не водят. Ну и притчей во языцех для побывавших в Праге русских навсегда остаётся чешское слово "pozor", которое нами воспринимается с содроганием, а по-чешски означает лишь "Внимание!". Но изюминка ещё и в том, что русское слово "позор" чехами воспринимается как

"шкода". Так что при случае не напоритесь на неверное восприятие.

Зато легко запомнить чешское слово "биллиардная", которое звучит для русского уха как "херня".

Многое в словесной эквилибристике почерпнул я в годы учёбы в

Институте восточных языков (теперешний Институт стран Азии и

Африки). На первом курсе после распределения восточных языков вошло в моду вставлять в речь словечки из них. Ну и представьте моё впечатление, когда начинающий китаист попрощался со мной такими словами: "Нахуй хино!". Оказалось, что это всего-навсего "Спокойной ночи!".

В покое я приятеля не оставил и тут же выяснил, что "До свидания!" по-китайски тоже звучит очень мило – "Хуй цзянь!". Но добил он меня мудрой китайской поговоркой "Ибу ибуди – хуйдао муди", а по-нашему – "Шаг за шагом можно достигнуть цели". Но это не всё.

Случайно услышавший урок моего обучения его преподаватель китайского добавил, что по-китайски "Серая лиса медленно возвращается в общежитие" звучит как "Хуй лю-лю хули ибу-ибу хуй суши".

Я думаю, вы не сомневаетесь, как уже на следующий день

прощались ребята нашего курса. Но, как говорится, лиха беда начало. Скоро выяснилось, что арабисты начинают свой урок словами "Здравствуй, учитель!", что по-арабски звучит как "Собакахер мударусен!", а если сказать о России, что она самая красивая страна, то прозвучит это как "атъебу билядина". А вот как звучит сфабрикованная явно самими арабистами фраза "Семья моего брата – лучшая в стране": "Усрат ахуй отъябифи биляди".

Тут же подсуетились и японисты, с гордостью сообщив, что любимый

– это "суки", суббота – "доеби", а "сосимасё" означает

"договорились". Не слишком большой урожай, но зато им вспомнилось ещё и подлинное японское имя – Уебу Ногами. Кто-то бегал по коридору и поздравлял всех с добрым утром на африканос – то есть "Хуемора!", кто-то оповещал, что на иврите девочка (бывает же такое?) – "ялда", а столовая – "тамхуй", не говоря уже о том, что "обеспокоен" значит

"мудак". Наконец вспомнили, что, кроме восточных, мы ещё учили и английский с французским и испанским. И пошло… Придумывались целые фразы, ну например: "Chop is dish?" (как это на русское ухо звучит, сами разберётесь, а в переводе – "Отбивная – это блюдо"). А вот вам и целый диалог, якобы услышанный в баре ресторана:

Бармен:

– More dark? (т. е. "Вам пива потемнее?").

Посетитель:

– Some more dark! ("Хотелось бы немного потемнее…").

А вот и ещё один диалог, студенческий:

– А я знаю, как будет по-английски "блюдо мира"…

– Peace dish?

– Да нет, честно, знаю!

А вот ещё, что уж точно было – сам слышал от нашего студента, сопровождавшего в качестве переводчика английского профессора, приехавшего с ознакомительным визитом в МГУ. Когда его отвели на химфак, он после разговоров со студентами и преподавателями на ушко своему толмачу прошептал: "А почему все у вас говорят постоянно

"химфак"? Ведь правильно по-английски говорить "Fuck him!"…

А ещё помню, как арабист Виталик после очередного урока английского языка оповестил всех нас, что знает значение слова

"bond", и правильнее называть агента 007 Джеймсом Облигация. А вот эстонец Эрик Лааст из турецкой группы, знаменитой уже тогда выходками шумливого студента

Жириновского, сообщил, что по-фински

Дед Мороз – Ёлопукки. Ходила по институту и такая байка. Якобы один первокурсник перевёл первые фразы учебника "How do you do?" и "It's all right" следующим образом: "Как вы это делаете?" и соответственно

"Да всё больше правой". И он же перевёл слово "merry-go-round"

(по-нашему карусель) как "Девушка Мэри пошла по кругу".

Вот с французским получилось посложнее. Как я не тужился, а нашёл только одно весёленькое словцо – "пистданволь" (piste d`envol), что означает взлётную полосу. Пытался куда-нибудь пристроить сову

(по-французски – "ибу"), но ничего не получилось. От досады я даже выругался по-французски – "Merde!" (по-нашему дерьмо). И тут же меня как будто озарило – да это же от нашего "смердеть". Но потом всё же пришлось себе признаться, что скорее наоборот – это наши заносчивые дворяне, оттолкнувшись от французского дерьма, сотворили слово

"смердеть", а потом и наших трудящихся крестьян стали называть смердами, намекая на запашок известного удобрения.

Зато узнал, как сказать по-немецки "Я хорошо сохранился" – "Их бляйбе зер гуд". Это сообщила мне заговорщицким шёпотом на ушко учившаяся на нашем курсе по обмену немка Ингрид. Преподаватель испанского, свой в доску парень с Кубы, соорудил что-то совсем невообразимое: "Трахе негро пара ми ниета", что означало всего-навсего "чёрное платье для моей внучки". Вдогонку на "ура" прошёл наш блин, который, как оказалось, звучит как "охуэла".

Внёс свой вклад и зашедший как-то на огонёк студент с соседнего филфака. Оказалось, что кое-что есть и в изучаемом им португальском.

Особенно запомнилось, как звучит фраза "Объесться блинчиками" -

"Пидарас охуелос". А случившийся тут же его дружок из шведской группы, как ни тужился, родил только каку, так будет по-шведски пирожное. Кстати, впоследствии этот любитель кулинарии с тал послом в Швеции.

А теперь переместимся напоследок на минутку в Азию, а конкретно в

СРВ, куда я загремел ещё до окончания института, на практику. В военное время во Вьетнаме наши многочисленные советники проживали в гостинице на окраине Ханоя. Отправляясь после ужина на обязательный тогда кинопросмотр или политинформацию в посольство и часто будучи чуть-чуть под

хмельком, они таксисту-вьетнамцу в шутку говорили (в вольном изложении): "Давай, жми к такой-то матери!", что им воспринималось как название советского посольства и надолго закрепилось во вьетнамском языке в качестве такового.

Понимая буквально расхожую шутку наших спецов об умении пользоваться главными орудиями труда: молотом, зубилом и матюгом, – вьетнамцы в характеристиках на полном серьёзе отмечали это высокое мастерство наших людей. Вообще, русский мат широко вошел в те годы во вьетнамскую лексику, особенно у тех, кто общался с нашими технарями. Это вызывало постоянные нарекания наших партийных органов, особенно после того, как вьетнамский слесарь, вызванный в посольский особняк, по окончании работы вежливо сказал жене посла:

"Писец, мадам".

Вообще, зная иностранный язык, иногда и на родине услышишь то, что другие не слышат. Вот, к примеру сказать, уже в наши дни вознамерился я как-то прикупить пару простынь. Зашёл в магазинчик, вижу на выкладке набор постельного белья. На коробке написано "Sheet set", т. е. по-нашему "Комплект простынь". Теперь маленький экскурс в английский.

В этом языке есть пары слов, прописывающихся по-разному, а произносящихся почти одинаково. Разница лишь в протяжённости буквы

"e". Классический пример: "sheep" и "ship". В первом случае это овца, во втором – корабль. Аналогичная история со словами "Sheet" и

"shit", только первое – простыня, а второе, извините, говно. Теперь вы поймёте, что я услышал от девушки-продавщицы на просьбу показать комплект простынок. Она спросила: "Вам этот "шит сет?", что прозвучало как "Вам что, этот набор говна?".

Естественно, я не стал обвинять девушку в незнании иностранного языка, но, признаться, открывал коробочку с некоторой осторожностью.

Так что учите английский, чтоб не обмишуриться.

И в заключение, коли уж на то пошло, хочется напомнить студентам

70-ых прошлого столетия модную в то время игру. Перед лекцией собирали с желающих по рублику и создавали банк, который доставался крикнувшему громче всех "жопа". Учтите, что тогда это слово звучало намного более жёстко для уха, нежели чем теперь. Так вот запомнился одним облом в нашем институте. Случилось это на лекции по дипломатическому этикету, которую читал приглашённый из МГИМО довольно моложавый профессор. Когда началась игра, он и ухом не повёл, но когда она достигла

крещендо, он сам громогласно прокричал

"Жопа!" и, ничтоже сумняшеся, отобрал банк у опешивших студиозусов.

Шапокляк

Вы, наверное, как и я в свое время, думаете, что шапокляк – это та старушенция, что с крысой Лариской на поводке ходила и всякие каверзы добрым людям учиняла. А ведь это сложной конструкции цилиндр, что раньше на голове носили. Есть такой среди моих немногих семейных реликвий, и храню его как память об отчиме. А история шапокляка такова. Отец (хоть и неродной, но отчимом называть язык не поворачивается) с первых дней войны попал прямиком из питерского артиллерийского училища на фронт и со своим полком пятился под немецким натиском до своего родного Питера, где и окопался на

Пулковских высотах за Петергофом.

Выжил в ленинградскую блокаду да ещё и родственникам помог не загнуться в этом 900-дневном адовом молотилове, делясь из своего и без того скромного фронтового пайка. А как блокаду прорвали, потопал со своей пушчонкой на Запад, сменил профессию пушкаря на не менее нелегкий и опасный фронтовой труд военного разведчика и ко времени освобождения Берлина был уже, несмотря на молодые годы, майором.

Путь свой через пол-России да пол-Европы отметил многочисленными наградами, чуть-чуть не дотянул до героя, но не печалился, и так грудь мундира напоминала иконостас от сияния орденов и медалей.

В Берлине на какое-то время застрял, выкуривая из городских щелей военных преступников, жил небедно в доме старинном, разъезжал на трофейном "Вандерере", отъедался за голодные годы войны. Легко мог себе позволить и ресторан, но молодёжь предпочитала лихие заполночные пирушки в лучших традициях российского офицерства. Вот тут-то и начинается моя история, как её рассказывал отец. Дело в том, что хранил он два оригинальных сувенира: шикарную адмиральскую саблю и помянутый уже мною шапокляк. Первую самолично снял с немецкого адмирала при аресте и сохранил как память с разрешения начальства, а шапокляк нашёл где-то, сразу и не разобрав, что за вещь такая странная. Цилиндр раскрывался при нажатии снизу с пружинным звуком, действительно

напоминающим "кляк", и сверкал черным аристократическим шёлком до рези в глазах.

Так вот, на одной пирушке вышел у отца спор на ящик шампанского, что пройдёт он утром по главной берлинской улице, Унтер дер Линден в полном форменном облачении, но с шапокляком на голове и с адмиральской саблей на боку. Риск был колоссальный, за такую проделку можно было и под трибунал пойти, как минимум звания лишиться, да кровь бурлила в молодом теле, а к риску фронтовику не привыкать. Короче, поутру двинулся он строевым шагом от одного конца проспекта к другому, где в нетерпении поджидали его спорщики, уж и не радые, что такое затеяли. Но обошлось всё на удивление обыденно, никто из прохожих немцев даже ухом не повёл, видно, подумали: "Кто их знает, этих русских, может, форма такая парадная". А от патруля нашего, небось, Бог уберёг.

Вот упомянул я отцовский "иконостас", а с ним другая история связана. Один орден на груди отличался своей необычной помпезностью.

Это был американский орден Почета, и всего около двух десятков наших офицеров были им удостоены на пике советско-американского боевого сотрудничества после встречи на Эльбе. И полагалась за него немалая ежемесячная дотация. После войны, как расплевались с американцами и в "холодную" войну с ними втянулись, стало опасно орден тот носить.

Но опять отец рисковал, нацеплял его на праздники в надежде, что в общем орденском блеске не разглядят, кому не надо. В военной академии им. Фрунзе, где отец учился, был ещё только один офицер из того наградного списка, так он всё подбивал отца пойти к американцам за деньгами орденскими, но, к счастью, не уговорил.

А сам всё же сходил в посольство США и вышел обладателем ключей от "Кадиллака" и от дачи в подмосковном дипломатическом посёлке.

Успели только обмыть на той даче в узком кругу благоприобретение да дважды вокруг неё на машине объехать. Поутру фронтовой офицер, кавалер ордена Почёта, как нашкодивший мальчишка, в сопровождении двух молчаливых товарищей в штатском зашел в посольство вернуть все полученные накануне ключики и через день оказался в заштатном гарнизоне за Кудыкиной горой с одной маленькой звездочкой на погонах вместо прежних двух больших.

Вот такая история приключилась. А я иногда, как копаюсь на антресолях, наткнусь на шапокляк, клякну им, нацеплю на лоб, к зеркалу подойду и полюбуюсь этой немеркнущей с годами

диковинкой, гадая, то ли смешно то, что вам рассказал, то ли грустно. Ну, да вам судить.

Фронтовые байки

Давно это было, в пятидесятые годы, страшно сказать, прошлого столетия. Я был еще пацаном, недавно только перестал ходить пешком под стол. Страна жила свежими воспоминаниями о страшной великой войне и дорогой ценой добытой победе, жила серенько, неуютно, но весело под неусыпным бдением вождя всех народов. Всё преображалось как по мановению волшебной палочки на праздники. Народ цеплял на грудь надраенные до восхитительного блеска фронтовые награды и шёл на улицу, где от алого кумача резало глаза, уши закладывало от грома литавр и барабанов из громкоговорителей. Куда не повернёшься, мудрые, как у библейского пророка, добрейшие очи и хмурые для врагов народа усищи с портретов. Ну, и кульминацией празднеству парад вооруженных сил и демонстрация трудящихся на Красной площади.

Для меня особо ожидаемой была предпарадная подготовка, ибо удостоился поручения отца чистить всё, что создавало благородное марево офицера, от медных пуговиц до грозного кортика. И, уж поверьте, делал это от души и до мозолей. Вечером женщины в праздничных шифоновых платьях и фильдеперсовых чулках суетливо накрывали шикарный стол с обязательным "оливье" посредине, мужчины в мундирах чинно рассаживались. Малышню, подкормив на скорую руку, гнали гулять во двор, чтоб под ногами не крутились. Задачей было, как народ за столом пообмякнет и посыпятся наперебой фронтовые байки, пробраться тихонько, притулиться в уголке и слушать с замиранием сердца взрослых.

Меня, правда, друзья отца уважали и, заметив, присаживали на колено к столу, в который раз поминая мою заслугу. Заслуга была не ахти какая, послали как-то за "белой головкой", была такая водка, закупоренная светлым сургучом, а я на обратном пути, поспешая, хряпнул бутылкой в "авоське" о лестничную ступеньку, дно и отвалилось. Но я в какую-то долю секунды умудрился перехватить бутылку за горлышко, так и принес со слезами счастья на глазах, заслужив одобрение мужской компании.

Так вот, о байках. Были среди боевых друзей нашей семьи

(мать тоже фронтовичка) два героя: один – скромняга танкист, другой – шумный и весёлый лётчик. Первый, когда просили рассказать, за что получил золотую звезду, долго отнекивался, а потом признался, что был первым, кто из своей "тридцать четвертки" подбил чудо-танк

"Тигр", вмиг развеяв миф о его непробиваемой броне, притом тут же добавил, что получилось это с перепугу. Просто, якобы навострившись драпануть, ненароком задел ногой спуск своей пушчонки и влепил немцу прямо в лоб. Даже я, малец, чувствовал за историей этой желание сойти с почетного пьедестала, на который вознесла его награда.

Второй, не мудрствуя лукаво, доставал из мундирного кармана передовицу "Красной звезды", где описывался его геройский воздушный бой с немецкими асами, а сам расписывал, как обмывал звёздочку, поднявшись со всем экипажем и ящиком водки в воздух и, пока не высосали всё до последней капли, кружа над аэродромом. Верили ему тоже не очень, памятуя жёсткую фронтовую дисциплину, но слушать было весело, особенно когда рассказ пошел о механике, который замучил просьбой хоть раз поднять в небо, а его засунули в бомбовой отсек и, имитируя взлёт, сбросили на зелёную травку. Механика чуть Кондрат не хватил, зато, как отошёл, нахохотались вволю и впрок. А еще, ну точно предвосхищая фильм Рязанова про схохмивших друзей в бане, приятеля своего, с которым засиделся в кафешке напротив памятника

Ильичу, доставил в отключке в соседний городишко и возложил у такого же постамента трезветь.

И много еще чего уморительного рассказывали молодые орденоносные ветераны войны, только не покидает меня пришедшая тогда в ребячий ум догадка, что историями этими отгоняли они другие фронтовые воспоминания, уж лучше слезы на глазах от смеха. Ведь на праздник веселиться полагается.

Родословная

Всё моё детство, да и не только, связано было с бабушкой по материнской линии Анной Алексеевной Кожевниковой, в девичестве

Котляревской. Её я называл мамой, а вот мать свою родную Женей, в крайнем случае – мамой Женей. А сложилось так из-за того, что мать родила меня в январе 1944 г., отлучившись ненадолго с фронта, а потом вернулась довоёвывать, дойдя с отцом, комдивом Арефьевым, до

Берлина. Я же был брошен на руки бабушки, которая и выпестовала меня.

Вскормлен я был на молоке из женской консультации, а потому назывался "искусственником". Была у меня и кормилица, кстати, внучка

Калинина, вошедшего в нашу историю как "всероссийский староста". С ней мать познакомилась и сдружилась в роддоме, где Калинина родила

Наташу, мою будущую "кровную" сестру, а она – меня, Сашу. Мы и учились в одной школе класса после третьего, когда девочек и мальчиков "слили" (до того обучение было раздельное).

Через пару лет после возвращения с войны родители развелись.

Отец, оставив нам "генеральскую" квартиру в Москве, вернулся в

Мариуполь, откуда он ушёл на фронт с должности директора оборонного завода. Мать после того как отец нас бросил, в отместку тут же выскочила (здесь и далее пользуюсь бабушкиным лексиконом) за майора

Никитина, бывшего командиром разведроты у отца. Папаня в возрасте ровесника моей бабушки женился повторно, породил ещё четырёх детей, и за меня исправно платя алименты.

Бабушка, если и поминала его, то недобрым словом, называя полупрезрительно армяшкой. Действительно, его отец, а мой дед, был обрусевшим армянином, богатым купцом первой гильдии, купившим дворянское звание. Интересно, что он был единственным клиентом юриста Ульянова (кличка – Ленин), защищавшего на суде моего деда, но, увы, неудачно. Это всё я, естественно, почерпнул со слов бабушки.

Доверить воспитание ребёнка своей дочери, актриске "без царя в голове", она не могла, поэтому я жил на два дома и

большей частью в бабушкиной коммуналке на Тверской (бывш. ул. Горького), за

Моссоветом (бывш. домом генерал-губернатора Москвы). То, что я называл её по имени, мать не обижало. Она была потрясающе красива, оставалась до поздних лет моложавой и подтянутой, вращалась в богемных кругах столицы, так что такое обращение сынули ей даже льстило.

Жить у бабушки было интересно, бегали мы дворовой малышнёй в кинотеатр "Центральный" на углу Пушкинской площади (ныне снесён), летом купались в каскадном фонтане под хвостом у памятника Юрию

Долгорукому, "нашим" магазином был "Елисеевский", где продавались непередаваемой вкуснотищи пирожки с мясом. Любили играть на бульваре около статуи Пушкина, который тогда стоял напротив себя теперешнего, через Тверскую, и служил местом встречи чуть не всех влюблённых в

Москве (вроде теперешнего Интернета).

Добирались и до Красной площади, но с опаской – это было уже на границе нашего ареала. Там в здании теперешнего ГУМа обретались какие-то военные организации, а всюду кругом шныряли милиционеры. На праздники туда мимо нашего дома направлялись колонны танков, а за ними колонны ликующих демонстрантов, рвущихся хоть одним глазком глянуть на стоящего на мавзолее вождя всех народов Сталина.

Среди моих игрушек был маузер с дарственной надписью, оставшийся от героя Гражданской войны, бабушкинового мужа, фотоаппарат

"Светокор" с выдвигающейся чёрной гармошкой объектива и с треногой к нему, настоящий автомат с круглым патронным диском и переделанным на деревянное дулом, привезённым с Отечественной войны моим отцом мне в подарок, и много ещё удивительных вещей. Пистолет от греха подальше бабушка попросила за трёшник отвезти за город и забросить в озеро

(не уверен, что сосед так и сделал), а фотиком я пользовался, когда учился классе в четвёртом, в фотокружке дворца пионеров.

Двухкомнатная квартирка бабушки больше напоминала пенал с высоченным потолком за 4 метра с непонятными неровностями. Как оказалось потом, это были остатки скрытой побелкой великолепной лепнины, оставшейся с того времени, когда дом был фешенебельной гостиницей "Белый медведь". "Удобства" были в длиннющем коридоре, постоянно бурлящем и наполненном шумом играющей детворы. Дверь туалета украшали два больших нуля, под которыми был пришпилен список жильцов с указанием дней дежурства по уборке этого заведения. Дверь

огромной коллективной кухни была постоянно открыта и от установленных по периметру газовых плит источался аромат из стоящих на огне разнокалиберных кастрюль и сковородок.

От старой жизни у бабушки остались лишь две вещи – красоты необычайной фарфоровый чубук курительной трубки с портретом её мамы, а моей прабабушки, сделанной в Кракове по заказу её батюшки, и не менее старинный дуэльный пистолет, из которого он убил соперника перед женитьбой на ней. Был ещё серебряный сервиз из бокалов, креманок и блюд якобы из отцовского имения, но однажды я его отчистил зубным порошком и на нём проявилось клеймо "Hotel Bristol.

Berlin".

Бабушка с пунцовыми от стыда щеками призналась, что, взяв грех на душу, обманула меня. Больно ей не хотелось раскрывать истинное происхождение сервиза, который оказался военным трофеем, вывезенным из побеждённой Германии моими родителями, а это всё-таки неприличный поступок. Вот такая она была принципиальная. И надо сказать, её за это в доме уважали. И ещё за то, что была председателем товарищеского суда.

Особым уважением она пользовалась у домашних алкоголиков, её постоянных клиентов в суде, которым никогда не отказывала в "трояке до получки", хоть и знала, что возврата не будет. За активную общественную работу она была даже награждена медалью "В ознаменование 800-летия Москвы" с профилем князя Долгорукого на аверсе. Кстати, в этом деле ошибочка вышла. 800 лет Москве отсчитали с года первого упоминания о ней в Ипатьевской летописи (1147г.), а ныне, говорят, нашли подтверждение, что зачали её много раньше, и мне светит перспектива отпраздновать тысячелетие Москвы.

Угол одной комнаты был буквально завален книгами, в которых я страшно любил копаться. Любимой был большой фолиант, изданный к десятилетию Октябрьской революции с многочисленными фотографиями её вождей. Чуть не все они были перечёркнуты чёрными крестами, такими же как и на найденной в куче карте Советского Союза и стоявшими на городах и других населённых пунктах (слева и аж до самой Москвы), захваченных в войну фашистами.

Насчёт книги бабушка мне популярно объяснила, что зачёркнуты враги народа, расстрелянные советской властью. Я как-то обратил её внимание на то, что одного врага она всё же пропустила, а она с грустью в голосе пояснила, что рука не поднялась – маршала

Тухачевского она лично знала и он, мол, был из хорошей дворянской семьи. А, увидев у меня в руках русско-японский

разговорник со звёздочкой на дерматиновой обложке, поведала, что это был её единственный учебник японского языка.

В 30-е годы дед служил в Дальневосточной армии, той, которой ранее командовал герой Гражданки Лазо и которого сожгли "белые" живьём в топке паровоза. Бабушка работала в штабе переводчицей японского языка, а первыми фразами разговорника в русской транскрипции были: "Стой, руки вверх!", "Слезай с коня!" и "Снимай сапоги!". Я ещё, помню, долго соображал, как это япошка должен был слезать с лошади поднявши руки.

А ещё я услышал от бабушки, что дедушка случайно уцелел, когда на заседании штаба армии разгорелась жаркая дискуссия о сроках прихода мировой революции (Ленин с Троцким в этом вопросе разошлись), и горячие члены штаба выхватили шашки и порубали друг друга. И в предвоенной сталинской резне командиров Красной армии он погиб бы, как и Тухачевский, которого дед знал по Первой мировой войне, да спасло его крестьянское происхождение. Ибо был он единственным

"красным" казаком в сплошь "белой" казачьей Яицкой (Урал) станице.

А дед, геройский казак и кавалер двух георгиевских крестов, и бабушку спас, покрыв браком её грех дворянского происхождения. А она была незаконнорожденной дочерью польского графа Котляревского и его гувернантки. Грех свой он прикрыл, отдав гувернантку замуж за начальника краковского депо, но дочь потом признал, когда отчим-железнодорожник спился, а мать умерла. Граф взял Анечку в свою семью (за этот благородный поступок я его уважаю), наделил своей фамилией и отправил в пансион благородных девиц.

В революцию она, будучи либеральных взглядов, бросилась из

Кракова в Москву, но доехала только до Житомира, где её свалил тиф.

Подобрала и выходила её бедная еврейская семья, поэтому она всю жизнь уважала еврейскую нацию, считая её избранной и возмущаясь волнами антисемитизма в России. При этом ссылалась на фразу из статьи Горького на смерть Ленина, выкинутой при напечатании, что каждый подлинный российский интеллигент – или еврей, или несёт в себе хоть каплю еврейской крови.

Распятие Иисуса она им простила, считая внутренней разборкой, а в

Октябрьскую революцию евреи, по её словам, всё же перегнули палку, за что сами и поплатились. Надо сказать, что

она была религиозна, но как-то по-своему. Верила в провидение и фатальность бытия, в некий верховный разум (т. е. подобие матрицы, выражаясь современным языком).

В церковь всё же ходила, но только в одну, в храм Косьмы и

Дамиана, что на углу Столешникова переулка и Тверской, недалеко от её дома. Да и ходила по поводу излечения от своих болячек, ибо считала что братья-бессребреники, покровители врачей, и святыми ставши, помогают страждущим. Богу поклонялась и привычно молилась, но как олицетворению верховного разума. И, вы знаете, на таком же перепутье, видимо, к истинной вере, нахожусь и я.

Тогда же под страшным секретом узнал я от своей бабушки, что бабушкой Ульянова была еврейка, а духовным отцом и революционным вдохновителем – еврейский банкир Парвус. И что революционный символ звезда (пентакль) есть не что иное как магендавид (звезда царя

Давида), только без одного луча, символизирующего ум гоев

(неевреев). Оставшиеся лучи означают ум евреев (верхний луч), энергию и физическую массу гоев (левый и правый лучи) и энергию и массу евреев (внизу в силу относительной малочисленности еврейской нации).

По красным дням календаря собирались у бабушки подруги, числом всегда два. Одна, как моя бабушка графское, скрывавшая своё княжеское происхождение, а вторая – просто бывшая столбовая дворянка, к тому же плохо владевшая французским. А потому к ней отношение было несколько снисходительное, ведь общение происходило почти исключительно на этом старорежимном языке. Первое, что я услышал от них, совершив какую-то бестактность (что взять с ходящего под стол малыша?) было уже известное от бабушки "Fi, fi donc, Саша!"

(с ударением, конечно, на вторую "а").

Обе, как и бабушка, доживали свой срок в одиночестве, просто дворяночка – в комнатушке бывшего доходного дома, которым её семья до революции владела, в двух шагах от нашего. Регулярные посиделки у нас были для них светом в окошке и, возможно, единственной возможностью отвести душу. Довольно скоро я начал их понимать и общаться на французском, а потому чуть не каждые пять минут кто-нибудь из старушек (только на мой детский взгляд, ведь не так уж и стары они были) подносил палец к губам и говорил: "Только тс-с-с,

Саша!".

Действительно, часто вещи говорились крамольные, и я даже в какой-то момент подумал, что дамы принадлежат к закрытому масонскому обществу, ну то есть к врагам народа. Посудите сами,

у них были слова-пароли для распознания "своих-чужих" (похоже на устройство современных военных самолётов). Это были "класть-ложить",

"туфель-туфлей", "кофе в мужском или женском роде",

"коне ш но-конечно", "крас и вее-красив е е", "фен о мен-феном е н",

"нач а ть-н а чать" и ряд других. Чужак и тот, кто говорит "на сегодняшний день" – это тоже "Fi donc" и масло масляное. Везде у них были свои люди, к примеру, божественная актриса Любовь Орлова, которая оказалась хороших "голубых кровей" (Тс-с-с, Саша!), жёны известных всей стране людей, даже из самых высоких эшелонов власти.

Я и сейчас считаю, что это был широко разветвлённый, глубоко законспирированный антисоветский заговор. Заговор по спасению драгоценной части генетического фонда России. И эти заговорщицы, хоть и в горящую избу, может, и не входили, и коней на скаку не останавливали, но делали нечто большее – противостояли вселенскому хаму в лице Ленина, Сталина, Хрущёва и иже с ними, спасая великий русский дух чуть не полностью истреблённой интеллигентной массы страны.

И при том при всём, когда по чёрной тарелке нашего громкоговорителя мы услышали замогильный голос диктора с сообщением о кончине генералиссимуса Сталина, я увидел на глазах бабушки (и это было единственный раз в жизни) крупные слёзы. "Мне страшно,

Александр, – сказала она, – теперь Америка не побоится пойти на нас войной, а кто нас ныне, сирых, защитит?".

Дожила моя любимая бабушка до весьма преклонного возраста, оставаясь подвижной и сохраняя ясность ума, а умерла в одночасье, присев перед телевизором посмотреть последние известия (мне бы так).

Но такое ощущение, что и поныне не оставляет она меня своими заботами. А как ещё объяснить, что пару лет назад перевернулся я в гололёд на своём Опеле, возвращаясь с поминок самого близкого друга, а выбрался из-под машины без единой царапины и протрезвевшим как стёклышко?

Школа

В первый класс я пошёл в школу N586 в Хлыновском тупике на Б.

Никитской, рядом с Тверской и Брюсовым переулком, где я жил у бабушки. Но во второй класс я уже ходил в школу N24, что стоит впритык к зданию станции метро "Парк культуры", где в то время работала училкой русского языка и литературы моя мать. Хошь, не хошь, приходилось быть круглым отличником, ибо любая моя "четвёрка" считалась кошмаром и оскорблением её учительской чести. А перебрался я в эту школу, потому что родители всё-таки отобрали меня у бабушки и взяли к себе. Правда, та не оставила внука своим вниманием и ездила воспитывать меня, а заодно и дочь с зятем, в родительскую квартиру в Хользуновом переулке на Пироговке как на работу.

В четвёртый класс я перешёл на волне слияния "мальчукового" и

"девочкинова" образования в смешанную школу N39, рядом с метро

"Фрунзенская" и ближе к дому. Надо сказать, что дом был весьма своеобразным и прозывался народом "генеральским". Действительно, там проживал высший генералитет Москвы в шикарных по тем временам квартирах. Они были однокомнатные, но размером метров в семьдесят, с огромным окном во всю стену.

Для удобства проживания комната была разбита на секторы

(гостиная, спальня, детский закуток) массивными шкафами, трельяжами и комодами, как и кожаный диван с креслами, видимо, реквизированными в своё время у буржуинов. На каждом предмете мебели в укромном месте был прибит овальный ярлычок с инвентарным номером, и время от времени комендант дома с помощницей проводил инвентаризацию этого общественного имущества.

Моим любимым было обитое голубым шёлком и с ножками и подлокотниками в форме львиных лап величественное креслище, стоявшее в прихожей. Оно вскоре уступило место газовой плите, а до того все готовили в общественных кухнях (по две на этаж). В эти кухни мы, малышня, любили забегать в расчёте получить что-нибудь вкусненькое от кухарок. Бывали там, правда, и шумные скандалы, доходившие до брошенного в кастрюлю борща мстительной женской рукой куска хозяйственного мыла.

Почти во всех семьях были домработницы (так из соображений политкорректности называли прислугу из деревенских девушек). Наша

Клаша была известна всему дому справкой, представленной моей матери при найме. Справка была из сельсовета и подтверждала, что "Клавдия под немцем была, но связи с ним не имела".

В большой мансарде дома располагался свой клуб с

кинотеатром, потом, правда, переделанный в общежитие военной академии им. Фрунзе, расположенной неподалёку. Во дворе был свой магазинчик, из которого в любое время по телефонному звонку приносились в огромной корзине заказанные продукты.

В вестибюле налево располагался кабинет домоуправления, где проводились общие собрания жильцов и лекции на тему политического момента. С появлением телевизоров там был установлен этот чудесный аппарат со сферической линзой, наполненной дистиллированной водой, для увеличения малюсенького экрана, и кабинет стал ещё и общественной телевизионной.

А напротив через вестибюль располагались кружок "Умелые руки" для детей и "Курсы кройки и шитья" для их мам, жён военоначальников. Так что все в доме поголовно были охвачены общественно-политической работой и системой культурного проведения досуга. Вторым таким домом

"коммунистического быта", более известным, чем наш, был только Дом правительства на набережной Москвы-реки.

Один этаж, четвёртый, был полностью занят семьями бывших военоначальников республиканской армии Испании, которые после поражения от войск генералиссимуса Франко бежали в СССР, получив на родине смертные приговоры. Жили они шумно бурлящей коллективной жизнью, часто приезжала к ним "Пассионария" Долорес Ибаррури, и тогда страсти политических дискуссий зашкаливали. Когда "открылась"

Куба, т. е. к власти пришёл Фидель Кастро, почти все наши испанцы перебрались к нему под крылышко, как они говорили, ближе к дому.

В школе N39 проучился я до конца, правда, с перерывом на 7 и 8 классы, когда родители отправились в загранкомандировку в ГДР и отдали меня в интернат. На моих глазах рядом со школой был пробит

Комсомольский проспект, а раньше там располагался ипподром, на котором по праздникам проводилась торжественная выездка и конно-спортивное представление. Регулярным и самым почётным гостем на трибуне был герой Гражданской войны пышноусый Будённый.

По заданию фотокружка районного Дворца пионеров бегал я снимать старенькой камерой, доставшейся от деда, строительство на месте заболоченной поймы Москвы-реки стадиона в Лужниках. Купаться ходили мы с ребятами на покрытый ряской и кишащий пиявками пруд у

Новодевичьего монастыря (там же ловили заморышей-карасей на удочку), на "Бродягу" с Раджем Капуром и "Тарзана" с

Вестмюллером – в клуб завода "Каучук", в спортивные секции – на рядом с ним расположенный стадион "Труд".

Два интернатских года послужили мне хорошей жизненной школой.

Интернат принадлежал ГРУ (главное разведывательное управление МО) и располагался на Петровско-Разумовской аллее, рядом со стадионом

"Динамо". Директором был полковник, бывший шпион-резидент в двух странах, свободно говоривший на трёх языках. Заведение было богатое, кормили нас от пуза да так, что до сих пор смотреть не могу на чёрную икру. Был свой спортзал с физруком, актовая зала и классные комнаты для подготовки домашних заданий (в школу мы ходили общую).

На воскресенье интернатские старших классов отпускались на свободу и получали по трёшнику на мороженое и другие карманные расходы, которыми часто являлись курево и бутылка на десятерых полюбившегося нам своей дешевизной портвейна "777". Была в интернате и "падшая женщина", десятиклассница, дочь резидента в Финляндии, так что интернатское образование отличалось расширенным профилем.

Нравы здесь царили казарменные. Мне сразу объяснили, что есть патриции и есть плебс, смерды, рабы (я слава богу сразу попал в первую категорию, проявив себя на спортивной ниве и в способностях на разные хохмы), но патриции младшего класса были рабами по отношению к "дедам" старших классов. Кодекс поведения был расписан на задней стенке шкафа дортуара, а шкаф отодвигали только на время инициации новичка.

Там же хранилась и священная, зачитанная до дыр книга -

"Республика Шкид" Пантелеева. Описанные в ней шкоды бывших беспризорников в интернате служили нам модусом вивенди и рецептом для подражания. Мы даже развили опыт своих собратьев. Разве додумались бы они привязать за рыболовный крючок на леске наполненный водой презик (тогда он назывался гондоном от испорченного слова "кондом" и служил популярным ругательством) и прицепить ненавистной воспитательнице сзади на юбку?

Или оп и сать в пять струй из окна школьного туалета проходящую внизу директрису (фу, даже стыдно сейчас вспоминать). Надо сказать, что в школе и вообще вне стен интерната все различия между интернатскими сглаживались и мы держались одной шайкой-лейкой. Этого требовал закон выживания – рядом был район Марьиной рощи и учившиеся с нами в школе ребята оттуда признавали лишь язык силы и уважали фантазию в борьбе с общим врагом – учителями.

Того требовал и кодекс, демократично оставляя плебеям возможность перехода в категорию патрициев в случае победы над одним из таковых в честной "стычке". "Стыкаться" ходили всем гамузом в спортзал ночью, под утро, чтобы не разбудить дежурного воспитателя, и бились до первой "кровянки". За порядком следили рефери и секунданты из числа патрициев старшего класса. Они же безоговорочно определяли и победителя, поэтому могли и подсудить "своему".

Внутрипатрицианские разборки происходили по той же ритуальной схеме, но без последствий в плане изменения статуса. Однажды я дрался со своим же лучшим другом и тоже патрицием, Игорем, задел его нос, пошла кровь, поединок тут же был остановлен и судейским вердиктом нам было предписано принародно обняться и забыть обиды. То есть победила дружба. Так что можно представить, каким резко повзрослевшим я вернулся через два года в родную школу и сколь возрос мой авторитет среди мальчиков да и девочек моего класса

(соотношение было семь к двадцати).

Через несколько лет после моего ухода из интерната я шел через парк от Михайловского дворца на встречу интернатских однокашников и был остановлен и окружён грозной стаей бандюг, потребовавших снять моё импортное пальтишко ярко-жёлтого цвета. Но, присмотревшись, мы бросились обниматься – это оказалась шайка моих однокашников по школе. Они и сопроводили меня до дверей интерната, чтобы я не дай бог не попал в лапы чужих.

А уж окончив родную школу, я самонадеянно без папиной поддержки сунулся поступать в МГИМО, но проскочил, как тогда шутили, МИМО.

Сдал-то экзамены хорошо, да вот беда, не оказался в списке блатняка, который чуть не открыто лежал под рукой экзаменаторов. Плюнув с досады, устроился через дорогу от дома в архивный комплекс, чтобы пересидеть год до следующих вступительных экзаменов.

Там я сделал головокружительную карьеру от чернорабочего до младшего архивного хранителя. Моя "чёрная" работа началась с крушения по заданию завхоза статуй и бюстов Сталина, натыканных по всей территории архивной территории, занимавшей целый квартал по

Большой Пироговке. Часто таскал тяжеленные портреты новых вождей для замены в кабинетах старых, погоревших. Один из таких павших ангелов,

"примкнувший к антиправительственной группировке" Шепилов, был сослан в наше Главное архивное управление и

оказался приятным во всех отношениях мужиком.

Часто заходил в ЦГАОР (архив Октябрьской революции), где работала по той же причине, что и я, моя однокашница Наташа Калинина. Архив был интересен тем, что все сотрудники постоянно бродили меж стеллажей, тупо вытаскивая документы и просматривая их на предмет обнаружения любого Ленинского факсимиле, за что давали премию в 40 руб. (месячная зарплата архивариуса).

Мой завхоз полюбил меня за старательность и даже поделился страшной тайной. В подвале он держал бочку с каким-то клеем, и когда совал в неё работающую электродрель, на сверло наматывалась вязкая субстанция клея, а оставался чистый спирт. Коим мы и отметили со слезами на глазах мой переход на чистую работу в читальный зал. Там стояли громоздкие проекторы для просмотра плёнок с документами, а потому на месяц мне выдавался 400 гр. спирта для протирки оптики.

Линзы очень даже хорошо протирались ваткой, смоченной в водопроводной воде, а спирт шёл на благое дело поддержания в тонусе архивного техперсонала. Так что мой авторитет подскочил до небес.

Кстати, сдавая дела, поинтересовался я у главбуха, что означала фраза "для промывки ЖКТ" на спиртовых заявках. И древняя, как сам архив, бабуся шепнула мне на ушко, прижав сухонький пальчик к губам:

"Знай, деточка, ЖКТ – это желудочно-кишечный тракт".

В читальном зале я заведовал также выдачей документов из разных архивов. Публика была разношёрстная, запомнились двое учёных из постоянных клиентов. И тот, и другой отсидел по "десятке" в лагерях

ГУЛАГа и изучал свои же рукописные материалы из архива КГБ, реквизированные при аресте. Самое смешное (или грустное?), что, как признался мне один из них после принятия у меня за стойкой протирочной жидкости, оба и "накапали" друг на друга куда надо до отсидки.

Год в рабочей кутерьме пролетел быстро, я не успел и оглянуться, как пришла пора вновь засесть за учебники, освежая в памяти то, что должно было пригодиться на вступительных экзаменах в институт.

Альма-матер

В ту пору, когда я учился в Институте восточных языков при МГУ

(теперешний Институт стран Азии и Африки), а было это в шестидесятые годы, наше учебное заведение считалось идеологическим, а потому находилось под неусыпным оком соответствующих органов. По престижности институт, может, чуть-чуть уступал МГИМО, но по уровню подготовки ни в чём ему не уступал, а в некоторых аспектах был и на голову выше. Я имею в виду прежде всего языковые знания – кроме двух обязательных восточных и одного из европейских, можно было факультативно заниматься ещё любым другим языком, и у некоторых особо одарённых их число доходило до 5-6.

По соотношению душ преподавательского состава к бренным студенческим душонкам мы шли ноздря в ноздрю с Лондонским колледжем

Георга IV, а перед нами никого не маячило. Кроме профильных языковых дисциплин, нам вбивали в голову программы практически всех гуманитарных факультетов Московского университета, причём усилиями лучших профессоров. В попытке объять необъятное годовой курс, скажем, истфака, у нас проскакивал за семестр. Помню шутку одного преподавателя, который оповестил об очередном сокращении лекций по его дисциплине, предупредив, что в следующий раз его, видимо, просто вынесут, покажут нам, студентам, а на завтра назначат экзамен.

Престиж института был столь высок, что даже тех, кого выперли за неуспеваемость, с удовольствием брали на работу. Скажем, один из наших студентов-японистов, вылетевший из института скорее из-за головотяпства, был принят в отдел внешних церковных связей московского патриархата. Заходя к нам по старой дружбе, он хвастался отдельным кабинетом с сейфом, в котором всегда лежала нехилая пачка денег, часто возобновляемых руцей батюшки-начальника отдела без требования отчётности, на покрытие представительских расходов и обслуживание переданной ему в пользование чёрной "Волгой".

Рассказал как-то и о командировке с батюшкой в Японию для улаживания вопроса нашей церковной собственности. Оказалось, что ещё в царское время в центре Токио был за копейки куплен земельный участок под церковь, которую так и не построили, и сторожил его напрочь забытый там инок, кормившийся тем, что пускал за забор машины на парковку. Участок был продан (можете представить, с каким наваром), а инок в возрасте 90 с лишком лет был наконец вывезен в родные пенаты и получил благословение митрополита за долгое и тяжёлое послушание.

Попал я в ИВЯ без блата, не добрав по той же причине одного балла в МГИМО, просто отлично сдав вступительные экзамены. За это и поплатился – был зачислен в группу вьетнамского языка как одного из самых трудных (потом добавились тайский и кхмерский). Конечно, мечтал-то я о японском, на худой конец – арабском, но ничего не попишешь. Нас сразу предупредили, что не последнюю роль при решении нашей судьбы, т. е. выезда за бугор, будет играть оценка знаний идеологических дисциплин и активности участия в общественной работе.

Ну вот я и завертелся: в редколлегии стенной газеты, в

Научно-студенческом обществе и прочая, и прочая. Кстати, в НСО, будучи на 3-ем курсе, столкнулся с явлением по фамилии Жириновский, уже тогда привлекавшем всеобщее внимание своим неуёмным и взбалмошным характером. Среди прочих нагрузок был назначен в

Международный студенческий совет МГУ (МСС) курировать землячества студентов из ставшей мне уже родной Юго-Восточной Азии. Познакомился и даже подружился с сынком лаосского принца Суфанувонга, родственником камбоджийского принца Сианука и другими высокородными студентами вверенного мне региона.

Очень быстро я понял, под чьим колпаком и водительством функционирует наш МСС. Трёхбуквенная аббревиатура этого заведения

(для непонятливых – КГБ) высветилась, когда меня послали подсобить на какой-то международный симпозиум в Дом литераторов. Там всем заправлял одетый с иголочки парень, к которому бегали одетые тоже не по-нашему девушки докладывать об установленных с иностранными делегатами контактах, обращаясь к нему "товарищ капитан".

Как-то так получилось, что мы с ним сдружились, и даже в знак особого доверия он подарил мне пачку моих цветных фотографий: я вхожу в кафе "Москва" гостиницы "Россия", я сижу в баре, потягивая через соломинку коктейль, я выхожу и т. д. С широкой доброй улыбкой он посоветовал не мельтешить впредь в подобных заведениях. А однажды попросил послушать, что говорят на своём партсобрании вьетнамские студенты и отвёл в самую засекреченную комнатку МГУ, где перед пультом с номерами всех аудиторий и боксов общежития сидел дежурный слухач. Для меня это было прямо шоком.

Кончилось тем, что меня пригласили на Лубянку и предложили постоянную работу. Ну тут уж я озверел, срочно вызвал из Мурманска папашу, который служил там в должности начальника отделения главного разведуправления (ГРУ) в

почётной ссылке из-за предыдущей совместной работы в одном отделе с Пеньковским, оказавшимся английским шпионом.

Отец благополучно отбил меня от КГБ за обещание моего добровольного сотрудничества и вернулся назад шпионить за финнами.

Скажу попутно, что я с детства был наслышан ненароком из разговоров отца с его сослуживцами о существовавшем соперничестве

ГРУ с внешней контрразведкой КГБ и чувствовал их, "белой кости" офицерства, лёгкое и чуть боязливое презрение к гэбэшникам, копающимся по роду службы в грязном белье. Только с приходом в КГБ

Андропова штат был несколько облагорожен и приодет, но к тому времени ГРУ было уже поглощено этой организацией. Современного молодого читателя, видимо, удивит и покоробит такое хитросплетение секретных служб, но в моё время это было в порядке вещей. Недаром ходила шутка, что половина нашего населения сидела на Колыме, а вторая половина их охраняла или "стучала" друг на друга.

Сказав "А", скажу уж и "Б". Данное отцом за меня обещание сотрудничества я отрабатывал, можно сказать, всю жизнь. За кордоном сполна делился с чекистами всей необходимой им информацией, а в

Москве даже сочинил пособие для школы КГБ о специфике менталитета, нравов и обычаев граждан стран Юго-Восточной Азии для профессиональной их вербовки в случае нужды. Восток ведь, как известно, дело тонкое. Но к чести своей, поклянусь, никогда друзей не предавал и ни на кого не "настучал", несмотря на присвоенный КГБ призыв из Писания "Стучите, и отворят вам!",

Но вернусь к моим делам в студенческом совете. Мне дали доступ к письмам бывших наших студентов и студенток, оказавшихся по разным причинам за рубежом. Для чего, скажу позднее, а для начала изложу несколько наиболее интересных дел. Со стыдом вспоминаю письмо нашего ивяшника на имя ректора, в котором он извещал о своём нахождении во

Франции, где, как ему кажется, больше возможностей проявить свои способности, в том числе в области ориенталистики.

Самое смешное, что никто и не подозревал об отсутствии этого студента, а в затребованных журналах посещаемости против его фамилии стояли крестики. Только вездесущему следователю всё того же КГБ старосты признались, что изменник Родины попросил их прикрыть его поездку в родной Саратов на свадьбу сестры, а соседи по общежитию вспомнили, что он что-то говорил

о желании смотаться в Турцию, а под кроватью держал надувную лодку и мешок сухарей.

Другого студента, с филфака, нашла через наш совет международная адвокатская коллегия и вручила ему извещение о том, что в Канаде его дед помре и оставил ему в наследство обувную фабрику, дом,

"Кадиллак" и чёрт-те ещё что. Студент бил себя пяткой в грудь и кричал, что Родину не покинет ни за какие коврижки, но, побывав в нашем совете, утих, исчез с занятий месяца на два, а потом всё же оказался каким-то образом в Канаде, откуда и прислал письмо с сообщением, что вступил во владение фабрикой и уже организовал на ней ячейку компартии. Правда, это письмо оказалось единственным.

В основном письма приходили от наших девиц, которые повыскакивали за иностранных, большей частью чёрных студентов, уехали в их заморский рай и теперь верещали оттуда с лейтмотивом "мама, забери меня обратно". Вот эти письма и были моим основным аргументом уговоров наших студенток не лететь сломя голову за каждым заграничным принцем. Определённым диссонансом в этой кипе звучало письмо жён какого-то мусульманина с жалобой на старшую жену, хохлушку, вывезенную из нашего университета их благоверным мужем.

Они просили забрать её назад к чёртовой матери, ибо житья им не даёт и гоняет как пионерок, объявив себя секретарём домашней комсомольской организации.

Кстати о принце… Один выпускник аспирантуры, на сей раз жёлтенького цвета, сделал предложение руки и сердца второкурснице с юрфака. Тут я и подсуетился со своей пачечкой писем (конечно, без последнего, мной упомянутого). Долго уговаривать не пришлось, и понеслась она рысцой отказываться от партии. Аспирант, оказавшийся на поверку и вправду малайским принцем, пригорюнился, но всё же устроил пышные проводы, завалив неудавшуюся невесту подарками. Все перечислять не буду, но вот главные: торт метровой высоты в форме старинного замка с королевой, фрейлинами в креолине и вельможами в сахарных париках (на вкус все марципановые) и кольцо с брюликом, на вид карат в десять.

А теперь представьте лавину чувств, обрушенных на меня студенточкой в связи с таким обломом. Тем более что колечко у неё гэбэшники отобрали за обещание не выгонять её из университета (торт её прожорливые товарки успели оперативно слопать). В общем, сославшись на занятость по учёбе, ушёл из Международного студенческого совета, резко сократив тем самым свою общественную деятельность.

Польша

Случилось как-то в моей студенческой жизни, что предложили мне в

Международном студенческом совете МГУ, где я работал (такая была общественная нагрузка, как тогда выражались), поехать на Конгресс молодёжных прогрессивных организаций в Польшу. Я, конечно, с радостью согласился. Хоть и ходила в то время поговорка "Курица – не птица, Польша – не заграница", но всё же первый выезд за бугор это вам не фигли-мигли. Сформировали из студентов разных факультетов делегацию кандидатов на выезд, но в конце концов число их свелось к двум – я и чеченский старшекурсник из моего же Института восточных языков.

Остальные то ли не успели оформиться, то ли выездную комиссию не прошли и выпали в отсев. Надо сказать, что тогда не то, что сейчас, тогда загранка была чем-то вроде священной коровы и не каждому в руки давалась. Надо было получить кучу характеристик, рекомендаций да ещё "добро" недремлющих "органов". Но самым страшным стражем границ нашего отечества была как раз выездная комиссия, своего рода чистилище на пороге рая.

Заседали там старпёры из ветеранов Партии и гоняли безбожно по её, родимой, истории, а могли и каверзный вопрос задать типа "А кто у нас сейчас премьер-министром в Албании?" или "А сколько копеек стоит батончик хлеба у нас в булочной?". Я и сам чуть не погорел, когда задали вопрос "А что это, студент, у вас за колечко на пальце?". Пришлось объяснять, что кольцо – память о дедушке, который в чине полковника был тяжело ранен в первый месяц войны и перед смертью отдал кольцо с гравировкой двух переплетённых "А" своей дочке, а моей будущей маме.

Вензель – от первых букв его имени Александр и имени его жены, а моей бабушки – Анны. А колечко взято было на войну в качестве оберега, да вот не спасло. И попросил, мол, дедушка дочку, коли родит она сыночка, наречь в помин его тоже Александром и кольцо, когда повзрослеет, передать Сашеньке, т. е мне. Вот и ношу его, как завещано.

Довёл я стариков своим рассказом до слёз умиления и отпустили они меня с богом, наказав всё же на время

командировки колечко снять – негоже комсомольцу перед иностранцами свою слабость идеологическую демонстрировать. Однокашник мой чеченец тоже прошёл комиссию без осложнений. Был он из "стариков", т. е. отслужил в армии и пришёл в институт уже партийным, так что, как говорится, без вопросов.

Вот и отправились мы с ним поездом с пересадкой в Варшаве в Нови

Сонч, городишко, где в здании техникума тот конгресс и проводился.

Студенты были на летних каникулах, так что здание было в полном распоряжении участников: первый этаж для рабочих заседаний, второй – женское общежитие, третий – мужское. Заправлял всем мужик явно не комсомольского возраста, представившийся партсекретарём техникума.

Правда, поляки и из официальной делегации, и из штата переводчиков называли его чуть не открыто секс-инспектором, ибо его основной функцией было блюсти моральную чистоту делегатов. Это ему не очень-то удавалось, так как уже с первых дней, вернее, ночей постояльцы второго и третьего этажей перемешались.

Хитрые поляки уже в первый день организовали экскурсию на городской ликёроводочный завод, который в духе интернациональной дружбы презентовал нам несколько ящиков образцов собственной продукции. Ну и дело пошло сразу веселее. Вечером состоялся торжественный ужин в честь открытия мероприятия, потом столы сдвинули, освободив место для танцев, а на них выставили халявные напитки. Танцевали тогда, помню, чуждый нам танец "серф" (от французского слова "олень"). То есть надо было трясти головой как рогами, а также другими частями тела в такт шумного студенческого джаз-банда.

Народ быстро разгорячился, стало душновато, польки рассупонились донельзя к неописуемому ужасу моего идеологического наставника по делегации. Кстати, наше слово "полячка" звучит для их уха оскорбительно, ибо суффикс "ячк", как, впрочем, и у нас, несёт унизительный оттенок. Но мой друг, по идеологическим соображениям, даже узнав это, по-другому их уже больше и не называл.

Горячительные напитки из импровизированного бара утекали с поразительной быстротой, и чтобы охладить пыл, поляки провели конкурс среди представителей делегаций на лучшее знание их страны.

Чеченец, естественно, вытолкнул из толпы меня и не прогадал – я занял второе (к его неудовольствию), но всё же

почётное место).

Правда, немного сфальшивил, на предложение назвать трёх польских королей из глубин памяти выудив Ягелло, другими же двумя у меня были

Казимир I и Казимир II.

Потом танцы продолжились, а в конце уж трудно передать, что хозяева учудили… Объявили конкурс между польской и советской делегацией на кто больше выпьет. Излишне говорить, кто был выдвинут от нашей делегации, а от поляков – амбал на голову меня выше и с таким пузом, что я понял – шансы на победу у меня равны нулю.

Чеченец поддержал меня нервным шёпотком на ухо: "Держись, это явно политическая провокация". И я держался, тем более, что, усадив меня за торец стола, поставили передо мной флажок моей страны, тогда ещё красненький и с серпом-молотом.

Условием состязания было питие до отключки, т. е. до упаду, победитель – тот кто останется на стуле в сидячем положении. Пили водку, которую называли здесь "партейной" за ало-красную этикетку, из рюмок грамм на сто. Сначала дело шло быстро, мой противник, сидевший за противоположным торцом, нахально улыбался и по виду почти не пьянел. Я взмолился и попросил устроителей принести хоть какую закуску, ну хоть корочку хлеба. Они поняли меня буквально и принесли порцию хлебушка в размере выдаваемой в блокадном Ленинграде.

Может, это и спасло меня от падения в собственных глазах и в глазах сгрудившегося вкруг стола интернационала. В какой-то момент мне показалось, что я узрел в очах визави острое желание подняться, подойти, обнять и троекратно расцеловать меня. Точно такое же чувство обуревало меня – видимо, проснулась родственность славянских душ и всё такое. Но маячил перед глазами флаг СССР, а хребтиной я чувствовал напряжённый взгляд руководителя нашей делегации – и я удержался. При судорожной попытке встать свалился поляк.

Я тоже был на пороге отключки, но слава богу меня успели под громоподобные аплодисменты и крики "Виват!" донести на руках до постели.

Продолжение

В предыдущем рассказике поведал я о том, что приключилось со мной в Польше, на международном конгрессе молодёжных

прогрессивных организаций, но от нахлынувших воспоминаний я подустал и пришлось сделать перерыв, а вот теперь продолжаю.

Так вот, наутро после, не побоюсь этого слова, моего подвига во имя идеологической чистоты представляемой мной отчизны, началось рабочее заседание конгресса. Участники, ввалившиеся в зал шумной гурьбой и дружески обсуждавшие вчерашний сабантуй, расселись как бог послал за огромным, от стенки до стенки, столом. Возникла напряжённая пауза, а потом грянул гомерический хохот – "социалисты" оказались по бокам нашей советской делегацией по одну сторону стола,

"капиталисты" – напротив.

Угомонились лишь тогда, когда появился польский замминистра иностранных дел, который вроде как охарактеризовал то, что у нас принято было называть текущим моментом. В конце он, зыркнув глазами на стоявший передо мной вчерашний красный флажок, завёл речь о

Варшавском восстании, сказав, что советские войска намеренно притормозили перед польской столицей в ожидании, когда фашисты добьют варшавян и солдат "армии людовой", руководимых лондонским правительством в изгнании.

Все взгляды обратились на меня, надо было реагировать.

Поднатужившись, я выдал нашу трактовку событий – необходимость перегруппировки войск, ожидание отставшего тыла и прочее, чувствуя, что мне не очень-то верят. Вот так с этого и пошло – чуть что, вопрос в адрес советской делегации, причём и "свои" из соцлагеря норовили куснуть, а мне приходилось только отдуваться. К тому же рабочим языком был английский, и мне ещё приходилось переводить всё это на ушко моему чеченцу, который нетерпеливо дёргал меня под столом.

Единственной, кто тупо поддерживал меня по всем идеологически острым вопросам, была гэдээровская делегация, но восточные немцы были настолько больше католики, чем сам Папа Римский, что даже мне было порой неудобно. Кстати, с ними была связана и одна из организованных для нас экскурсий. Повезли нас в Ошвенцим, так звучит в польском произношении Освенцим, страшный гитлеровский лагерь, а теперь поразительной силы мемориал.

Уже после посещения первых бараков с выложенными по стенам полуистлевшими вещами, детскими куколками, женскими косами, зубными протезами, оставшимися от убитых и замученных здесь евреев, русских, тех же поляков, все члены делегаций стали искоса поглядывать в сторону немцев, а поляки и вовсе не скрывали злости. Те поняли намёк и тихо-тихо направились в сторону ожидавшего нас автобуса, поёживаясь от

направленных на них взоров.

Оставшиеся пошли в крематорий и разбрелись, рассматривая вывешенные там большие фотографии гор трупов, черепов, костей.

Жуткое зрелище. Я по извечному своему глупому любопытству заглянул в одну из топок и что же я вижу?! На внутренней стороне печной дверки мелом написанное слово "Вася". Слава богу этот наш Василий не удосужился прописать полную традиционную формулу "Здесь был Вася".

Вот уж воистину и смех, и грех. Я наскоро украдкой захлопнул дверцу, чтобы никто больше не увидел, но, обернувшись, наткнулся на Тадеуша, нашего партсекретаря с конгресса, который оказался на поверку отличным мужиком. Но тот его взгляд на меня я не забуду никогда.

Да, пора сказать пару слов о составе участников. Из социалистов были все, кроме Албании. А капиталисты были представлены молодёжными организации самого разного толка: христиане-демократы, либералы, троцкисты, маоисты и прочая и прочая. Один был только коммунист, не поверите, из Шотландии.

О нём хочу сказать особо. Шотландец был рыжим парнем в очках, ходил в клетчатом килте, ну то есть в юбчонке, которую уже многие пытались задрать в желании узнать, что он под ней носит. Так вот этот чудик на заседаниях отмалчивался, и вдруг пригласил к себе советскую делегацию, Тадеуша и кого-то ещё из социалистов, как я понял, для задушевной беседы с братьями по идеологии. Чеченец не пошёл, но выдал мне специально припасённую для таких случаев бутылку водки "Посольская".

Начали мы с виски "Белая лошадь" и светской беседы о том, о сём, в основном о погоде в родной стране хозяина. В основном пили-то мы, славяне, но и шотландец, чувствовалось, тянулся за нами. З а куси он, паршивец, не приготовил, пришлось, как говорится, под занюх рукава пить. Уговорив его "лошадку", принялись мы за мою

"Посольскую", ну, думаю, самое время за политику поговорить. Глянул

– а шотландец-то совсем зачах, и глазки его из-под очков разом и на меня, и на Тадеуша смотрят, а мы всё-таки друг против друга за столом сидим. И затянул ещё песню тягучую на манер волынки.

Тут мы его под микитки взяли и усадили на подоконник перед открытым окном, чтоб очухался. Только вернулись к столу, чтоб остатнее на посошок допить, вдруг ах и нет у окошка нашего собеседника в юбочке. Мы из окна высунулись в поиске трупа, а он нам снизу кричит, мол, всё окей, жив я и здоров, и вроде ту же

песенку поёт, только голосом слегка протрезвевшим. Слава богу, второй этаж и клумба под окном. Но ногу всё же вывихнул. Наутро, хоть и на костылях, нашёл меня, долго жал руку и бурно благодарил, всё время повторяя, что если бы не моя русская водка, был бы уже у ангелов.

Дни политических дискуссий и ежевечерних увеселений проскочили быстро, а перед отъездом попросил я поляков, с которыми здорово сдружился, завезти меня по дороге в город Краков. А дело в том, что в Москве перед выездом бабушка дала мне записочку с адресом дома графа Котляревского, дочкой которого была, и попросила при возможности найти его и поклониться. Так и сделали, на машине доехали до Кракова, удивительно быстро нашли этом дом на круглой площади перед каким-то памятником.

Постучали, вышла паненка, о чём-то долго говорила с моими друзьями. Они перевели, что никакого графа в глаза та не видела и слыхом не слыхивала, живёт в особняке семь семей, а дом капитально переделали в 30-х годах. Добавив, видно, на всякий случай, что никаким "храпья" (графьям по-нашему) дом они ни в жисть не отдадут, она потом всё же сменила гнев на милость и пригласила меня на чай.

Но я с благодарностью отказался. Как-то неудобно было. И потом поручение бабушкино-то я же выполнил.

Кофейная гуща

В студенческие годы чему только не научишься. Нет, я не о той науке, которую тебе пытаются вдолбить в голову наивные "преподы", намного ценнее казались другие знания, подхваченные в курилке между лекциями или во время немудрёных студенческих пирушек. Вот диамат с историей научного коммунизма, сдав на "отлично", благополучно забывал наутро после экзамена, а запрещённых Вернадского и Чаянова, о ком можно было услышать только в институтских кулуарах или от уж очень рисковых профессоров, помню и по сию пору.

Был у нас такой ничего уже не боявшийся старикан, чуть не столетний, из дореволюционного университетского поколения, непонятно как выживший, так он, тряся козлиной бородкой, со смехом рассказывал, как принимал экзамены у ребят, вернувшихся с Гражданки и ходивших в будёновке и шинели до пят. От группы таких заслуженных ветеранов той

братоубийственной войны обычно выбирался один, самый умный, и сдавал за всю группу, сдавал хорошо. А как иначе, если на стол перед экзаменатором небрежно выкладывался "маузер" с взведенным курком.

Друзья с психфака устраивали подпольные спиритические сеансы, на которых мы, крутя тарелку, с замиранием сердца такие вопросы доморощенному медиуму задавали, что, если б не студенческое братство с круговой порукой, гореть сизым пламенем идеологического очищения.

Но уж больно тянуло нас к чертовщинке после засушенных донельзя лекций по истории и философии. Народ был всё больше шустрый и любопытствующий, можете судить по одному студиозусу, производившему много шума вокруг себя. Имею в виду Жириновского, меня на два курса моложе, уже тогда всех доставававшего своей неуёмностью.

Я в духе бытовавших увлечений занялся хиромантией, боязливо прозывавшейся "дактилографией". Достал из-под полы на книжном развале на Лубянке под оком первопечатника (то ли Кирилла, то ли

Мефодия) перепечатку курса лекций, изданных родным университетом аж в 1913 году и, хватая всех за руку, бодро практиковался в чтении судьбы по хитросплетению морщин на ладони. Если всё вырисовывалось хорошо, удостаивался благодушного хлопка по плечу, если нет, мог схлопотать и по шее. Но ещё больше преуспел в гадании на кофейной гуще.

Дело оказалось немудрёное, а все секреты технологии подглядел у бабушки-старушки в Армении, куда занесло меня к друзьям на летние каникулы. Выпиваешь чашечку кофе, изумительного по вкусу, который только армяне и могут приготовить из промолотых до пыли в ручной цилиндрической мельнице маслянисто-черных зерен. Потом, обязательно левой рукой, крутанёшь кофейную гущу в чашке и всё, остальное зависит от полета твоей фантазии.

К примеру, разглядел загогулину во всплеске гущи – называешь рогом изобилия и пророчишь жизнь в достатке, завитушки – встретишь подругу жизни кудрявую и весёлую, р о жки – то ли бабником будешь, то ли жена изменит, выбирай по ситуации. Девушке мозги запудрить лучше способа нет, особенно в интимной, так сказать, атмосфере, то есть винишко недорогое на столе, мраку побольше и свечной огарочек поменьше. Чего я им, простушкам, только не нагадывал, и суженого, на меня похожего, перстом в подтверждение тыча в кофейную гущу, и детей сколько будет в замужестве, и соперника чёрного различали они в чашечке по моей подсказке. В общем, чего хотел,

того и вертел.

И вот, уж поверьте на слово, иногда, дурачась, увлекался и нес какую-то ахинею, явно не из меня исходящую, а будто оракулом потусторонним на ухо нашёптанную. И народ затихал, как бы в транс впадая и гласу этому внемля. Самое удивительное, что многое из того действительно сбылось, знаю по рассказанному немного нервными голосами в телефонных разговорах со студенческими друзьями и подругами много лет спустя. До сих пор, как вспоминаю те времена, думаю, что же это было и чего это я так испугался потом, резко завязав с гаданием.

Необъятное

Я в своё время учился, и довольно успешно, в Московском государственном университете и уверен, что университетское образование, полученное в нём на любом факультете, шире и универсальнее, чем даётся в других учебных заведениях. Но, конечно, прав был великий Козьма Прутков, сказав, что нельзя объять необъятное. Поясню мысль на примере.

Родители из заграничной командировки привезли мне синтетическую шубу, и радости моей не было предела. Тогда, в середине 60-х прошлого века, синтетика только появлялась у нас и достать что-то из этого материала было на грани возможного. А тут целая шуба, то есть верх пижонства. Но очень скоро радость моя поутихла. В Москве поползли слухи, что появился то ли шпион, то ли маньяк, который в толпе вкалывает бедным людям какую-то гадость.

Я как-то сразу догадался, в чём дело. А дело было в том, что зимой, особенно во влажную погоду, синтетика накапливала статическое электричество и била носителя вещи либо ближнего твоего разрядом.

Скажем, отстояв очередь за котлетами, протягиваю я чек продавщице за прилавком, а её весьма ощутимо бьёт током. После нескольких случаев такого рода и едва избежав мордобития стал я, в шубке своей будучи, людей сторониться и в физический контакт не входить.

И вот как-то, приехав на занятия, потянулся я к металлической ручке огромной двери высотки на Ленгорах, и тут из меня выскакивает особенно крупная молния. Ощущение, скажу вам, не из приятных.

Соответствующей была и моя реакция. Я взвизгнул и

произнёс (в переводе на современный язык, ибо тогда обходились обычным матюжком) следующее: "Блин! Грёбаная шуба! Опять током ударило!".

И тут слышу сзади профессорский басок: "А за такие слова, студент, на экзамене можно и пару схватить. Ибо это не ток, батенька, а статическое электричество!". Пришлось преподу объяснять, что я с гуманитарного факультета и в физике не бум-бум, на что я получил укоризненный ответ: "Но вы всё же в университете учитесь!".

Он, конечно, был прав, но многое, как мне кажется, зависит не только от источника знаний, но и от получателя оных. Поясню ещё на одном примере. Наш факультет располагался в старом здании университета на Моховой, рядышком с медицинским, и подружился я с одним гавриком оттуда, постарше меня. Пленил он меня тем, что как-то провёл на экскурсию в морг, а ещё более – умопомрачительным подарком. Это был вываренный им самим (по крайней мере он так сказал) и умело переделанный в пепельницу настоящий человеческий череп.

Так вот, встречаю я его как-то в нашем дворике, а он мне и сообщает, что выперли его, несмотря на то, что был уже на третьем курсе. Так что возвращается он в своё провинциальное Кукуево, но рассчитывает поработать и со своими тремя курсами медфака врачом. Я его вопрошаю, мол, успел ли для этого набраться знаний. А он мне: "А как же?!". "Кстати, – говорю, – посмотри, у меня плечо правое что-то болит…". Мой дружок оттянул ворот рубашки, с умным видом помял плечо и выдал диагноз (передаю слово в слово): "Ну, это херня какая-то…".

Так вот, в заключение скажу, что на всю жизнь осталось у меня опасливое отношение к вещам синтетическим, а к врачам – молодым недоучкам.

На целине

Случилось это в далёкие шестидесятых прошлого столетия. Была тогда такая практика посылать студентов в летние каникулы на стройки коммунизма. Под неусыпным оком комсомольской организации формировали бригады, выдавали парадную форму с красочными нашивками и под гром военного оркестра и отеческое напутствие старших товарищей из родной партии отправляли эшелонами далече. Были такие, особенно среди девиц, которые всячески старались откосить от этого дела,

но в большинстве своём ребята ехали, если и без особого энтузиазма, то со здоровым интересом. Поди плохо, и мускулятину на физическом труде накачаешь, и с друзьями на лето не расстаёшься, да и заработать можно не хило.

Правда, в моём случае с последним некоторый облом вышел. Спустили сверху указивку перейти на коммунный подряд, то есть кто сколько ни заработает, всё шло в общий котёл, а уж из него, за вычетом большого кусмана начальству, от остатка всем поровну. Сами понимаете, в строительном деле от тех же девиц как от козла молока, да ещё филоны всегда найдутся, а тут делись.

Но деваться некуда, народ мы подневольный, жили-то по лозунгу

"партия сказала – комсомол ответил "есть". Причём, в духе того времени, приняли решение на общем комсомольском собрании и подали его под гром барабанов как инициативу снизу. А прицепом прошло и предложение какого-то поганца с репутацией стукача ввести на весь рабочий сезон "сухой закон". Проголосовали, как водится, хоть и со слезами на глазах, но единогласно.

Особенно всё же не унывали. Прибыли на какую-то занюханную станцию, с песняком доехали на открытых грузовиках до целинного совхоза, отстояли положенное время на митинге и разъехались по отделениям. Попал я со своей бригадой в самое дальнее, и выпало нам строить коровник. Там, на месте, нам сразу же честно объяснили, что и коровник нафиг кому нужен, коров-то пара дохлятин и вряд ли больше когда будет, и мы здесь не пришей кобыле хвост. Но разнарядка из центра получена, значит кровь из носу, а строить надо.

Нам только площадку в степи очертили, материал подвезли, кое-какой инструмент подкинули, а остальное, дескать, сами докумекаете, не зря же государство в ваше образование страшные деньжищи втюхивает. Что мы изучаем историю с филологией и многие и корову-то только в киножурнале "Вести с полей" видели, а об её обиталище вообще никакого представления не имеют, местное руководство совсем не колыхало. Хорошо ещё, в бригаде случился

"старик", пришедший в институт, как Ломоносов, из провинции с производственным стажем. Он-то и взялся руководить процессом, а то ведь могли с таким же успехом и гарем ненароком построить.

Творили всё больше по наитию, увлеклись, вкус почувствовали к непривычному делу и скоро стало что-то получаться. Подсмотреть да подучиться бегали на соседнюю

стройку, где вкалывали, в отличие от нас ни на секунду не отвлекаясь, так называемые "шабашники", приехавшие из Армении на целину, как тогда с показным презрением и затаённой завистью говорили, за "длинным рублём". Вот где было мастерство так мастерство, любо-дорого смотреть. Да только построили магазин армяне в одночасье и побежали другой объект возводить, а нам опять в собственном соку пришлось вариться.

Начальство нас позабыло-позабросило, хоть кормили исправно как на убой в совхозной столовке. Разносолов особых не было, но щи наваристые с кусищем мяса да каши душистые нам, студентам недокормленным, райской пищей казались. К тому ж случилась мимолётная любовь у одного из наших с заведующей сепараторным цехом, от которой и нам сметаны как масло густой и других молочных деликатесов перепадало. Поняли мы, отчего в народе страсть к молочным рекам с кисельными берегами.

Худо-бедно достроили и мы свой коровник, а заодно за полтора месяца телом налились, прогнали с лиц бледность городскую, загорели тёмным крестьянским загаром, перешли в общении на простую понятную речь с матюжком заковыристым. По общему убеждению, стройка всем в прок пошла и получилась конфетка. Оставалось объект сдать. Тут и нарисовался главный инженер совхозный, которому надлежало акт приёмки подписывать. А тот как глянул на нашу гордость, так аж зашёлся от смеха. Что стены кривые и крыша скособочена, – говорит, – ещё куда ни шло, а на кой ляд вы башенку идиотскую сверху присобачили? Мы объясняем, мол, с неё сподручней коров, с тучных пастбищ возвращающихся, высматривать и доярок зычным гласом на дойку созывать. А кривизна некоторая – то, дескать, влияние на архитектуру раннего модернизма и немножечко кубизма.

Ну, тут дядя совсем с копыт и ну по траве кататься. Кричит сквозь слёзы (в литературном изложении): Хрен вам еловый, а не акт, на месяц ещё останетесь ваше уродство такое-сякое в коровник нормальный переделывать. Ну, мы, естественно, завяли, а наш батяня тут инженера с земли эдак нежно поднимает, что-то на ухо нашёптывает и к общежитию ускоренным шагом ведёт. Остались мы в тоске и ожидании, и уж сами злым глазом косим на рук своих творение. Часа не прошло, бежит "старик", радостно бумажкой в воздухе помахивает, а за ним и инженер маячит, вихляющей походкой к нам подтягивается и нос алеющий ручкой прикрывает. Ладно уж, – говорит, – отпускаю вас, блаженных, учудили так учудили, мы тут посоветовались и решили ваш коровник под дом культуры пустить.

То-то веселья было. Послали гонцов за горючкой, на "сухой

закон" положив что следует с прибором, других – к казахам местным за бешбармаком (это блюдо такое из баранины с домашней лапшой – вкуснотища неописуемая). Вечером сабантуй отвальный устроили, начальство пригласили речи и тосты во здравие советского студенчества провозглашать. Все чокались стаканами с разрешённым по случаю кислым вином и запивали более приличествующим напитком, укромно расставленным извилистой змейкой под праздничным столом.

Декан

В пору моей учёбы в МГУ среди немногих "преподов", которых вправду, а не только в канун экзаменов, любили и уважали, был декан.

Моложавый, с короткой стрижкой, не чурающийся запанибрата побалакать со студентами, а при случае и рюмашку с ними опрокинуть, был он, можно сказать, нашим кумиром. Вот как-то бегу по коридору, на лекцию опаздывая, вижу, стоит он с двумя студентами и вроде бы мирно так беседует. Вдруг раз – и мне руку тянет. Я за руку ухватился, трясу в приветствии, мол, здравствуйте, уважаемый, извините, спешу, на лекцию опаздываю. И дальше галопом.

После лекции встречаю тех двоих, они смехом заливаются.

Оказалось, он их поймал и отчитывал за опоздание, хотел и меня на бегу выловить, да после моего горячего рукопожатия совсем растерялся и отпустил с миром. Но это что, а другой раз сидел в гальюне, бумагой себя по внезапной нужде заранее не обеспечив. Встал на толчок, заглянул к соседу через перегородку, вижу, сидит "орликом" салажонок, затылок бритый, только уши торчат, газету "Правда" читает. Я ему: отчекрыжь газетки, безбумажный я оказался. А он лишь макушкой побагровел и нос ещё ниже в газету. Ну, и жмот ты, – говорю, – ушастый, ладно, без твоей "Правды" обойдусь.

Вышел и дай, думаю, обожду читателя прижимистого, скажу пару ласковых о наболевшем. Тут дверь отворяется и он, декан наш, очи долу и рысью по коридору. Я аж чуть опять не присел. Мне ж ему зачёт по диамату назавтра сдавать. Но обошлось, то ли не узнал, то ли по интеллигентности своей вид сделал. Только уже через год, на выпускном вечере набрался храбрости после праздничных возлияний, напомнил ему эпизод, извинился и всё же спросил, узнал ли он тогда меня. На что получил ответ: Я

своих студиозусов не токмо по физии, но и по запашку узнаю.

Казус

В моей студенческой жизни случился вот какой казус. Был у меня знакомец с филфака. Не то чтобы друг не разлей водой, а так, приятель. Факультеты наши соседствовали в старом здании МГУ на

Моховой да и проживали рядышком: я в Брюсовском переулке, рядом с

Моссоветом, а он – напротив, через Тверскую, в угловом доме с окнами на памятник Юрию Долгорукому. Так что сталкивались частенько. Звали его Васей, но как-то не подходило ему это имя, и в студенческой братии величали Василием. А потому, что был по нашим меркам

"стариком", пришёл в студенты после армии, уже членом партии и к тому же был партсекретарём на своём факультете. Таких было не густо, филфак традиционно был девичьим заведением.

Ну так вот, поймал он меня как-то в институтском коридоре и говорит, мол, так и так, приехали к ним на филфак две студенточки на недельку из Сорбонны для повышения квалификации. По-русски лопочут, но не очень, а ты, мол, во французском хорош, так что помоги их обустроить. Я, конечно, с радостью согласился, и договорились встретиться после лекций во дворе.

Представил он меня, я ножкой шаркнул, поприветствовал девиц на их родном языке. Но они сразу заявили, что принципиально говорят только по-русски. Одна-то точно соответствовала нашему представлению о француженке – стройная лучезарная блондинка. Но что-то было в ней и от "тургеневской девушки", и точно, оказалось, что бабушка – русская. А вторая – пигалица в круглых очках, уже заслужившая кличку

"Пиаф", т. е. по-нашему "Воробышек", и ужасно бойкая и въедливая.

Только разговорились, бежит к нам Васин дружок в растрёпанных чувствах и кричит ничтоже сумняшеся присутствия дам: "Представляете, мужики, все деньги из кармана спиз…ли! На минуту пиджак в аудитории оставил, и вот теперь без копейки. Одолжите рублик на столовку – жрать хочется!". Василий, дабы

замять скорей такую непотребность, сунул ему аж трояк и пинком под зад сопроводил в направлении столовой. Но вот тут-то и образовалась завязочка казуса.

Пиаф немедля сделала стойку на незнакомое слово и спрашивает нас:

А что такое "спиз…ли"? Вася умело разрулил ситуацию, озабоченно сказав: "Потом объясним, а сейчас побежали в кафешку перекусить и ко мне домой – там мама ждёт и стол готовит". Заходим тут же на углу

Тверской в шикарное кафе "Метрополь", и Василий светским тоном заказывает чёрный кофе с лимоном и фирменное блюдо – яблочный пай.

Я, помнится, подумал: "Не иначе как студенческий совет деньжат подкинул на культурную программу".

Пирог вызвал, как и ожидалось, бурю восторга, а вот кофе…

Чувствовалось, что наши иностранки еле сдерживают гримасу на лице.

Не сдержалась, вестимо, Пиаф, спросив со скабрезной улыбочкой: "Чего это вы, русские, учудили пить кофе с лимоном?". Я еле удержался, чтобы не съязвить насчёт любимых французами лягушек, а Вася популярно объяснил, что лимон добавляет кофе остроты, а главное – очень полезен витамином "С".

Закончив трапезу, отправились к Васе, где вовсю хлопотала, искрясь приветливой улыбкой, сухощавая его мамаша, из тех, кого тогда называли "недобитой интеллигенцией". Стол был по-нашему обильным, но, я бы сказал, с оттенком светскости. На этом фоне довольно уморительно выглядело то, что девочки, доев каждое блюдо, отламывали от хлеба корочку и с самым серьёзным видов вытирали тарелку, а корку отправляли в рот. Так их в Сорбонне, видно, обучали нравам и обычаям русского народа.

Разговор всё больше крутился вокруг филологии, ибо Васина мама была доктором этой науки и преподавала на том же филфаке, и по всему было видно, что русский в Сорбонне преподают углублённо и со знанием дела. Чувствовалось, что в преподавании принимают участие и выходцы из России. А то откуда бы нашим французским девицам знать, например, что в штофе помещается 1/10 ведра водки, а шкалик – это

100-граммовая рюмка.

И тут, когда уже подали кофе "летте" (т. е. с молоком и слава богу без лимона) эта самая Пиаф, вытаращив глазки на маманю, спрашивает: "А что такое "спиз…ть"? Ну, немая сцена в духе

"Ревизора", Васина мама в отпаде, а он что-то там мямлит.

Тут уж я решил взять в руки ситуацию и на хорошем французском, доставшемся в наследство от бабушки "голубых" кровей, стал объяснять, что это нехороший синоним слова "украсть". Почему-то привёл в пример французское ругательство "la bite encadre", в переводе на русский -

"вагина в рамочке". Дело в том, что я тогда составлял словарик матерных слов и выражений во французском языке, который, кстати, у меня тоже вполне благополучно спиз…ли в институте.

Вот такая история приключилась. До конца недели мы ещё проваландались с француженками, сводили их в этнографический музей, ещё куда-то, встречали рассвет на Ленинских, теперешних Воробьёвых, горах и побывали у них в гостях в боксе университетского общежития на тех же Ленинских горах. Иногда появлялось ощущение, что девочки не прочь были готовы углубить, так сказать, наши отношения. Но, будучи с Васей уже закоренелыми "гомо советикус", мы на это не пошли и, гордые от своей сознательности, проводили их с вокзала в родной

Париж, оставшись платоническими друзьями.

Но чтобы быть совсем честным (а быть таким я дал зарок самому себе перед написанием мемуарных очерков), скажу, что мы с Василием были отмечены (устно) руководством Международного студенческого совета МГУ за отлично проведённую операцию по приёму француженок (а мы и не заметили отеческого догляда за нами). Мы даже были поощрены

(материально) в виде компенсации издержек принимающей стороны.

Правда, мы немного поломались, но денежки всё же взяли – это ж не иудовские сребреники, а наши родные советские рубли.

Довольное нами начальство под отчёт о проделанной работе продолжило поручать нам опеку иностранных студентов. Запомнились три индианки, только приехавшие поступать в МГУ, гордо неприступные и одержимые идеей поскорее выучить русский. Они, помню, попросили купить им шальвары, а то поддувал под сари холодный московский ветерок. Мы с Васей не придумали ничего лучшего как прикупить в

"Военторге", что напротив Ленинской библиотеки, пару солдатских кальсон. Девочки были в восторге от "шальвар", носили их постоянно, часто забывая завязывать нижние кальсонные завязочки.

Апогеем одиссеи этой специфической общественной нагрузки явилась работа с двумя сенегалками, прекрасными своими классическими фигурками и красотой Нефертити, но иссиня-чёрными как смоль. На них мы с Васей всё же сломались, прости,

Господи и КПСС, наши грешные души. Под напором чёрненьких красоток рухнула стена нашей идеологической девственности и оказались мы в их кроватках всё того же бокса общежития на Ленгорах. Это было, доложу я вам, нечто неописуемое, т. е. по выключении света и спешного раздевания описывать, кроме белков глаз и белоснежных зубов, было нечего. Всё приходилось делать наощупь, и это всё было восхитительно.

Вершина

С рукописного листка, найденного средь конспектов по диамату от

1965 года:

Удивительно, как только уживаются в моём соседе по институтской общаге, Кирилле Левиофантове, а попросту Кирюхе, две пламенные страсти, к альпинизму с туризмом и алкоголю. Собираясь на очередное восхождение и укладывая в рюкзачок айсбари и пару бутылок "Гжелки", он в предвкушении гармоничного слияния этих двух своих увлечений всегда бодро напевает: "Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не блевал".

А ещё всем рассказывает, и ведь знаю, врёт, как сивый мерин, что как-то на Памире его с очередной заоблачной вершины пришлось снимать вертолётом бригаде местного отделения МЧС. По просочившимся слухам, дело было не на Памире, а в селе Кокошкино под Саратовом и стаскивали его, изрядно при этом помяв, местные мужики с верхушки фонарного столба, под которым он с такими же раздолбаями-альпинистами "расстелил поляну". На спор взлез-то мастерски, а там, от страха намертво в провода вцепившись, так и застрял.

На каникулы отправился в кругосветный круиз на каком-то огромном теплоходе и за такие деньги, что на полтора Жигуля бы хватило. Так что вы думаете, там учудил? Засел в каюте с такими же сдвинутыми по фазе дружбанами-туристами пульку расписывать. Да так они нарасписывались, что ни разу даже на берег не вышли, положив на все

Римы с Лиссабонами, как говорится, с прибором. Да и приборы им не понадобились, их из каюты на принятие пищи силком вытащить не могли.

Все удивлялись, в чём душа держится.

А они, оказалось, в преферанс играли по системе "один плюс

один", то есть за очко один еврик плюс стакан виски. В конце подсчитали, все остались при своих и победила дружба. Только весь выигрыш ушёл на виски, пришлось пассажирам по подписке скинуться горемыкам на обратный путь. Но провожали их как героев.

Слава есть слава и, даже несмотря на сломанный в упомянутом несколько выше эпизоде нос, ходит Кирюха по институту гоголем, а вокруг на цирлах табуном девицы наши вьются и заглядывают в ожидании новых героических легенд в его щербатый, со снисходительной ухмылкой рот. И при всём при том учится этот олух царя небесного не сказать, чтобы плохо. И чем он преподов берёт, одному этому царю и известно.

Сборы

Не знаю, как сейчас, а в мою бытность студентом к военной дисциплине относились весьма серьёзно, на кафедре нам в головы вбивали информацию об армиях потенциальных противников, а тогда их во вражеском капиталистическом стане было не на одну лекцию.

Летом регулярно проводились военные сборы. Первые, с принятием присяги, были, помню, в Вышнем Волочке и на них чуть не произошло смертоубийство. На стрельбище мы под бдительным оком наставника обучались стрельбе из пистолета. И вот студент Рубик из солнечной и тогда ещё советской Армении, помаявшись с пистолетом, вдруг наставил его на широкую грудь отца-командира и, нажимая на спусковой крючок, говорит: "Глядите, товарищ майор, не стреляет".

Майора спасли мгновенная реакция и прыткие ноги, которые его и подвели – рухнул он после рывка в сторону как сноп подкошенный.

Думали инфаркт, ан нет, через минуту оклемался, и тут мы услышали такое, что пером не описать. В казенном изложении, была дана нелестная характеристика самому Рубену, его родственникам до третьего колена и его солнечной родине, а заодно и всем нам.

Вообще прав был человек, не шла и мне в голову военная наука, зато в полной мере познал смысл поговорки "Солдат спит – служба идёт". Сладость сна вкушал под любым кустом, благо многие занятия шли на пленэре, но как-то был разбужен громовым капитанским окриком

"Это что там за бардак лежит?", вытянут из-под раскидистой сирени у дверей штаба за кирзовые сапожки, и схлопотал я наряд вне очереди, хоть этой очереди в глаза не видал.

Таких набралось трое, и страшно усатый старшина отрядил нас чистить солдатский сортир, пообещав, если не отдраим до блеска, заставить делать это повторно своими зубными щётками. Спасла проклюнувшаяся по необходимости солдатская смекалка. За два флакона душистого одеколона "Шипр", который здесь принимался вовнутрь без закуси, достали водовоз и из шланга так отмыли отхожее место, что каждый считал долгом сказать нам спасибо. Правда, руки при этом держали за спиной.

Учили нас, среди прочего, парашютному делу. Сначала укладке парашюта. Первое, что услышали от инструктора, это "Главное, хлопцы, не мочиться", что оказалось предупреждением не производить укладку в сырости. Второе – "слушать внимательно, а то я вас неправильно дезинформирую!". А потом нас, слегка подученных, марш-марш в самолёт и "На выход товьсь!". И страх, да такой, что на грани обмишуриться в штаны, что, говорят, и случалось.

Зато какой восторг, когда над тобой распахивался шатёр парашюта, а уж на земле, если ноги-руки целы, просто кайф неземной. Один наш студент, пребывая в этой эйфории, выпутался из строп и бросился ловить других, чтобы ею поделиться, но напоролся на строгий вопрос прапора "Курсант, где парашют?". Курсант стал растерянно хлопать себя по спине и пузу и услышал вполне серьёзное продолжение:

"Прыгал-то когда, парашют был?".

По воскресеньям нам устраивали культмероприятия или по команде

"На помойку марш!" гнали строем в баню, да ещё с песней и злым окриком "Почему зад не поёт?!". Однажды свезли на вышневолоцкую трикотажную фабрику. Мы слышали, что в городе преобладает женское население, но на себе это испытали, когда попали в круг хихикающих ткачих, почём зря щипавших оробевших солдатиков за разные места.

Ну, и не забыть вовек команду "Принять туалет и строем с песней в пищеблок!" да ещё "Рот открывать на ширину приклада!". Кому как, а мне "щи да каша – пища наша" пришлись по нраву, хоть мясо на столе присутствовало лишь в виде прижаренных кусков сала, по одному на нос. Зато на дембель жареная картошечка с селёдочкой да под пронесённую в бутылке из-под "Боржоми" водочку из оловянной кружки – просто улет без всякого парашюта.

Учения

Давным-давно, в застойные времена, когда праздник 23 февраля ещё назывался Днем советской армии и военно-морского флота, по инициативе молодого майора генштаба, кстати, зятя кандидата в члены политбюро сами знаете какой партии, решили провести учения с целью выявления степени боевой готовности отдельных частей армии в случае внезапного нападения вражеских войск.

Согласно разработанному плану под рабочим названием "проверка на вшивость", в режиме строгой секретности выбрали полковой гарнизон у черта на куличках, обрядили десантную роту в глухие чёрные комбинезоны без всяких знаков различия и поставили задачу внезапным налетом захватить знамя полка.

Десантура высадилась ночью в примыкавшем к гарнизону лесу. Не встретив сопротивления, проникла в его расположение, скрытно окружила штаб полка и просочилась в вестибюль к дремавшему на часах у поста N1 у полкового знамени бойцу. Боец, оказавшийся первогодком, рядовым Пичугиным, безропотно отдал незаряженный автомат и флаг, хлюпая при этом носом и называя свирепо вращавших глазами десантников дяденьками.

Захваченный в качестве "языка" сержант Мухамеддинов, профессионально связанный и доставленный с кляпом во рту в лес, даже по изъятии оного во время допроса на нарочито ломаном языке не смог при всём старании назвать фамилию полковника и только с трудом вспомнил свою.

Выполнив поставленную задачу и умело заметя следы, группа глубокой разведки (ГГР) отправилась восвояси. Утром громоподобным звонком из Москвы был поднят из тёплой постели командир полка и начался вселенский тарарам. Пичугина нашли дрожащим мелкой дрожью и с подозрительным запахом из штанов в солдатском сортире,

Мухамеддинова – в лесу, опять с кляпом во рту и привязанным к сосенке, рядового Иванчикова – окопавшимся в семи километрах от расположения части с зарядным ящиком. Все остальные безмятежно проспали случившиеся страсти-мордасти в казарме.

Меры воспоследовали незамедлительно. Полк был расформирован, командир на старости лет разжалован в младшие лейтенанты, Пичугин пошел под военный трибунал. Офицеров полка разбросали по разным частям за Кудыкину гору. Результаты операции совершенно засекретили, проявившего инициативу майора на всякий случай комиссовали, тем более,

что его тесть так и не стал членом, а вскоре и вовсе был сослан Послом в Гватемалу.

Повезло лишь сержанту Мухамеддинову, который за неразглашение военной тайны получил знак отличника боевой и политической подготовки, да рядовому Иванчикову, который, как было выявлено в ходе служебного расследования, в данных условиях поступил в строгом соответствии со штатным расписанием на начало боевых действий.

Последнего наградили недельным отпуском на родину, отправив поездом дальнего следования в противоположную от его села на Брянщине сторону.

И всем было строго предписано держать рот на крепком запоре.

Былое

Сейчас я часто начинаю разговор с фразы "А вот в моё время…".

Хочу уточнить, что моё время – это вторая половина прошлого века. В этот полтинник и вместилась вся моя сознательная жизнь. Не скажу, что ныне нахожусь в состоянии бессознательности, но пенсионный период – это лишь этап подведения итогов пройденного пути, приведения в порядок жизненного опыта в багаже памяти, короче, подготовки к Страшному суду.

Вот основные вехи этого пути: студенчество, минвнешторг с загранкомандировками. А это были Вьетнам, Таиланд и пик карьеры в этом ведомстве – Торгпред СССР в Камбодже. До Камбоджи, которая при мне звалась Кампучией (в просторечье – Кампучка), было около десяти лет службы в правительственном аппарате Совмина СССР. Будучи кремлёвским чиновником, прошёл вечернее обучение в Академии внешней торговли и закончил аспирантуру своего родного Института восточных языков, а до того – ещё и трёхмесячную Академию марксизма-ленинизма, в студенческом быту известную как академия глупости и маразма.

После Кампучки (время "перестройки", т. е. развала привычных вещей) я – председатель внешнеэкономического кооператива "Инфорком" при Институте США и Канады (была такая смешная форма перехода к предприятиям капиталистического типа). Там, поднакопив деньжат на

использовании могучего мозгового потенциала сотрудников Института и продаже компонентов компьютеров для отвёрточной сборки, мы распались на несколько совместных компаний, маломальски напоминающих теперешние нормальные фирмы.

Кстати, упомянутые компоненты были у нас скуплены на корню кооперативом другого НИИ, а мы, получив умопомрачительную прибыль, тут же попали под неусыпное око ОБХСС (отдел по борьбе с расхитителями социалистической собственности) и привычно готовились сушить сухари. К счастью, оказалось, что наши партнёры по сделке перепродали товар по пятикратной цене, и нас за скромность и остатки социалистической сознательности оставили в покое, переключив гнев за необоснованную прибыль на этих "спекулянтов".

Работая в "Инфоркоме", побывал я в командировке в Лондоне,

Женеве, Кёльне и Париже, в основном для заключения договоров о создании совместных предприятий. Пожалел, собираясь во Францию, что к этому времени моя бабушка уже почила в бозе, а то бы здорово обрадовалась. Это она обучила меня французскому разговорному ещё в детстве и предрекла, что побываю я когда-нибудь в Париже. Пригласил меня туда породистый красавец под два метра, француз из русской семьи белоэмигрантов, Жорж Иванов.

Произносил он свою фамилию с ударением на "а", чтобы подчеркнуть дворянское происхождение. До этого он побывал уже в Москве и у меня дома в гостях, где мы под водочку хором распевали с ним хором

"старинные" русские песни типа "Когда нас в бой пошлёт товарищ

Сталин и первый маршал (Ворошилов) в бой нас поведёт". В первый же вечер приезда в Париж повёл он меня в кафе "Распутин", где представил одиноко попивавшему за столиком в углу ту же водочку князю Голицыну.

Мы перетащили его за свой столик, и пошла чисто русская задушевная беседа, в ходе которой я посетовал на то, что высшая российская аристократия "профукала" Русь. Князь, не знакомый со словами-модернизмами, тут же заменил это слово на знакомое ему

"просрали", во искупление чего нами был поднят очередной тост. Чтобы показать, что и мои родичи не лаптем щи хлебали, помянул я своего прадедушку графа Котляревского.

И тут князь вспомнил, что и зампредседателя парижского Общества русскоязычных французов тоже Котляревский и тоже граф, а стало быть мой родственник. Мы, так сказать, не отходя от кассы, пошли в директорский кабинет, и Голицын стал

названивать по разным телефонам в поисках своего друга Котляревского и таки нашёл его отдыхающим на

Лазурном берегу.

Граф, оказавшийся чуть постарше меня, сказал, что в родственниках не разбирается, а вот его девяностолетняя бабушка знает всё генеалогическое древо Котляревских, и что по возвращению в Париж он проконсультируется у неё и перезвонит мне в Москву. Телефончик-то взял, а вот позвонить так и не соизволил, а может, и не удосужился, да и понятно – на фиг ему какой-то дальний бедный родственник из

Москвы? А жаль.

Возвращаясь к делам "Инфоркома", скажу, что крупный куш мы сорвали с японцев за обзоры захиревших товарных рынков нашего дохлого народного хозяйства и ряд других аналитических документов.

Провернули и ещё одну трансакцию, характерную для того времени.

Минвнешторг ГДР только-только получил крупную партию наших "Волг", а тут замаячило объединение Германии. Восточные немцы с криком "На фига теперь козе баян?!" поспешили от них отделаться. А у одного нашего крупного предприятия лежала на счету крупная сумма в гэдээровских марках, попахивавших горелым. Вот мы их и отдали

"нашим" немцам, получив назад кучу (т. е. около ста) "Волг", одиннадцать из которых стали нашим гешефтом.

Все участники сделки буквально плавали в чувстве глубокого удовлетворения, а члены нашего кооператива числом, как вы понимаете, одиннадцать, получили вожделенное средство передвижения. Но, как поётся в песне, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал – на меня был совёршён мощный наезд со стороны грузинской мафии в лице колоритного Автандила, представившегося вором в законе. Я понял, что надо разбегаться, и пока морочил Автандилу голову, мы быстренько зарегистрировали несколько компаний под членов кооператива, по-братски разделили между ними денежки и были таковы.

Я, уняв дрожь в коленях, возглавил совместное советско-американское предприятие "Амскорт", присосавшись к ВДНХ

(Выставка достижений народного хозяйства – так она тогда ещё называлась) и получив целый этаж и половину экспозиционных площадей

Павильона N 4 товаров широкого потребления в своё распоряжение.

Партнёром с американской стороны выступил младший и, как оказалось, непутёвый, из трёх братьев, владевших Фондом

Франклина, ворочавшим миллиардами долларов монструозным, на наш взгляд, империалистическим спрутом. Теперь-то и у нас таких компаний, называемых ПИФами (паевой инвестиционный фонд) пруд пруди.

Американский партнёр был заносчивым снобом, смотрел на нас как на детей малых, пытался диктовать свою волю и в мелочах, подчёркивая исключительность американской нации, а потому её права первой брачной ночи в приобщении других наций к демократическому обустройству. Чего стоили хотя бы тезисы доклада, посланного нам по факсу для Генсека Горбачёва с указанием передать тому лично в руки для выступления перед международной общественностью. Возможности у нас такие, если правду сказать, были – в правлении состоял племянник

Председателя КГБ Крючкова и родственник министра финансов Павлова, того самого, что уже в ранге премьер-министра погорел в пору ГКЧП.

Напомню в скобках, что это была взбунтовавшаяся камарилья, пытавшаяся спасти СССР от развала, а коммунистическую идеологию – от поругания.

Но мы, конечно, проигнорировали эту наглость, отражавшую тогдашнее отношение США к нашей перестраивавшейся стране. А Павлов, кстати, был человеком неординарным, как по уму, так и по комплекции

(весил полтора центнера). Как-то по нашей договорённости он был приглашён в Нью-Йорк с неофициальным визитом прочесть лекцию о

"перестройке". Так получилось, что в его номере "люкс" с баром и барменшей мы просидели всю ночь с нашим партнёром, обсуждая идею этого чудика по созданию миллиардного благотворительного фонда для поддержки появляющихся у нас предприятий капиталистического типа.

К утру мой партнёр был в отключке, я совсем никакой, а Павлов свежим, как огурчик. Он блестяще выступил со своей лекцией в помещении "Ротэри-клуба" (элитного дискуссионного клуба миллионеров). Я, выступивший за ним в качестве живого примера главы капиталистической фирмы в России, имел бледный вид. Утешило то, что вызвал оживление и даже бурный смех с аплодисментами в зале. Это было реакцией на приводимые мною совершенно конкретные примеры первых попыток предпринимательства у нас, воспринятые как анекдот.

Через какое-то время Павлов, уже будучи премьером, предложил мне колоссальную и многообещающую сделку по продаже огромных долгов нашей стране многочисленных "друзей" по всему миру. Я отказался и, почувствовав, что начинает пахнуть

жареным, быстренько свалил с фирмы подальше от гнева сильных мира сего, аккурат перед бунтом

ГКЧП. А ведь мог успеть стать олигархом.

Но вообще-то я вспоминаю годы работы в "Амскорте" с удовольствием. Кстати, название это я слепил из следующих слов:

American-Soviet consulting, research, trade. Будучи его генеральным директором, я объездил почти все страны Западной Европы (Восточную я исколесил до этого, работая в Минвнешторге и Совмине), совмещая деловую поездку с чтением лекций на тему "перестройки" СССР (интерес к нам тогда был колоссальный).

Моей коронной была лекция "Специфика советского пути к капитализму". Дело в том что одним из основных направлений нашей деятельности был научно-образовательский обмен, по которому мы принимали в Москве делегации учёных и политиков западного мира (к немалой материальной выгоде для себя) и отправляли за государственный счёт наших производственников и экономистов на курсы т. н. повышения деловой квалификации при ведущих учебных заведениях

Европы и США.

Предварительно в моей Школе бизнеса на ВДНХ нашенские "студенты"

(в т. ч. крупные чины КГБ, МВД и др. министерств и ведомств) прослушивали лекции крупнейших советских специалистов-международников. Это служило адаптационным демпфером для них перед восприятием западной действительности и хоть немного смягчало мучительный стыд за их "темноту" во многих вопросах. Я и сам читал там лекции, и наиболее часто задаваемым вопросом был "А как нам уеть этих империалистов, полезших к нам толпой?". Т. е. превалировала тогда в умах идеология воинствующего коммунизма, когда надуть и объегорить врага было честью.

Вот эту стену непонимания повыше Берлинской стены я и пытался разрушить. Привелось мне выступать и в США, в Белом доме, перед конгрессменами и сотрудниками правительственного аппарата, где я почувствовал в свою очередь меру их непонимания нашей действительности и опьянения от своих заслуг в деле приближавшегося коллапса социалистической системы.

Намного большее понимание реалий социалистического обустройства и совкового менталитета я встретил в другой организации. Сразу после становления "Амскорта" я через своего соучредителя был приглашён на четырёхнедельный семинар "Мелкое и среднее предпринимательство США" и оказался в числе

представителей почти всех соцстран, разбавленных для разнообразия костариканцем, китайцем из Гонконга и аборигеном из

Австралии, милейшим парнем, который тут же получил кличку "Людоед".

Чрезвычайно интересными для меня были встречи в рамках семинара с американскими бизнесменами (нас провезли по самым процветающим штатам) и лекции, в том числе в Управлении поддержки предпринимательства (ох как такое пригодилось бы и нам). В

Управлении любому пришедшему с улицы предоставлялся клетушка-кабинет с компьютером и факсом и давался стартовый денежный кредит для разворота дела. Над душой стояли кураторы-профессионалы в качестве поводырей для новичка в бурном море-океане бизнеса. Отсев был большой, но выход сухого остатка оправдывал государственные вложения.

Но, говоря о понимании, я имел в виду другую организацию, проявившегося вскоре спонсора семинара в лице тоже управления, но центрального да ещё и разведывательного (ЦРУ). Можете понять обуревавшие меня чувства, когда я был приглашён туда, в отдел СССР и соцстран. Шёл туда как в гитлеровский застенок, настраиваясь молчать как партизан, а встретил молодых милых аналитиков с блестящим знанием русского языка и всей подноготной меня и моего предприятия.

У-ф-ф, даже попытки вербовки не было.

В другой поездке, в Сан-Франциско, в помещении своего партнёра,

Фонда Франклина, я, помнится, отсидел пару дней в качестве консультанта американских бизнесменов, возжелавших инвестировать в нашу перестроечную экономику, и не подозревавших о тех шишках, которые там набьют. Сидел не забесплатно, а за 400 долл. в час (не слабо, да?), а полученные "зелёные" честно, но со слезами на глазах, сдал в кассу своего предприятия.

Уйдя с него и опять начав с нуля, учредил на паях с двумя старыми друзьями маленькую фирмёшку, разместившуюся в закутке уже набиравшей вес компании своего бывшего зама по кооперативу. Получил чуть-чуть деньжат от посреднических операций со знакомыми шведами и опять чёрт понёс в крупные дела. На деньги знакомого мне директора киевского банка Алексея закупил крупную партию мочевины (удобрение такое) у какого-то дышащего на ладан предприятия и прогнал её через всю

Россию в Одессу.

Чего мне это стоило в ту пору развала хозяйства – отдельная песня. Одесса ещё была наша, т. е. совковая, поэтому ободрали меня как липку за погрузку, страховку и фрахт до Турции, куда я товар благополучно толкнул. Под страховкой тогда понималась сумма налом в карман портового начальства, чтоб всё было сделано как надо и не разворовано.

Из Анкары меня оповестили, что груз пришёл с большим недовесом

(всё же не удержались хохлы), но валютный навар покрыл все издержки, позволил расплатиться с банком (плюс 30 процентов), ещё и осталось тысяч 200 долларей для поддержания штанов (шучу, конечно, – сумма по тем временам огромная). Довольный сделкой украинский партнёр, который уже стал именоваться Олесей, предложил пристроить на Западе ценные бумаги его банка. Я знал, что они гроша ломаного не стоят, но всё же умудрился это сделать.

Их с удовольствием взял для получения под их залог кредита в

Германии нигерийский царёк, возглавлявший у себя на родине провинцию с 2-мя миллионами населения. Нашли клиента друзья поляки, проживавшие в Германии и занимавшиеся там явно криминальным бизнесом. Короче, когда этот иссиня-черный джентльмен зашёл в банк для получения кредита, его повязали. Оказалось, вы будете смеяться, сенегалец из жадности разбавил пакет наших бумажек откровенной липой.

Ко мне претензий не было, киевские "фантики" отослали на Украину, а мужик попал под суд и в газету, подмочив свою репутацию. Я же остался без комиссионных в 3 млн. долларов, а жаль до сих пор. Олесь же в скором времени сел на 5 лет за "увод" в свой банк гривен в особо крупном размере из киевского госбанка. Но перед этим, подлый, послал мне "SOS" с мольбой срочно перевести ему те самые 200 тысяч

"зелёных", чтобы отмазаться на насевшего на него местного КГБ. Что я и сделал с благородным криком в душе "Спасай наших!".

И вот я опять оказался у разбитого корыта. Подёргался ещё несколько лет, зарегистрировал в Шотландии (там льготный налоговый режим) аж две компании ("Вэксфорд" и "Полдинг") по названию попавших на глаза местных деревенек. Такие так называемые "оффшорные компании" ценились тогда на вес золота. Причина в закоснелом страхе предпринимателей, что всё вернётся на круги своя, деньги отберут и всех пересажают, а также в трудности получения валюты и прятанья средств.

А так я мог сам с собой торговать, одной рукой подписывая

контракты за московскую фирму, другой – за шотландскую. На этом и зиждились многие посреднические операции. Но чуть не все мои разбивались в прах, натыкаясь на исключительную недобропорядочность с бандитским налётом новых русских предпринимателей. От прямых наездов меня спасало покровительство их нескольких группировок, для которых я периодически выступал в качестве советника по экономическим и финансовым вопросам.

Нельзя сказать, что я не потерял невинности социалистического воспитания, но честь свою блюл и государственные интересы для меня что-то значили. Чего греха таить, всё же пускался я и в авантюрные сделки. Чего, скажем, стоила одна… Знакомцы из КГБ попросили подсобить в поиске надёжного банка для принятия на счёт крупной (и очень-очень) долларовой суммы, мягко говоря, сомнительного происхождения.

Поясню, что это значило. Тогда ещё у нашего руководства сохранялись тесные связи с иракским Садамом Хусейном. И вот он согласился расплатиться за что-то, но "наликом" и фальшивыми долларами, правда, ничем не отличимыми от настоящих. Я передал образцы знакомому банкиру, честно на ушко изложив ситуацию. Тот проверил купюры и дал "добро", пообещав за жирный процент для банка закрыть глаза и пойти на сопряжённые с этим делом риски.

Операция развивалась стремительно, мы ждали прибытия автомобиля с грузом из "Внуково", куда были доставлены спецрейсом деньги, но связь с гэбэшниками неожиданно прервалась на самом интересном месте по необъяснимым причинам. Причины прояснились лишь на следующий день

– в газете я прочитал краткое сообщение о том, что по пути из аэропорта в Москву автомобиль с таким-то генералом КГБ попал в страшную аварию со смертельным исходом. И над этим делом возникла гнетущая тишина…

Для меня это послужило последней каплей. Ну никак я не вписывался в игры перестроечной страны, хоть и был профессором экономики и знал законы "джунглей", полазив по ним в пору службы в военное время во

Вьетнаме. К тому же разболелся от полученной в том же Вьетнаме контузии (попал под взрывную волну бомбы с американского самолёта, взлетел метров на семь и приземлился на копчик). Аукнулись на это мои тазобедренные суставы, а я, распустив все свои фирмы и рассчитавшись со всеми, получил 2-ю группу инвалидности и, плюнув, ушёл на пенсию. Вскоре я стал и инвалидом дефолта имени Кириенко

1998 года, потеряв все свои "гробовые", пущенные в рост. Как

тогда говорили, ну полный абзац.

Сейчас на дворе время устаканившегося капитализма, а к тому моменту, как высвечивается на мониторе компьютера эта фраза, я породил и поставил на ноги сына, подарившего мне двух чудесных внучат, построил дом (дача на Истре) и вот пишу книгу прозы своей жизни, а ещё стихотворную летопись своего бытия. Такая вот затянувшаяся Болдинская осень. Ужо допишу и подведу окончательную черту. Дай бог, чтобы писалось подольше.

Доработчики

Во Вьетнам я попал в 1965 г. со студенческой скамьи, с пятого курса ИВЯ. Там (не в институте, конечно, а в СРВ) как раз началась развязанная американцами так называемая "воздушная война устрашения". Как будто мало было многострадальному Вьетнаму "грязной войны" с французами после мировой. По Женевской конвенции 1954 г. страну "временно" разделили надвое, революционные силы перешли на

Север, а городская интеллигенция перебралась на Юг, под крылышко к американцам, которые довели там свой воинский контингент

"советников" аж до полумиллиона.

Южане, многие из которых заняли в Социалистической Республике

Вьетнам руководящие посты, не могли смириться с потерей полстраны, да и семьи их оставались в Сайгоне. Так и началась партизанская война в Южном Вьетнаме, а американцы стали ко времени моего приезда, не догадываясь о моём появлении, бомбить Север, чтобы перекрыть каналы подпитки партизан и заставить вьетнамское руководство отказаться от планов освобождения.

Так вот, Минвнешторгу срочно потребовался переводчик с вьетнамским, а какой дурак на войну поедет? Ну а мне разрешили сдать наперёд экзамены и откомандировали туда вроде как на практику. А задержался я на целых пять лет, сдав в отпуск выпускные экзамены и получив заветную корочку, а в Торгпредстве – должность экономиста.

Когда прибыл к месту назначения, во Вьетнаме было по-зимнему холодно (не больше 20 градусов тепла), солнечно и тихо. Американцы ещё не раскочегарили бомбёжки, так, побамбливали где-то на окраинах.

Доложившись о прибытии, вышел, помню, осмотреться и сразу наткнулся на дядьку, типа борца Поддубного по комплекции и такими же пушистыми усами, в поплиновых рубашке и штанах песочного цвета, а на голове панамка.

Первые же его слова ввели меня в глубокий ступор. "Ты не сынком ли генерала Арефьева будешь?" – спросил он, щурясь от яркого солнца.

"Да, – промямлил я, – только отец уехал от нас с матерью в 45-ом, а я родился в 44-ом…". "Знаешь что, заходи ко мне вечерком вот в эту виллу, поговорим", – сказал он и бодрым шагом удалился.

Оказалось, это был генерал Лебедев, главный военный советник, проживавший с женой в вилле, стоявшей впритык к зданию Торгпредства.

А оно раньше, при французском колониальном иге, было лучшим в Ханое борделем, а потому одноэтажным, вытянутым в длину, с многочисленными кабинетиками, один из которых и стал моим родным на долгую пятилетку. Но это я узнал, конечно, потом, как и то, что жена

Лебедева была единственной в колонии, оставшейся после всех других, отправленных на родину после начала бомбардировок.

Кроме неё было ещё только три женщины-секретарши, одна из которых с милым именем Кармия (от слов "Красная армия") работала в аппарате

Лебедева. Ну да бог с ней. Вечером я отправился в виллу генерала, где мы славно посидели под коньячок и рассказы про моего отца, у которого он был начальником штаба. Знал он и мою маманю, приехавшую на фронт студенткой с артистической бригадой и оставленной отцом при себе порученцем. Брак был должным образом зарегистрирован замполитом.

Вернувшись к себе в гостевую комнату, я застал там чуть не весь коллектив Торгпредства, разминавшегося в ожидании моего возвращения за хорошо обустроенным столом. Началась моя "прописка", как водится, первым тостом "Со свиданьицем", а закончилась любезным разрешением отсыпаться назавтра до обеда.

Поселили меня в другой вилле, как и все, оставшейся от французского времени, а нами превращённой в родную коммуналку с местами общего пользования. Во внутреннем дворе торгпредского комплекса была зона культурного отдыха в виде большой беседки с биллиардным столом в центре. На нём с развешенных по периметру беседки портретов сходились угрюмые взгляды членов Политбюро во главе с поблескивавшим

лысиной генсеком Никитой.

Рядом в сооружённой из ящика берлоге обитал медвежонок Миша, привезённый из горной провинции нашими геологами. Он был всеобщим любимцем и сам ласкался ко всем. Было, правда, одно "но". Не терпел

Мишуня запаха водочного и бил носителя оного точно выверенным хуком правой в левый глаз. Так что чуть не все торгпредовцы носили на глазу отметину разной степени синюшности. Ну а когда по Мишиной неосторожности эти отметины появились сразу на обоих глазах личности партсекретаря, повзрослевшего медведя отдали в городской зоопарк.

Свято место пусто не бывает, скоро на том же месте и на той же цепи появилась обезьянка Маша, которую мне отдал в порту капитан нашего судна, сказав, что та его достала. Машкин нрав проявился тут же. Она вскочила на меня, поцеловала в носик, а потом выдрала из кармана валюту (местные донги) и успела зажевать их прежде чем я опомнился. Так что при подходе к ней все держались за карманы.

За Машкиным домишком был вход в типовое советское бомбоубежище, куда нам надлежало спускаться при звуке сирены воздушной тревоги, а ой как не хотелось. Представьте – жара под сорок, влажность – под сто, комарьё как рать у Чингисхана, принудительная вентиляция, которая начисто отказалась работать в условиях чуждого ей климата…

Было, правда, одно "но".

По инструкции в нём полагалось держать НЗ (алкоголь и консервы).

На этом постоянно возобновляемом неприкосновенном запасе только и держались. Но когда пришла подлинная нужда в бомбоубежище, добежать до него не успели. В 1968-ом американосы таки влепили в нас свою ракету "шрайк", правда, не в Торгпредство, а в Лебедевскую виллу, но и мы были в зоне поражения. А "шрайк" – это варварский неуправляемый снаряд "воздух-земля", начинённый бесформенными кусочками металла, раздирающего плоть живой силы противника. Но мы-то здесь при чём?!

Нас спасли бетонный парапет вдоль открытого коридора и душераздирающий вопль "Ложись, вашу мать!" Олегушки Гурова, единственного среди нас прошедшего Отечественную войну сыном полка.

Под эту команду мы и полегли дружно под парапет (гены военного поколения рождения 30-40-х годов не дремали), а железный град просвистел над нами.

Бросились к вилле Лебедева и увидели, что ракета, к счастью, врезалась в фундамент, покрошив лишь выходившие во двор окна.

Генерал встретил нас в семейных трусах на выходе из ванной, с помазком в руке и пеной на щеках, в совершенно невозмутимом виде.

Успокоив и проводив нас, он пошёл будить свою Лялечку, которая даже не проснулась.

В конце концов оказалось, что серьёзно пострадал один лишь я.

Окошко моей комнатули тоже выходило во двор, и взрывная волна прошлась по моей маленькой ещё тогда коллекции фарфоровых статуэток, превратив их в горстку белесых крошек. Долго я потом горевал и стал на всякий случай собирать изделия из бронзы и дерева, и по сю пору радующие мой глаз в московской квартире.

Скажу к слову "собирать", что это тогда означало. Вся торговля в городе ограничивалась рыночками и мелкими продовольственными лавочками. Магазины в ходе строительства социализма были истреблены как класс. В единственном универмаге в центре Ханоя можно было приобрести лишь миску для еды да отрез материи для "аозай"

(национальное платье с разрезами до бедра) и штанцы под него.

Что-то мало-мальски приличное можно было приобрести лишь в

"дипмагазине" для иностранцев. Из вьетнамцев туда допускали лишь особо почётных граждан по спецпропускам, отоваривая их по спецталонам. Вам это ничто не напоминает? Да, точь-в-точь наши магазины системы "Берёзка", где отоваривались на сертификаты

"Внешпосылторга" лица ограниченного контингента советских граждан, допущенных к выезду за рубеж.

А сертификаты эти подразделялись на "бесполосные", "желтополосые" и "синеполосые" (под страны со свободно конвертируемой валютой, развивающиеся и валютные замухрышки соцлагеря). Соответственно в

"Берёзке" можно было приобрести хорошие товары, "так себе" и "наши", но дефицитные. Нам в качестве фронтовой льготы одну месячную зарплату разрешили выдавать "бесполосными", чем мы очень гордились.

А я, пользуясь знанием местного языка, во Вьетнаме проникал к

"спекулянтам-подпольщикам", где и покупал стоящие

сувениры и антиквариат.

Запомнилось это время большим скандалом в Москве, связанным с уже опальным тогда писателем Солженицыным. Тот в "Берёзке" на Б.

Грузинской демонстративно потребовал продать ему что-то за советские рубли, объясняя продавцу, что по закону они должны приниматься всеми торгующими организациями. Товар ему по звонку "сверху" всё-таки продали для избежания огласки и международного резонанса, а писателя после этого тихо отправили в эмиграцию.

Извините за невольное отступление, вернёмся к ракете "Шрайк". То, что от неё осталось после взрыва, увезли приехавшие из Посольства

"доработчики", наказав нам на прощанье, может быть, в шутку, готовить список испорченного имущества для предъявления иска американосам. Мы под это дело быстренько "списали" ящик водки, ящик икры и кое-что ещё из представительских продуктов, которые пошли на сабантуй по случаю счастливого избавления от неминуемой погибели.

Иск наш МИД выставлять не стал, но поезд, как говорится, ушёл.

В арсенале американских средств устрашения была ещё одна гадость, так называемая "шариковая бомба". Размером она с детский кулачок, оболочка слеплена из шариков типа подшипниковых, набита толом, посерёдке – взрыватель с микроскопическими крылышками на игле, которая при полёте бомбочки постепенно впивается в капсюль и на высоте человеческого роста бум, и шарики разлетаются с убийственной скоростью. А их в сбрасываемом с самолёта контейнере уж никак не меньше сотни. Сколько народа ими было побито, жуть.

Впервые с их работой я познакомился уже месяца через два после приезда в страну, под Ханоем, когда меня затормозили из-за ремонта повреждённой во время американского налёта дороги. Я вылез из машины и забрался на какой-то холмик, чтобы поснимать жанровую сценку копошащихся там ремонтниц. А те вдруг бросили работать и ну хохотать, прикрывая правой рукой рот (так диктует местный этикет), а правой указывая на меня.

Я осмотрел свой прикид (поплиновый костюмчик песочного цвета) – всё вроде бы в порядке, ширинка застёгнута, ничего не торчит, чего смеяться? А оказалось, что стою на присыпанных песочком горе трупов товарок этих девчонок, которых покосили шариковые бомбы (были они и замедленного действия). Не подумайте о варварской натуре хохотушек, просто на Востоке отношение к смерти иное, без нашего пиетета, может, в силу веры

в реинкарнацию души.

Так вот, очень скоро я настрополился по подсказке "доработчиков" эти бомбочки разряжать, тол выжигать, а образец американского варварства превращать в отличный сувенир. В первый же отпуск я взял их с собой дюжину, что чуть не стало причиной инсульта таможенника в

Домодедово, открывшего мой чемодан. Пока он был в шоке, я объяснил ему на ушко, что бомбы неопасны, разряжены, и что везу их в качестве сувенира друзьям, а что ещё, мол, везти с войны. Тот так и стоял застывшей статуей из Содома с Гоморрой, когда я уже обнимался с встречавшими меня друзьями.

Осталось объяснить, кто они такие, эти "доработчики". Дело в том, что Вьетнам служил своеобразным военным полигоном как для американцев, так и для нас. Они там отрабатывали своё вооружение, мы

– своё. Для этой цели и трудилась в Посольстве не покладая рук группа молодых учёных технарей с выездной бригадой, рыскавшей повсюду в поисках всего упавшего с неба.

Это надо было делать оперативно, ибо вьетнамцы следовали политике

"и нашим, и вашим" и такую же возможность предоставляли нашему идеологическому противнику на то время – китайцам. К тому же крестьяне в мгновение ока разбирали, например, рухнувшие американские самолёты по нечуждой и нам формуле "в хозяйстве всё пригодится". Собранный урожай проходил в Посольстве предварительную обработку, а потом направлялся нашими судами на родину для дальнейшего изучения и использования.

Кроме того, "доработчики" участвовали в постоянном "мозговом штурме" по разработке мер противодействия американским техническим и тактическим новинкам. Например, американские лётчики, заметив на радаре пуск ракеты, пускали по воронке луча её наведения упомянутый уже "шрайк" и оператору ничего не оставалось, как, спасая свою жизнь, отключаться. Так наши вот что придумали – вести ракету двумя лучами, а поймав "шрайк", вторым лучом перекидывать его за себя, куда бог пошлёт.

Этим и объяснялось, по всей видимости, попадание в дом Лебедева, а также потом – во французское представительство и китайское посольство. Вся штука в том, что по молчаливой договорённости американосы не трогали компактно расположенный в Ханое дипквартал, а мы настояли на том, чтобы все средства ПВО располагались только на окраине города.

Наши ракеты доказали свою высочайшую эффективность,

ими было сбито, конечно, не столько самолётов, сколько победно раструбила вьетнамская статистика, но всё же ого-го как много. А наши военные советники, в основном молодые лейтенантики-ракетчики числом около

300 (кстати, были причислены к торгпредской комсомольской организации, которую я возглавлял) не только умудрились в короткий срок подготовить вьетнамцев, но и часто сами были вынуждены, потеснив ученика, садиться за пусковой пульт.

Ну и уж, чтобы картина была полной, скажу, что время от времени в ханойском аэропорту встречали мы очередную группу практикантов, одетых в одинаковые гэдээровские костюмы, венгерские демисезоны и фетровые шляпы (это на жару-то в 40 градусов). Переодетых в поплиновые костюмы песочного цвета, их развозили по "точкам", и тогда число сбитых американцев возрастало кратно.

А вьетнамских лётчиков, которые работали на наших МИГ-17, а потом и МИГ-21, отбирали мы среди сельских бугаёв, ибо у обученных ранее горожан при выходе из пике лопались шейные позвонки. Откормили их ещё более где-то в авиационной школе под Саратовом, подучили ударным методом, и били они американцев в родном небе по-русски, с огоньком.

Знавал я этих ребят, один из которых стал космонавтом, у них глазки совсем в щёлочку сливались, когда вспоминали экзотическую для них манную кашу, сметану и русское сало. Ананас

Что-то открыло в моей памяти при слове "доработчик" очередной шлюз и вспомнил я анекдот совкового времени о мужике, который, поступив на завод швейных машинок, таскал, естественно, по детальке домой, чтобы собрать для своей бабы подарок. И сколько ни пытался, всё получался танк Т-34. А ещё про еврея, который додумался для укрепления винта вертолёта просверливать у его основания дырочки. А додумался по ассоциации с туалетной бумагой, которая никак не отрывалась по перфорации.

И действительно, в совковое время в угаре борьбы за выполнение плана под лозунгами типа "Наши часы самые быстрые в мире!" и

"Советский насос не подкачает!" производили чёрт-те что, и сами порой не знали что. И спасителями выступали доработчики, которые разъезжали по городам и весям нашей необъятной родины и за бугром и что-то просверливали, отпиливали, присобачивали к готовой продукции, в общем, дорабатывали.

Вот уверен, не поверите, а я вам чистую правду как на духу

поведаю. Когда я служил во Вьетнаме, приезжал туда мужичок с фибровым чемоданчиком, а в нём только дрель электрическая да увесистый молоток. И возили его по всем хозяйствам, что эксплуатировали наши вертолёты. А он в них просверливал всего три дырки в одному ему ведомом месте – то ли забыли про них на производстве, то ли технологию усовершенствовали, не знаю. Вот это и был доработчик.

К тому времени я уже заматерел, поднабрался опыта на работе, поездил по фронтовым дорогам, побегал в джунглях по "тропе" Хо Ши

Мина, по виду определял марку американского самолёта в воздухе, на слух по свисту – тип бомбы, которая летела и метила, так всегда казалось, лично в тебя. Научился шустро, как тушканчик, впрыгивать в бомбоубежище при тревоге, на худой конец заскакивать под любой козырёк, прячась от всего металла из средств ПВО, который нёсся с земли к самолёту-налётчику, а потом, разорвавшись, с неменьшей скоростью вниз, на тебя. Привык постоянно носить с собой, как

"авоську", каску с нацарапанными на ней моими инициалами.

Касочка-то меня как-то раз и спасла, когда я, направляясь к

Посольству, ненароком зазевался. Остренький осколок с неба подпортил букву "А" в инициалах, тут ещё вслед за ним рухнул недалеко от меня и сбитый ракетой самолёт. Я было побежал к нему, но отвлёк меня вид спускавшегося на парашюте лётчика. Американос приземлился профессионально на ноги, хлопнул по бляхе на груди, лямки соскочили и он со всей дури помчался наутёк. Я, конечно, за ним, но не успел догнать, как ниоткуда взявшиеся вьетнамские вояки схватили его, настучали по тыкве, бросили в газик и умчали.

Скажу, кстати, что таких лётчиков у вьетнамцев накопилось довольно много. Те, которые соглашались выступить перед камерой с покаянием и обличением агрессивной сущности империализма, использовались в пропагандистских целях (иных даже отпускали), а часть американских пленников использовали в качестве "живого заградительного щита", к примеру, сажали, вручив сборник статей Хо

Ши Мина от скуки, на мосту через Красную реку. В результате этот красивый ажурный мост, содеянный ещё знаменитым своей парижской башней инженером Эйфелем, не бомбили.

Я в досаде от неудачи в поимке пилота побрёл к догоравшим обломкам самолёта в надежде отчекрыжить какой-нибудь сувенир в дополнение к тому осколочку, что грел мою ляжку, лёжа в кармане штанов. Наткнулся на самолётное колесо и уж было

покатил его к

Торгпредству, да постеснялся при виде вьетнамцев, героически вытаскивавших из огня какие-то бочки, на которые свалился самолёт, и ретировался.

Вы, небось, подумаете, что я зациклился на сувенирах, и будете правы. Я уже тогда накопил много железок, часть которых раздаривал друзьям. Но слава моя пошла в основном от неразорвавшихся шариковых бомб, которые я сам и находил в поездках (а ездил много) и разряжал.

Уважали меня, правда, ещё и за то, что был бардом фронтового фольклора.

Страсть к сбору бомб меня и подвела. Принёс мне один геолог великолепный образец, бомбу ярко-оранжевого цвета, схожую с шариковой, но раз в пять её больше, с откидными стабилизаторами. Мне было предложено как раз и обменять её на пять разряженных шариковых бомб, на что я с радостью согласился. После свершения сделки я смотался к своему другу, директору-экскурсоводу в Музее национально-освободительной армии, одноногому майору.

Но тот, внимательно осмотрев предполагаемый сувенир, сказал, что называется бомба ананасовой, но как разряжается, не знает, а потому лучше утопить её от греха подальше в городском озере Хо Тэй.

Вернувшись несолоно хлебавши, позвонил в посольство другу своему доработчику Васе в звании майора. Тот наказал ждать его и ничего не предпринимать. Через пять минут он был уже у меня, сунул в руки тазик и приказал налить в него воды.

Погрузив туда бомбу, он объяснил, что, судя по виду, она замедленного действия и взрывается, когда высыхает заложенная внутри картонная плашка. Его совет меня не удивил – поехать на озеро Хо Тэй и далее по тексту. Но, узрев слёзы в моих глазах, смилостивился и согласился попробовать. В четыре трясущиеся руки мы кое-как отвинтили верхнюю крышку ананасной бомбы и, о боже… её уж минимум как месяц использовали в качестве пепельницы. Подшутил надо мной геолог, а Васёк ещё и раструбил об этом на потеху всей колонии. Но

"ананас" и поныне красуется в моей коллекции, гордо стоя на ножках-стабилизаторах.

Комплимент

Коллега по Внешторгу по возвращении из командировки в Бельгию среди прочего рассказал следующий забавный случай:

Едем со знакомым из нашего торгпредства в Брюсселе в автобусе и продолжаем дискуссию на тему, чьи бабы лучше, наши или местные. Я говорю: "Что ты зациклился на бельгийках, да они все здесь тощие, ни рыба ни мясо, кожа да кости, доска два соска. А вот за тобой стоит и исключение, которое правило только подтверждает. У этой всё в порядке. Хоть ты вид заслоняешь, я по видимому кусочку всю картину могу восстановить, глаз-то намётан. Попка как две думки-подушечки, ножки плотненькие с ямочкой на коленках, грудные железы хорошего наполнения, животик как батут для шустрого попрыгунчика, ниже…"

Тут вдруг объект моего обследования поворачивается и на чистейшем русском молвит: "Мальчики, вы бы поостереглись на скользкие темы говорить, не думайте, что никто здесь не поймёт".

Мы смутились, не нашли, что сказать, а девушка тем временем вышла. Товарищ и говорит: "Это наша, из посольства. Придется тебе извиняться. Дуй за цветами, адресок я узнаю". Вечером с цветами иду каяться. Открыла дверь, улыбается. Я ножкой шаркаю, прошу пардону за бестактность. А она мне: "Что же вы за комплимент извиняетесь? Я, право слово, польщена была". В общем, посидели, поговорили, милейший человек оказался.

Год прошел. Я уж забыл рассказанную историю, да тут встречаю на

Арбате этого коллегу, идет с миленькой полнушкой. "Знакомься, – говорит, – это моя жена. Да ты должен помнить, я тебе рассказывал, как мы познакомились". Возникла пауза, а потом мы все дружно расхохотались.

Поверье

В конце 60-х годов пришлось мне начинать трудовую деятельность в

Ханое, тогда еще столице только Северного Вьетнама. Время было тяжелое, на Юге шла война с американцами, авиация США регулярно бомбила Ханой. Передвигались в основном мелкими перебежками, в солдатских касках, так что по городу особенно не погуляешь. Только во время "перемирий", объявляемых американцами для очередной попытки договориться с северовьетнамским руководством, можно было расслабиться.

Тогда шли к озеру Хо Хуан Кием (возвращенного меча), что в самом центре Ханоя. С названием озера связана легенда, по которой простой рыбак получил из пасти всплывшей из глубины огромной черепахи священный меч, с помощью которого отбил, возглавив вьетнамское войско, очередную попытку могучего северного соседа, Поднебесной империи, захватить страну. За это был коронован, а меч до новой надобности вернул озеру.

Красивая легенда, но вот что удивительно – ханойцы свято верили, что в озере действительно скрываются какие-то крупные, мордой на черепаху похожие, животные, время от времени поднимающиеся на поверхность. И время, а вернее война подтвердила эту народную молву.

В марте 1967 г. американский лётчик, видно, здорово промахнувшись, зафинделил НУРСом (для непросвещённых: неуправляемый ракетный снаряд) в озеро. В результате всплыла почившая черепаха огромного размера, дожившая (по оценке учёных) до 400 лет. А это в аккурат подтвердило правдивость легенды.

На том же озере, у дальнего от центра берега расположен маленький островок с пагодой, называемой храмом литературы. У входа стоит большой каменный обелиск в форме кисточки для письма тушью. Всё это в честь уже не легендарных, а документально подтверждаемых исторических событий.

В храме в стародавние времена раз в год устраивались экзамены на звание мандарина. Каждый, независимо от рода и звания, мог прийти сюда и попытать счастья. Абитуриентов размещали по кельям со стражем у входа, чтобы ни подсказки, ни шпаргалки, снабжали рисовой бумагой и тушью с кисточкой, пропитанием и обязывали за месяц написать философский трактат на заданную тему. Прошедшие экзамен назначались чиновниками-мандаринами и возвращались в свои провинции, неся королевскую волю, закон и свет просвещения.

В Ханое есть ещё одно озеро, Хо Тэй, что означает Западное, знаменитое стоящей на его берегу пагодой, в которой хранится, по уверениям монахов, сандалия Будды. С ней и связана не менее удивительная история.

Если не ошибаюсь, в 1968 году в Ханой приехала почтенная пожилая чета наших маститых геологов для консультирования местных поисковиков. На приёме в их честь, на котором довелось быть и мне, вьетнамский министр в ходе застолья поинтересовался, среди прочего, сколько детей в их семье. Геологи, смутившись, признались, что детей

Бог не дал. На это министр сказал: "Я коммунист и в сказки не верю, но знаете, некоторые народные поверья сбываются. Есть

у нас пагода, куда приходят супруги испросить у Будды ребёнка. Надо только жене поцеловать его сандалию".

Всё обратили в шутку, но на следующий день все-таки свозили чету в храм. Прошло около года, и вот приходит нам в торгпредство письмо из министерства геологии от посетивших Ханой супругов. В конце отчета о проделанной работе маленькая, странно звучащая в документе приписка, просьба поблагодарить вьетнамского министра за проявленное гостеприимство и сообщить, что у них в семье родилась дочь, названная в честь его прекрасной родины Вьетой.

Вот и не верь после этого в сказки.

Полотенце

В то ещё время, а точнее – в 60-е годы прошлого столетия приходилось мне в разгар "культурной революции" в КНР летать из

Москвы во Вьетнам через Пекин. Пересадка там была что-то около двух часов, а развлечений – по горло. Во-первых, кормили дежурным обедом в ресторане на халяву, без особых разносолов, но удивительно вкусно.

Причём перед подачей блюд с завидным постоянством повторялся один и тот же ритуал. Официант спрашивал по-русски: "Какую кухню вы предпочитаете – восточную или западную?". И, не дожидаясь ответа, добавлял: " К великому сожалению, сегодня у нас только китайская кухня". Наверное, под этим был какой-то политический подтекст, так нами и не понятый.

По окончании обеда пассажиры, а это в основном были наши военспецы, направляющиеся во Вьетнам, гурьбой и с боевым блеском в глазах ломились в вокзальные магазинчики и на ура скупали по теперешним временам трехомундию: термоса, фонарики, зажигалки, платочки-носочки и шарфики. В те поры даже это было у нас страшным и вожделенным дефицитом. А ребят к тому же собирали по ракетным гарнизонам российских окраин, где такого ширпотреба и не видывали.

Забыл сказать, что это было время так называемой "воздушной войны" США против северного Вьетнама. Коль уж помянул про это, придётся открыть страшную тайну, теперь-то уж ставшую секретом полишинеля: эти ребята представляли собой "ограниченный контингент" военных советников (так это называлось в духе политкорректности), а в натуре – наши ракетчики, помогавшие вьетнамцам отбиваться от американских воздушных налётов. А уж как конкретно они консультировали у ракетного пускового пульта своих подопечных, догадайтесь сами. Подсказкой послужит то, что за день в небе

Вьетнама сбивали до 20 самолётов, а за все годы "воздушной войны" их число зашкалило за 2000.

Извините, что отвлёкся, возвращаюсь к нашим баранам (не в прямом смысле, конечно). В дальнем конце аэровокзала было ещё одно вожделенное место, скрытое от посторонних глаз китайскими ширмочками. Но ступить на него было для нас равнозначно заходу на минное поле, и над ним как бы витало

посольское табу.

А там – вы не поверите – на лавочках были разложены цитатники Мао

Цзэдуна (красненькие такие книжицы с изречениями "великого кормчего" на русском языке), значки, флажочки, марочные наборы и много чего ещё, и всё с революционной (чуждой нам в то время) символикой. А потому чуждой, что бодался тогда наш Хрущёв с их Мао Цзэдуном на тему, кто главный в коммунистической идеологии. Над всем этим цветастым раскладом к стенке было пришпилено объявленьице с одним только словом "Бесплатно", воспринимаемым нашим глазом как "Халява, сэр".

В конце концов все мы как бы случайно оказывались у ширмочек

(покурить и погуторить) и по одному (чтобы без свидетелей) шмыгали внутрь, а через пару минут выходили со скучающим видом и оттопыренными карманами (внутренними) пиджака. Ну не мог советский человек устоять перед халявой! Особой лихостью было вынести засунутыми в штаны пару небольших махровых полотенец с ликом Мао

Цзэдуна.

Вот с этим полотенцем и приключилась занятная история. Нашлась светлая голова в нашем посольстве, которая объяснила китайцам, что у русских есть привычка вытирать полотенчиком не только руки, но кое-что ещё. Как вы сами понимаете, этот предмет пропаганды немедленно исчез из раскладки к немалому огорчению советских авиапассажиров. Но я-то всё же успел отовариться…

Конфликт

Работал я в конце 60-х во Вьетнаме. Было это время разгара нашего конфликта с китайцами. Не поладил Хрущёв с Мао Цзэдуном на тему, кто правильнее коммунизм строит, вот и пошла свистопляска. Как водится, баре дерутся, а у холопов чубы трясутся. Особенно неладно было в порту Хайфон. А там и китайцев, и наших много, суда с помощью для воюющего с американцами Вьетнама шли параллельными потоками, у причалов стояли в долгом ожидании разгрузки вперемешку.

Вот и задирались китаёзы, стаей скучковавшись, налетали на российских морячков со своими фонариками длинными в руках.

А наши и ответить не могли, скованы были, как цепями, строгой и как всегда секретной инструкцией из Центра. А инструкция та гласила в драку не ввязываться, при нападении не бежать, но неторопливо уходить, сохраняя достоинство советского человека. Представляете, бред какой идеологической кобылы?

А с китайских судов, всех карнавально до ряби в глазах увешанных красными знамёнами, транспарантами и портретами до смерти любимого вождя, на наши суда направляли мощнейшие громкоговорители, откуда денно и нощно лились революционные гимны и цитаты всё того же вождя.

Наши покумекали, покумекали и тоже вытащили свой рупор да как зарядили хор Александрова. Ну, тут уж ад кромешный начался.

Срочно доложили послу в Ханой, а тот на свой страх и риск, своей властью инструкцию отменил и велел в случае чего давать отпор не задумываясь, но в пределах необходимой обороны. Наш народишко осмелел, плечи расправил и под громогласное мать-перемать тут же развернул брандсбойную судовую пушку на китайцев да и смыл их со всеми громкоговорителями. Механики быстренько нарезали прутьев из арматуры, боцман достал откуда-то ремни широченные с медными пряжками, коими наши морячки и подпоясались знамо-дело для чего, закрутил усищи и встал во главе десантного отряда.

Жаль, так и не удалось мне насладиться готовящимся великим побоищем. На китайских судах с палубы всех как ветром сдуло, ни души, порт вымер, на всякий случай попрятались и вьетнамцы, одни наши разведчики вальяжно прогуливались по пирсу, держа прутья на манер тростей. Ну а вечером, вестимо, грянул победный сабантуй в международном портовом клубе. С утра вьетнамцы объявили о введении чередования дней (неофициально "белого" и "жёлтого") для увольнения русских и китайских моряков на берег. Но с этого времени даже в свой день китайцы оставлять свои суда избегали. И воцарился наконец долгожданный мир.

"Корал Си

"

Пришлось мне во второй половине 60-х, как теперь добавляют, прошлого столетия целую пятилетку отслужить во Вьетнаме. Время было суровое, шла необъявленная война с

американцами, вой сирен, светомаскировка, почитай каждодневные бомбёжки, долгие сидения в бомбоубежищах, в общем, не соскучишься. Одно то, что наше бомбоубежище было привезено из России и предназначалось для нашей средней полосы, а здесь тропики, жарища, москиты, принудительная вентиляция проржавела… Ой, братцы, как вспомнишь, так вздрогнешь.

Но я не об этом. Один раз за все годы только и вырвался в отпуск, правда, на два месяца. Отгулял, а тут трудности с возвращением. С китайцами повздорили, пришлось в обход добираться. Долетел до

Владивостока, а там меня с попутчиком, нашим дипломатом, устроили на теплоход-банановоз, курсировавший между Владиком и Хайфоном. Судно – огромный белый красавец итальянской постройки, встретили на борту тепло.

Вечером пригласили к столу в капитанскую каюту, угостили от души, как только наши моряки умеют. Дошёл черёд и до нашего фронтового фольклора под гитару. Начал я, как обычно, с нашего вроде как гимна.

"По джунглям мы идём, тропинка узкая, тропинка узкая, с пути мы не свернём, мы парни русские, мы парни русские". А потом было "Эх, трали-вали, мы того не знали, не думали, не ведали, ребята, не гадали, что где-то в дебрях Азии по джунглям будем лазать мы, спасаясь от проклятого Фантома (это название американского истребителя)", ну и так далее до утра.

Так как время до отхода было, мы, проспавшись, вечером отправились в портовый ресторан, где гужевались моряки, было шумно и весело, а к лабухам оркестра стояла постоянная очередь с

"четвертными", зажатыми в кулаке, заказать свою песенку. Меню было превосходное, в основном рыбное, особо запомнилась "скаблянка по-владивостокски" из кальмара. Соседи по столу выдались мужики свои в доску, а, узнав, что мы идём курсом на воюющий Вьетнам, подхватили нас под микитки и затащили к себе домой.

Там опять застолье, а в качестве "изюминки" для нас включили магнитофон с "фронтовыми" песнями. Узнав свой голосок на кассете, я попросил гитару и стал исполнять свои песни вживую к несказанной радости хозяев. Можно и не говорить, что доставили нас на "Чапаев" аж к вечеру в полубессознательном состоянии с подаренной мне гитарой. После дружеских объятий с горячими поцелуями отправились мы прямиком в свою каюту на боковую.

А утром глядь в иллюминатор, а мы уже в море-океане. И

началось путешествие, полное приключений. Где-то недалеко от Сингапура полетела какая-то важная деталь движка. Туда-сюда, что делать? Ждать доставки из страны-производителя, Италии, долго да и накладно.

Капитан связался с Центром, разрешили, в порядке исключения, обратиться к американским военморам, благо их 7-я эскадра располагалась рядом, патрулируя подходы к Вьетнаму.

Те откликнулись на удивление быстро, с авианосца "Корал Си" подошёл к нам катер с двумя бравыми механиками в парадном одеянии.

Переодевшись в капитанской каюте, они быстро поставили на место привезённую деталь. Проверили, всё тип-топ, ну, и, естественно, милости просим к столу. Надо сказать, что капитан здорово волновался, советовался с моим другом-дипломатом, ситуация-то не штатная. Решили, для исключения нежелательного политического резонанса, ребят быстро напоить и отправить восвояси.

А для этого боцману, родом из Одессы, комплекцией "семь на восемь" и с необъятным чревом, было поручено взять дело в свои руки.

А руки те, поверьте, как миноуловители, при мне пятак двумя пальцами вдвое сминал. Сели, выпили пару осторожных тостов за сотрудничество в морских делах. Тут капитан и глаголет: "Вообще-то нам водку привычнее стаканами, вот мой старпом (и указует на боцмана) продемонстрирует, а вы уж, коль сможете, поддержите обычай.

Боцман заглотал и не крякнул, американцы несколько стушевались, но, перекрестившись, довольно мужественно взяли на грудь. У одного глазки сразу разъехались, сам застекленел и удалился в себя, второй оказался молодцом и даже стал напевать свой гимн "Америка,

Америка…". Тут боцман второй стаканище, до краёв налитый, в себя опрокидывает, а тому, кто молодец, из сочувствия половинку наливает.

Хлоп, спектакль окончен.

Боцман аккуратненько обоих офицериков за талию обнял, приподнял да так к трапу и отнёс. А там смачно расцеловал и на руки рулевому катера и сгрузил, а мы все ручками помахали. "Уф, – сказал капитан, когда мы с проводов вернулись за стол, – пронесла нелёгкая, выпьем за счастливое избавление". Боцману налили ещё 250 грамм, поблагодарили за службу и отправили дальше нести тяжёлые обязанности по судовой жизнедеятельности, а сами ещё долго сидели за обедом, вновь и вновь пережёвывая случившееся.

Судно продолжило свой путь во Вьетнам, а уже на самом подходе вновь нештатная ситуация. Как ниоткуда вдруг появился и завис над нами мышиного цвета американский вертолёт. А там, в открытом проёме, американос нарисовался с улыбкой в пол-лица, ручкой приветливо так машет и кричит что-то, за шумом винтов не слышно. То ли от тех механиков пламенный привет привёз, то ли просто от скуки решил поразвлечься, на этих русских поглазеть.

Наши на верхнюю палубу повыскакивали, тоже руками машут, по-английски "окей" кричат. А тот чудик совсем раздухарился, видно, решив салют устроить, стал в воздух банки пивные подбрасывать и из бортового пулемёта их расстреливать. Такая потеха пошла под пивным дождём. Ну, тут уж капитан не выдержал, приказал по громкой связи всем с палубы убраться. С неохотой, но подчинились, а американец вроде как обиделся, дал газу и удалился в рокоте винтов.

А капитану новая забота, опять пошел для начальства отчёт строчить.

Переправы

Бывает – человек-гора, а кошёлку жены еле-еле с кряхтеньем поднимает, другой же – худющий, прямо спирохета бледная, но, как говорят в народе, шибко жилистый и силы неимоверной, хоть с виду и не скажешь. Вот таким был друг мой Володя, который целую переправу стянул, в смысле наладил. Было это в военное время во Вьетнаме, а приключилось вот что. Подъехали ночью к понтонной переправе на

Красной реке, а там столпотворение. Американосы прямым попаданием с воздуха один понтон раздолбали, вьетнамцы резервный подогнали, а стянуть переправу силёнок не хватает, хоть человек тридцать солдатиков кочевряжится.

Чувствуем, дело швах, "газик" наш фронтовой со всех сторон зажат, а самолёт в любой момент вернуться может. Тут Володя и проявил лихость свою на радость и удивление местного народа. Солдат матюками разогнал, сам за канат взялся, зубами заскрипел и в одиночку стянул понтоны. Я, как до Ханоя добрались, рассказывал – так никто не поверил, а Володя только улыбается, говорит, мол, с перепугу перенапрягся.

Вообще-то явление это известное. Во французскую революцию аристократка молоденькая, когда её мужа на

гильотину тащили, раздвинула своими холёными пальчиками решётку чугунную и к нему бросилась. А в Москве как-то шёл с матерью в снежную зиму по тротуару, вдруг автобус на нас заюзил. Я влево, а она, пальтишко подобрав, вправо, на сугроб метра в два высотой. Я потом из интереса замерил, чуть-чуть до мирового рекорда не хватило.

Но вернёмся к переправам вьетнамским. Наши военные советники такую хитрость умудрили, днём понтоны притапливали, с воздуха и не разглядишь, а ночью опять переправа работает. На этом сами и попались. Ехали нашим же маршрутом на Ханой и, как всегда, на ночь глядя. За рулём дядя Фёдор, весьма уважаемый мужик, говорит: "Рванём по понтонке, я их все назубок помню, сам и ставил". И в воду заруливает, мол, "Спакуха, мужики, сейчас колёсами понтон поймаем".

Очухался, когда всем уже вода по грудку. Ну, выплыли, высказали

Фёдору своё мнение о нём и его ближайших родственниках, правда, горячились не очень, дядя в чине полковника всё же.

Наутро машину танкеткой, как тягачом, вытянули, оказалось, чуть-чуть Федя промахнулся. А с танками другая весёлая история.

Когда весной 1968 года, во время наступления на южновьетнамский город Хюэ появилась танковая бригада, американцы чуть умом не тронулись, решили, русские фильм об обороне Сталинграда снимают. А хитрость в том, что эти танки с вьетнамскими экипажами в них наши вертолётчики ночью туда скрытно доставили.

Вьетнамцы на наших военспецов молились, мы, гражданские, искренне уважали. И не только мы, американские пилоты их гостиницу за версту облетали. А жили "тюйен зя" (советники по-местному) в гостиничном комплексе Ким Лиен, и как-то посетил его свежаком из Москвы приехавший новый партсекретарь посольства. Зашёл наугад в номер и наблюдает такую картину. Сидят могучие мужики в одних трусах семейных (жара-то под 40 градусов), и потребляют за мирной беседой родную жидкость той же градусности под местную лягушатину. Секретарь

– в крик: "Советские офицеры, злоупотребление алкоголем, на фоне голых баб!". Это он имел в виду картинки девушек из "Огонька", на безрыбье развешенные по стенам. Мужики с невозмутимым видом скрутили секретаря и – в окошко, хорошо, первый этаж и клумба свежевскопанная. Думали, скандал будет с политвыводами, да обошлось, из уважения к участникам инцидента дело замяли.

Кстати, и партсекретарь, несколько обтесавшись, оказался на поверку мужиком хорошим, хоть и носил фамилию Нехорошев.

Его тоже надо было понять – "noblesse oblige", т. е. "положение обязывает". А как-то выехал с ним в командировку по стране, да приняли по стакашке для профилактики нашей родной "полиграфки" (детектор лжи так тоже называется), и поведал секретарь, что он (кошмар!) сам из кулаков.

Ну то есть его отец был мало-мальски зажиточным крестьянином, которого раскулачили и сослали в Сибирь, где только он, младший сын из семи детей, и выжил. И стал-то "освобождённым", т. е. профессиональным партсекретарём, чтобы замять своё происхождение.

Полюбил я его за откровение, а он же на меня и, не удержавшись,

"капнул".

В 1970-ом на год столетия Ленина отправили в Москву документы с рекомендациями на принятие меня в Партию, а ответа всё нет и нет, и это на меня, фронтовика, орденоносца. Так бы и не узнал причины задержки, если б не Торгпред мой, Черников Борис Николаевич, бывший неосвобождённым замом у Нехорошева.

Тот как-то вызвал к себе домой и за бутылочкой коньяка шепнул мне на ушко, что возникло, мол, у секретаря подозрение в моей

"нехорошей" национальности (видимо, из-за чёрных глаз, доставшихся мне от деда-армянина). И что прошерстили в соответствующих органах всех моих родичей, но компромата не нашли, так что, поздравляю, мол, ты не еврей, а полноправный ныне член КПСС.

Эх, опять меня увело, я ж про переправы. Еду как-то опять же на

"козлике" ночью в порт Хайфон. Впереди, метрах в тридцати, дружок в каске рулит. А ради светомаскировки дорогу освещали только лампочкой из-под переднего бампера, особо не разгонишься – ни зги не видать.

Друг через переправу перевалил, я трошки не доехал, а тут американос бомбой довольно увесистой её в пух и прах. Я думаю: "Конец Андрюхе", а он: "Прощай, Санёк".

Пока окольными путями до порта добрался да на наше судно взобрался, где Андрюха у капитана обосновался, за упокой моей души не раз стаканчики гранёные подняли. А тут я, жив-здоров и не кашляю, в аккурат к третьему тосту "со свиданьицем". Представляете, радость какая, до слёз дошло. Так что на войне и веселье случается, только бы переправу живым миновать.

Праздник

Во время моей долговременной, а точнее, пятилетней командировки во Вьетнам я изъездил страну вдоль и поперёк. И это несмотря на то, что там почти сразу после моего приезда (январь 1965 г.) началась так называемая воздушная война, и американцы бомбили всё и вся в попытке принудить Север прекратить партизанскую войну на Юге и отказаться от планов его захвата (по их терминологии, а по нашей – освобождения). Напомню, что Вьетнам был тогда разделён надвое. На

Севере строили с нашей помощью, как могли, социализм, а на Юге обосновались американцы.

А частые мои поездки объяснялись не тем, что служба такая, работал я экономистом в торгпредстве, а тем, что знал язык страны пребывания и двух сопредельных стран (Камбоджи и Лаоса). И каждый, кто куда по какой служебной надобности выезжал, норовил взять меня с собой для удобства общения с местным населением.

Дело это было опасное, но уповали мы на относительно джентльменское поведение американцев. Перед бомбардировками они раскидывали с воздуха листовки с "чёрным" списком объектов, подлежащих уничтожению, и просьбой эвакуировать мирное население, рядом с этими объектами проживающее. И бомбили действительно точечными ударами. Сам видел, как какой-то заводик после налёта как корова языком слезала, а соседние дома затронуты не были.

Наших, советских они тоже старались не трогать, на наши основные праздники никаких бомбардировок не было, места проживания наших военных советников и гражданских специалистов обходили стороной.

Время от времени объявляли передышки на несколько дней, оповещая о том теми же листовками.

Мы выезжали из Ханоя специально на "Волге" ярко-красного цвета, оставшейся в торгпредстве после выставки нашей техники и оборудования ещё в мирное время. Такая машина была легко различима с воздуха, зато и дураку было ясно, что в ней едут русские. Однажды всё же один американос спикировал на нас, явно решив позабавиться. Мы успели только выскочить и нацепить каски, которые были всегда под рукой, да так и застыли.

А куда деться на открытом пространстве, да когда ещё вдоль дороги болотистые рисовые поля? Самолёт (то ли "Сейбер", то ли "F-105") пролетел прямо над нашими садовыми головами, и я даже разглядел улыбающуюся физиономию пилота, но мы головы

перед нахалом не склонили, если честно, то от страха и оцепенения. А лётчик, помахав нам на прощание крыльями, унёсся прочь.

Но такие отношения были попервоначалу, а потом как стали их десятками сбивать установленные повсюду наши ракеты, да как появились в небе вьетнамские лётчики на наших МИГах, стали американосы хамить. Расстреляли из пушки "Вулкан" наше владивостокское судно, мирно стоящее на траверзе порта Хайфон с военной техникой на борту, одного моряка, Ребатчука (его именем потом было названо новое судно), ранили Ваню Земцова, которого я сам и вывозил в Ханой на срочную операцию, пострадало и несколько наших военных советников.

Но я-то хочу поведать об одной поездке в Хайфон с замторгпреда на праздник Военно-морского флота, чтобы поздравить наших моряков. В то время порт постоянно был забит нашими судами, доставлявшими военную и общегражданскую помощь не только для северных вьетнамцев, но и для дружеских нам по идеологии партизан в Южном Вьетнаме, Лаосе и

Камбодже. Кроме наших, в порту были только китайские суда с ракетами

"земля-воздух", плохими копиями с наших, и другим военным оборудованием и снаряжением, включая подделку под наши же "газики".

Надо сказать, что разгрузка судов происходила из рук вон плохо, суда простаивали неделями у пирса и на рейде, а моряки маялись в удушающей жаре от безделья, да ещё эти бомбёжки, так что каждый приход во Вьетнам был, я считаю, героическим деянием. Одним из немногих развлечений на борту было наблюдать, как американский воздушный ас выписывал в небе вензеля, провоцируя пуск ракет и элегантно уходя от них, а потом уж прилетали его дружки и подавляли пусковые точки.

На катере представителя нашего Морфлота мы отправились к последнему судну в очереди, оказавшемуся красавцем-двадцатитысячником из Одессы и стоявшему довольно далеко, в бухте Халонг. Отметив парой рюмок в капитанской каюте наше благополучное прибытие, мы были препровождены в кают-компанию, где собрался уже в ожидании праздника весь экипаж. Замторгпреда коротенько так, минут на 20, передал поздравление Посла, Торгпреда и зачитал поздравительную телеграмму Министра морского флота. Дело в том, что при заходе судна на рейд на его борт поднимался вьетнамский солдат с калашом, опечатывал рацию по их закону военного положения и оставался охранником до момента причаливания.

Я тоже выступил с коротеньким сообщением о текущем

моменте и рассказал о непоколебимом духе вьетнамского народа, трижды отстоявшего свою независимость от монгольского нашествия с помощью изобретённый ими тактики выжженной земли и неисчислимых попыток того же рода со стороны Северного соседа, т. е. Китая. Свидетельством последнего служит Храм на костях в виде пагоды на холме из костей вражеских китайских воинов, которую уважаемая аудитория сможет увидеть собственными глазами, когда их прекрасное судно всё же доберётся наконец до Хайфона.

Потом был концерт самодеятельности, самым запоминающимся номером которого было выступление буфетчицы Раи из Одессы. Она брала с подноса заготовленные для этого случая пробки от шампанского и раздавливала их в крошку нажатием двух пальцев правой руки. Потом брала с того же подноса медные пятаки и уже пальчиками левой руки сгибала их, вручая в качестве сувенира и свидетельства силы духа русской женщины публике.

Не менее захватывающим было выступление и боцмана комплекцией

"семь на восемь", который на своей мощной груди гнул ломики и другой пожарный инвентарь, а потом под крики из зала "Не порть струмент!" возвращал им первоначальную форму. Концерт завершился бурными, но непродолжительными аплодисментами, и народ поспешил в столовую на праздничный ужин, а мы с капитаном – в его каюту с аналогичной целью.

Посидели мы очень хорошо, коронным блюдом был тушёный осьминог в изумительной по вкусу, густой и бурой по цвету подливе. Оказалось – это специалитет капитана в его кулинарном хобби. Пили не менее экзотический коктейль "Россия" ("Столичная" плюс "Московская" фифти-фифти). Запомнился ещё кофе "по-венски": в чашку с растворимым кофе и сахарным песком выливается пол чайной ложечки холодной воды и той же ложечкой жижа растирается по стенке до приобретения ею белого цвета. Потом заливается кипяток – и готово, вы наслаждаетесь божественным напитком с высокой воздушной и сладостной пенкой.

Наутро, проспавшись, вышли на палубу просвежиться. Подошли к группе матросов с боцманом во главе, которые как раз доставали ночной улов из корзинки с приманкой, опущенной на ночь в воду на лине с горящей лампочкой (как я понял, для привлечения внимания морской живности). Из корзины вывалился и шлёпнулся на палубу огромного размера осьминог, собрат того, что мы с таким вкусом ели намедни. Тут он вытянулся на своих осьми щупальцах и стал переливаться

разными цветами и остановился на красном, видимо, тем самым выражая своё крайнее возмущение.

Боцман подошёл и слегка наклонился, чтобы заглянуть чудищу в его мудрые печальные глаза, и мы услышали такой насыщенности и красоты мат-перемат, что хотелось посоветовать ему выступать с этим отдельным номером самодеятельности. Оказалось, осьминог с таким презрением плюнул боцману своей фиолетовой чернильной слюной, что его белая праздничная рубаха была безнадёжно испорчена.

Мы застыли от увиденного и услышанного, но тут из ступора нас вывел громкий хлопок в небе. Подняв головы, мы увидели прямо над нами разваливающийся в пламени самолёт и отделившуюся от него чёрную точку, которая вскоре превратилась в парашют с чёрным червячком на конце строп. Мы – бегом к капитану, тот уже был в курсе и отдавал команду чем-нибудь отвлечь и задержать вьетнамца-охранника, который слава богу ещё завтракал в столовке.

"Ведь застрелит же человека на наших глазах", – объяснил нам капитан, – а есть же закон спасения на водах, и мы под ним подписались". Сквозь крупный иллюминатор каюты мы увидели, что американос уже приводнился рядышком, надул лодчонку и как-то даже весело машет нам руками. "Что делать?" – растерянно произнёс кэп, вытирая проступивший на лбу пот. Видя, что от нас с моим старшим товарищем подсказки не добьётся, он приказал сорвать пломбы с рации и отстучать сообщение министру с просьбой указаний.

Напряжённое ожидание длилось недолго, над нами коршунами закрутились истребители "F-105" с ошивавшегося неподалёку авианосца

"Корал Си", стрекозой подсуетился вертолёт "Апач" и выдернул на канате пилота, который послал нам воздушный поцелуй и скрылся в чреве вертушки. Из наших грудей вырвался единодушный выдох облегчения, мы быстренько разлили по стопарю, выпили за разрешение острой ситуации и приступили к завтраку. Ровно через сорок минут пришёл ответ из Москвы: "Поступайте согласно обстоятельствам".

Кстати, может быть, именно согласно обстоятельствам военного времени сложился у нас фронтовой фольклор, а бардами были Валера

Куплевахский, лейтенант-ракетчик, и ваш покорный слуга. Песен мы с

Валерой насочиняли довольно много, не ахти каких, но исполненные со сцены актового зала Посольства нашим самодеятельным оркестриком они неизменно вызывали бурные

аплодисменты и даже выбивали слезу у аудитории суровых бойцов.

Магнитофонные записи этих песенок разошлись и во Владивостоке, откуда шёл основной поток нашей помощи Вьетнаму судами в порт

Хайфон. А во время отпуска в Москве затащили меня и на радио, и прозвучали они в передаче "С добрым утром!". Отобрали для выхода в эфир только три, да и те цензура подкорректировала. В песне, посвящённой нашим советникам-ракетчикам, работавшим в Хайфоне, и начинавшейся запевом "В ханойском порту на чёрном борту китайская орфография, не думал, что так далеко забреду, знал бы, учил географию", пришлось для политкорректности пропевать "на белом борту славянская орфография".

Не подошла и наша заветная песенка "В 6 часов вечера после войны ты на свиданье со мной приходи, у памятника Марксу тебя я буду ждать, кусок от F-105-го под мышкою держать". Да, там и именно в 6 часов вечера и встречались мы, вьетнамские фронтовики, лет 5-6 после возвращения с войны, в августе, на день первой американской бомбардировки Ханоя. Встречались, обнимались, целовались, хлопали друг друга по плечу и, закупив водочку для экономии и рассовав её по портфелям, шли в ближайший кабак отмечать очередную годовщину. С каждым годом компания наша худела, кто спился, кто-то даже "сел", кто дуба дал (обычная судьба ветеранов-фронтовиков). А ныне я, небось, последним могиканином и остался плавать в своих воспоминаниях.

Змейка

На Востоке отношение к змее несколько отличается от нашего. У нас превалирует страх до мурашек на коже с долей отвращения да, может быть, немного пиетета из уважения к библейскому мудрому змею, совратившему яблочком нашу прародительницу, или к известному мультяшному философу. Знают у нас в основном гадюку, чаще поминаемую при характеристике некоторых женщин, да безобидного ужа, которому тоже достается за всю породу, а про анаконду в пятнадцать метров, кобру с её капюшоном, удава-душителя – лишь понаслышке.

В Азии же змея безмерно уважаема, в фольклоре – это не наш

родной простачок Змей Горыныч, а огнедышащий дракон, карающий и милующий человека, в гневе сдвигающий горы и превращающий цветущие долины в пустыни. Во Вьетнаме, где мне пришлось поработать пяток лет, есть залив Халонг (спустившийся дракон) красоты необычайной, с тысячей скалистых островков причудливой формы. Тут и драчливый петух, и голова слона, и грудь девственницы, в общем, кому что видится в скалистой груде. А содеял всё это, по легенде, дракон с художественным вкусом, который при взлете захватил горсть камней да и расшвырял их по заливу.

Вообще-то на Востоке, который, как известно, дело тонкое, к легендам относятся как к художественному оформлению действительно происходивших когда-то событий с невымышленными персонажами, ну вроде как мы к летописям. И в этом есть рациональное зерно. А чего ещё ради тот же дракон без особых различий встречается в фольклоре самых разных народов по всему миру? И вот уже и у нас, пока ещё достаточно робко, проклёвывается мысль, что дракон – это воспоминание о динозаврах, некоторые виды которых (из тех что поменьше) могли летать.

Может, и придём когда-нибудь к убеждению, что наши далёкие предки жили в своеобразном симбиозе с доисторическими рептилиями, используя их как разъездных животных, а на птеродактилях лихо взмывали к небесам. И что некоторые из этих в прошлом домашних животных дожили и до наших дней, но, не желая возвращаться в рабство, скрываются от человека как, скажем, Несси в Шотландии. Будем считать, что динозавры измельчали до размера аспида, предпочитающего за тёплый и влажный климат восточные страны.

На змею там можно наткнуться где угодно. Помню вопль соседки, которая, выжимая половую тряпку после уборки, обнаружила в ней обозлённо шипящую маленькую змейку. Ехал в военное время из Ханоя в порт Хайфон, попал под авианалёт и спрыгнул в так называемое индивидуальное бомбоубежище на обочине, а попросту круглую яму в рост человека. Спрыгнул и замер как в детской игре, почувствовав под ногой что-то живое и извивающееся. В свете "люстры", спущенной с американского самолета планирующей светящейся бомбы, разглядел змею, которой к счастью своему придавил голову.

Так и простоял до конца бомбежки, пока вьетнамцы не выдернули, а потом и змею выловили и засунули в мешочек, успокаивая меня тем, что змея съедобная. На мой вопрос "А если бы укусила?" услышал безмятежный ответ "Помер бы". Своё состояние описывать не буду.

А то в другой раз шёл по рисовым чекам и вижу, пацаненок лет пяти идет прямёхонько на вставшую в боевую позу кобру. Я зашёлся в крике, а вьетнамчик спокойно поднёс к ее пасти ручонку и, видимо, привычным движением схватил за горло и бросил в свой туесок. Меня привели в чувство и объяснили, что ребёнок послан родителями за мясом на обед, а ладошка его намазана диким чесноком, от которого змея цепенеет и никогда не укусит.

В Таиланде, где мне тоже довелось послужить, перед тем как поиграть на лужайке в волейбол, приходилось тщательно осматривать траву. И чуть не каждый раз натыкались на змейку. Как-то случился у нас приехавший из соседней Индии коллега. Так он удивился: "А что вы индуя-дударика не найдёте, он вам быстренько территорию от змей очистит?". Действительно, пригласили за 400 бат индийца-заклинателя змей, он уселся в центре лужайки, подул в дудочку, и пополз к нему зачарованный змеиный народец, только успевай мешок подставлять.

В том же Таиланде с сыном моим, ему ещё и трех лет не было, чуть до беды не дошло. Жена чуть отвлеклась, глядь, а он стоит напротив змеи метра в полтора, и они как бы дружески друг друга разглядывают.

На крик прибежал наш привратник Сампит и змею отогнал, а сын долго плакал и уверял нас, что она добрая. Может, он и прав был, Восток, как известно, дело тонкое. Вот был я до этого во Вьетнаме в горной провинции Хуабинь (мирная), так видел там, как дитятко сидит в кольце огромного питона, который ему нянькой служит, следит, чтобы тот далеко не уполз, и других змей отгоняет.

Да, много удивительного на Востоке, что и не снилось другу

Горацию… А можете представить, что юноша из той горной деревеньки из самодельного арбалета стрелкой из расщепленного бамбука с закаленным на огне острием на взлёт снимает птичку величиной с нашего воробышка, а на празднике попадает метров с тридцати в свернутую на затылке в шиньон косу своей невесты. Вильгельм Телль от зависти лопнул бы, а американцы в южновьетнамских джунглях называли это грозное оружие "тихая смерть", потому ещё, что стрелу при охоте на них в тыковку с растительным ядом типа "кураре" макали.

Был я на том празднике, пальмовое вино пил, а в подарок получил тигрёнка и два арбалета с колчаном из бамбукового колена со стрелами, арбалет поменьше – на дичь, побольше – на кабана и американца. Тигрёнка я на обратном пути в джунгли выпустил, а арбалеты и посейчас храню как сувениры. Приходите в гости – покажу.

Прикол

Вспомнился под Первое апреля один прикол или скорее розыгрыш. И тем он был хорош и в памяти остался, что срежиссирован был самой жизнью и не обидой, а великим смехом кончился. А случилось это во времена геронтократии в нашей стране, когда существовал возрастной ценз при назначении на каждую мало-мальски ответственную должность.

И то, что я стал в тридцать с небольшим Торгпредом в Камбодже, было исключением из правила. А причина – десятилетний стаж работы в

Совмине СССР, который правом на это и обладал.

Итак, поехал я как-то в аэропорт встретить своего старинного друга, торгового советника Венгрии. Дружок действительно был старинный и мной весьма уважаемый, ибо подружились задолго до этого в воюющем Вьетнаме. Я был мальчишкой-переводчиком, а он в чине майора – членом международной комиссии по наблюдению. Ещё в комиссии был канадец и индус, и тем самым якобы достигалась сбалансированность оценок американо-вьетнамского конфликта.

Неудобно признаваться, но дружба была основана на любви к питию, освящённой страшно секретной полюбовной сделкой. Комиссия месяц проводила в весёлом капиталистическом Сайгоне, месяц – в социалистическом раю Ханоя, где единственным развлечением было человеческое общение путём совместного пития. Так вот, Лайош каждый раз привозил оттуда сюда ящик виски, который я обменивал на два – водки, что нашему общению весьма способствовало.

Ну вот, встретил друга в аэропорту, присели выпить "со свиданьицем" и "стременную", а тут жена ведёт нашего журналиста, которого знала ещё по журфаку МГИМО. Тот прилетел тем же рейсом и, как водится, посольство забыло встретить. Журналист оказался милым шустрым малым без комплексов, тут же перешёл со всеми на "ты", и естественно, как и Лайош, был приглашён на вечер ко мне домой. По дороге в гостиницу он попросил организовать ему беседу с Торгпредом и поинтересовался, какой он из себя человечишка. Я естественно сказал, что, вроде, ничего, но строгий, на том и расстались.

Вечером я послал за журналистом своего шофёра, наказав мою должность тому не называть. Стол был накрыт в моём

особняке, бывшей резиденции генерал-губернатора Индокитая, в самом центре Пномпеня.

На вопрос гостя, будет ли Торгпред, ответил, что тот переодевается во фрак и подбирает музыку для торжественного выхода. Мол, у начальства свои причуды. Как ни парадоксально, но журналист всё это схавал и сидел, как на иголках, в томительном ожидании, даже отказался от первой. Тут жена врубила музыку, и бедняга вскочил и вытянулся по стойке смирно с блаженной улыбкой на лице. Выдержать это было невозможно, и все от хохота буквально повалились наземь.

Спросите, как журналист? Когда понял, что это был дружеский розыгрыш, долго приходил в себя, но в конце концов отпоили.

Клуб ветеранов

В конце 80-х в качестве гендиректора одного из первых у нас совместного советско-американского предприятия мне приходилось частенько выезжать в США. И вот как-то в ходе очередной командировки попал я в кабинет главы довольно крупной компании. Меня предупредили, что он безногий инвалид, но мужик что надо.

Действительно, в кресле восседал крупный, весьма импозантный мужчина, а рядом стояли прислонённые к стене костыли.

Но поразился я больше убранству кабинета. Я уж привык, что боссы американского бизнеса страшно любят украшать рабочее место, кроме привычного для нас портрета главы государства, семейными фотками, различными дипломами, своими фотографиями с известными в стране личностями и даже со своей тёщей в обнимку, но тут целая стена была увешана явно фронтовыми фото. А над этим скопищем красовался портрет хозяина в лётном комбинезоне на фоне знакомого мне до рези в глазах бомбардировщика "Б-52". Только я их видел в небе Вьетнама или сбитыми на земле.

"Вьетнам?" – робко спросил я. "Да, – гордо ответил босс, – 1968,

1969". Я ткнул себя пальцем в грудь и объявил: "Вьетнам, 1965 -

1970". Мужик орлом вскочил из-за стола на свои протезы и уставился на меня. "Всё, – подумал я, – сейчас будет бить…". "А не

ты ли, мать твою, меня и сбил?" – проревел американос. "Нет, – спокойно и, как мне казалось, с чувством достоинства, ответил я. – Я представитель сугубо гражданской профессии, работал во Вьетнаме в торгпредстве. Скорее наоборот, это, может, ты влепил в меня своей чёртовой бомбой. У меня была контузия, да и хромаю до сих пор".

Тут американец заключил меня в медвежьи объятия и хрипло прогундосил в ухо: "Врёшь, наверно, мать твою, но я всё равно рад увидеть первого русского с той стороны баррикады!". Затем не терпящим возражений басом заявил: "Вот что, на хер все переговоры, сейчас я созову ребят из "Vietvet" (союз ветеранов Вьетнама) и ты нам прочтёшь лекцию".

Где-то через час мы были в ирландском баре, который оказался постоянным местом сбора ветеранского клуба, председателем которого и был мой новообретённый друг. Собралось человек двенадцать, все здоровые, как черти, в основном бывшие лётчики Фантомов и

Скайрейдеров, от которых и мне приходилось прятаться, зарываясь носом во вьетнамскую землицу. Каждый считал своим долгом облапить меня, хлопнуть с маху по плечу или спине и выпить со мной ирландского виски из фирменной бутылки с красной этикеткой. При этом лётчики обязательно подмигивали мне и задавали вопрос, который можно было бы перевести как "Ну, малый, колись, ведь садились твои ребята за штурвал МИГов?".

Потом все расселись и принялись за зажаренные на открытом огне бараньи рёбрышки, а меня затащили на трибунку, водружённую на стол в углу, и приготовились слушать. Я не стал им рассказывать, что работал со штабом партизанских объединений (Вьетнам, Лаос, Камбоджа) и что занимался поставками всего того, что их убивало.

Задушили бы в дружеских объятиях, но не раскрыл бы тогда ещё бывшую совершенно секретной информацию, что за время войны во

Вьетнам нами было поставлено 2000 танков, 1700 БТРов, 12000 зениток,

158 зенитно-ракетных комплексов "Двина", 700 боевых самолётов, 120 вертолётов, 100 кораблей ВМС. (Сам удивляюсь, как в память врезалось). О величине нашей помощи можно судить по тому, что в день на это дело уходило около 4 млн. их же, американских долларов. И это, можно сказать, цена 4000 душ американских солдат, оставивших свои тела в Индокитае.

Отделался байками о том, как ходил по тропам Хо Ши Мина и увёртывался от их бомб, как стал кровным братом племени мео

(коты), тех, кого американцы боялись пуще смерти за их, эту смерть несущие, отравленные арбалетные стрелки, прозванные тихой смертью.

Но на вопрос лётчиков я всё же ответил с полной чистотой – уж больно раздразнили они меня этой темой. Да, – раскололся я, – были во Вьетнаме лётчики-инструкторы, но не больше пятка на все вьетнамские ВВС. И запрещено им было строго-настрого подниматься в воздух во избежание международного конфликта. Да, случился грех. В дни перемирия, когда вьетнамские ракетчики сбили одного из ваших, вы в отместку разбомбили в пух и прах на земле отделение "мигарей" с подопечными пилотами одного такого инструктора. И сердце старого вояки не выдержало – он поднялся в воздух на учебной спарке и предупредил по рации, что не вооружён, но пойдёт на таран.

А потом обложил ваших ребят таким смачным матом, что они, уж и не знаю, как и что поняв, моментально смылись, как нашкодившие коты.

Чтобы спасти бедного инструктора от строжайшего наказания за грубейшее нарушение дисциплины, начальство тут же переправило его к новым ученикам в Каир, где шла война арабов с Израилем. Там он и погиб, царствие ему небесное, под шальной бомбой. И тут, не поверите, все американские ветераны, как говорится на едином подъёме, встали и выпили за упокой души своего коллеги, хоть и с другой стороны баррикады.

А для вас, читатель, ещё добавлю, что знавал я того лётчика, о котором американосам поведал. И рассказал он мне за рюмкой чая, как бил американцев ещё в небе Кореи, и хорошо их бил. И тогда, да и сейчас, наверно, в силу политкорректности, это вроде как страшная тайна. А в Корее, по словам ветерана, летали без документов, под строгую клятву общаться в воздухе только заученными корейскими фразами. Только что глаза пальцами не растягивали, как в нашем старом анекдоте, чтобы под корейцев косить. Но всё равно узнавали их американцы, разбегавшиеся как цыплята при появлении коршуна, заслышав узнаваемый русский мат среди корейских слов. Ну да ладно, вернёмся к баранам (я не имею в виду американских ветеранов).

Ещё долго не отпускали они меня, требуя рассказать про то, про сё, про пятое-десятое… Судя по многочисленным возгласам "Твою мать!" и слезам, навернувшимся на глаза некоторым ветеранам, я их даже сильно растрогал. Не воспоминаниями о десятках тысяч убитых и покалеченных ими с воздуха людей, а так, вызванными моими рассказами картинами их фронтовой жизни. Потом председатель вручил мне билет почётного члена их ветеранского союза, клубный значок и три бутылки ирландского

виски. Провожали меня тёпленького всей гурьбой снова дружелюбными похлопываниями и ласковым матерком, так что вернулся я в отель с отбитыми напрочь плечами и смешанными чувствами в душе.

Совет юбиляра

Недавно отметил юбилей, отметил тихо, без возлияний, криков

"Ура!" и лобызаний. Просто задумался на минутку и сказал себе:

"Старик, стукнуло 40 лет как ты крутишь баранку, с чем тебя, то есть себя, и поздравляю". Внушительный стаж, правда?

Имею право поворчать на шофёрскую невежливость молодых задерганных водил, подтрунить над дорвавшимся до руля "чайником", снисходительно простить невольный водительский грех дамочке, засмотревшейся на себя в зеркальце заднего вида. Давно уже не закипаю по-пустому, не кричу: "Куда прёшь, идиот?", не тискаю яростно клаксон в заторах, не рву огалтело с места, чтобы проскочить на жёлтый, пока спит гаишник.

Всё это было и прошло, а пришло осознание библейской ценности таких истин, как "пропусти дурака", "тише едешь – дальше будешь",

"лучше быть в 7.30 дома, чем в 7.00 в морге". И всё больше проникаюсь пониманием своего железного коня, который столько лет перемещает моё бренное тело в окружающем пространстве.

Вот собака была когда-то диким волком, а потом сроднилась с человеком, став его верным другом да и средством передвижения на

Севере. Так и автомобиль, уже столетие подгоняемый человеком под свой образ и подобие, всё более, как мне кажется, очеловечивается.

Да и изначально он явно срисован с гомо сапиенс.

Судите сами. Колеса – это руки-ноги, рама – скелет, корпус – кожный покров. Спереди два глаза, под капотом, как в грудной клетке, карбюратор – сердце. Мотор, перерабатывающий питание в энергию движения, – желудок, карданный вал – гениталии, система испражнений тоже схожа, и воняет из выхлопной трубы как из нужника. А постоянно усложняющаяся электроника, особенно с внедрением в неё компьютера, всё больше напоминает нервную систему и мозг человека. Почему бы не предположить и

возможность зарождения души под капотом от свечной искорки?

Кажется, ещё немного и машина заговорит. Вернее, уже заговорила.

Помню, как был поражен, впервые услышав, сев в "Пежо", её голос: "Вы забыли закрыть багажник", а потом вежливую просьбу пристегнуть ремень безопасности. Честно говоря, захотелось перекреститься от такой чертовщины.

А сколько раз, по-чёрному ругая заглохший на морозе или в слякоть движок, в озарении свыше извинялся, ласково прося завестись и называя машину ласточкой, и она заводилась с пол-оборота. Любой грамотный водитель согласится со мной, что у каждой машины свой характер, причем с доминированием мужских или женских черт, свои хронические болезни, подверженность настроению. Всё как у людей, только мы в своей гордыне не всегда это замечаем.

Так что, братья-водилы, послушайте ветерана, возлюбите свою ладушку как самого себя и она непременно ответит взаимностью, будет вам ласковым и надежным другом. Бабуси

Согласитесь, у нас на Руси бабушки как бы особый класс представляют, какая-то милая мистика в них, будто тайной своей владеют да и уносят с собой в мир иной, ни с кем ею не поделившись.

Вот был у меня дружок на работе. Уж давно пути наши разошлись, а воспоминания остались, и так уж получилось, всё больше связанные с бабусями.

Как-то подходит ко мне Володя, так его звали, и спрашивает: Ты как, старик, на колёсах? Да, – говорю, – бегает моя "копейка", а что? Тут-то и поведал он свою историю. У сынка, рождение которого месяцев пять назад отпраздновали всем отделом, обнаружилась паховая грыжа. Врачи сказали подождать лет до пяти, может, само рассосётся, а уж если нет, то хирургу под нож. Да вот дали ему адресок бабушки в деревне, которая грыжу заговаривает. Конечно, веры особой нет, но чем чёрт не шутит…

Я, конечно, помочь согласился, в ближайшее воскресенье заехал поутру за Володей и его женой Машей с пацанчиком на руках и в путь.

Дорога не дальняя, по шоссе до города Чехова, а там ещё километров двадцать, не больше, по щебёнке. Места известные, грибные, выезжал я туда раньше по наводке дружеской. Добрались, поплутав по колдобинам деревенским, уже к обеду, вычислили хату по записочке, стучимся.

Вышла бабка древняя, ну не дать не взять баба Яга из сказки. Нос вниз завис, рот беззубый, руки скрючены, с клюкой.

И хата ей под стать, ну прямо избушка на курьих ножках.

Сама строга, и на порог не пустила, только прошамкала: Дитя-то крещёное?

Машка испуганно головой закивала, потом вдруг в мальчонку вцепилась и ходу от страшилища. Еле уговорили вернуться. Бабка ребёночка взяла, он и затих сразу, а до того всю дорогу хныкал да капризничал.

Нас прогнала до утра и назад укрылась в своей избушке. Хотели мы за грибами сходить, да не удосужились, сердце неспокойно, а Мария вообще в слезах вся.

Кое-как перекантовались до вечера, на ночь в машине устроились, не свет-не заря у хаты стоим. Вышла бабка с ребёночком, он весёленький такой, да и сама старушка как-то даже похорошела. Машка к детке, мы мнёмся, мол, сколько, бабушка, должны за труды праведные. Она нам: Бог с вами, идите с миром, Господу помолитесь.

Мы в машину и ходу. По пути у девицы какой-то спросили, где бы нам домашних грибков прикупить. Указала нам хату, там и отоварились у приветливой старушки двумя бутылями с белыми и рыжиками солёными.

На следующий день Мария с ребёнком пошла к врачам, те смотрели, смотрели, никакой грыжи не нашли, удивились, но истории с бабкой не поверили, к странностям природы отнесли. А грибочки уж такие вкусные да ароматные оказались, никогда после таких не пробовали. Уж больно пришлись к застолью по случаю счастливого избавления.

Но на этом история не кончается. Месяца не прошло, опять ко мне

Володя подходит, мол, извини, друг, снова твоя помощь требуется.

Оказалось, почила в бозе его бабушка то ли двоюродная, то ли троюродная, в городе Загорске. Он её и знать не знал и ведать не ведал, а тут позвонили и сказали, что единственный он родственник у усопшей остался, мол, еле нашли, так что пусть приезжает, может, кое-какой скарб в наследство пригодится.

Опять в воскресенье поехали, на сей раз вдвоём. Встретила нас в маленькой грязноватой комнатёнке бабуська, что звонила, напоила чайком, долго про покойницу-подружку горькие истории рассказывала о старости её одинокой. Мы уж домой собрались, та до слёз расстроилась, говорит, возьми хоть шкафчик на память о родственнице преставившейся. Мы, чтоб её не обидеть, взвалили не глядя шкафчик на крышу моего жигулёнка, благо багажничек был, и в Москву.

Недели через две после поездки отводит меня Володя в сторонку и говорит: А знаешь, шкафчик-то наш не простой

оказался, только с виду такой задрипанный. Потёр, а он весь в резьбе старинной, внутри – полное собрание Карамзина в натуральной коже с позолотой. Я только за шкаф да книжки в антикварном столько выручил, на машину хватит, так что теперь тебя мучить не буду. И это не всё ещё, за книжками был пяток яичек серебряных с каменьями работы Фаберже. Уж их-то сохраню как родовую память.

Вот я и говорю, интересные старушенции на Руси встречаются.

Слухи

По Москве время от времени расползаются страшные слухи. То якобы крысы-мутанты размером с кошку объявились в тоннелях метро и съели уже пятерых обходчиков, то крокодил-аллигатор пятиметровый в подземной канализации кушает диггеров и рычит ночью через люки на прохожих. Это из тех крокодилят, что куплены были новыми русскими на всплеске моды, а потом, как надоели, спущены в унитаз. А то ещё бабушки рассказывают по секрету и, по привычке озираясь, что Лужков в тайне строит новое здание Моссовета на окраине, узнав от недоеденных диггеров, что весь Центр скоро провалится в тартарары. И вообще Лужков вовсе не Лужков, а Кац.

Слышал, что призрак Иоанна Грозного бродит по Кремлю и зовет

Малюту Скуратова навести порядок, а дух Ильича просит, чтобы захоронили по-человечески и во время правительственных заседаний нашептывает что-то на ухо министрам, чьи странные решения потом будоражат народ. А у Чубайса в роду были вурдалаки и сам он рыжий оттого, что по утрам сосет электричество, вот и перебои случаются.

Немцов из немцев и за зарплатой шастает в Германию, Хакамада японскому микадо свояченица и поклялась отчекрыжить для него Курилы.

А самый-самый ещё в детстве отбросил от своей фамилии первые буквы

"рас", но с кровным дедом своим и поныне якшается в спиритических сеансах. При этом лизоблюды хотят переименовать в честь его район

Митино в Вованово и поставить статую в три этажа на Лубянке взамен скинутого Дзержинского.

И детей из супер и гипермаркетов воруют, а потом их почки для пересадки продают. А олигархи тоже подсуетились и полюбили солянку с детскими почками кушать за страшенные деньги в подпольных ресторанах. А что от детей остаётся, так идёт в "Макдональдсы" на гамбургеры. Будто всех пенсионеров переселят из Центра с глаз долой в самое Нижнее Бутово, чтобы картину не портили, а Садовое кольцо сделают пешеходной зоной с бесплатным прокатом роликовых коньков под залог паспорта. Молва прошла, что на башнях Кремля древнеязыческие пятиугольники заменят на не менее древние шестиугольники, а гимн опять переделают и будем петь мы его с новыми словами, но на старую мелодию "Боже, царя храни".

И много чего ещё болтают такого, что волосы дыбом встают. Раньше главным каналом распространения страшилок были очереди да парикмахерские, а теперь стал Интернет. Конечно, слухам верить здравому человеку не пристало, но порой на сердце кошки скребут – не накаркали бы чего, да ведь кое-что и сбывается. Недаром же в народе говорят: "Нет дыма без огня".

Власть и элита

Всё дело в вождях. Власть и единоначалие идут от Бога. Бог един и скроенный по его образу и подобию народ тоже из своей толпы единого выталкивает и ставит над собой. Какой-никакой, а правь нами, сучий потрох, а как известно, в царстве слепых и кривой – король.

А уж как сел на трон, так отдай кесарю кесарево, что хочу, то и ворочу до самого вопля, чаще всего радостного: "Король умер, да здравствует король!". Вот вспомним Ивана нашего Грозного. И тысячу женщин растлил негодник, и гей (не в смысле гей, славяне, а в смысле гей Боря), а сколько людей погубил да на дыбе покалечил, что чужих, что своих, сына отдубасил до смерти, поставив крест на династии

Рюриковичей. А пока Бог не призвал, почитаем был трепетно.

И Петр, по сию пору любимый правитель, тоже знатно накуролесил и с сынком не мягче обошёлся, а и при жизни до небес вознесён был, и, как почил в бозе, вломился в историю медведем и почивает в ней в звании Великого. Джугашвили вообще начинал налётчиком-террористом, кончил генералиссимусом, оставив горы трупов и обездолив целые народы, а и посейчас кое-кто с его портретиком подсуетиться

норовит.

Выходит, нет с ними, Иродами, сладу? История однозначно отвечает: породившему зло с ним и совладать. Помните, у Гоголя, "Я тебя, сынку, породил, я же тебя и…". Возьмём близкие к нашим дням времена. Уж на что хитрым лисом, виртуозным канатоходцем был

Шеварнадзе, а вот сказали ему "кмара" ("хватит" по-грузински) и нет его. И при всём своем темпераменте грузины даже ни одной витрины на проспекте Руставели не разбили. Правда, получилось, что сменили шило на мыло, новые правители, видно, в силу генетических законов и кровного родства с Джугашвили быстро звереть начинали.

"Оранжевые" вот на (то есть в) Украине дров немерено наломали и носов промеж себя набили, но хоть до смертоубийства слава богу не дошли. Правда, всё, может, ещё впереди, уж больно озабочены правители нынешние поиском врага, без наличия коего править затруднительно. Видно, по лени своей далеко ходить не стали и вражину нашли за околицей бывшей Малороссии.

А вспомним наши октябрьские события (вот же пр о клятый месяц)

1993 года, когда передрался завязший в коммунизме Верховный Совет со сменившим уже перчатки Кремлём, танки на Новоарбатском мосту, залп, и не один, как из пушчонки "Авроры", по парламенту. Тоже слава богу обошлась заваруха малой кровью. А победил кто, демократы, думаете?

Фигушки, власть захватили хваткие и циничные "деловики". Народ и глазом моргнуть не успел, как они хапнули всё самое ценное в стране, превратившись в олигархов и подчинив себе всё и вся.

Притом, не будь дураком, не пожалела эта шайка-лейка денег на нашу журналистскую и художественную элиту, превратив её в своего подпевалу и подтанцовку. А статусная, покорная воле барина интеллигенция времён брежневского застоя оказалась на обочине и занялась проблемой собственного выживания. Так по историческим меркам в мгновение ока сформировалась новая элита общества потребления и гедонического игрища и пиршества, объедки с которого идут благодарному населению.

Но это всё же лучше переустройства руками неуправляемой толпы.

Помним же мы тот страх кромешный, когда разъярился люмпен-пролетарий, булыжник или ещё что попадя схватил и давай всё крушить налево и направо. А ведь мирно спал до поры, как разбудил его то ли за брата мстя ненавистному царизму, то

ли по неосторожности господин Ульянов. А там еще Сталин подсуетился с маслицем для поддержания огня революции и пошло-поехало, а в итоге новый исторический урок.

Конечно, Иосиф Виссарионович как менеджер-управленец был гениален своим умением под изуверской пыткой выбивать из людей эффективный труд, но ведь стрелял, вешал, превращал миллионы их в лагерную пыль, а притом был обожаем в народе, любительскую страсть которого к доносительству довёл до высочайшего уровня профессионализма. Уж такое наше русское свойство – нас бьют, а мы крепчаем и ручку с кнутом – взасосец.

А урок в том, что народу нашему многострадальному нужна элита, воспитанная на христианской морали, а не на её суррогате коммунистическом, элита, не утаскивающая свои капиталы за бугор, а радеющая о национальном процветании, независимая от власти и её, власть, ставящая в услужение и под отчёт народонаселения. А на политическом поле чтоб не произрастало партийное многоколосье. Вон, американцам с англичанами двух партий хватает, а нам, я думаю, в силу извечной национальной любви к троице трёх реально меж собой соперничающих за глаза хватит.

А то ведь что, братцы, происходит с капитализмом российского разлива? Кошмар какой-то: технологическая отсталость прямо-таки вопиёт, между богатством и бедностью пропасть, коррупция архаичного и развращённого вседозволенностью чиновничества по-бандитски душит экономику, а бешеная норма прибыли новых русских, разжиревших на

"прихватизации" Ельцинской поры, начисто отучила их сеять и пахать.

Такие же бешеные бабки крутятся на биржах (по сути та же рулетка), переходя из рук в руки и попадая в реальный сектор экономики жиденьким ручейком. Наш бюрократический капитализм, построенный на жирной административной ренте и воспитанный на маниловском прожектёрстве и психологии Собакевичей, долго не проживёт.

К тому же хотелось бы напомнить и уроки Гражданской войны, развязанной ленинскими нехристями в 20-е годы прошлого столетия. Не обольщайтесь, та война не закончилась, а лишь перешла в латентные формы, в сталинское время прозываясь перманентным обострением классовой борьбы, а в наши дни сохраняясь в виде классового чутья. И посейчас внутренний определитель "свой – чужой" и "красный – белый" срабатывает на уровне генетического инстинкта и уж коли пробудить его в полную силу, мало не покажется. По той же

причине не благоволит к нам до сих пор и Европа, чуя опасность от исходящего от нас страшного запашка красного раба, которого мы всё ещё по капле из себя выдавливаем.

И пусть американцы не надувают щёки – не они явились могильщиком нашего социалистического режима, а произошло то, что было не раз уже в нашем бренном мире. Возьмите хоть пример Римской империи или развал в 1918 г. "нерушимого союза" Австро-Венгерской монархии на более чем десяток самостоятельных государств. Причины тривиальны, это старость и букет хронических болезней, в нашем случае – единовременное наложение друг на друга трёх кризисов: управленческого, экономического и идеологического. И жалеть об этом не стоит, это как горевать по любимой бабушке – всем старушка была хороша, да вот умерла от старости.

Лучше подумать о другом, о том, что распад СССР сорвал ограничительные запоры с американской мировой экспансии и создал впечатление всепобеждающей силы либерализма и его системы ценностей.

И это притом, что сам Запад становится всё более социалистическим за счёт введения жёстких механизмов экономического регулирования, в коих у нас опыт – ого-го.

Я это всё к тому говорю, чтобы вспомнить об ответственности и роли в деле гармонизации социальной системы интеллигенции, полупрезрительно, но очень верно обзываемой прослойкой. Она напоминает подошву сапога, снизу наждак мостовой и пыль душит, сверху нога давит в такт шагов. А велика-ли эта прослойка числом?

Судя по результатам выборов в Думу – процентов пять населения, проголосовавших вкупе за либеральных правых, да примерно ещё столько же, я думаю, – за власть, при которой испокон века то шутом записным, то визирем, то астрологом, то поэтом придворным её славные представители привыкли подвизаться. Выходит, с учётом возможной статистической погрешности, миллионов десять наберётся, прямо страна

Болгария. Ну а интеллектуалов, что помнят ещё о существовании подлинной культуры, процентов пять. Но и это не так уж и мало для прослойки.

Российская интеллигенция вообще-то родом из образованной части мещанства, разночинства. А это освобождённые холопы, от народа ушедшие и мучимые комплексом неполноценности и мнимой вины перед оным. Её отношения с государством всегда были и остаются сложными.

Будучи неглупой по природе, она понимает, что выбор между свободой и безопасностью делается всегда в пользу последней, а

это – несвобода.

К тому же, государство – механизм ограничения животных инстинктов человека, его агрессивности, а в нашей стране это ой как важно. Да в заднице всё равно свербит – больше свободы хотца…

Если бы ей ещё вождей, достойных, как говорили раньше, текущего момента. Ведь надо уметь и идеи, как сейчас говорят, пропиарить, и к сердцу народному тропку найти. Интеллигенция – продукт в основном штучный и часто опасный в обращении. Вот возьмите того же Ульянова с партийной кличкой Ленин или наркома просвещения Луначарского, оба из дворянской интеллигенции, а каких в увлечении марксистскими идеями дров наломали. Жуть берет.

Или из своего опыта признаюсь, знаком был довольно хорошо с Салот

Саром, которого весь мир знает по его партийной кликухе Пол Пот, ну того, из нашей частушки "Залюблю, замучаю, как Пол Пот Кампучию".

Лучшего разлива был восточный интеллигент с Сорбоннским образованием, а как, тех же идей нахватавшись, набедокурил… После его правления опять попал в Камбоджу, так ни одного из старых друзей не нашел, всю интеллигенцию коммуняка вырезал.

Нет, наша интеллигентная демоппозиция вся из себя милая и пушистая, за исключением, может быть, косящего порой под Муссолини человека-партию Жириновского. К тому же бледноватая и приструнённая, как всегда далекая от народа в силу свойственной ей застенчивости и склонности к сомнениям и самолюбованию. Да ещё передравшаяся по-пустому промеж себя, как в известной басне Крылова. А воз-то как тащить в раздоре? Так что стоит призадуматься, почитать Карамзина, того же Крылова да дружно впрягаться. Дело-то правое.

Житейская арифметика

Цены на жилье растут, хоть дальше уж вроде некуда. Маломальски приличная "однушка" на окраине стоит под миллион наших не совсем уже деревянных. Это 10000 (десять тысяч) МРОТов (минимальных размеров оплаты труда). Ну, получающие такой минимум, вероятно, все благополучно помре, их в расчет принимать не будем. Возьмем тот мизер, который конкретно получает мой сосед, учитель географии и на свою беду отец троих

детей, – 3000 рубликов.

Это означает, что при такой зарплате, чтобы перебраться из того убогого непотребства, в котором он с женой, тёщей и чадами ютится, в

"двушку" (а это уже, как пить дать, больше "лимона") надо копить, дайте-ка подсчитать, 27,8 лет без еды и срам прикрывая всем, включая тёщу, рогожей. А если замахнуться (всё-таки шестеро в семье, считая тёщу) на достойную "трёшку" на Рублёвке (6 "лимонов") – 166,7 лет на тех же условиях. В центре Москвы и того хлеще.

Добавьте еще процентов двадцать от цены купленной квартиры на ремонт да от 2 до 10 тыс. у.е. на оформление результата ремонта в страшной масонской организации на три буквы, БТИ. Приплюсуем то, что надо до вселения в созидаемое райское гнёздышко положить "на лапку" райархитектору, райжилинспектору, райсанэпиднадзору, райпожарнадзору, райгазтехинспектору и иже с ними (извините, если кого не помянул из этой райбригады), то получится не "у. е.", а

"У-у-у, ё моё". Впору "Караул, грабят!" кричать. Округляем для простоты расчетов всю заоблачную цифирь, складываем и делим для получения усредненной величины.

И что имеем? А имеем, что век (то бишь 100 годков) квартиры моему соседу не видать, а он и так уже тёщененавистник, на Бога в обиде за вышедший боком завет плодиться. Ему и жизни-то с гулькин нос осталось при средней продолжительности жизни российского мужика, как и у папуаса Новой Гвинеи, 58 лет. Как тут равняться на Мафусаила с его библейским возрастом для достижения срока воплощения мечты о приобретении жилплощади усреднённого качества.

В итоге приведенных выше расчетов приходим к выводу: или отнять у олигархов к чертовой бабушке все бабки и бросить их на срочное развитие геронтологии, или Ресину на месте "хрущоб" строить многоэтажные палатки улучшенной планировки, или поставить на квартирном вопросе жирный крест, а моему соседу гнать тёщу в деревню, дочек замуж, сына в приживалы и забыть эту арифметику, которую я ему по простоте душевной расписал. Да поздно уже, географ запил.

Приложение с пояснением

К проданной в галерее картине было приложено небольшое

сопроводительное письмо, обращённое, как следует из его содержания, к покупателю. Вот оно в несколько сокращённом изложении:

Картинная галерея "Хип-хоп" сердечно поздравляет Вас с великолепным приобретением полотна невыявленного художника начала нашего прошлого столетия. Название картины "Выгул коров в

Саратовской области первой половины XX века" Вы найдёте в верхнем правом углу её задней части. Ежели смотреть на фронтон картины, то в левом нижнем углу видна россыпь белых пятнышек, символизирующих, по мнению экспертов, брызги молочной продукции, полученной от упомянутых выше коров. Чуть выше лёгким касанием кисти намечены четыре неровные линии, исходящие из лунообразной кривой, вызывающие в подсознании образ полновесного вымени. Сами коровы, выписанные рукой зрелого мастера, расположены в противоположном углу и предстают взору в форме овалов с хвостиками, отдалённо напоминающих сперматозоиды. По гениальному замыслу художника, это должно ассоциироваться у искушённого ценителя искусства с живительной силой сочащейся из вымени жидкости.

Диссонансом к общему светлому настрою картины предстают алеющие кляксы в её правом нижнем углу. Это намёк на ужас скотобойни, преследующий коровок на протяжении всей их в общем-то весёлой жизни.

Мелодия полотна достигает крещендо в центре, где нарочито грубо-бурыми мазками наложено крупное пятно неопределённой формы, как бы вопиющее о сложных перипетиях недолгой коровьей жизнедеятельности. Если поднять взгляд выше, вновь как бы встречаешься с милой полушутливой улыбкой художника, изобразившего розово-голубые сферы (две), подвешенные в основании плотного образования, плотоядно стремящегося вверх и вбок. Эксперты видят в этом воплощение духа заслуженного пастуха и активного вегетарианца

Мефодия (дата рождения не установлена), большого любимца коров.

Полотно исполнено, как легко заметить, в стиле абстрактного импрессионизма, а потому легко вписывается в интерьер любой малогабаритной квартиры. Картина хорошо смотрится как в горизонтальном, так и вертикальном положении. Её можно повесить без ущерба для зрительного восприятия и вверх ногами. Главное внимание следует уделить выбору подобающего места и креплению полотна. Для

Вашего удобства в качестве бесплатного приложения к картине при покупке выдаётся гвоздь в одном экземпляре. Налёт

ржавчины на нём призван вызывать трепетное ощущение аутентичности и некоторой антикварности живописного шедевра.

Перед вбиванием гвоздя в стену советуем на голову надеть строительную каску, так как сотрясение при попытках ударить по нему молотком может вызвать опадание потолочной штукатурки или ниспадание плохо прикреплённой люстры. Молоток предпочтительно держать двумя руками, что исключит возможность попадания по пальцам свободной руки. Придержать при этом гвоздь лучше попросить жену или тёщу по

Вашему выбору. В уши полагается воткнуть беруши, чтобы в процессе работы не отвлекаться на советы и комментарии упомянутых особ.

При возникновении трудностей, вызванных отсутствием какого-либо компонента (например, тёщи), можно по телефону галереи (вырезан на раме) срочно вызвать чернорабочего Василия, который за умеренную плату произведёт операцию вывешивания полотна на высочайшем профессиональном уровне. К тому же наш Вася является признанным в определённых кругах художником-любителем, специализирующимся на подражании Казимиру Малевичу, и его чёрные квадраты отличит от оригинала не каждый искусствовед. Только из любви к искусству (т. е. безвозмездно) он намалюет их Вам где и сколько душе угодно, что ещё более украсит Ваш интерьер и скрасит быт. Ещё раз благодарим за покупку, будем рады увидеть Вас вновь.

Щенок

Как известно, строго не рекомендуется скрещивать собак разных пород. Но тут такой казус вышел. Огромный ньюфаундленд вдул, извините за выражение, маленькой таксе. Как это у него получилось при такой разнице в габаритах, одному Богу известно. Да так споро, что хозяева и глазом моргнуть не успели.

И вот через положенное природой время родился у потерявшей невинность таксы от папы-шалопая щеночек и стал расти. Был он даже миленький в своей монструозности, но уж больно уродлив на потеху публике. При длине в целый метр унаследовал от маменьки ножки-коротышки. Уши получились как у слонёнка, пол метут, а на бегу устрашающе развеваются и становятся похожими на крылья орлана.

Длинный крысиный хвост при радостном возбуждении

стегает как ногайка.

То, что у кобеля полагается иметь меж задних ног, получилось несоразмерно большим, от папы. В результате щенок начисто лишен возможности взбираться по лестнице, ибо это что-то при коротких ногах упирается в ступеньки.

И при всем при том добрейшей души, приветливый и ласковый получился пёс. Назвали Квазиком от Квазимодо.

Тайна Лохнесса

Матфей Моисеевич Самсонов из села Малые святцы, начитавшись в прессе про лохнесское чудовище и не совсем верно истолковал название озера. Сочтя, что проживающее окрест его население – сплошь лохи и олухи царя небесного, решил на этом заработать. Сдал в местный французский ресторан "Красная мельница" (Moulin rouge) крупную партию "грену́й" (лягушки из ближнего болотца) и "эскарго" (улитки из деревенского пруда), на вырученный капиталец приобрел турпутевку и, оклемавшись после праздников, подался самолетом в Великобританию.

Там добрался до искомого озера, к вечеру привел себя в форму (три стакана под припасённую чёрную корочку), разулся-разделся, вошел в воду по колено и стал рычать на людей, по берегу фланировавших, изображая по своему разумению Несси.

Справедливости ради следует сказать, что г-н Самсонов действительно в полутьме (да и на свету) мог сойти за чудище. Нос картофелиной с лапоть, сизого цвета и с алыми, как знак его бунтарской юности, прожилками. Борода от бровей до пуповины, зуб один, но жёлтый от самосада и кривой как турецкий ятаган. На голове не сказать чтобы слишком большие, но вполне грозные рога, которые ему бабка Ярославна наставила ещё сразу после революции (той, что стряслась в 1917 г.), а он в пику ей не спилил по сию пору. Портрет гармонично дополняют семейные, ещё моссельпромовские трусы.

Публика, знамо дело, от ужаса врассыпную, а деда из воды выволок случившийся поблизости полицейский. Нашли, хоть и с трудом в эдакой глуши, переводчика (профессора Оксфордского университета) и популярно объяснили Матфею, что лох на местном наречии – озеро, а несс – нос, и что не каждому дозволено в этот лох свой несс совать.

Хотели за нарушение английского общественного спокойствия в каталажку нашего деда упрятать на целые сутки,

да из уважения к почтенному возрасту старца отпустили с миром. Так что лазурная мечта гражданина Самсонова получить с публики по трёшнику в местной валюте за устроенный спектакль завершилась полным фиаско, а по-нашему – обломом.

Приёмыш

Ехал как-то поездом из Москвы на Урал. В купе познакомился с фельдшером скорой помощи на пенсии. Путь долгий, разговорились.

Много услышал историй из его практики. Вот некоторые из запомнившихся.

В конце 60-х везли мужика с весьма серьёзным ожогом на филейной части. А случилось вот что. Тогда только стали появляться в продаже первые изделия из нейлона. Достать их было большой удачей. И вот представьте, какое горе постигло одну дамочку, которая, впервые надев на праздник купленную по большому блату такую кофточку, заляпала её на груди.

Сквозь слезы выслушала совет соседки по коммуналке вымочить кофточку в бензине. Но к ужасу женщины нейлоновая обновка к вечеру почти полностью в бензине том растворилась. Вновь обливаясь слезами, вылила всё в унитаз. Пришел с работы шоферюга, который и снабдил соседку злосчастным бензином, зашел в туалет, вскарабкался "орликом" на унитаз, запалил папироску и, выкурив, привычно сбросил под себя.

Везли его под аккомпанемент такого рёва, что и сирену не включали, и ругани в адрес озверевших на моде глупых баб.

И ещё был потешный случай ожога. Женщина гладила бельё, следила за супом на плите да ещё отчитывала стоявшего в углу сына. Ззвонил телефон, она в запарке вместо трубки прижала к уху раскаленный утюг.

Её "алло" слышали все соседи по этажу, они скорую и вызвали.

А то был такой казус. Выехали по звонку, нашли трех мужиков в отключке с тяжелейшим отравлением некачественным спиртным. Наутро из любопытства заехал в реанимацию, нашел откаченных и уже повеселевших мужиков, спрашиваю:

– Кто же звонил в неотложку?

Один отвечает:

– Я и звонил. Замешкался, когда по первой наливали, вижу, они глаза закатили, я "03" набрал, дверь отворил, стакан махнул

и вдогонку.

– Так ведь помереть мог…

– Куда там. Во-первых, чтобы товарищам не обидно было, ведь у нас на троих расчет был, а во-вторых, чего добру пропадать, всё равно скорая выехала.

А самая удивительная история случилась со мной такая. Приняли как-то вызов из подсобки какого-то шалмана, нашли женщину молодую в родовых схватках. Пока везли, разродилась сердечная от бремени, но явно не доносила, вышел плод дохленький, синюшный, в общем типичный выкидыш. Я чуть отвлекся к водителю, глядь, а пациентки и след простыл, видно, соскочила на светофоре. Искали её потом с милицией, искали, да так и не нашли. А плод вон какой вымахал.

Мой попутчик нежно погладил по крутому плечу здоровенного бугая, сидевшего рядышком со скромной улыбкой на устах. "Пойдём, сынок, в тамбур, подымим, воздухом подышим", – сказал ему расчувствовавшийся рассказчик.

Смертельная доза

В свой первый приезд в Париж по служебной надобности пошли мы с товарищем погулять по вечернему городу и где-то заглянули в забегаловку с родным русскому сердцу названием "бистро" перекусить

(по местному, разломить корочку) со стакашкой красного. Бармен за стойкой оказался из нашенских, правда, потомком еще первой, постреволюционной волны эмиграции, но по-русски говорил сносно.

Сидим, едим, с барменом калякаем. Вдруг вижу за его спиной объявленьице, мол, помни, уважаемый клиент, свыше 7 промилле спирта в выпитом алкоголе – смерть. А внизу мелким шрифтом приписочка

"Русских не касается" и визитка пришпилена. Я спрашиваю немного с обидой, в чем дело и как это понимать, а бармен в ответ такую историю.

Как-то зашли трое наших, профессионально вычислили коэффициент эффективности (цена/объем/градус) и взяли на троих литр спирта, который в баре добавляют граммульку-другую для крепости коктейлей.

Бармен пытался подсказать, что это если не тройная, то двойная уж точно смертельная доза, но мужики только

предложили ему, в виде исключения и из уважения к происхождению, стать четвёртым.

Распили на глазах у изумлённой французской публики эту бутылочку, в основном под занюх взятой тоже на троих порции креветок, под занавес спели хором под бурный аплодисмент присутствовавших "Шумел камыш" и отправились восвояси.

Самое удивительное, – завершил рассказ бармен, – что шли на выход, как объяснил самый высокий из них, тот, что на визитке, способом "русская тройка", то бишь он посредине, коренным, а двое пристяжных – упираясь головами в его подмышки. Он, коренник, и за руль сел и, несмотря на уговоры вышедших их проводить посетителей, отбыли ребята, распевая русский вариант Марсельезы.

Автострасти

Старое поколение еще помнит суровые военные годины, страшную зиму немецкого наступления на Москву, панику в столице, подготовку к эвакуации. В наше время немец новым блицкригом захватил Москву, да так, что никто и ухом не повел и не поморщился. Наоборот, встречали его радостно, с нескрываемым любопытством и завистью.

Я имею в виду автомобили. Ведь у нас сейчас одних только мерсов или, как их еще кличут, меринов, шныряет повсюду немерено (простите за невольный каламбур). А фольксвагены, задуманные еще Гитлером

"народные" авто, а "Ауди" с куском колючей проволоки на эмблеме, а

"Опели" наконец? Эти первыми прорвались к нам после войны трофейным чудом и звались как ее отголоски: "Опель-кадет", "Опель-капитан" и

"Опель-адмирал".

Вкупе с "Тойотами" бывшего немецкого союзника, победоносно завершившими оккупацию нашего Дальнего Востока и продолжающими наступление широким фронтом, вообще полный атас, хоть белые флаги вывешивай. При этом оружием никто не бряцает, "хенде хох" и "банзай" не кричит. Сами радостно сдаемся на милость победителей.

Еще недавно непобедимая и легендарная армия наших "Жигулей" изрядно поредела, гордый прежде до высокомерия колосс "Автоваз" стыдливо поджал глиняные ноги, "ГАЗ" на ладан дышит, "Москвич" развалился как карточный домик, а "Запорожец" вообще эмигрировал.

Если бы не отчаянные налоговые залпы с таможенной заставы, пришлось бы нашим автогигантам переходить на производство близкопрофильных керосинок и примусов.

Как и в войну, на помощь со своим "лендлизом" спешат американцы, при этом не гнушаясь и для себя между делом оттяпать часть нашего рынка, больше похожего на театр военных действий конкурирующих фирм.

И вот уже "Нива" рядится в стального цвета мундир джипа, родной козел "УАЗ", обозвавшись "Хантером", тщится влезть в имидж

"Хаммера", хоть не по Сеньке шапка и рожки торчат, "Форды" местной отвёрточной сборки засеменили по нашим дорогам.

Эх, дороги! Эта первая беда России остаётся как острый нож в сердце автомобиля. Помню, когда покупал по случаю в Германии подержанный опелёк, продавец, нахваливая (и по заслугам) машину, уверял, что лет десять ещё побегает, но узнав откуда я, сократил срок до года. Его диагноз был лаконичен – дороги. То есть ваши, мол, дороги и в сороковых хребет немецкой армии сломили, и в наши времена от иномарки мало что оставляют.

Ну, и вторая наша национальная беда и гордость, дураки, от времени не тускнеет. Казалось, чего уж проще, ну слизывай сливки мировой технологической революции, ан нет, застарелая совковая философия "потребитель всё схавает" не ржавеет, хоть ты тресни. Так что остаётся только опять зарыться в поисках ответов на столь же застарелые российские вопросы "кто виноват?" и "что делать?", а также, на всякий случай, "где мои очки?".

Пивечко

Пиво потекло в пищеводы наших сограждан морем разливанным. Ведь раньше как было? Раньше пиво было одно – "Жигулёвское", в скромненьких тёмных бутылочках раз и навсегда установленной формы, с криво наклеенной этикеткой, или в розлив – в кружки, канистры, бутыли, банки, на худой конец в стакашек припасённый. Так просто его, бывало, так просто не возьмешь, а подкарауль завоз, выстои в очередине, сколоти за ожиданием и обсуждением текущего момента компашку собутыльников, тогда уж и сдувай пенную шапочку и погружай уста в вожделенный напиток.

Правда, если уж душа у кого сильно горела, милостиво и сочувственно пропускали без очереди, но никого больше, ни-ни. И если уж совсем честно, то очередь можно было купить за рубль, но рубль тот шел на благое дело, в тот же ларёк. Пиво всё же, несмотря на единое название, различалось по вкусу и густоте пены в зависимости от места производства. Поэтому эстетствующие знатоки шастали по разным точкам в поисках своего, любимого.

Серьёзным питьём пиво не считалось, так, добавочка к водочке

(подзабытый ныне "ёрш"), для поправки здоровья на опохмел, или мочегонное. Ларёчников уважали, считая их всех скрытыми олигархами, но костерили почем зря за разбавление пива водой,

а, по слухам, и мочой для навара. Помните анекдотец того времени о мужичке, у которого заезжий журналист спросил, что ему в жизни надо? Так вот тот ответил: "Ничего, всего в жизни своим горбом добился. Вот только поставили бы туалетную будочку за моим ларьком".

Всё это кануло в Лету, оставшись лишь в ностальгических снах.

Теперь пиво куда не плюнь, от разнообразия в глазах рябит и без пол-литра не разберёшься, рекламой задолбали как прежде марксизмом-ленинизмом. Честный народ стал забывать наше главное национальное достояние, то, которое со слезой и под селёдочный хвостик да зелёный огурчик с пупырышками, переключаясь на эту слабоградусную слякоть, чуть не треть которой, по оценке знатоков, к тому же "палёная".

Хорошо, защитник всех сирых и убогих, голова наша московская, вовремя озаботился. Ужо на подходе думский указ обозвать пивечко зловредным алкоголем и вымести его из уличных ларьков к чёртовой бабушке в супермаркеты под защиту супернаценки. Так что недолго музыка играла, недолго фраер танцевал.

Год обезьяны

Ну вот, теперь мы живем в году Голубой Обезьяны, переползли к ней в новогоднюю ночь от бодливой козы, изрядно попортившей нам нервы в году прошлом. Почему только обезьяна цветная, что-то подозрительно.

Если бы крокодила, которая, как поётся, по улице ходила и зелёная была, ну как сосед Федюня после вчерашнего, тогда бы ясно. Про

Фёдора не подумайте чего плохого, он всегда на втором пузыре краснеет, а на третьем – синеет, потому всегда знаешь, на какой он стадии. А про обезьяну уж и не знаю, что подумать. И какой породы неизвестно, макака – это одно, а орангутанг или, не дай боже, Кинг

Конг, да еще голубой – уже другое. Такое даже в страшном сне не привидится.

Будем считать, что просто голубая макака. Ну, лазила везде, суетилась в новогодье, нос повсюду совала, перепачкалась в свежей краске, которой клетку к празднику покрасили, и стала голубой, в хорошем смысле.

Животное шустрое, не очень чтобы умное, но с хитринкой, любит гримасничать, каверзы всякие. Ну прямо точь в точь Клавка с третьего этажа, от которой муж давеча сбежал к Изабелле Карловне из 3-го подъезда. Он так и сказал, ухожу, мол, от тебя, макака бесхвостая, к хорошему человеку.

Так, что же нам ждать с гуся, то бишь обезьяны в новом, на нашу голову еще и високосном, году? Выходит, что ни сделаешь – мартышкин труд. С хвостом, значит потянется с прошлого года незавершёнка. Уши как у Чебурашки, стало быть к вестям, а у нас что ни новость, так хоть телевизор глуши. Шустрость обезьянья, думаю, к лихим переменам и поворотам судьбы. Значит, то ли женюсь, то ли квартиру поменяю, из

"хрущобы" вылезу. Хитрость и ловкость – опять в лохах останусь, или невеста с тайной двойней в деревне, или квартира с протечками. Любит бананы – зарплату урежут, поститься придётся, стрекочет как резаная

– язва опять проклятая откроется. Суматошная – к новым хлопотам, кривляка – опять Петросян по телеку. А что голубая, так это опять родная власть нас поимеет, не привыкать.

А что ж хорошего? Судя по передаче "Из мира животных", забавница она, обезьяна, и игривая. Вдруг и мне какая радость перепадёт. Пойду к Федюне, может, у него от вчерашнего что осталось, вместе уговорим да об обезьяне этой загадочной покумекаем. Чем чёрт не шутит, вдруг и не так уж все плохо.

Под колесом

На станции техобслуживания автомобилей, что рядом с Савёловским вокзалом, намедни произошло несчастье. Лучшего на станции механика

Мишу, виртуоза наладки карбюраторов и других, требующих тонкого подхода механизмов, придавил тяжелейший "Мерседес". Не на улице, конечно, а на его же рабочем месте, прямо под шутливым плакатиком

"продал Родину – купил иномарку". Кстати, это как раз Михаилу принадлежит гениальная идея вздрючивать особо надоедливых клиентов на подъёмнике якобы из-за нужды понажимать на педаль тормоза или покрутить руль. А вообще-то чтобы не мешали и не зудели под ухом.

Ну так вот, сорвалась резьба унаследованного еще со времён царя

Гороха подъёмника, и машина, под которой колдовал Михаил, ухнула вниз, подмяв его под себя. Решили – всё, кранты. Ан нет, из-под

"мерина" послышался тихий, немного с дрожью, но различимый родной

Мишин басок. Тоном космонавта с орбиты он сообщил перепуганным друзьям, что, дескать, жизненно важные органы, а также члены не здеты, придавило лишь живот колесом. Оказалось, подъёмник слава богу намертво заклинило в аккурат на Мишину толщину.

Вокруг сгрудились все работяги вперемешку с клиентами.

"Неотложку!", – вдруг взвизгнул профессорского вида старичок, приехавший на раздолбанном "Москвиче" времен его юности. "Не мельтеши, – шикнули на него, – жив-здоров человек, только придавленный маленько". Решили осторожно тянуть. Встали цепочкой, как в сказке про репку, потянули за ноги, но стянули лишь ботинки.

Не дожидаясь, когда останется и без штанов, Миша стал отбрыкиваться.

Попробовали поддомкратить, но домкрат не осилил махины немецкого чуда техники и с хрустом треснул.

Как самого тощего и пронырливого послали под машину электрика

Серёгу. Тот пополз с фонариком и сообщил: "Нет, зажат надёжно, худеть придется". Все глянули на часы – время оказалось святое, обеденное. Решили плотно покумекать и разбрелись кто куда, достав из пакетов домашнюю снедь. "А мне?", – послышалось снизу. "А тебе шиш,

– прозвучал дружный ответ, – Слышал же, худеть надо".

Тут прибежал замешкавшийся где-то главный. Оценив обстановку, он решительно заявил: "Чего дурью маетесь, есть же специальная служба спасения, если человек в дыре какой застрял или ребенок горшок на голову натянул. Сейчас найду телефончик". Действительно, вскоре прибыли спасатели, осмотрели место происшествия и решили ломать крышу цеха и сверху цеплять машину. "Не дам, – рубануло начальство,

– денег и на текущий ремонт нет, а тут крышу латать. Пусть Миша тогда платит". "Вот уж дудки, я пострадавший на работе", – донеслось снизу. "Тогда машину порежем автогеном на части", – пригрозили спасатели. "Держи карман шире", – заорал до этого скромно топтавшийся в стороне хозяин "Мерседеса".

Все разом зашумели, каждый предлагал своё, дело шло к драке. И тут вдруг из-под машины раздался прямо-таки иерихонский голос Миши, про которого в суматохе как-то и

позабыли: "Уймись, народ, слушай меня. Свинтите к едрёной фене четыре грёбаные гайки с колеса да и снимите его с меня".

Все застыли, как в немой сцене "Ревизора", а потом бросились, мешая друг другу, выполнять Мишину волю. Колесо дёрнулось и слетело,

Миша крякнул и нарисовался в вертикальной проекции. Все глаза были обращены на него, как на вернувшегося из небытия пророка. Выход маэстро потряс всех.

Бангкок

Когда как не в старости приходится расплачиваться по старым долгам. Сейчас вот аукнулись годы, проведённые после института во фронтовом Вьетнаме. Подточили зубы не наши фрукты и основной убивец зубной эмали, ананас, пострадал желудок от экзотической пищи, которую вкушал в партизанских джунглях. Заныли тазобедренные суставы как отголосок полученной контузии – взлетел аки птица, попав под взрывную волну бомбы с американского самолёта, и приземлился на пятую точку. Да и сердце настрадалось – не раз наблюдал результаты бомбардировок, рваную человечью плоть, а это картины не из приятных.

Зато пять лет этой командировки, отмеченной правительственными наградами, послужили вроде как трамплином в служебной карьере. Через недолгое время после возвращения я был назначен начальником отдела в

Минвнешторге, а по истечении обязательной трёхлетней отсидки после загранкомандировки отправлен в замечательную "страну улыбок",

Таиланд, да ещё сразу на должность завотделения Торгпредства.

Это было воистину "тёплое место" и по климату, и по всем другим критериям. У меня были своё хозяйство из шести вилл с бананово-мангровым садом и полноразмерным бассейном, мастер на все руки привратник Сампит, здесь же проживавший с женой и пятью детьми мал мала меньше, служанка, тоже из местных. А кругом вожделенный для каждого "совка" благоухающий в своём "загнивании" капиталистический рай потребления.

Бангкок уже тогда поражал своей модернистской архитектурой, не оставившей почти ничего от старой застройки столицы, называемой в прошлом восточной Венецией.

Многочисленные каналы ("клонги") были зарыты, покрыты асфальтом и превращены в широкие городские магистрали, на месте одноэтажных домишек из красного дерева (другого там попросту нет) выросли современные небоскрёбы.

Клонги с деревянными развалюхами сохранились лишь на окраине, превратившись в муравейником кишащие рынки и любимое место проведения досуга для нас, "совков". Там можно было за бесценок отовариться не только хлебом (т. е. рисом) насущным, но и приобрести бэушную электро и радиотехнику. Самым вожделенным приобретением считался грундиковский "Сателлит", который имел помехоустойчивое устройство и был незаменим для прослушивания на родине вражеских голосов (радиостанции "Голос Америки" и "Свободная Европа"), которые у нас тогда со страшной пролетарской ненавистью и презрением глушили.

Да и здесь он служил главным источником информации и музыкальным центром (телевизор был лишь один на всё Торгпредство в "красном уголке"). Многочисленные же бары, рестораны, откровенные бордели,

"турецкие" бани с девочками и эротическим массажем были для нас табу и грозили "24-мя часами", т. е. позорной высылкой на родину в этот срок.

Бангкок был тогда да и остаётся сейчас центром сексуального туризма и любимейшим местом отдыха американцев. Специально для них существовал так называемый институт "майнор вайф". Это когда виллы сдаются на определённый срок с тайкой (младшей женой), выполняющей роль и любовницы, и кухарки, и домоправительницы. Правда, в случае зачатия ребёнка договором предусматривалась большая сумма на его последующее содержание. Но в США существовал специальный фонд, который покрывал все расходы на этот американский подарок в Таиланде и фронтовом Вьетнаме, вплоть до получения полукровками высшего образования.

Вскоре в Бангкок прилетела и моя жена с двухмесячным Артёмом, причём вынес его на руках по трапу самолёта резидент КГБ, вернувшийся в Посольство из отпуска и оказавшийся интеллигентным мужиком, с которым я впоследствии сдружился. Сын, которого я видел лишь однажды, да и то через окно в роддоме буквально за пару дней до отъезда, в оранжерейных условиях Таиланда быстро подрос, встал на ножки, а потом и заговорил по-тайски, часто оставаясь под опекой жены Сампита и её тайчат.

Интересно, что родился он тёмноволосым и с бачками а ля Пушкин

(наверно, привет с небес от его дедушки, а моего отца-армянина в подтверждение моего отцовства), но в Бангкоке очень скоро стал соломенным блондином (уж не знаю, в кого). С этим ему, можно сказать, здорово повезло, ибо по местному поверью встреча с белым ребёнком сулит удачу, а с блондином – счастье на год.

Вообще, в Таиланде прямо-таки культ детей, их лелеют и балуют, как нигде, ну а Тёма стал в Бангкоке известной фигурой и всеобщим любимцем. На Сукумвит Роуд, местном Бродвее, при нашем появлении образовывались пробки из-за желания тайцев поближе ехать к нашему авто и разглядеть его, восседающего на детском стуле и всем напропалую дарящего царственную улыбку.

В самом большом бангкокском супермаркете "Даймару" смешливые тайские девушки-продавщицы называли его почтительно "мистер Тим" и утаскивали в свои отделы, наряжая в детские платьица, украшая бусами и кулонами и одаривая игрушками. В художественном салоне этот мистер как-то уронил ненароком нефритовую черепашку и я уже, грозно зыркая на него глазами, потянулся за бумажником, чтобы расплатиться за треснувшую фигурку. Но хозяйка с криком "Что вы, это же ребёнок!" тут же презентовала её уже готовому было расплакаться Тёме. Правда, после этого на всякий случай уже не отходила от него ни на шаг.

Торговый оборот с Таиландом был тогда не ахти какой, но работы хватало. Тем более что за малым исключением штат Торгпредства состоял из ребят внешней разведки КГБ, что объяснялось близостью к

Китаю, нашего чуть не главного идеологического противника по тем временам. А этих сотрудников фиг заставишь работать не по профилю.

Хоть и проходили они перед выездом стажировку в Минвнешторге, но путались в элементарных для нас вещах, и кто есть "who", разглядеть было нетрудно.

Что и сделали тайцы ничтоже сумняшеся, напечатав в газете

"Bangkok Post" перечень всех наших гэбэшников с послужным списком.

Особо отметили нашего милейшего замторгпреда, лица казахской национальности, начинавшего карьеру, как оказалось, "вертухаем" в

ГУЛАГе (ну это уж явно американцы из ЦРУ подсказали). Кстати, представительство этого управления обосновалось аккурат напротив нашего Торгпредства, через Сукумвит Роуд.

В быту наши гэбисты не очень юродствовали и даже честно предупреждали в ходе общих застолий, чтобы анекдотов на

политическую тему ни-ни, а то "капнут", ведь если не "капнут" на нас,

"гражданских", то "капнут" на них за недонесение. Двое, правда, больно доставали, один своей тупостью, другой – подлостью. Над первым, пришедшим в КГБ из ГАИ, смеялись и рассказывали, будто купил он на выделенные деньги автомат по производству сигар, приняв за линию производства самонаводящихся ракет.

Второй, татарин Хандурин, постоянно что-то вынюхивал, подслушивал под окнами, в общем, мытарил честных людей. Невзлюбила его и хозяйка моих шести вилл, дама королевских кровей. Сразу поясню, что в

Таиланде чуть не каждый второй из числа интеллигенции – такой. Ведь до последнего короля, Пумипона Адульядета, все имели гаремы жён по триста и детей неисчислимое множество. Хозяйка, проживавшая в вилле по соседству с нами, по-своему объясняла шакалий нрав Хандурина, сказав, что он явно из чингизидов, т. е. потомок Чингисхана, а фамилию его надо произносить раздельно – хан Дурин.

Исходя из наших интересов, я добился от В/О "Экспортхлеб" перейти от оплачиваемых нами поставок кукурузы и риса из США во Вьетнам на закупки в Таиланде, и наш товарооборот резко возрос. Вы, небось, недоумеваете, на кой ляд вообще поставлять это в качестве братской помощи рисопроизводящей стране, но не забывайте, что она строила социализм, и у неё начались трудности роста. Недаром тогда ходила шутка, что если социализм будут строить в Сахаре, то нам придётся помогать ей поставками песка.

Надо сказать в качестве лирического отступления, что тогда во внешней торговле (да и не только) мы больше руководствовались т. н. политической целесообразностью, за которой подчас скрывалось и мурло личных интересов в духе песни "всё кругом колхозное, всё кругом моё". И посейчас, я думаю, олигархический менталитет подпитывается от тех же психологических корней.

Ну так вот, поставки быстро и качественно произвело бангкокское отделение голландской фирмы "Шелл" (ракушка в переводе с английского и логотип компании), не гнушавшееся, кроме нефтепродуктов, подзаработать и на других товарах. Оно же устроило по случаю многомиллионной сделки приём в ресторане самой фешенебельной гостиницы "Интерконтиненталь". Все блюда подавались в морских раковинах, в завершение ужина был подан кофе по-ирландски, церемониально зажжённый метрдотелем.

Я, естественно, поинтересовался, отчего кофе горит, и получил снисходительное объяснение мэтра, что горит в кофе ирландское виски.

Я тут же его уел, сказав, что не хуже будет гореть и русская водка.

Моментально была приготовлена новая смесь на основе водки "Смирнофф" и под бурные аплодисменты вожжена. Метрдотель, ещё более надутый от важности момента, притащил фолиант ресторанного меню и вписал новый рецепт кофе "а ля рюсс", а мне вручил именной сертификат на право раз в год и до конца жизни быть обслуженным на халяву, т. е. за счёт заведения.

При расставании голландцы вручили мне со своей стороны чек на несколько тысяч долларей в качестве премии (тогда ещё у нас не был в ходу термин "откат"), который я наутро радостно передал торгпреду для перевода на счёт нашего представительства. Его реакцией было "Ты что, совсем дурак иль родом так? Ведь там (выразительный взгляд в направлении кабинета замторгпреда) решат, что как минимум такую же сумму ты положил в карман!". Поняв меру своей тупой наивности, я тут же смотался и вернул чек голландцам, в глазах которых эта мера ещё более разбухла.

Может, размягчение мозгов объяснялось тем, что я уже год как занимался в школе кун-фу и получил подтверждённый токийской

Академией карате первый дан. Только за год до моего приезда в

Бангкок вето на "martial art" для "белых" было снято, чем я и воспользовался, став вторым русским кунфокой (первый – сотрудник института Востока, прошедший школу где-то в Гималаях). Причём я пошёл не в "белую" кондиционированную школу, а в "чёрную", настоящую китайскую (более жёсткую, но и вдвое более дешёвую).

Сансэй поцокал языком, сказав, что староват я для этого дела

(было мне тогда около тридцати), но всё же в школу принял, поручив заботам восьмилетнего китайчонка. Тот мог расправиться со мной одной левой, но учил справно, со свойственным китайцам терпением. Сам же сансэй удалился в свой угол под символом инь и янь и наблюдал оттуда, попивая зелёный чаёк и лишь изредка вставая, чтобы дать указания тренирующимся бойцам.

Основным упражнением была отработка ударов руками и ногами в единой танцевальной цепочке ("ката"), но были и прямо зверские упражнения. Например, набивка мозоли на подушечке ладони путём колющих ударов по связке бамбуковой щепы.

Китайчонок объяснил мне элементарную вещь: надо собрать в теле энергию янь и пустить её в руку в форме энергетического ножа, которым, а не плотью своей, и раскалывать деревяшки и кирпичи.

Но это оказалось семечками по сравнению с котлом, наполненным галькой и стоящим на огне. В эту раскалённую гальку и надо было втыкать со всей пролетарской ненавистью пальцы, чтобы подготовить их к прокалыванию грудной клетки противника. Можете представить меня после этого на работе, пытающегося взять бедными пальчиками ручку.

Но игра стоила свеч, я постепенно втянулся и почувствовал себя человеком, особенно после того, как увидел собственными глазами великого Брюса Ли, приехавшего из Гонконга и проведшего в нашей школе мастер-класс. Это было что-то непередаваемое. Многие движения и удары Брюса были незаметны для глаза, и ему приходилось повторять их в замедленном темпе. Та же проблема возникла и в его фильмах, которые тогда только входили в мировую моду, и сцены его поединков снимали с замедленной скоростью.

Я потом видел по телевизору шоу в записи из Гонконга встречи сансэев разных школ кун-фу, карате, дзюдо и айкидо. Брюс Ли и там затмил всех. Он, например, предложил ведущему положить на вытянутую ладонь мелкую монетку и по его хлопку зажать кулак. Когда тот кулак разжал, на ладони оказалась монета другого достоинства и только при замедленной прокрутке записи стало видно, как Брюс подменил её.

Кстати, считается, что обида мэтров кун-фу на проявленное Брюсом непочтение к ним на этом шоу и послужила причиной нанесения энергетического удара на расстоянии, от которого он и умер в 1973 г. в возрасте 32 лет. Официальной причиной смерти была аллергическая реакция на болеутоляющее средство, но любой кунфока лишь грустно улыбнётся на это и скажет ещё, что проклятие было наложено мастерами кун-фу и на весь род Брюса Ли.

А почему ещё во время съёмок фильма сын Брюса, Брэндона, был застрелен наповал из бутафорского пистолета с холостыми патронами, один из которых непостижимым образом оказался боевым? Вот и покоятся оба Ли в Сиэтле на кладбище в рядом расположенных могилках. Да,

Восток – дело ого-го какое тонкое. Хотя, если задуматься, то родовое проклятие – не восточная прерогатива. И наши Рюриковичи вымерли от проклятия волхвов, ими обиженных. А американские президенты, проклятые индейскими шаманами? Да почитай все они либо убиты были, либо чудом смерти избежали.

Но всё же как-то странно, душа Брюса давно уже в астрале, тело его на экране продолжает так же лихо крушить противников, а я, старый кунфока, сидя в своей квартире, и от пола отрываю ноги с трудом. Уж такая, братцы, "се ля ви".

Ветераны

В 1978 году угораздило меня попасть на работу, как тогда говорили, в Кремль, а конкретно – в отдел внешнеэкономических связей

Совмина СССР. Попал я в эту овеянную мистикой обитель небожителей, как мне казалось, дуриком. Сыграло свою роль то, что отслужил пять лет во Вьетнаме в военное время, за что получил орден и медальку, что занимался там поставками партизанам бывшего Индокитая (Вьетнам,

Лаос, Камбоджа) наших товаров дружественной помощи (сами понимаете, каких) и знал, кроме английского и французского, языки этих стран.

Но и мне при всех регалиях пришлось пройти длительную и дотошную проверку на вшивость. Заодно, как я знаю, перешерстили всех моих родственников до пятого колена на предмет благонадёжности и национальной чистоты.

На последнем этапе чуть не подвела борода, которую я отрастил во фронтовых буднях Вьетнама. И не борода это была, а так, маленькая аккуратная бородка а ля Владимир Ильич Ленин. Это меня и спасло. Как ни давил на меня в кадрах начальник отдела и генерал запаса

Бородулин, я отказался срезать бородку наотрез. Отнесли мою фотографию предполагаемому начальнику, первому зампредсовмина

Архипову Ивану Васильевичу для демонстрации единственного обнаруженного недостатка. А тот, мудрый мужик, тоже нашёл сходство бородки с ленинской и дал "добро".

Время это было, выражаясь по научному, засилья геронтократии, и долгое время был я самым молодым сотрудником. Возраст в 70 лет считался чуть ли не средним, но старики наши, наверное, в силу хорошего кремлёвского питания и жёсткого медицинского контроля, а скорее всего – развитого инстинкта выживания сохраняли светлые головы и здоровое тело. Недаром в то время бытовало в народе понятие

"кремлёвская кормушка".

По средам был игровой спорт в зале, по четвергам можно было потренироваться в стрельбе из пистолета в кремлёвском тире, в столовой каждый день национальные блюда очередной союзной республики из продуктов своего хозяйства под контролем 9-го отдела КГБ, (того, что блюл денно и нощно сильных мира сего). На субботу и воскресенье все отправлялись автобусами с Красной площади в наши дома отдыха с люксовыми номерами и ресторанным питанием, где за символический рубль мы получали обслуживание не хуже какого-нибудь американского "Хилтона".

Вышколенная прислуга проходила стажировку в Прибалтике, повара были переманены из лучших ресторанов Москвы. И им было за что ублажать совминовскую элиту, для них рядом с пансионатами были построены современные дома с просторными квартирами, зарплаты – не чета тому, что они получали бы где бы то ни было. Там же кучковались современнейшие животноводческие и земледельческие хозяйства, мясо, фрукты и овощи с которых без грана химудобрений шло на стол привилегированной публики.

На лето на выбор предлагался один из наших спецсанаториев на Юге или в той же Прибалтике (мне – бесплатно, жене – в полцены, ребёнку – четвертинка). Мы традиционно ездили под Ригу. Изюминкой этого дома отдыха был выезд на пару дней в так называемый домик рыбака. Там любители рыбной ловли, переодевшись в выдаваемые комбинезоны и выбрав снасть, рассаживались на нависавшей над речкой террасой и закидывали уду, а потом поспешали в залу поглощать приготовленные якобы из их улова яства. Аппетиту способствовала батарея водок, коньяков и вин всесоюзного ассортимента. О, сладостная халява!

В рижском санатории можно было встретить знаменитейших людей страны. Я, например, познакомился с Аркадием Райкиным, регулярно там со своей женой Руфой Мордуховной отдыхавшим. Нагло подошёл и передал привет от своей ленинградской бабушки, которая была его учительницей (блефанул – бабушка и не подозревала о моей встрече). Он её вспомнил и тоже передал привет, а для меня создал возможность похвастать этим фактом моей биографии.

Так получилось, что и в Ригу на вокзал нас везли на "рафике" вместе с Райкиным и, проезжая мимо какого-то здания, он указал на него и сказал, что там служила его мама по имени Рая и он малышом ошивался, так как дома не на кого было оставить. Отсюда и псевдоним его, ибо помнил он раздражительный крик "Чей это сопляк здесь под ногами болтается?" и ответ "Да это

Райкин!".

Тьфу ты, отклонился маленько. О чём это я? Ах да, о льготах и привилегиях. Присовокупите к вышесказанному систему пайков, талонов на билеты в театр и кино, любые книжки, включая запрещённого

Солженицына, из спецраспределителя, персональную чёрную "Волгу" от замначотдела и выше, а для всех остальных – по вызову на манер такси. В общем, налаженная жизнь коммунистического завтра, которое всё никак не хотело наступить в целом по стране.

Лелеемые властью и сами её олицетворяя, ветераны обладали феноменальной памятью и назубок выдавали номера и даты выпущенных ими постановлений со времени о но, однако разговорить на тему сталинского периода было трудно – по старинке опасались и многозначительно косили глазом на стенки, мол, враг подслушивает. А знали много чего интересного и, ежели уж заговорят, то с трепетным пиететом. О том, как ходили в Кремле по этажу вождя на цирлах, а при встрече Хозяина должны были распластываться по стенке и чтоб руки на виду, а техперсонал – носом в стенку. Как сидели по ночам, в ожидании возможного звонка Сталина, и сами пугали подчинённые министерства проверочными звонками по "вертушке", зато по утрам полагался сталинский завтрак, молочный поросенок с рассыпчатой гречневой кашей и чай с хрусткими сушками.

Любили вспоминать великого ясновидца и гипнотизёра Вольфа

Мессинга, которого патронировал Иосиф Виссарионович, особенно эпизод, когда вождь народов предложил для проверки способностей получить в сберкассе сто тысяч рублей и принести ему. Тот так и сделал, с выданными ему по трамвайному билету деньгами пришёл в кабинет Сталина, миновав непостижимым образом многочисленную охрану, видимо, предъявляя всё тот же трамвайный билетик.

Для осознания величины этого гераклового подвига Мессинга надо знать, что такое кремлёвская охрана. На каждом этаже совминовского здания в Кремле стояли красавцы-бугаи в военной форме и изучали предъявляемые документы как медики через микроскоп препарируемую лягушку, а потом рентгеновским взглядом и подателя оных ото лба до мизинцев на ногах. Десять лет я регулярно проходил эту процедуру, но так и не привык и каждый раз ощущал трепет в паху.

Ещё с замиранием сердца говорили ветераны, переходя на полушёпот, что был у вождя свой астролог, без совета с которым он не принимал ни одного важного решения. И что тот астролог

была страшно засекреченная женщина, а всех других астрологов, чтобы не мутили воду, собрал он в Сочи на астрологический конгресс, а там их посадили на автобус и куда-то увезли, да так, что больше никто никогда этих астрологов не видел.

А ещё я узнал под клятву о молчании, что по личному указанию вождя всех народов при завершении строительства Крымского моста, и по сию пору самого большого и красивого в России, любимого места московских самоубийц и встречи влюблённых, одна из десятков тысяч железных заклёпок была заменена на золотую. Мост был построен инженером Власовым, который после войны проектировал и восстанавливал майдан Незалежности в Киеве, но и он не знал, какая из заклёпок золотая. А знали только два энкэвэдиста, оба погибшие на войне и унёсшие тайну с собой в могилу.

Приобщён я был и к великой тайне существования под Москвой сталинской подземной системы трёх секретных веток метро. Одна ведёт от Кремля до сталинской ближней дачи Сталина в Матвеевском, другая связывает его с Минобороны, МИДом, Лубянкой и аэропортом

"Внуково-2", а третья – с командным пунктом ПВО и аэропортом

"Шереметьево", а ещё с секретным подземным городом в Раменках. И всё это создано для эвакуации высших чинов в случае войны и обеспечения их безопасной работы в военное время.

Рассказывали ветераны и о вождях что помельче. И у тех были свои привычки и причуды, которые с дрожью почтения блюли. Каганович часто прибегал к привычному ему аргументу в разговоре и грохал кулаком по столу, да так (мужик был крепкий), что стекло вдребезги. Приходилось менять раз по пять в день, а однажды новый завхоз, то ли решив потрафить начальству, то ли по недосмотру, но постелил пластиглас.

Кремль долго сотрясал возмущённый рёв Кагановича, под него завхоза и сопроводили под белы руки вон с работы.

Микояну, когда тому приходилось выступать по-армянски, текст писали славянскими буквами, а его русский иногда приходилось ко всему привыкшему помощнику (ставшему потом нашим начальником отдела) переводить на понятный русский. О Микояне за его политическое долголетие и способность к выживанию позже сложили легенду, что он, дескать, может пройти от Кремля до ГУМа между струйками дождя и выйти сухим.

Вообще-то ветераны, честно говоря, были не слишком грамоте обучены. Ведь пришли в Совмин в то время, когда

залогом преданности вождям и революции в целом считалось рабоче-крестьянское происхождение, и кое у кого за спиной, кроме ЦПШ

(церковно-приходской школы) ничего и не было. Так знаете, как они выкручивались? У каждого на столе стоял внутренний телефон, по которому наговаривалось, что в голову придёт, стенографистке. Та передавала готовую писанину в юридический отдел на предмет проверки соответствия законам, оттуда бумажка шла в отдел редакционный, где она приводилась в божеский вид, вылизывалась и превращалась в постановление Совмина СССР. Напоминает сказку о царевне-лягушке, обращавшейся в красавицу, правда?

Но была в этом деле одна закавыка. Рядом с нашим Совмином жило-было целое царство в государстве, боком выходившее на Старую площадь. И куковал в том царстве аппарат ЦК КПСС. Если в нашем отделе делами почти всех соцстран занимались мы с Володей Мироновым, то в партийном международном отделе – человек двадцать. И ладно бы занимались идеологическими вопросами, так нет, они и в наши дела влезали. То есть подготовленные нами проекты постановлений, завизированные начальством, шли на Старую площадь, там перекраивались, заново редактировались и выпускались уже как постановление ЦК КПСС и Совмина СССР.

В общем-то, наши коллеги в их международном отделе были с виду интеллигентные люди, но на них как бы стояла дьявольская печать. В моё время этот отдел возглавлял некто Иванов, так такого художественного мата-перемата, как от него, я больше ни от кого не слышал. Это, как и нарочитая небрежность в костюме, было вроде как корпоративной меткой, мол, мы свои парни, вышли из народа, от сохи и от станка, и за счастье народа пасть порвём.

Искусственность поведения этих партайгеноссе ощущалась во всём.

Вот, скажем, во Вьетнаме заехал я как-то поутру в гостиницу за их делегацией, чтобы отвезти на переговоры, и застаю такую уморительную картину. Стоят члены в чёрных габардиновых костюмах при галстуках вкруг журнального столика перед разлитой на троих в стаканы бутылкой коньяка. Старший как молитву произносит тост во славу генсека, потом мелко и как бы ненароком перекрестившись, товарищи принимают на грудь, и всё это на полном серьёзе.

Насколько естественнее и роднее выглядел наш военспец, с которым я проходил таможенный досмотр перед вылетом в тот же Вьетнам! У него в портфеле оказалось вместо положенной одной

водочной бутылки 0,75 две. На предложение оставить одну на таможне до возвращения он, показав таможеннику здоровенную фигу, откупорил её и единым махом залил в бездонную утробу, а потом под аплодисменты присутствующих при этом твёрдым армейским шагом пошёл на выход к самолёту. Но я отвлёкся…

Наш главный начальник, первый зампред Совмина Архипов пришёл из государственного комитета экономических связей (ГКЭС) в возрасте 72 лет. Думал, что вызвали на ковёр для объявления об уходе на пенсию, а его турнули на повышение. Я у него ещё десять лет проработал и считаю, что мне очень повезло на начальника, хоть и гонял он меня порой за слова поперёк его воли. Гонял в прямом смысле – как-то отлучил от тела на неделю, и пришлось мои бумаги Володе на подпись таскать, но потом смилостивился.

Как раз случился визит к нам вьетнамского президента, который пожаловался Косыгину на экономические трудности в стране и попросил у "большого брата" помощи. Тот пообещал дать совет, а материальной формой этого стал я с замминистра Минморфлота Недяком, уже через неделю оказавшиеся в Ханое в качестве личных советников Фам Ван

Донга. Получив личные напутствия президента, мы за месяц прочесали на "Волге" всю страну от северного порта Хайфон до южного порта

Сайгон, переименованного в Хошимин, оттуда заехали и в недавно освобождённый от кровавого коммуняки Пол Пота камбоджийский Пном Пень.

Как нас принимали по пути следования, говорит хотя бы то, что в

Хюэ, древней столице Вьетнама, разместили в бывшем императорском дворце, где мы пили родную водочку под омарную закусь за столом, инкрустированным перламутром и драгоценными каменьями. А в Пном Пене я получил в подарок револьвер, серебряная ручка которого была усеяна бриллиантовыми сколами.

Убоявшись осложнений на нашей таможне, передарил я его скрепя сердце нашему охраннику, главному гэбэшнику в стране и зятю министра экономики и транспорта. Тесть его был бывшим партизанским генералом и вошёл в историю Камбоджи тем, что как-то простоял в порту трое суток, не смыкая глаз и паля в воздух из пистолета, чтобы не разворовали при разгрузке гуманитарную помощь и медикаменты первого пришедшего в освобождённый Пном Пень судна (естественно, нашего).

По нашим же впечатлениям от поездки был составлен толстенный свод экономических рекомендаций для правительства

СРВ, оказавшийся, как я надеюсь, полезным. Ну а возвращаясь к нравам начальства, скажу, что не любило тогда начальство, когда ему перечат и поперёк говорят, а любило, чтобы подчинённый, и во сне разбуженный, тут же на любой вопрос с почтением и не задумываясь отвечал. Вот как-то Архипов задал какой-то вопрос замминистру внешней торговли (до того – первый секретарь Краснодарского райкома партии), тот тут же выдал всю информацию да ещё с цифирью да не по бумажке, чем шефа очень ублажил.

А у меня аж челюсть отвисла – все цифры с потолка, примеры – из наших отношений с другой страной (перепутал маленько). Я его после совещания перехватил, говорю, как же так, соврамши, мол, уважаемый

Иван Тимофеевич. А он мне – молодой ты ещё, учись у ветерана, как выкручиваться в сложных ситуациях. А не научишься крутиться, не жить тебе долго и на твоём "тёплом" месте. Ох, как прав он был. И ещё от себя хотел бы добавить, что начальство у нас любит, когда за ним записывают, торопко так записывают, чтобы не дай боже ни слова не пропустить из божественного откровения шефа.

Вообще, наука чиновничьего управления нелегко и не сразу даётся, но уже через несколько лет в Совмине я к стыду своему ловил себя на мысли, что управлять у нас на одном пряничном убеждении без применения кнута невозможно, а руководить шагающей с энтузиазмом за вождём толпой намного сподручнее, чем коллективом ершистых индивидов, у каждого из которых мнение своё. И что социализм – это просто та же система управления, но доведённая до крайности подстать ндраву и умишку главного управителя, а власть по сути своей – иезуит, проповедующий принцип "цель оправдывает средства".

Довольно быстро после прихода на Олимп власти рассеялись и некоторые другие мои иллюзии. По молодости меня наши ветераны нагрузили общественной работой по полной программе: профорг, член редколлегии кремлёвского журнала "За доблестный труд", выходившего под грифом "Для служебного пользования", председатель группы народного контроля и прочая и прочая.

Я сдуру отнёсся к этим нагрузкам серьёзно и в ипостаси народного контролёра вывел партсекретаря нашей организации Возвышаева к кремлёвским воротам под конец рабочего дня посмотреть на неподъёмные сумки со спецпродуктами, которые выносили кремлёвские буфетчицы. Тот пообещал разобраться, и уже на следующий день со мной разбирался управляющий делами Совмина СССР Смиртюков.

Он очень мягко посоветовал мне умерить пыл в выявлении некоторых негативных сторон сложившегося кремлёвского уклада и почему-то помянул скорость, с которой вылетает пробка из бутылки. Заодно пояснил мне, неразумному, что намёк, сделанной мной в статье нашего внутреннего журнала о перспективе перехода от пайков и других совминовских льгот к денежным компенсациям – это покушение на святое святых, заложенное в практику правительственного аппарата ещё с ленинских времён. "Если мы тебя, дурака, не будем бесплатно кормить качественными продуктами и предоставлять возможности качественного отдыха на халяву, ты ж будешь на этом экономить и подрывать своё здоровье, столь необходимое Партии и правительству", – примерно так сказал мне с мягкой отеческой улыбкой Смиртюков, выпроваживая из кабинета.

Мой шеф Архипов вскоре стал первым заместителем председателя правительства и пересел в бывший кабинет Берии. Слышал, что раньше в туалете напротив этого кабинета часто приходилось делать уборку, потому как после разговора с Лаврентием Павловичем и не дожидаясь оргвыводов некоторые в нём приставляли пистолет к виску. Так что зайти пописать туда было страшновато. В "предбаннике" кабинета при

Берии дежурили всегда два секретаря, оба в генеральском чине, один из которых постоянно держал руку на внутреннем телефоне, ибо шеф поднимал у себя в кабинете трубку и тут же давал указание, потом бросая её на рычаг. И если это указание не выполнялось, секретарю впору было идти в туалет по весьма определённой нужде.

Такой же светлой головой, как и мой начальник, обладал только ещё один зампред, Дымшиц. Был он единственным в Совмине евреем, если не считать его же помощника Гурвича, и был допущен к власти, как я понимаю, из соображений, как сказали бы сейчас, политкорректности и ещё внутреннего осознания того, что в больших делах без еврея таки не обойтись. Ещё двумя "нацменами" были в разное время Бодюл и Зия

Нуриев.

Первый был посажен в Совмин Брежневым. По ведомственным слухам, приехало из Молдавии всё начальство и бухнулось в ножки Леониду

Ильичу с мольбой убрать Первого секретаря, развалившего хозяйство.

Что тот и сделал из уважения к супруге Бодюла и по совместительству своей любовнице, красавицы из местного ансамбля песни и пляски.

Второй отличался крутым нравом, видимо, по привычке (в

Азербайджане он долгое время был Председателем КГБ). Нас, сотрудников, он обидел наложением вето на план раздачи дачных участков, объяснив это коротко: "Будете воровать и пользоваться служебным положением".

Положа руку на сердце, скажу, что он был прав.

Не могу не помянуть добрым словом Талызина, самого молодого в мою бытность зампреда (чуть за 60). Этот не терзал, как Архипов, подчинённых мучительным поиском обоснованности решений и обладал зело острым язычком. Помню, он начал одно совещание с седобородыми академиками по вопросам атомной энергетики словами "Вечно мы любим ржавый гвоздь в жопу засунуть, а потом его коллективными усилиями зубами вытаскивать". А ведь были и такие, чьим подчинённым приходилось лечиться в нашей "кремлёвке" от заикания. А один при лицезрении начальника стал испускать газы (по научному выражаясь, подхватил метеоризм). Излечили бедолагу только в Швейцарии.

Не всегда гладко складывались у нас, референтов совминовского аппарата, отношения с министрами и их замами, бывало, что иные

"взбрыкивали". Для подчинения воле Совмина в нашем лице и поддержания трепета перед верховной властью у нас были свои методы и, главное, возможности. Например, от нашего международного отдела зависело выделение министерствам вожделенной валюты на закупку импортного оборудования и товаров, разрешение на выезд министров в зарубежную командировку, так что в основном министры ходили перед нами на цирлах.

А это очень помогало в решении многих дел путём взаимных услуг в кругу сложившегося междусобойчика. Скажем, как было не порадеть родному человечку в плане трудоустройства либо карьерном, как было не передать по защищённому от чужих ушей телефону-"вертушке" просьбу зампреда всемогущему министру образования посодействовать поступлению его внука или внучатого племяша в ВУЗ, а заодно не помянуть свою дочку, умницу-разумницу.

Дисциплина в мои времена еще оставалась жёсткой, любое постановление должно было исполняться неукоснительно, что иногда приводило к забавным парадоксам. К примеру, нашим отделом как-то после новогодних праздников было выпущено постановление о поставке в одну африканскую страну сотни эскалаторов. Первую партию перехватили уже у границы, вовремя сообразив, что имелись в виду экскаваторы.

Много было смешного и в повседневной работе Совмина, хотя

юмор ситуации тогда не всегда и не до каждого из нас доходил. От своего отдела я регулярно присутствовал на заседаниях Комиссии по внешнеэкономическим вопросам. Чего стоили, скажем, обсуждения вопросов закупки в Европе оборудования для производства туалетной бумаги. Помню реплики типа "Ну сколько можно советскому человеку подтираться нашей партийной прессой?", "Стыдно смотреть на бабушек, обвешанных дефицитными рулончиками как революционные матросы патронными лентами".

Как-то на вопрос председателя комиссии, не опасна ли для нас в перспективе передача китайцам и другим друзьям по соцлагерю наших передовых технологий, директор одного из секретных предприятий в сердцах вскричал: "Да если китайцы завладеют ими, мы их отбросим лет эдак на двадцать назад!". Обсуждая проблему качества экспортируемой нами техники, кто-то привёл пример взрыва моторного блока нашего трактора в Венгрии, в результате чего погиб тракторист. И прибавил грустно при этом: "Больно уж устарелая конструкция, 50-х ещё годов…". Кто-то другой язвительно бросил вопрос: "Уточните, какого столетия?".

Когда захирел генсек Брежнев, чтобы ему далеко не ходить, возникла идея перестроить наше совминовское здание в Кремле под заседания центрального комитета единственной тогда партии, оставив там только наше руководство. Заодно заказали у фирмы "Мерседес" самоходное кресло для облегчения транспортировки генсека от кабинета до лифта. Кстати, и на трибуну мавзолея дряхлеющее руководство страны доставлялось скрытым от глаз посторонних лифтом.

В середине моего пребывании в Совмине нас, аппарат, выкинули из

Кремля на проезд Владимирова (партклички революционера

Штейнфинкеля), и пришлось ездить к оставшемуся в Кремле начальству на "вертунах", чёрных правительственных "Волгах", через Красную площадь. Там ходу-то пешкодралом всего три минуты, но нельзя. А вдруг треснут по норковой шапке, бывшей чем-то вроде униформы совминовского и цековского сотрудника и выдававшейся раз в пять лет, а секретные документики уволокут. Слышал, что и случалось такое, но не с нами, а с партайгеноссе, и документы не брали, а только норковую шапочку.

Здорово нас обидели и расстроили тем, что выдворили из Кремля. И не тем, что возникли трудности в работе, а потому что за кремлёвскими стенами по всеобщему мнению ощущалась какая-то благодать, полезная для духовного и физического

самочувствия. Это, кстати, подтвердили и учёные – болезнетворные микробы внутри Кремля быстренько дохли, особенно после малинового перезвона тамошних церквей.

Это я узнал от директора музея-квартиры Ленина, молодого кандидата наук и моего тёзки, с которым сдружился и на квартиру которого (Ленинскую) частенько забегал в рабочее время посудачить и попить пивка. Саша отличался прогрессивными взглядами (тогда называемыми диссидентскими) и уже в то время втихую ратовал за вынос из Мавзолея и захоронение тела Ленина, ссылаясь на русские традиции и желание жены вождя Крупской и других его родственников.

Заодно, считал он, не мешало бы перенести из Кремля и около трёхсот находящихся там захоронений (плюс 12 с бюстами) и больше сотни замурованных в самой стене урн с прахом. Интересно, что у Саши в запаснике хранились первоначальные макеты Мавзолея, самым весёленьким из которых была усыпальница вождя в форме корабля с ним самим на капитанском мостике, в кепочке и с простёртой к светлому коммунистическому будущему рукой.

Видно, чтобы не пропал зря забаллотированный проект, точно такой же фигуркой вождя высотой в четыре этажа планировали увенчать высотное здание Дома Советов на месте снесённого храма

Христа-Спасителя (ныне слава богу восстановленного). Если бы не прервала война начавшееся строительство, мы бы с вами имели возможность на лифте по пищеводу бронзового вождя подняться на смотровую площадку и лицезреть перспективы столицы через хрустальные зрачки Ульянова-Ленина.

Он же, Саша, объяснил мне, новичку в кремлёвских делах, что означала изумительная по вкусу и чистоте водочка, бывавшая в буфетах наших домов отдыха, а потом исчезнувшая к горю горькому привыкших к ней ветеранов. Оказалось, в ходе раскопок на территории Кремля найден был самогонный аппарат, весь содеянный из чистого серебра, времён Петра Великого, и вроде бы ему и принадлежавший. Вот и наладили в кремлёвской столовке мелкотоварное производство водочки по рецепту того же, Петровского времени. Разливали её в бесцветные бутылочки с аптечного вида этикеткой, на которой стоял только номер

(убей бог не могу вспомнить цифру). А вот кто на неё покусился, тайна великая есть, и Саша даже ею не владел. Кстати, и хлеб там пекли подовый по старинному рецепту, не чета нынешнему.

Видел я там и эскиз обелиска Свободы, поставленного в 1935 г. на

Советской площади, представлявший собой штык в мраморе вроде как с винтовки Мосина, а под штыком ангел крылатый типа богини победы

Ники. Этот памятник свободе простоял до войны и был взорван по распоряжению Сталина. По официальной версии – мешал перепланировке

Тверской, а по слухам – из-за того, что скульптор Андреев слепил якобы голову этой Ники с Натальи Троцкой, жены бывшего наркомвоенфлота и второго человека в Революции после Ленина.

Самого-то Троцкого по сталинскому указанию прибил уже тогда в

Мексике ударом ледоруба по темечку наш агент, получивший за это деяние героя Советского Союза посмертно.

Попался мне на глаза и завизированный премьером Косыгиным план сноса старинных особняков и домишек на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки для строительства на их месте колоссального здания министерства промышленности в стиле сталинского ампира. Не знаю, что спасло этот древний островок на набережной, наверное, вето

Брежнева, недолюбливавшего Косыгина и многое делавшего в пику ему.

А вот уж для себя генсек денежек не пожалел. Действительно, деньги на обустройство торжественных залов на месте наших совминовских кабинетов ушли бешеные: гигантские хрустальные люстры из Австрии, ковры размером в Ивановскую площадь из дружественного

Афганистана, под ними паркет из итальянского бука, в вестибюле огромное мозаичное панно "Леонид Ильич вручает на фронте партийные билеты".

Закончили в аккурат к скоропостижной кончине Брежнева, и первое, что сделал взошедший через некоторое время на престол Андропов, так это приказал переделать панно на цветочный орнамент. Это было исполнено со слезами на глазах авторами первого варианта, художниками из Армении. Наши ветераны тоже загрустили, предчувствуя начало конца эпохи застоя, а для себя – чуть уловимый пенсионный запашок. И их тренированное чутьё не подвело и на сей раз. Грянула

"перестройка", потом непонятно что, но явно чужое. Век наших ветеранов миновал.

"Вертушка"

Услышал как-то слово "вертихвостка" и уж не знаю по какой такой ассоциации идей из глубин памяти выплыло слово "вертушка". Теперь-то в век всеобщей телефонизации и царствия мобильника это слово мало что кому говорит, если вообще понятен его смысл. А вот в моё время оно было на слуху многих причисленных к великой государственной тайне людей. Да и простой телефон было поставить ой как непросто.

Моя вторая после Вьетнама заграничная командировка в Таиланд дала возможность приобрести наконец трёхкомнатную кооперативную квартиру улучшенной планировки. Для непонятливых напомню, что это была уже не

"хрущоба", названная так во славу досточтимого генсека Партии с большой буквой, (поскольку была единственной) Хрущёва, а тоже сляпанная из блоков, но с огромадной (10 кв. м) кухней и не с сидячей ванной, а совмещённым туалетом божеских размеров. Правда, у чёрта на куличках, в Тёплом стане, но радости не было предела.

Одно эту радость омрачало – не было телефона, как и перспектив поставить его в обозримой перспективе. Вроде бы надёжное средство в виде попытки кому-то сунуть взятку результата не дало. То есть взятку-то взяли (а как же?), а вот отдачи в форме телефона на тумбочке не воспоследовало. Пришлось прибегнуть ко второму (по времени, а не по значимости) средству – блату. Благо у тестя сохранился контакт с министром связи Талызиным, который когда-то работал в его закрытом военно-аналитическом институте. Тот звякнул

(телефон-то у министра был) кому надо, и мне тут же принесли и установили шикарный, цвета снежной пороши, аппарат.

Но, как оказалось, с подвохом. Точно такой же телефон и тоже в виде исключения был поставлен ветерану войны и инвалиду первой группы, проживавшему на первом этаже. Вы не представляете, какое это мучение – ждать, когда освободится номер, а ветеран из своих цепких рук трубку вообще не выпускал. Несколько лет я куда головой ни бился, всё как об стенку. Уж и весь дом обтелефонили, а я всё оставался совмещённым.

Разрыв порочной связи с ветераном произошёл лишь когда я перешёл из министерства на работу в Совмин СССР, откуда звякнули кому надо и объяснили, что телефон совминовского ответственного работника должен оставаться свободным, ибо его могут дёрнуть (в смысле вызвать) на работу в любую секунду. А теперь догадайтесь, по какому телефону были сделаны Талызинский и совминовский звонки. Правильно, по

"вертушке", защищённой от чужих ушей спецслужбой.

Вертушечка (позвольте уж её не оковычевать) была чудом из чудес совкового периода, называлась официально правительственной связью и накрепко связывала (пардон за тавтологию) сильных мира сего (т. е. того, советского). Каждый имеющий достаточно значимый вес начальник обладал этим золотым ключиком к сердцам себе подобных. И прозывались все они номенклатурными работниками, хоть относились к разным номенклатурам: ЦК (наивысшая) и обкомов, райкомов и др. "комов" по нисходящей.

Я думаю, только на вертушке и держалась долго советская власть, представлявшая собой этакий спрут с массой щупалец, идущих от одной головы. Голова могла и поменяться, но это означало только, что вертушка перешла в другие руки. Была и вторая вертушка, страшно секретная и закодированная, для очень узкого круга лиц, которая объединяла посильней масонской ложи этих лиц во всех республиках, округах и областях нашей необозримой отчизны, но её я на всякий случай касаться не буду.

К понятию вертушки я приобщился ещё в министерстве. История была детективная – какая-то шмокодявка проникла тайком в кабинет своего начальника управления и по вертуну обтяпала какие-то свои дела. Дело вскрылось, им занялся вездесущий (с одним "с") КГБ, и малец вылетел с волчьим билетом на улицу. Кстати, аналогична история произошла на второй год моего пребывания в Совмине с помощником моего начальника, зампреда Совмина.

Он был помощником по связям с родственниками своего начальника, имел карту генеалогического древа и факсимильную печать зампреда, что помогало определиться с пачками писем от многочисленной его родни с просьбами о вспомоществовании. Карта позволяла совершать генеалогический отсев, а потом уж с соизволения шефа в игру вступали вертушка и в отдельных случаях – факсимильная печать. Так вот, этими инструментами помощник поработал налево, т. е. под себя. Дело вскрылось, им занялся КГБ, и помощник зампредсовмина вылетел на должность Начальника главного управления одного из курируемых министерств. Причём это было сделано нашим же отделом, курирующим

КГБ и МВД, который выполнял заодно роль собственной безопасности.

Так что дело это было довольно рискованное, но при этом всё же считалось, что грех не воспользоваться вертушкой, когда подопрёт.

Меня подпирало дважды. Один раз мой приятель-гаишник,

которому я был обязан (чем, не скажу – сами догадаетесь), поплакался, что умер отец, а его старшего брата не отпускают на похороны из Афганистана, где он воевал в рядах ограниченного контингента наших войск. Я позвонил по вертушке замминистра обороны, и старлей на следующий день был доставлен транспортным самолётом из-под Кандагара через

Ташкент в Москву аккурат к похоронам.

Второй раз я прибег к палочке-выручалочке, когда случилось страшное бедствие с самим мной. Полетел краник топливного насоса моих "Жигулей", оказавшийся остро дефицитным. Я обзвонил все магазины, объездил все станции обслуживания – нет как нет или за такие бешеные бабки, что не подступиться. На одной лишь станции механик предложил за умеренную сумму снять краник со стоящей рядом машины, но я как честный человек отказался. Позвонил от отчаяния министру соответствующего ведомства, и вожделенная деталька через час лежала на столе моего кабинета.

Теперь вы, наверное, поняли, чем была и что значила в прошлой советской жизни вертушка. Кстати, своё название она получила от допотопных телефонных аппаратов послереволюционного времени, когда надо было вертеть ручку для вызова барышни-телефонистки.

Кампучка

В Кампучию (ныне снова Камбоджа) я был командирован из Совмина вскоре после свержения моего хорошего знакомца Пол Пота моими вьетнамскими друзьями в конце предпоследнего десятилетия прошлого века. До того я бывал там, в этой Буддой избранной стране улыбающихся и довольных жизнью людей, знаком был и с принцем

Нородомом Сианук и его очаровательной женой-француженкой Моник. Но это было до переворота и установления там режима коммунистической диктатуры Пол Пота.

Этого кровавого изверга (помните частушку "За…бу, замучаю как

Пол Пот Кампучию"?) я тоже довольно хорошо знал по расквартированному в Ханое в пору моей работы там штабу партизанских объединений стран Индокитая (Вьетнам, Лаос, Камбоджа). Звали его тогда Салот Сар (Пол Пот – это парткликуха) и производил он впечатление интеллигента

западного образца (четыре года студенчества в Сорбонне). Общался с ним по-французски и на его родном кхмерском языке, чем вызвал его расположение и даже удостоился подарка в виде сборника его статей с дарственной надписью.

А ко времени моего приезда в НРК в должности Торгпреда СССР

(самого молодого за историю МВТ) этот гад умудрился уничтожить около двух миллионов своих соотечественников, истребив интеллигенцию и городское население. От многочисленного королевского клана Сианука остался лишь он один, задержавшись в Пекине по пути из Москвы, где он находился с официальным визитом.

Страна перешла на мирные рельсы, её возглавил бывший командир полпотовского полка Хун Сен, перешедший на сторону вьетнамских братьев по оружию. Замами основных министров были оставлены вьетнамцы, многих из которых я лично знал ещё во Вьетнаме. Моим основным партнёром по работе (министр торговли) стал однорукий пулемётчик, прошедший лишь одну школу – школу партизанской войны (с

12 лет от роду).

Принц Сианук застрял в Китае, Пол Пот вернулся в родные партизанские джунгли, но затих. Редко, но всё ещё постреливали, и когда я выезжал из Пном Пеня, меня сопровождал взвод вооружённых калашами солдат. Я быстро освоился, разместился в бывшей резиденции французского генерал-губернатора в центре города, аккурат напротив монумента независимости в древнекхмерском стиле, наречённого нашим народом за его форму кукурузой.

При вилле был большой сад с вековыми манговыми деревьями, такими огромными, что плоды можно было собирать с крыши, оформленной как солярий и заставленной кадками с экзотическими для нас яркими кустистыми цветами. Из недозрелого манго получался восхитительный салат, ну а зрелое манго мы грызли как яблоко, и вкуса этот фрукт был необыкновенного. Вообще-то в Камбодже произрастает около 200 сортов манго, но наши деревья давали нам урожай наилучший.

А ещё скоро у нас появился уморительный пёсик по кличке Пшикус.

Наречён он был так польским торгсоветником, от кого и получен в подарок, и означал по-польски "шутник". Действительно, шуточек мы от него натерпелись достаточно, помяну лишь то, что порвал он как-то своими острыми зубками кожаную мебель в гостиной. Мама Пшикуса была вьетнамской едовой породой, в том смысле, что идёт на самое почитаемое во

Вьетнаме парадное блюдо.

Папа же был из местных, кхмер, а так как в Камбодже собак почему-то не едят, эта порода отличается бойцовыми качествами сторожевой собаки. От мамы Пшикус унаследовал мягкий заискивающий нрав по отношению к хозяевам и малюсенькие ножки, как у таксы. От папы – довольно крупное тело и умение имитировать злобный лай.

Получился миленький монструозного вида гибрид со свисающими до пола ушами и величиной с крупную морковку образованием между задними ногами, коим он постоянно задевал за верхнюю ступеньку нашей лестницы, что вызывало его раздражение и гомерический хохот стороннего наблюдателя.

Много я поездил по стране, первым делом посетив храмовый комплекс

Ангкор Ват, ставший всемирно известной сокровищницей культуры и только сто лет назад случайно найденный французами в джунглях и буквально вырубленный археологами из объятий скрывавших его лиан и прочей растительной зелени. Впечатление производит неизгладимое колоссальными размерами, благородно-вычурной архитектурой, множеством скульптур бодисатв, горельефами апсар, небесных нимф, танцующих для услады богов (а нимф там этих как-никак около двух тысяч), тончайшей резьбой по камню. Кстати, для всех стран бывшего

Индокитая характерно смешение религий: буддизм, индуизм, католицизм, секта Као Дай (Большой глаз), в пантеон которой включён даже наш Ленин.

Вскоре хорошо уже знал все достопримечательности Пном Пеня, милейшего городка, застроенного в староколониальном стиле и утопающего в зелени. Не прошёл и мимо главной туристической достопримечательности в виде бывшего колледжа, превращённого полпотовцами в зверскую тюрьму. В прежних классах стояли впритык друг к другу клетки из металлической сетки метр на метр двадцать с миской для корма и тазиком для испражнений. И вот в этих клетках держали женщин, мужчин, в том числе и европейцев, подозреваемых в контрреволюционном сопротивлении режиму.

А знаете, что за брошюрка лежала на столе надсмотрщика и была испещрена пометками и подчёркнутыми им наиболее интересными местами?

"Государство и революция" нашего Владимира Ильича Ульянова-Ленина, которого Пол Пот считал своим духовным гуру. А я, дурак, ещё радостно улыбался, слыша от него это, и даже подарил потом значок с изображением маленького Ленина в

кудряшках. Вспоминаю и прямо хочется головой об стенку биться…

Начал собирать коллекцию наследия кхмерской нации в виде изделий из бронзы, дерева и камня, на которые камбоджийцы большие мастера.

Хоть магазинов во время моей работы в Пном Пене практически не было, но был рыночек, на котором в развалах можно было приобрести за бесценок фигурки 19-го и даже 18-го века, периода государственного и культурного расцвета Великой Камбоджи.

Эти фигурки продавцы из-за дефицита другого упаковочного материала заворачивали в денежные ассигнации прежних режимов, а я потом аккуратно разглаживал и хранил для подарка друзьям в Москве, любителям нумизматики. А дело в том, что когда полпотовцы захватили столицу, то первым делом разгромили национальный банк и выбросили на улицу за ненадобностью все деньги, там хранившиеся. Попытки поднять купюру тут же пресекались выстрелом в спину несознательного гражданина.

Всё же ночью кто-то собрал на всякий случай денежные кучи. А до конца правления Пол Пота горожанам в соответствии с коммунистической идеей пришлось обходиться без денег. Дошло до того, что, спасаясь от голодной смерти, они обменивали у крестьян стакан риса на стакан драгоценных камней, в том числе бриллиантов.

Что же касается красного дерева, считающегося в цивилизованном мире драгоценным, то к нему местное население в Юго-Восточной Азии относится ну как у нас к липе. Хорошо оно для строительства хижин, мелких поделок, но не более того. Да и на вид оно скорее серовато-коричневое и невзрачное, чем красное. А вот открою вам страшную тайну, тщательно скрываемую мастерами-краснодеревщиками, а мне на ушко открытую.

Чтобы оно приобрело знакомый ценителю благородный маслянистый блеск и один из оттенков в гамме от чёрного (считается самым дорогим) через коричневый до по-коммуняцки красного цвета, достаточно натереть его гуталином соответствующего цвета. Попробуйте это из интереса проделать, взяв щепку хотя бы той же липы и получите красное дерево всем на загляденье. А коли это будет бук или дуб, то и того похлеще.

А ещё я начал собирать коллекцию старинного оружия, благо мой давний знакомец, вьетнамец по национальности и замминистра обороны

Кампучии, свозил меня в оружейный склад и предложил

выбрать в подарок что хошь, хоть гаубицу безоткатную. Но я выбрал лишь дюжину ружей французского колониального периода. А при возвращении, дабы избежать осложнений на нашей таможне (хоть и обладал зелёным дипломатическим паспортом), взял с собой лишь винчестер и фузею 9-го калибра, а ещё два парадных офицерских палаша времени правления принца Народома Сианука.

Да и то в Шереметьеве меня притормозил главный таможенник и говорит, мол, понимаю, вы дипломат и прочее, но у вас в чемодане прибор высветил такое, что волосы дыбом. Тут я с дрожью в коленках, но обезоруживающей улыбкой на лице сообщил ему, что это всё сувенирные муляжи, подарки друзьям, крупным военным чинам. После чего таможня дала "добро".

Возвращаясь к началу моей кампучийской одиссеи, скажу, что

Торгпредство наше было довольно большим за счёт специалистов дорожно-строительной, сельскохозяйственной и авиатехники, шедшей от нас сплошным потоком. До отъезда меня предупредили, что коллектив погряз в дрязгах и предложили его постепенно заменить. Я, понимая, в чём корень зла, вплотную занялся налаживанием быта: закончил строительство бассейна, заручившись разрешением Хун Сена, наладил для всех беспошлинную выписку товаров, развернул худсамодеятельность и занятия спортом.

Вдохновлённые новыми веяниями, мои спецы сами на субботниках построили из бамбуковых кряжей избушку на курьих ножках с флюгерным петухом на коньке крыши, раскрасив её в русском стиле. Объявленный конкурс на лучший проект, кстати, выиграл мой сын Артём, приехавший сюда на школьные каникулы, ему же и досталась роль в постановке шутливой стихотворной пьески, написанной вашим покорным слугой и поставленной на сцене посольского клуба. В избушке жёны наших сотрудников на зависть всей колонии по очереди пекли настоящие русские караваи, на которые можно сесть, а, поднявшись, наблюдать, как каравай медленно принимает прежнюю форму.

В общем, всё шло хорошо, наш коллектив занял в колонии все первые места в соцсоревновании, самодеятельности и спорте, народ сдружился и никого не пришлось выгонять. Эх, если бы не одно "но" – не по нраву я пришёлся послу, представителю старой гвардии и её школы. Для него я был мальчишкой, совминовским выскочкой, имевшим наглость на праздники надевать орденскую ленточку (он, называвший себя ветераном войны, имел лишь пару медалей послевоенного времени). Раздражало его то, что

руководители Кампучии, зная моё вьетнамское партизанское прошлое и памятуя приезды в числе правительственных делегаций, шли ко мне и по политическим вопросам, а я посылал шифрограммы с инициативными предложениями напрямую на место прежней работы, в Совмин.

Вот, скажем, как он проявил себя, когда приехал в Кампучку, в творческую командировку всенародно любимый Евтушенко. В середине выступления поэта на вечере в посольстве он демонстративно встал и вышел, бормоча что-то про откровенную антисоветчину. Едва дождавшись конца скомканного выступления, я отвёз Евгения Александровича к нам в Торгпредство, где его осыпали цветами и заставили читать стихи до полуночи.

Потом я доставил его к себе на виллу, где ждал уже парадный стол и главное блюдо – печёный удав величиной с бицепс боксёра Валуева

(постарались торгпредские девушки). Экзотика, к нашему огорчению, на

Евтушенко впечатления не произвела, зато на ура было принято следующее блюдо – молочный поросёнок, начинённый рассыпчатой гречневой кашей с потрошками, естественно, с хреном. Застолье закончилось далеко за полночь, и поэт был сопровождён кортежем в гостиницу, полностью заселённую нашими спецами, которые и установили за ним патронаж.

Евтушенко очаровал нас. В разговоре его внешность плотника средней руки мгновенно преображалась, освящённая внутренним жаром гениальности. На заре гений сбежал, о чём меня встревоженно оповестили по телефону. Оказалось, он по раннему холодку в одних трусах отправился трусцой купнуться в Красной реке. Ужас, в тамошней речной воде можно получить любую заразу, вплоть до тонюсенького червячка, заползающего в мошонку. Мною тут же была организована погоня, Евтушенко вовремя перехватили и отвезли поплавать на аэродром, где наши лётчики соорудили для себя бассейн с сауной.

Группа этих лётчиков, русских ребят из Киргизии с одним технарём-киргизом пилотировали и обслуживали единственный самолёт и несколько вертолётов, поставленных по линии братской помощи для передвижения местного руководства. Киргиз в основном исполнял обязанности главного повара и его коронными блюдами был шашлык и окрошка. Я тоже иногда пользовался в целях безопасности вертолётом.

Безопасность была, правда, относительной – однажды рядом со мной была наповал убита прошившей дно вертолёта полпотовской пулей курица, мирно дремавшая в тутовой

корзинке.

В сауну с бассейном я возил расслабиться достойных членов наших делегаций. Бассейн, конечно, громко сказано, это была ванна 3Х5 м.

Но зато на поверхности плавали ледяные блоки, где-то доставаемые лётчиками – представьте удовольствие после парилки да в ледяную воду, а оттуда к столу с холодной окрошечкой, а потом скворчащие, с пылу-жару румяные шашлычки из буйволятины да бутылочки из тазика с ледяным крошевом.

В полной мере это чудо оценил и наш уважаемый гость Евгений

Александрович. Поразил его и вид русской избушки-пекарни на фоне камбоджийских пальм. Много он фотографировал, обещал отразить свои впечатления в стихах. Не знаю, может, и выполнил обещание, что-то его редко печатают в последнее время.

А что касается моего конфликта с послом, то меня до срока тихо-мирно и без последствий вернули в Москву, где ознакомили с

"телегами" на меня, кои он отсылал в Центр. Чего там только не было, но главным обвинением служило то, что в пору развёрнутой на родине антиалкогольной кампании я "позволял" себе – сам-то он на приёмах демонстративно поднимал на потеху интернациональной публики бокал с нарзаном.

Вторым по важности было то, что я покусился на святее святых привилегии дипломатов, распространив беспошлинную выписку на простых сотрудников Торгпредства, и вообще распустил коллектив, потеряв при этом идеологическую бдительность. В Совмин я не вернулся, был назначен замом Начальника Главного управления МВТ, которое уже тогда возглавлял бывший зампред Совмина Катышев Константин Фёдорович. Он был понижен в связи с тем, что не пришёлся по нраву премьер-министру

Тихонову, по мнению которого был слишком молодым и задиристым.

Премьер полностью оправдывал свою фамилию, прослужив тихоней и лизоблюдом при генсеке Брежневе. Мельчали люди, то ли дело Алексей

Николаевич Косыгин, при котором я отслужил основной срок в Совмине.

Ну а Кампучка прочно поселилась в моём памятливом сердце да и глаз ласкают приветливые лица Будды и подруг его танцовщиц-бодхисатв в бронзе, дереве и камне взирающих на

меня с книжных полок и настенных витрин. Как и ружья с сабельками на стенном коврике. Одно оказалось заслуженным ветераном, судя по семи насечкам на прикладе, означающим число убиённых из его дула, а второе мой сынок, хулиган, даже опробовал, сделав немалую дыру в половом паркете. Ну да мы ковриком прикрыли, не видно.

Сценка на нижегородской ярмарке

– Что вы, мужчина, сомневаетесь? Отличная тёлка, берите, довольны будете, чистая, сертификат медицинский имеется. Да вы в глаза ей только гляньте, карие, с поволокой, прям мадонна, право слово, и реснищи, как у Лоллобриджиды. На ножки, на ножки обратите внимание, это ж форменный канкан, не у каждой такие. Животик подтянут, ни граммульки лишнего жира. Она у нас спортсменка, как припустит, ни один кобель не догонит, такая не застоится. Да вы сзади зайдите, не стесняйтесь. Вы такой зад видели? Это ж Венера Милосская чистого розлива. Мужские особи, извините, не мычат, а ревут, как оглашенные, слюны с полведра напускают. Как-то из-под Волоколамска одного привезли, он там всех тёлок покрывает, знаменитый самец, рекордсмен по этому самому делу, так он к нашей красавице ажник подступиться не решался, еле кнутом загнали.

– Да мне, женщина, знаете ли, не невеста нужна, а для здорового потомства.

– Ну, уж это, мужчина, верьте – не верьте, лучше её не найти. Уж такая мамочка хорошая да заботливая, как ребёночка родит, всего вылижет, ни на шаг от него, молока хоть залейся, как говорится, и дитяте, и вам нате.

– А как насчет жирности? Я жирное молочко предпочитаю.

– Тут вы не извольте беспокоиться. У неё не молоко, сливки чистые, я на нём всех своих деток вскормила. Бывало, от моей титьки дитя прямо к ейной тянется. Да что говорить, и сметанка на славу, и маслице взбиваем. А голосок-то, прямо Алла Борисовна, зайка наша. За версту от хаты слышу, идёт милая, мычит, молочко несёт. Не зря

Милкой и прозывается. Берите, мужчина, почитай, задаром отдаю, довольны будете. Я бы её, зазнобу, в век не продала, да муж замучил, продавай да продавай, трактор вознамерился купить, фермер недоделанный.

Вот учёные всё спорят, откуда мы произошли, то ли от обезьяны, ни с того, ни с сего труд возлюбившей, то ли на попутном метеорите в виде споры на Землю попали, то ли инопланетяне по своему образу и подобию ту же мартышку генетически модифицировали. Веру в Бога коммуняки подорвали, а вот в земное провидение, идущее от какого-то высшего начала, мне по простоте душевной всё больше верится.

Ну, не доходят до меня, глупого, такие понятия, как бесконечность пространства, эйнштейновские заморочки, мозги плавятся от подкинутого нам умниками вопроса: "Что первично, яйцо или курица?".

Хочется чего попроще, посермяжнее. Мне легче представить, что правит подвешенным в углу кухоньки нашим земным миром чудик-учёный, подстраивая его пинцетиком под им же написанный сценарий и под своё настроение.

А нам за правым плечом мерещится ангел-хранитель, за левым – чёрт паскудный. То один подтолкнёт на доброе деяние, то другой с понталыку собьёт и такого наворотишь, что сам же чёрт и не разберет.

А задумаешься о всевышней воле и приходит озарение: да все это от неё, женщины. Недаром бабьи угодники и непревзойденные знатоки её натуры, французы, говорят: "Чего хочет женщина, хочет Бог". Там, где мужичишка умишком своим сирым месяц раскидывает, женщина напрямую из космоса, на чутье, интуиции, враз и в точку. И уж если чего захочет, тут уж поперёк не лезь, всё равно с носом останешься. И чёрт ей не брат, она и с ним, коль подвернётся под горячую руку, разберётся ничтоже сумняшеся. И в каждой (вы наверняка замечали), хоть чуть-чуть, но от ведьмы что-то. А уж ворожить да привораживать – это их привычное родовое занятие.

Любой башибузук шумный, как кролик перед змеёй, раз глянул в глаза и затих бедолага. Всё, зомбирован по самый корень, и корешок сей на алтарь магического влечения несёт как подаяние, не мешкая.

Видели вы бабу, в дуду дующую? Нет. Это сам мужик на дудке играет, сам же под неё и пляшет, жену ублажая да норовя под юбку и каблук её забраться и раствориться в неге и воле чарующей.

В женщине всё, и чёрт, и дьявол, и царь небесный. Это она за мужиком стоит и тычками его вправо-влево направляет. Иной раз глянешь – Наполеон, а приглядишься и тень Жозефины

непременно узришь. В политике нет ума изощрённее, финансы женщиной и придуманы, чтобы было чем мужикам за её наряды расплачиваться. И всё больше из-за сцены, из-за мужниной спины, тихой сапой. Это мужик в барабан бьёт, литаврами хлопает, в ведре железном рыцарские турниры выигрывает, на амбразуру лезет, чтобы ей, королеве своей, потрафить.

А как иначе? Попробуй мужик заартачиться, каюк тогда, братцы-кролики, вымрем все как динозавры.

Недоразумение

Был я как-то приглашен на день рождения к другу еще с институтских времен. Обычно мучительный вопрос, что купить в подарок, решился вмиг. Как-то само собой нарисовалось. Представил друга в его убогой, заношенной донельзя кепчонке, зашёл в магазин на углу да и купил английское кашемировое кепи, чудо, а не головной убор. За ценой, как в песне поётся, не постоял, для друга никаких денег не жалко.

По своей застарелой интеллигентской привычке написал шутливую сопроводительную записку, постаравшись внести в неё некоторую интригу, кепку упаковал в подарочную бумагу и отправился в гости.

Там подарок – в общую кучу, записочку – другу, сам – за стол и пошло-поехало. Только чувствую уже к концу застолья, что-то не так с именинником. Бросает на меня злые взгляды, на перекуре на лестничной площадке отворачивается. Я его за рукав, мол, в чём дело, подарком не потрафил или еще чего? А он зло эдак: "Подарок как подарок, а вот за такие пошлые записочки по мордасам бьют, и сильно".

Я в шоке, что-то в мозгу замкнуло, а потом догадочка, как искра, мелькнула, кричу: "Тащи, гад, подарок!". И что вы думаете он приносит? Трусы, хорошие такие, из плотной ткани, с ширинкой на пуговках, в красную полосочку, но предмет нижнего белья, а не мой королевский убор. Тут я мысленно в новом свете прочёл его глазами свою записочку и окончательно всё понял. Вот она.

"Дорогой друг! Прими подарок от всей души. Надеюсь, понравится.

Фасончик самый изысканный, сзади дырочки для вентиляции, сверху – в меру легкомысленная пумпочка. Материал – кашемир, это тебе не хухры-мухры, носи не снимая до конца

дней своих – не сносишь. Можно и задом наперед, это сейчас модно. А волосы повылазят, не беда – кашемир еще лучше согреет до самой кочерыжки. При ходьбе натирает прикрываемое место и стимулирует прилив крови. А как это важно, сам знаешь, этим бесценным местом ты свой хлеб насущный зарабатываешь, стены пробиваешь. Бабы при виде тебя в новом приобретении косяком полягут. И жена теперь будет довольна. Сколько раз тебя просила, сними да сними, не позорься. Теперь будет не стыдно перед народом лихо снять с себя жестом мушкетёра. Целую то, на что ты его оденешь.

С днем возрождения. Примите заверения в моем совершеннейшем почтении, и прочая и прочая".

Армагеддон

Вот те крест, истинная правда это, да разрази меня гром, если хоть сколечко совру. Нагрянули ко мне в прошлое воскресенье, к вечеру уже, двое ребят. Симпатичные такие, статные, оба блондины голубоглазые, нордический тип словом. Говорят, мол, сами мы аннунаки, прибыли с планеты Нибиру, она двенадцатая в солнечной системе, а не видите вы её, потому как вращается по больно вытянутой орбите и к Земле приближается раз в три тысячелетия. Тогда у вас и появляемся. Короче, принимай, командир, родственников, ибо это мы жизнь сюда занесли, а потом по своему образу и подобию вас, землян, из всякого зверья неразумного вывели.

Ну, я, как водится, приглашаю на кухню, с поклоном усаживаю, на стол что Бог послал мечу, из холодильника достаю её, подзамёрзшую со слезой, наливаю в стакашки гранёные по первой, со свиданьицем. Тут они мне и говорят, причем губами не шевелят, а мне в голове всё слышно, что прибыли с печальной миссией. Мол, эксперимент признан неудачным, люди надежд не оправдали, войны, смертоубийства, аморалка со времён Содома и Гоморры. Землю всю расковыряли, нефть да уголь повыковыривали, в небе дырки озоновые навертели, заповеди аннунака-посланника "Не убий!", "Не воруй!", "Жены соседа не возжелай!" и другие разные не выполняем. Короче, решено устроить на

Земле Армагеддон, то бишь полный абзац, а эксперимент заново начать.

Я им "Позвольте, господа!" и шустро так по второй, мол, "С

благополучным прибытием!" и без передыха по третьей, а сам прошу:

"Дайте высказаться!". А они: "Да что там говорить, что тут сказывать? Армагеддон так Армагеддон, мы и зашли-то случайно, попрощаться, на вашу крышу приземлились". И рюмки дном кверху: "Всё!

Аннунаки свою норму знают, нам еще работа предстоит". Я им: "Ребята, позвольте уж тогда за упокой души раба божьего!".

Достаю из бачка унитазного энзэ, что подальше от тёщиного глаза заховал, разливаю и волнительно так: "Братцы! Не ко времени прибыли, только жить по сути начинаем, товарищей разогнали, друг дружку господами стали величать, казни мораторием отменили, зарплаты до жизненного уровня довели, пенсии на 2 процента подняли. За терроризм с преступностью взялись так, что сами дрожим, олигархам кирдык сделали, на электричество рыжего (они у нас самые мудрёные на Земле) посадили, теперь с утра ток завсегда есть. Мой племяш Митюха сказывал, у них в НИИ скоро термоядро холодное произведут, энергии будет хоть ртом хлебай, землю-матушку в покое оставим. А дыры в небе, не извольте сомневаться, залатаем как денег подсоберём. Со своими чеченами разберемся, будем евреев с палестинянами мирить, там наших много, послушают. Я уже с соседом Соломоном Моисеичем договорился им подсобить. И Президент у нас молоденький, только-только силы набрал, дайте дослужить".

Короче, с трудом, но уломал я инопланетян, обещали подождать с

Армагеддоном до следующего приезда. Правда, пришлось за третьей к соседям смотаться, ради такого случая одолжили до понедельника.

Загустели немного ребята залётные. Отнес я их на крышу, по лучу из тарелки ихней, аки по лестнице, вверх забрался, по каютам уложил и ручкой помахал. Вернулся сильно поуставши и в койку, а наутро, глаза как протер да опохмелился, думаю, надо оповестить народы. Хорошо, аннунаки на меня напали, а ну как ненароком опять нагрянут да к Баши туркменскому или Бушу какому-нибудь забредут. Армагеддон всем тогда без всякого абзаца.

Написал всё как есть и отправил. Только вот не знаю, поверят ли в редакции, неровён час, переадресуют в корзину. Но если это я с тобой, уважаемый читатель, балакаю, значит поверили черти, дошло моё послание.

Энлонавты

Приехали как-то Ваня с Маней на дачу отдохнуть от трудов праведных, а тут на их шести сотках тарелка НЛО приземлилась. И выходят из неё тоже мужик с бабой, по виду такие же, как мы.

Говорят:

– Хотим провести научный эксперимент по части секса с вами.

Ну, Ваня с Маней согласились, конечно, ради эксперимента и налаживания отношений с космическим братством. Разошлись по комнатам, разоблачились. Тут Маня и говорит:

– Что-то маловато у вас в одном месте, товарищ…

А тот:

– Минуточку!

Подкрутил правое ухо, и гениталии его в размере аж в десять раз возросли. Закончили обе пары эксперимент, энлонавтов, по малой толике нашенской на дорожку приняв, проводили.

Ваня вот и интересуется:

– Ну как, Маня, у тебя это дело прошло?

А она:

– Классно, Ваня, как у нас и даже лучше! А у тебя, позволь узнать?

– Да тоже нормально, только странная она какая-то, всю дорогу мне правое ухо крутила, крутила…

Подтекст

Помните, недавно еще совсем, жили мы удивительной жизнью?

Говорили одно, думали другое, плакать надо – смеялись, оборжать что следовало – с миной умиления на физиономии аплодисментами приветствовали. Как вам такая в прошлом обыденщина: "Весь советский народ с чувством глубокого удовлетворения воспринял решение горячо любимой партии и лично… поддержать самоотверженную борьбу революционных повстанцев племени мумба-юмба с марионеточным правительством, ставленником американского и международного империализма"? Уф, еле выговорил эту тарабарщину, а ведь кормили ею нас многие лета. Неудивительно, что и посейчас кое у кого мозги набекрень.

А помните нелепые журналистские ляпы, которые звучали скрытой издевкой? Например, призыв "Комсомолки" тех времен во всю первую страницу "Если делать, то по-большому!". Или такой впечатляющий для хорошего воображения пассаж: "Диктатор Батиста, запрятавшись от восставшего народа в глубокое подполье, мучительно пытается оттянуть свой конец". Невольно вспоминаю справку, выданную в деревне нашей домработнице (по-нынешнему, прислуге): "Настоящим удостоверяется, что такая-то такая-то под немцем была, но связи с ним не имела".

В общем, жили постоянно с фигой в кармане, на кухне под горькую водочку с немудрёным закусоном проверенным друзьям на ухо шёпотом анекдоты политические рассказывали. Слава Богу и Горбачёву, оклемались маленько после Ельцинской шёлковой революции, стали забывать Эзопов, он же птичий язык, раба из себя по завету Герцена литрами выдавливаем. Но всё же глубоко сидит в нас Януса двуликого привычка. Да и как тут резать правду-матку на каждом углу да активно возлюбить ближнего? Не поймут люди наши. Подставишь, по заповеди, правую скулу после хука в левую, так такой апперкот в поддых получишь, мало не покажется.

Вот и продолжаем по-Брежневу. "Будьте любезны, пригласите к телефону вашего мужа, это с работы беспокоят". А жена слышит: "Ну, ты, старая карга, зови своего тюфячка", – и думает: "Знаю твою работу, кобыла крашеная, да отбивай моего троглодита пузатого, сама потом намаешься". А вслух: "Любимый, возьми трубочку, это Милочка".

"Дорогие сограждане!", – слышим мы торжественное обращение высокопоставленного чина, а слышим: "Да пошли вы все куда подальше, достали оглашенные, надоели хуже горькой редьки со своими проблемами". Друг при встрече: "Привет, старик, как живешь-можешь?", а в подтексте – "Да чтоб ты сдох, обормотина. Куда глазки-то прячешь? Как в Нинку мою ими стрелять, так Александр Матросов, а как долги отдавать, так сразу окосел и стушевался".

И детки туда же. "Папа, какой же ты у нас хороший" значит

"Предок, дай полтинник на пиво, не жмоться!". Получил – слезы благодарности на глазах, а вышел к друзьям, слышится: "Совсем задолбали шнурки чёртовы, типа, рубля не допросишься". Дочка, еще и пяти нет, подруге: "Какая ж ты красивая в новом платьице", а мне:

"Чего ж это она уродиной такой уродилась да ещё платье совсем не к лицу".

Да, много злобы, зависти чёрненькой внутри себя накопили,

хорошо, что ещё сдерживаем, не распрыскиваем, как поливомоечная машина, вкруг себя, обороняясь показной вежливостью и душу облегчая подтекстом, часто обременённым матюжком. Когда вы последний раз видели, чтобы даме ручку целовали? Ах, на сцене Алле Борисовне

Галкин чмокнул? Уверен, в зале за аплодисментом слышалось "Хочет от примадонны чего-то, птенчик чернявый". Так и живём, как в театре, на сцене по сценарию, про себя по нутру своему.

Давайте всё же попробуем мыслишки свои, как птичка пёрышки, почистить, приучиться людей поминать не по матери, а по батюшке, в присутствии дамы вставать и ручку всенепременно облобызать, и первый тост за неё по-гусарски, а в споре – по-рыцарски, в общении – по-джентльменски, и ко всем – с улыбочкой, и во всём – по-людски.

Тогда и подтекст сам собой отомрёт и жизнь полегчает, райскою покажется, аура вокруг голов проявится. Эх-ма, дожить бы.

Обращение

Теперь уже повсюду слышится обращение "мужчина" и "женщина", прямо как название известного французского фильма выкликают. Как будто все разом решили разобраться в половой принадлежности особей новой капиталистической формации. То ли дело раньше… Все одинаково были товарищами. Кстати, филологи считают, что слово товарищ происходит от "товара" и когда-то так обращались друг к дружке собратья по трудовой артели. А после революции, той, которая потрясла весь мир, все разом стали товарищами и выстроились на много-много лет в гигантские очереди за этим самым товаром.

Упростилось всё донельзя, не надо ломать голову, а то ведь, скажем, на Востоке надо тонко уследить разницу в возрасте, в положении и выбрать соответствующее обращение, а их уйма. К примеру, в Китае или во Вьетнаме, обращаясь к старшему по возрасту, себя униженно нарекаешь племянником, к равному, но с уважением – младшим братом, хочешь подчеркнуть свое превосходство – старшим братом и так далее. Это как у нас на Кавказе, с тостуемым чокнулся, держа рюмку пониже – проявил уважение, чуть выше – выпендриваешься, вровень рюмки сдвинул – кунаки мы с тобой.

Правда, при коммуняках сохранялись и другие обращения.

Продавщица, например, или официантка – "девушка", если даже из нее песок сыпется, а вот официант уже "товарищ официант" и продавец тоже уважительно "товарищ", не говоря уж о начальнике любом. Сталин – только товарищ, министр тоже, а вот замминистра можно было по имени-отчеству. Сохранилось обращение "дама", но только в контексте

"Дама, куда ты, падла, без очереди прёшь?". Барин проходил только во фразе "расселся как барин", барыня – "ишь, раскричалась", барон – почему-то только в словосочетании "фон барон". Если кого называли интеллигентом, то только презрительно и с обязательной добавочкой

"сопливый". Было да и остаётся всеобъемлющее – "Эй ты там!".

Интересно решили проблему универсальности в обращении на Западе.

К кому хошь можешь обратиться "экскюз ми, плиз" и не путайся в

"мисс", "миссис" и "мэм". А помните, как у нас начинался "господин", уже после Ельцинской революции? Это ж умора была: "А не подлить ли

Вам, господин Иванов, водочки свеженькой?". Да и посейчас еще не устаканилось, особенно когда господином называют крестьянина в телогрейке или бывшего гегемона в тельнике. Пообвыкнем небось. Я бы вернул и старинное обращение "барышня", только, боюсь, опять смех будет на первых порах. Ну как нашу современную девицу с декольте до пуповины и в "мини", извините, по самое ай-ай-ай барышней назвать. А ведь начиналось с наивной шуточки: "Уже и чашечки видны, скоро весь сервиз появится". Вот и появился, слава Богу, не хуже импортного.

Ну, да ладно, давайте друг друга мужчинами и женщинами обзывать, пока на господ и дам не слишком похожи. Лишь бы не дошло до

"Единодушно выражаем наше горячее одобрение родной партии и лично господину…".

Водочка

Вот начал писать, а рука дрожит, не потому, что вчера перепил, а потому, что боюсь сразу впасть в тональность оды или

серенады тому напитку, что в названии. Ведь, заметьте, слова "петь" и "пить" одной лишь буквой различаются, да и тема весьма и весьма деликатная. Но уж больно хочется защитить от постоянных нападок этот божественный для души и тела нектар, не раз меня в жизни выручавший и от её опасностей уводивший. Сразу оговорюсь, сам не алкоголик и в других этот экстремизм не уважаю, но восхищаемся же мы красотой грозного кинжала и его полезность признаем, хоть он жизнь и здоровье людей уносит.

Уж как её, водочку, не били, и "сухим" законом при царе-батюшке, и горбачёвскими указами, но выдюжила всё и жива, голубушка. И женский максимализм в формуле "Все мужики – пьяницы" не приемлю, так и хочется им мягко так возразить: "А вы зато на стенку писать не умеете". В чем же сила и сладость её, ставшей нашей национальной гордостью как Наполеон для французов или "Мерседес" для немцев?

Перво-наперво, ни с чем не сравнимое средство сближения человека с человеком. А это дорогого стоит. Ведь все мы в энергетическом поле, ауре личной, как в коконе живем. Вспомните, как раздражает вас чмо неразумное, который за пуговицу хватает и в ухо дышит, изображая дружеский разговор. У такого своё поле хиленькое, так он от вашего подпитывается, вампир несчастный. Так и хочется его из своей тридцатисантиметровой зоны вытеснить, как нарушителя границы, в нейтральные воды. А сядешь даже с таким, как положено, за стол, поставишь бутылку пограничным столбом, выпьешь по первой со свиданьицем и, глядишь, полегчало и нутро нежное проявляется. Ведь как, бывало, с попутчиком в вагоне, до первого стакашка и знать не знал, и ведать не ведал, а ещё бутылку не уговорили, а уже друзья не разлей вода и душу готов наизнанку вывернуть. Ещё моя бабушка говорила, что непьющий в принципе вызывает подозрение.

При коммуняках было это надёжным средством выявления "стукача", а в них чуть не каждый десятый ходил. Спрашиваешь: "Знаешь такого, каков человек?" – тебе отвечают: "Знаю лет десять, но не пил ни разу, ничего сказать не могу". Бутылку с человеком распить – как пуд соли вместе съесть, не на закуску, конечно, а фигурально выражаясь.

И сразу видно, пошёл бы с таким в разведку или на колхозном гектаре рядом не присел.

Во-вторых, дезинфектор не чета никакому лекарству. Можно сказать, на собственной шкуре испытано. В конце шестидесятых пришлось в войну работать во Вьетнаме, канализацию, водопровод американцы разбомбили, некоторые из наших от заразы разной полегли, но только не те, кто выполнял

рекомендацию врача перед приёмом пищи принимать по сто грамм. Замечено было, кто другими средствами оберегался, на третий день после приезда уже маялся с животом, если вовремя не спохватился, – жди амёбной дизентерии. А от неё, как и от многих других болячек, опять же водочка помогает. Вот случится, не дай Бог, у вас грибок, попробуйте её с подсолнечным маслом напополам, вмиг проходит, хоть жаль, конечно, на такое дело водочку пускать.

Идём дальше. Страх ничто так не снимает. Те же 100 грамм наркомовские в войну не зря выдавали перед атакой на немчуру. Опять же из моей практики. Идёшь с вьетнамской охраной по партизанской тропе Хо Ши Мина, подходишь к пропасти, дна не видать, а мост курам на смех – бревно бамбуковое. Вьетнамцы-то к такой эквилибристике привычные, а у нас все поджилки трясутся, бледно же выглядеть на фоне сложной международной ситуации совесть партийная не позволяет.

Отходим за куст, якобы по нужде какой, из рюкзачка заплечного достаём (а у нас всегда с собою было), принимаем антистрахин, раз – и на том берегу.

Правда, из снисходительного уважения к неумехам – "лиенсо" (так звучит по-вьетнамски "совок") протягивали для нас какую-нибудь лиану, чтобы было за что, кроме воздуха, держаться. Ну, и на привале, конечно, это средство (не лиана, конечно, а водочка) здорово помогало. Ведь там всё, что мало-мальски шевелится и мяукает

– в пищу идёт. Ну, лягушатинка ещё куда не шло, а попробуйте гусеницу чуть прижаренную заглотать, только как закусь и можно.

Конечно, как и во всём, меру надо знать. Рассказывают, был при

Сталине министр угольной промышленности некий Приходько, его именем шахты до сих пор на Украине названы, а мудрые мысли – в народе живут. Например, его философская доктрина – "Не наше дело рюмки делать, наше дело водку пить". Так вот, настучали доброхоты вождю всех народов, что, мол, зашибает он крепко, но Сталин, уж на что кровожаден был, а тут твёрдо так говорит: "Этого не трогать, он свою норму знает". Видать, заметил как-то своим тигриным глазом. Только не надо себе поблажки делать, а то некоторые кокетничают: "Я свою норму принял, другим человеком стал, а другому тоже выпить охота".

Ну, и, конечно, как без неё, родимой, в праздничную страду, кусок в горле застрянет, повесишься с тоски зелёной. Недаром по-латински прозывается "аква вита", что по-русски значит

живительная влага, а наше название идёт от слова "вода". Кто ж спорить будет, что без воды и не туды, и не сюды. Эх-ма, чувствую, тост назрел.

Итак, за неё, чистенькую, не "палёную", живительную, на радость и на здоровье наше, в меру и до донышка нормы, только напоследок – на посошок да стременную, тихохонько, соседей не беспокоя, ура троекратное, друзья и товарищи!

Ностальгия

В самом центре столицы, на Тверской-Ямской, и без того богатой развлекательными заведениями, с помпой открылся новый ресторан-шалман "Ностальгия", освящённый, как водится в наше время, батюшкой из соседнего храма. На церемонии открытия тусовался весь бомонд Москвы, на счастье и процветание предприятия о стену была разбита трехлитровая бутыль самогона-первача, придавшая атмосфере ресторана непередаваемое амбре. Глазам приглашённых открылась душераздирающая картина чего-то до боли знакомого и родного.

Зал обшарпанный донельзя, у окон с тяжёлыми траурными гардинами захирелые кактусы в деревянных кадках, на потолке – люстра "Каскад" устрашающей величины. Затёртый паркет с подозрительными разводами, стены подзаборного тёмно-зеленого цвета, на них канцелярскими кнопками пришпилены объявления: "Четверг – рыбный день", "Поел – отнеси грязную посуду на кухню", "Не сори – уважай труд уборщицы",

"На пол не плевать", "Чаевые унижают советского человека" и "Да здравствует воспитанный клиент – строитель коммунизма!". В центре, за вечным огнём из газовой горелки, стенд передовиков производства общепита и победителей социалистического соревнования.

Меж столами не торопко бродят в постоянной дрёме официантки необъятных размеров, сзади нередко принимаемые за модные в 50-х годах шифоньеры, в ажурных передниках даже не третьей свежести. Из алкоголя подаётся исключительно коктейль "Советский", состоящий из

"Столичной" с "Пшеничной" фифти-фифти, в гранёном стакане с отпечатками пальцев всего обслуживающего персонала. В меню обозначено одно грузинское вино, но при заказе оказывается, что это всего лишь фамилия хозяина заведения. Пиво только "Жигулевское" с кисловатым привкусом верблюжьей мочи, разлитое в помятые алюминиевые кружки. Для затравки и поднятия настроения за отдельную плату выходит косоглазый и горбоносый артист лёгкого жанра с железной

"фиксой" на переднем зубе, в тельнике, при чёрной бабочке, и поливает вас под бурные аплодисменты матюгом без передышки и повторов от пяти минут до получаса согласно прейскуранту.

На первое – борщ помойного цвета, с кусочками оплывшего жира и кружочком сельдерея, на второе – котлеты по-киевски

цвета бледной спирохеты, с тухленьким запашком, и с картофельным пюре на воде. На третье – жиденький чай в железном подстаканнике с изображением звёздного Кремля либо лика отца всех народов. Кроме этого, в меню не слишком много блюд, да и то не все всегда в наличии. Зато названия чаруют слух. Вот извольте, списал втихаря:

– Овсянка "Сэр";
– Салями "Алейкум";
– Гуляш по коридору;
– Гегемон под гнётом;
– Отбивная по почкам;
– Каша древнегреческая;
– Сбитень "Мессершмитт";
– Рыльце в собственном пушку;
– Мозги куриные по-министерски;
– Батон нарезной 45-го калибра;

Оркестр беспрерывно наяривает новый гимн со старым текстом, солисты в форме хора Александрова за пятихатку "в лапу" фальшивят на тему "Подмосковных вечеров" и "Марша энтузиастов", в перерывах оглашаются "Вести с полей" и "Рабочая пятиминутка". В вазе среди завядших искусственных ромашек болтается плохо скрытый микрофон, и в конце застолья клиентам приносят магнитофонную бобину, предлагая на выбор или выкупить её, или провести остаток ночи в кутузке КГБ.

Приблатненный амбал с прыщавой рожей уголовника с "зоны" обходит столы и предлагает папиросы "Беломор-канал" по двадцатнику за пачку и сигареты "Стройки коммунизма", набитые древесной трухой. В дальнем конце задымлённого зала – импровизированный тир, вместо мишеней бюсты выдающихся политических деятелей с 1917 года по наши дни.

Стрельба ведётся холостыми из "Калашей", но число попаданий выносится компьютером на лазерный экран вверху. Там же в углу, рядом со столиком с увесистой жалобной книгой и огрызком карандашика на верёвочке, чтобы не спёрли, располагается букмекерская конторка, принимающая ставки на конечный результат зрительских симпатий. После зависания компьютера на счёте по Чубайсу, его заменили на более продвинутый (компьютер, не Чубайса). Попаданий во Владимира

Владимировича не отмечено.

И при всём при том, вопреки самым мрачным прогнозам, ресторан пользуется бешеным успехом, праздная публика валом валит и по старинке переплачивает за вход строгому, облачённому в ливрею швейцару, суя купюры заученным жестом в его необъёмный карман.

Ева

Иногда создается впечатление, что Ева была создана в результате долгого торга Адама с господом Богом. Видимо, за изначальный вариант

Боже запросил неподъёмную для первого мужчины цену, и сторговались в конце концов на одном ребре. Вот и получили мы из-за мужского жмотства то, что имеем. Нет, сначала, в девичестве, чувствуется в ней задуманное в божественном творческом порыве, но как отгремят последние аккорды марша Мендельсона, как настанет бытовая рутина семейной жизни с чёрным трудом день-деньской на кухне, детскими горшками, бесконечными стирками и уборками, мужем колодным на диване в дрёме перед телевизором, да еще ночью в койку, как на работу во вторую смену, тут и попёрла из неё дешевизна купленной Адамом божьей программы. И нечего женщину в обиде, подчас неправедной, "дешёвкой" называть, сами, можно сказать, не доплатили, а скупой, как известно, платит дважды.

Придется замаливать грех, мужики, Бог терпел и нам повелел. Надо признать, что всё же за одно паршивое ребро, которому и цена-то красная в базарный день три копейки, получили не так уж мало. Если труда, денег, времени не пожалеть, отдача сразу сказывается, и отдача сторицей. Видно, в этом и состоит гениальная задумка

Всевышнего, продать по дешёвке, а на запчастях и техобслуживании сбытого товара получить упущенную прибыль.

Посудите сами. Взять любую дурнушку со стервозным характером, приодеть, намакияжить, причёсочку фасонную изобразить, колечки там с висюльками блескучими приладить, на худой конец к хирургу-косметологу и психотерапевту сводить да еще улыбнуться ей душевно и пары ласковых слов не пожалеть – принимай в объятья со слезами возрождённого счастья на глазах Венеру Милосскую с цельными ручками. Да даже без этого они не так уж плохи. Проведите простой научный эксперимент, посадите жену за стол твердой рукой, нацедите себе в мензурку граммулек сто, время по секундомеру отметьте, махните, глаза зажмурив, а потом медленно открывайте. Будто пелена дьявольская с глаз спадёт и истинную красоту избранной подруги жизни узрите.

Опять же с чисто экономической стороны подойдём. Не поленитесь, посчитайте, во что обошлись бы нам годы,

проведённые в супружестве, если бы остались холостыми. Да на одних дам легкого поведения

(кстати, кто назвал этот труд лёгким, не иначе очередной жмот, чтобы сбить цену) пошло бы столько, что только по этой статье (халява, сэр) мы в неоплатном долгу перед женой. А завет божий "Плодитесь, размножайтесь!"? Что-то я не слышал, чтобы для реализации этой жизненно важной детерминанты народ потянулся к любимому певцу Борису

Моисееву.

Ведь до чего дошло, женщина, можно сказать в практически обнажённом виде в бар заходит, а мужик и глазом не поведёт, только бармен и удивляется, откуда она денежку достанет, чтобы расплатиться. Куда ушла её чарующая таинственность, которая заставляла поэтов воспевать чуть мелькнувшую на виду, а уже сводившую с ума щиколотку? Вот ломает народ голову над загадкой улыбки Джоконды, а отгадка-то в нас самих. Это рукой гениального провидца Леонардо царь небесный водил в затаённой надежде подправить своё первое одушевлённое произведение мужеску полу и намёк ему подкинул. Ведь так и ведёт себя художественный творец, всё ему мало и рука тянется улучшить свой шедевр.

А мы чаще поступаем как криворукий кустарь, не получилось и "Баба с возу – кобыле легче". Лень это мужская и несмышлёность. Конечно, чем жене помочь ребёнка своего отмыть да сопли вытереть, легче да веселей нового сделать, а чуть что не по нраву – налево в нычку откосить, где тебя не "пилят" и не дураком недоделанным называют, а милашкой, за ушком почесывая. Что-то мне в минуту озарения подсказывает, что мудрее будет напрячься и поработать над полученным материалом, а допреж всего – над собой неразумным. И да поможет нам

Бог!

Виагра

Как-то воскресным утром после творческого вечера в ресторане

"Пегас" проснулся поэт Вергилиев в своей тёплой постели. Вставать не хотелось, за окном чувствовалась хмурая слякоть и караулил неуютный до богомерзости окружающий мир. Поэт скосил глаз налево, там раскинула свои пышные телеса и

похрюкивала в сладком сне супруга

Аграфена Васильевна. Он вяло потянулся, подоткнул стёганое ватное одеяло под подбородок и, дремотно вновь веки сомкнув, задумался.

Мысли потекли привычной чередой, лениво цепляясь одна за другую, отправной была "Что-то надо делать".

А делать надо потому, что последнее время всё сильнее ощущал он в себе нарастающее физическое, а от него, как считал, и творческое бессилие. Смотался к знакомому гипнотерапевту Лихоедову, занялся по его совету аутогенным погружением в медитацию, но и в ней мысли тревожные доставали и душу теребили, заглушая внушаемую мантру "я половой гигант, я половой гигант". Стал подумывать о виагре, встречая в подъезде дышащего силой и здоровьем с отдушиной дорогого коньяка семидесятилетнего соседа, отца пятерых детей (последнему – три года). Однако, прикинув свои последние поступления от хилого словотворчества, от мысли отказался, решив, что не стоит Аграфена такой жертвенности.

Оставалось на её супружеские заигрывания ответить либо жалостливой просьбой о реструктуризации супружеского долга, либо собраться с духом и вовсе объявить жене дефолт. А как всё хорошо начиналось… После первой брачной ночи весь день в голове вертелся незатейливый мотивчик марша Мендельсона и почему-то стала, как у

Ахиллеса, чесаться левая пятка. Значит, крепко зацепило амуровой стрелой, – подумал тогда ещё студент литфака Вергилиев, приучавший свой мозг мыслить поэтическими образами. А теперь, видно, пришла пора, вооружившись зубилом и молотом, расковать себя, освободив от цепей Гименея.

Тут из-под его корсета жёстких моральных принципов вылезла змейкой-искусительницей одна фривольная мыслишка, мол, не пора ли блудануть, и высветила в памяти поэта подзабытый Люськин адресок, по которому не раз бегал спортивной трусцой. Почему-то на ней любилось легко, привольно и, главное, без виагровых проблем, в голову вползали в такт мерным и сладостным колебаниям оригинальные рифмы, в антрактах, то бишь между актами, в неге и истоме сами собой слагались свежие лирические вирши, которые тут же хотелось пропеть под гитару и тащить вечно хмурому литредактору.

Свят-свят-свят, пресвятая богородица, – шепотком просипел

Вергилиев, мелко крестясь и сплёвывая за левое плечо, – ну и чертовщина в голову спросонья лезет, вставать пора. И он осторожненько, чтобы, не дай Бог, не разбудить жену, ужом выполз из супружеской постели, бодро встряхнулся и пошел на

цыпочках в гостиную, на ходу спортивно потягиваясь и проигрывая в голове новый комплекс физупражнений, подсказанный всё тем же другом Лиходеевым.

Немного об этом

Извините, что начинаю с лягушек, но уж больно уморительно они совокупляются. Чувствуется, охочи до этого, как и "лягушатники" французы. Взлезает самец (вестимо, не француз) на самочку, глаза вылупит донельзя и с самым серьёзным профессорским видом отдается инстинкту продолжения рода. Хоть бы квакнул от удовольствия да улыбнулся, рот ведь до ушей. Другое дело "гекко", маленькая золотистая ящерка с милейшей мордашкой, обитающая в Юго-Восточной Азии.

Эта, вопреки всем законам эквилибристики, может совокупляться на потолке. Самочка ловким движением проворачивает тазобедренную часть тела на 180 градусов, а потом ещё язычком в губки целует столь же проворного мальчика под-над собой. И глазки всегда весёлые и умные, не чета квакуше. Обожает жить с человеком в комнатах, где для них предусмотрены в потолочных углах вроде как ласточкины гнёзда, питается залетающими комарами и другим гнусом, за что человеком и пригрета.

О гекконе бытует легенда, что был это красавец юноша, сын богатого мандарина, оставившего ему большое наследство. Да вот загулял сынишка, денежки промотал, много безобразий учинил, но вовремя опомнился, лик свой Будде обратил и испросил милости замолить грехи свои тяжкие перед человеком. Потому и обращён был в ящерицу, живёт рядом, комарьё кусачее изничтожает, за человеком с любовью исподтишка наблюдает, а глянешь в глаза – стеснительно скрывается в гнездышке.

Дело было во Вьетнаме, зашла как-то ко мне бухгалтерша, еще и присесть не успела, а Геккоша мой, видимо, от изумления невидалью

(по холостому статусу и строгому загранкодексу женщины меня не посещали) свалился с потолка и угодил прямиком в декольтированную межгрудную щёлочку. То-то крика и суеты было, пришлось и платье скинуть и бюстгальтер рассупонить, тут уж не до стыдобы. Отодрал цепкого геккона, бухгалтерша наутёк, я ему пальцем погрозил и вижу, улыбается мне с потолка чертёнок, мол, здорово повеселились. Ну, разве на такого

обидишься?

А в Таиланде жили у нас мартышки Клёпа (ласково от полного имени

Клеопатра) и Ромка (от Ромео), приковали их за длиннющую цепь к росшему на нашей территории гигантскому манговому дереву, с которого местные мальчишки прежде мешками сочные плоды приворовывали. С появлением обезьянок кончилось их золотое время. Еще на подходе слыша угрожающее верещание, правильно понимали предупреждение и удалялись. Нам же срывать плоды разрешалось, и вообще, за малым исключением, мартышки людей любили, а в исключение, как ни странно, попадали те люди, что и у нас уважением не пользовались.

Друг друга Ромка с Клёпой любили пламенно, но дальше поцелуйчиков и имитации ловли друг у дружки блох в шерсти на людях не шли, предпочитая заниматься плотскими удовольствиями лишь в густой древесной листве. Это вам не гамадрилы в им посвящённом индийском храме. Эти обнаглевшие божьи твари, пользуясь вседозволенностью и почитанием наравне со священными коровами, стыда не знают и развратом занимаются на глазах туристического люда, так что у мамаш руки отсыхают детские глазёнки любопытствующие прикрывать.

Закончу детским воспоминанием на эту тему. Как-то мужик у нас, в

России, принялся случать корову с быком ну прямо в двух шагах от забора нашего пионерлагеря. Известие об этом разнеслось в мгновение ока и вся ребятня повисла на заборе, наблюдая это дело. Девочки, разумеется, стушевались, в кучки сгрудились и запричитали: Какой кошмар, какой кошмар! И старшей пионервожатой тут же, конечно, наябедничали. Та мигом прилетела, на забор взобралась и ну отчитывать мужика, мол, такой ты рассякой, как можно при детях, сам своей головой поработай, на что мужик в духе старого анекдота ей ответил со смехом: "Могу и я, но у моего быка оно лучше с коровой получается".

Так что приходишь к выводу, что у зверей разных, как и у людей, любовные дела по морали и поведению зело различаются, видимо, кто генетически ближе к Ноевой паре своих прародителей, в том и ума со скромностью больше.

Геночка

В пору моей работы в Минвнешторге была там одна проблема для молодых сотрудников. Огромное значение имела характеристика, особенно при выезде в загранкомандировку. Характеристика эта состояла из набора устоявшихся клише, про холостого так и писали, мол, холост, ранее в браке не состоял. А дальше полагалось отметить, что имярек политически грамотен, морально устойчив, в чём и состояла закавыка. По заскорузлой логике отдела кадров, если ты холостой, то быть морально устойчивым не можешь, а если можешь, то "голубой", что ещё хуже. В общем, классический заколдованный круг, который, как вериги на ногах, мешал карьере.

В помощь таким бедолагам и возник один на нас, торгашей, и

"мидаков", то есть ребят из МИДа (работали-то все в высотке на

Смоленской), полуподпольный клуб холостяков. Возглавил его начинающий дипломат, милейший хлопец Геночка. Сам он был, что говорится, метр с кепкой, правда, справедливости ради следует сказать, на кепку приходилось сантиметров шестьдесят, к тому же ладно скроен, на лицо пригож и, главное, пользовался славой невиданного бабника. Поставлено дело было на серьёзную ногу, сначала теоретическая часть с лекцией одного из членов на тему женщин как таковых, их специфики при выходе под венец и применяемых для сокрытия внутренних и внешних изъянов уловок.

Но самой сладенькой частью заседаний были практические занятия.

Наскоро похлопав выступавшему, споро накрывали стол, и Геночка доставал свой знаменитый талмуд с телефончиками. Все замирали в трепетном молчании перед вершимым Геночкой священнодейством, а он, небрежно бросив трубку на рычаг, объявлял: Девочки будут через двадцать минут, есть время для двух тостов, мне для настроя, вам для храбрости.

Как он пил, отдельная песня. Рука в грациозной истоме возносила рюмку к губам, очи заволакивала мечтательная дымка, божественный нектар изливался в пищевод легко и как бы даже эротически. Пытались подражать, но нет, получалась жалкая пародия. И всё же основная грань таланта маэстро раскрывалась с появлением дам. Это было художественное яство для Станиславского, который, будь он с нами, хлопал бы в ладоши с криком "Верю!". За столом, забывая своих кавалеров, а были среди нас и истинные гренадёры, девушки внимали любому Геночкиному слову, каждая норовила дотянуться и чокнуться, обращая лишь ему обворожительные улыбки.

Кульминацией застолья был его традиционный тост "за дам-с!".

Геннадий вставал с царственной ленцой, по-гусарски заводил левую ручку за спину, локоток правой подтягивал строго до уровня плеча, рюмочка чуть касалась низа подбородка. Казалось, что возвышался он над столом, на голову превосходя всех. И ни слова более, только крещендо точно выдержанной паузы и одно величественное "буль".

Девушки бессильно обмякали, мужики в смущении, как будто ненароком подглядев акт коллективного соития, торопко опрокидывали свои рюмки и на ощупь цепляли вилкой селедочный хвост.

Кстати, авторитет Геночки зиждился ещё и на его просветительских способностях. Он, приобщившись к западному стилю жизни, привнёс в нашу компанию, к примеру, глинтвейн. Привнёс в прямом смысле, т. е. как-то притащил на заседание клуба бутылку с этим странным напитком и ознакомил с рецептом приготовления и компонентами (красное винцо, специи, цитрусовые и др.). Как-то раз в его отсутствие мы решили сварганить этот самый глинтвейн, но, исходя из наличия ингредиентов, в качестве специй использовали чёрный перец, цитрусовыми послужил зелёный лук, ну а вино заменили на водочку. Получилось нечто убойное, но мы списали это на экзотичность напитка.

А ещё он любил поражать общество чем-нибудь эдаким, привезённым из очередной загранки. Как-то на заседании клуба, посвящённом его возвращению из-за бугра (насколько помню, это была Голландия) во время аперитива он попросил одного из нас принести пачку "Мальборо" из смежной комнаты. Но когда этот член клуба открыл дверь, с ним случилось что-то странное. Он вдруг попунцовел, зашаркал ножками и стал блеющим голосом извиняться в пустоту. Закрыв дверь и оборотившись к Геночке, он прошипел: "Что же ты, подлец, не предупредил?!".

А нам возбуждённо объяснил шёпотом, что там, мол, небесной красоты голая дева, видимо, переодевается для выхода в свет. Геночка залился таким смехом, что чуть не упал с кресла. Сквозь слёзы умиления он объяснил нам, неразумным, что это – так называемая резиновая баба. И что на Западе она давно в ходу и используется их ленивыми мужиками по прямому назначению. На наш робкий вопрос "А ты как, пользуешь?" он снисходительно объяснил, что да, но не по прямому назначению, а натягивая на неё свои шикарные джинсы фирмы

"Левис" после стирки для просушки без глажки. И в этом был весь он, наш Геночка.

Клуб холостяков просуществовал недолго, первым его покинул и не поверите кто… Да, он, Геночка. Найдя где-то невидную деваху ростом с каланчу, которая родила ему аж четырех миленьких девочек, все в папу. Причем сделала это в какой-то заштатной стране африканского континента, куда счастливые молодожены отправились по месту

Геночкиного назначения чуть не сразу после свадьбы. Другие члены клуба, чувствуя себя обездоленными после отбытия учредителя, тоже как-то второпях переженились и разъехались кто куда по миру.

Тигриная охота

В министерстве, где работал в брежневские времена, существовала шкала географических предпочтений выезда в загранкомандировки. В одни страны очередь стояла, в другие – кнутом не загонишь. По расхожей тогда шутке, капитализм, конечно, загнивает, но запашок больно обворожительный. Народ пожиже тоже туда тянулся, но не со всяким рылом в тот калашный ряд пускали. Однако, как известно, в любом правиле есть исключения. Рвался народ в Монголию, и не за тугриками, а ради охоты и рыбалки, о которых прямо чудеса рассказывали. И рыба такая, что руки не хватает показать какая, и лисичка степная жене на шубку халявную, и другого непуганого зверья и птицы видимо-невидимо, только забирайся в "газик" да в степь, и стреляй из окошка направо и налево.

А меня судьба закинула во Вьетнам, да еще в военное время, так что о таких развлечениях и не мечтал, но вот сподобился. Во время приостановки американских воздушных бомбардировок пригласили нашего торгпреда, прослышав о его увлечении, поохотиться на тигра, а он меня прихватил, не за какие-нибудь охотничьи доблести, а за знание языка, переводчиком. Добрались машиной до предгорных джунглей, переночевали в хижине на сваях, а утром не свет – не заря отправились пешим ходом, в сопровождении вьетнамских солдатиков с

"калашами", в дремучую чащобу тут же, за околицей.

В подготовленном схороне вооружили нас французскими охотничьими карабинами, на лоб нацепили фары типа мотоциклетных и сказали, мол, ждите хищника, его уже подняли и местные мужики на вас гонят. Дело простое, как тигр появится, слепите фарой и стреляйте в лоб.

Промахнётесь, не беда, "калаши" подстрахуют. Прислушались, и верно, вдали слышен шум, гам и звон пустых консервных банок, блики от факелов сквозь листву мелькают. Мы с торгпредом, метрах в десяти друг от друга, набычились, целимся в сторону предполагаемого выхода противника.

И пяти минут не прошло, вдруг "ба-бах" и пуля в метре от меня шмелем. Ноги подкосились и полёг я, голову руками прикрывая. Мамочки мои, – думаю, – не углядел тигра с собой рядышком, небось, тихой сапой подкрался вражина. А торгпред радостно эдак вопит: Я ему прям меж глаз влепил. Переведи, Сашок, чтобы шкуру снимали. А у меня от пережитого скулы свело, ни бе, ни ме, ни кукареку. Но вьетнамцы и так быстро разобрались. Оказалось, пальнул начальничек промеж двух пролётных светлячков, приняв их за тигриные глаза. А сам король джунглей, не будь дурак, на дереве затаился.

Но это мы потом узнали, а тогда с расстройства побросали ружья, снаряжение вернули и отправились несолоно хлебавши в хижину досыпать. Днём принесли нам шкуру освежёванного хитреца, всё же достали его егеря, да мы чинно-благородно отказались принять незаслуженный трофей, хоть слюнки текли. Напросились на рыбалку, нам предложили охоту на акул, благо, до моря рукой подать, но мы, наученные горьким опытом, предпочли вариант сермяжный и уселись с удочками у деревенского пруда. Наловили по пятку рыбок, типа наших окушков, только желтоватых. Оказались "тюйой ка", то есть банановая рыба на местном наречии, в зажаренном виде вкуснотища, пальчики оближешь.

Секреты подлёдного лова

Случилось это в далёкие 80-е прошлого столетия, ещё до перестройки с разными ускорениями. Любили мы, грешные, на кухоньке с друзьями стусоваться и водочку под винегрет с селедочкой да солёный анекдотец покушать. Вот, помнится, как-то сидим, хорошо сидим, под воскресенье, под вой вьюги за тёмным окном. На троих сложилось, я да два кореша милых, Андрюха рыболов-спортсмен и Грачик, кандидат компьютерных наук, из солнечной Армении в Москву на моё соседское счастье перебравшийся. Тут Андрей и молвит, под конец уже, за окошко задумчиво поглядывая, мол, самое времечко у лунки посидеть да рыбку потягать, вы, небось, и не пробовали. Мы хором: Нет, но

жуть как хочется.

Быстро сговорились, на посошок приняли и расстались до рассвета.

Я в пять утра, как солдат на побудке, подскочил и к телефону, друзей будить. Грачик, как оказалось, и не ложился вовсе в нетерпении, чтобы, не дай Бог, не проспать, а Андрей, про уговор забыв, ухо на подушке давит. Вломились мы к нему, с постели стащили, мол, выполняй, друже, обещанное. Короче, забрались в его разбитую дальними дорогами старенькую "Волгу" и отправились на дачу, что стоит на одноимённой реке. В Калуге, помнится, прикупили местной для сугреву, и через пару часов были на месте.

Переправа, вестимо, в лёд вмёрзла, мы машину бросили и пешкодралом под завывание вьюжного ветра двинулись на тот берег.

Пока до дачи дошли, мои пижонские финские сапожки приказали долго жить, а у Грачика и того хуже. Он, бедолага, продрог до синевы в своём демисезоне да ещё, когда нога под наст уходила, каждый раз с жизнью прощался, считая, что на дно Волги проваливается. Но держался молодцом на кавказской гордости. Пока добрались, Андрей уж печь в хате растопил и три гранёных стаканища до краёв налил, говорит: Или смерть вам от воспаления лёгких, или махните не глядя. Поморщились, но заглотали живительную влагу, дробь зубами выбивая об стаканный край, и сразу полегчало.

Раздел хозяин нас догола, облачил каждого в две кальсонные пары, поверх ватные штаны, опять же ватники, а на всё это – противоипритный прорезиненный костюм химической защиты. Сам налегке, лишь доха мохнатая да солдатская шапка-ушанка, поводырём вывел нас из хаты к реке заледеневшей. Пробурили мы лунки, мормышки закинули, всё под отеческим Андрюшиным надзором, и пошло дело. Ловилась рыбка большая и маленькая, только к Грачику приходилось всё бегать рыбу с крючка снимать. Как потом выяснилось, боялся, что за палец укусит, ведь он её в живом виде отродясь не видывал, только на блюде под киндзой с укропчиком.

Так увлеклись, что только силком и оттащил нас Андрюха от лунок уже под вечер, как поземка началась и клёв кончился. Можете представить, сколько смеху было и рассказов взахлёб, когда собрались мы тремя семьями на уху да зажаренный с картошечкой коллективный улов. Потом всё это в весёлые байки превратилось, а я, очистив от поздних наслоений, лишь истинные факты изложил.

Штаны

Давно это было, во Вьетнаме военной поры, добирались мы с одним литератором до партизанской базы в джунглях. Он вроде как в творческой командировке, я по своим делам, связанным с контролем поставок нашей техники. Шли, конечно, с боевым вьетнамским охранением, в камуфляже. Камуфляжи на нас были американские, и это было редким шиком. Доставал я их у наших советников-ракетчиков, а те

– у партизан, которые осуществляли связь между Севером, т. е.

Социалистической республикой Вьетнам, и Югом, где хозяйничали американцы, доводившие одно время свой воинский контингент до миллиона.

Те, конечно, много лучше нашего были подготовлены к выживанию в джунглях. И сухие пайки у них с саморазогревающимися консервами, жевательной резинкой и роликом туалетной бумаги, и гамаки, в сложенном состоянии помещающиеся в ладони, и пшикалки-спреи отгонять змей и другую ползучую и летающую нечисть. А нашим военспецам выдавали перед отъездом во Вьетнам габардиновые костюмы и демисезоны с фетровыми шляпами.

Добирались туда-сюда по так называемой "тропе Хошимина". Конечно, это не наша лесная тропка, но и дорогой её назвать можно лишь с большой натяжкой, хоть и проходили по ней большегрузные военные автомобили, которых хватало, правда, на один рейс, и даже наши танки, но эти, как известно, грязи не боятся. Впрочем, тропой эту просеку в джунглях называли американцы, не бывавшие в России и незнакомые с её дорожным хозяйством.

Правильней тропу эту надо бы назвать тоннелем, ибо прикрыта она была сверху кронами гигантских деревьев, а по бокам – густым кустарником, что и спасало партизан от обстрела американскими пилотами. Очень это раздражало американцев, и стали они обрабатывать джунгли с воздуха дефолиантами. Потравили крестьянское население, сами потравились, а всё впустую – вскрыть партизанские тропы и базы им так и не удалось.

Мы-то там, конечно, передвигались в основном на "козликах" (УАЗ), но на отдельных участках приходилось пешкодралом, а это в джунглях удовольствие маленькое. То, что змей полно и постоянно кто-то невдалеке верещит с предсмертным хрипом, а кто-то рычит от удовольствия, набивая свою утробу, это ещё

ничего. Донимали донельзя москитный гнус и пиявки. Эти дьявольские создания там жирненькие, будто лакированные, и похожи на какашку из хорошо работающего желудка.

Шлёпаются они на тебя, прыгая с деревьев и тут же впиваясь исподтишка без болезненного ощущения для жертвы атаки. Важно вовремя заметить и ткнуть ей в попочку горящий конец сигареты, тогда отскочит, а упустишь момент – жди покуда крови не насосётся и сама отвалится. Так что приходилось тело прикрывать наглухо, а это при адовой жаре со стопроцентной влажностью – хоть криком с матюгом кричи, хоть волком вой. На этот случай у вьетнамцев были с собой носилки из бамбука и лиан, на которых, к стыду нашему, нас и пёрли тщедушные только с виду охранники

Что удивительно, так это то, что своих вьетнамцев ни москиты, ни пиявки вроде бы и не трогали, а те в джунглях вели себя как в родном доме, постоянно что-то срывали с кустов и деревьев и жевали. Кстати, в деревеньках все женщины жевали бетель, своеобразную альтернативу американской жвачки, а потому зубы их были как будто покрыты чёрным лаком. Я один раз попробовал на зуб фрукт, похожий, на мандаринку, так сутки с горшка не слезал – несло меня как никогда в жизни. Не подумайте, что я полный дурак, предварительно я спросил у деревенской малышни, съедобно ли это. Они меня заверили, что да, съедобно, и у них в деревне водку на этом настаивают, видно, недопонимание произошло.

Так вот, шли мы шли в тот раз по тропе и сделали привал, ну это когда девочки налево, мальчики направо. Девочек на сей раз не было, поэтому далеко не разбредались, к тому же это и не всегда безопасно.

Помнится, я как-то отошёл по малой нужде к кустам, а из них как выглянула страшная клыкастая морда с налитыми кровью глазами. Ну точь-в-точь лев гривастый, а оказался павиан. Нужду-то я справил, да вот только ширинку расстегнуть не успел, у меня она на пуговичках была.

Вот и писатель наш по интеллигентной стеснительности своей отдалился за кустики. А тут налетает "F – 105", американский ястребок, и ну по нам очерединами из крупнокалиберного. Мы, дела не доделав, врассыпную. Слава Богу, пронесло (в хорошем смысле), пересчитали, все на месте, только Юлиана нет. Тут и он появился, разгорячённый, руками машет, показывает, как от американоса дра-ла-ла делал. Ну, понятно, натура творческая. Я ему намекаю, мол, на себя вниз посмотри, да куда там. Наконец очухался, глядь, штанов-то нет, в джунглях остались, видать, на бегу соскочили, а где, не помнит

писатель. Развернул я хихикающих вьетнамских солдатиков шеренгой, и пошли мы густой кустарник прочёсывать, только по запашку штаны и обнаружили.

Повестушку потом Юлик по впечатлениям того похода написал замечательную, а этот эпизод как-то не вписался, вот я и восполняю пробел по прошествии многих лет. Надеюсь, не обидится там, наверху,

Юлиан Семёнов, царствие ему небесное.

Ёжик

Слышали, наверное, выражение "как голым задом на ежа сесть", так я это на себе испытал, и не в фигуральном, а самом, что ни на есть, прямом смысле. А дело было так. Собирал я чернику в лесу за дачей, в бидончик, на шею верёвочкой привязанный, поднял глаза и обмер со страху – нос к носу стоял лось, огромадный, в две коровы, и с такими рогами, что я, помнится, ещё подумал: Как же это мужики, от жён рогатые, в дверной простенок вписываются? Вот тут и приземлился на пятую точку и угодил прямо, как вы уже догадались, на ежа.

Может, это меня и спасло от погибели, ибо взревел я как тот медведь-шатун, подскочил и зайцем к деревьям. Лось, видно, криком ошарашенный, дал мне фору, но потом упрямо засеменил следом. Я – на дерево, да ноги ватные не держат, стали мы вкруг ствола карусель вертеть. Тут моё преимущество и сказалось. Ему ж, как "Титанику", для разворота места мало. Стал я его уговаривать, глядя в общем-то добрые карие глаза, мол, чего прицепился, пощади, и так вся задница огнём горит. Внял он, губы толстые скривил и подался в чащу. Вот такая история вышла, если не верите, могу в доказательство ежовые отметины продемонстрировать. До сих пор точками на этом самом месте остались.

Терминатор

Как же это верно в песне поётся: "Люди гибнут за металл".

Посудите сами, молимся мы на свою железяку по имени "Жигули", а если обручились с "Мерседесом", душу за него готовы

заложить. А кто они, господи помилуй и прости? Убийцы беспощадные, жалости не ведающие, куда там терминатору с его пукалкой. Сколько жизней загубили!?

Отвечу языком сухой статистики. 35 тысяч на дорогах многострадальной матушки-Руси, да ещё чуть не 300 тысяч покалечили только в году прошедшем. А приплюсуем сюда, скольких сограждан наших своей вонью зловредной на койку больничную уложили, сколько часов жизни отняли на треклятых станциях обслуживания, так это ужас какой-то получается.

Может, машины все на переработку и в башню Вавилонскую замуровать как памятник глупости человеческой? А сами на кобылку, ведь та разве что пукнет изредка, но ведь это с выхлопным газом не сравнишь. Мы всё скорость, скорость, а куда торопимся, в тридцать шестую тысячу вписаться? Да там и без нас уже большинство населения стусовалось.

Ведь есть же ещё велики, ролики, самокаты разные. А о ногах своих забыли? Это сейчас они из-за дыхалки сиплой, газами отравленной, ватными стали, а как машин не станет, побегут залётные, уж как пить дать быстрее их в теперешних пробках.

Ну, для тех, кто в Америку или Австралию какую спешит, оставим самолёты, пусть, дай бог, долетят – не разобьются. Ну а уж мы с

Москвы до Питера по земельке родимой, в эмпиреи не возносясь, на железных колёсиках да в купешке уютной, да под 150 грамм на сон грядущий до приезда в утро раннее как-нибудь дотянем с божьего благословения.

Взятка

Конечно, борьба с коррупцией – дело нужное, и объявленная правительством кампания по непримиримой борьбе с этим злом, как говорится, в масть. Ведь сейчас, не позолотив ручку, шагу не шагнёшь, а в случае с ГАИ, не на ночь быть помянуту, теперешним

(Брр!) ГИБДД, – и километра не проедешь. Только есть опасение, что, как развернётся борьба по-настоящему, всё встанет и замрёт без этой волшебной смазки. Жизнь м у кой станет, да что жизнь, если в коридорах больниц сама смерть с косой на страже стоит, не дашь в костлявую лапу бабушке – и поминай как звали. Детки малые в двойках погрязнут, студиозус, последнюю копейку исправно в чёрную кассу спускавший, за дверьми

института окажется, справку, что ты не верблюд, не получишь, так верблюдом и помрёшь.

Позволю себе заметить, была не раз уже такая кампания, хорошо помню объявление в парикмахерской на Патриарших прудах "Чаевые унижают достоинство советского человека". Ну и что? Брали, берут и брать будут без особого морального напряжения, а мы не погнушаемся опять и опять унизить человечка нужного ассигнацией. Ведь тот же

Фигаро-цирюльник потом врачу отстегнёт, а Гиппократ несчастный менту по нужде отслюнявит. Так и ходим по заколдованному кругу. Может, разумнее было бы глянуть в корень махрового цветочка да перво-наперво озаботиться повышением врачам, учителям и тем же гаишникам их отнюдь не зряплаты. Вот тогда и вздымай дубину народного гнева, да мы и сами мздоимцам полный кирдык сделаем, а последнего заспиртуем и положим в мавзолей на Красной площади в назидание потомкам.

Блин

Что ж это деется, господа хорошие? Я понимаю так, что мат на Руси не ругательство, а средство общения, но наши родные матюги искажать

– это ж последнее дело. А что сейчас подумает иноземец, наш великий и могучий изучающий? Нация голодных кулинаров, только о том и мечтающих, чтобы блинами горячими полакомиться. А пошто нам "факи" с

"шитами", свои что ль писунчики разонравились? Типа, блин, куда идём, в душу народную плюя. Понимаю ещё, что ни хрена не понимаю сына своего, когда тот в фитнес для шейпинга драйв поймать, а потом в нычку заломиться собирается, в воскресенье после утреннего хавчика.

Ну, отстегнёшь дочке опять же на дискач, заколебала уже, и к друзьям перетереть делишки. Какой базар, в натуре, полтос и все дела. Ништяк одним словом. Ой, мамочки, я ж и сам с этим новоязом родную мать-перемать забуду, родственников поминать перестану, в анатомии ниже пояса запутаюсь. Пора пришла в деревню, в глушь, в

Саратов, к истокам матерным обратиться. Вернусь, заматюгаю всех в борьбе за чистоту славянскую, первозданную. Вот, блин, история какая на мою больную головку.

Караул

Возрадовался бы Кропоткин, шагая по теперешней Москве, хоть в ценах, но реализовалась его идея о матери порядка. Ну полный беспредел анархии от той ещё матери. Заглянешь за бутылочкой в магазинчик по соседству: Батюшки, уже полтинничек цена. Смотаешься за угол: Господи, семьдесят. Что есть духу назад, а там уже сотенная. В аптеку заглянешь заморить червячка, что язву, подлюга, грызёт и изжогой изнутри шибает, соды-спасительницы нет, а

"Маалокс", весь из себя иностранно-импортный, по цене как бутылка

"Наполеона", а я его и за так не возьму, нахулиганил в Москве в своё время.

Капустка кислая у бабушки, что у дверей гипермаркета, от меня через дорогу, к пенсии приторговывает, так ценой шибает, что заколдобишься, разве что грамм на двадцать и хватит на занюх.

Хлебушко, мало того что стали ватой начинять вместо мякиша и корочку поджаристую украли, так ещё и в цене скоро к водочной приблизится.

Селёдочку в вакуумную упаковку загнали и плати за пустоту лишнее.

Под видом кваса, всенепременного по утру муторному лекарства, мочу со свинофермы, видно, разливают. По крайности я уж нахрюкался с его перепою. Эх, ну куда податься рассейскому алкоголику, хоть завязывай, коль бы не здоровье, которое поправки требует.

Профессия

Разные профессии бывают, одни исчезают, как например, трубочист, оставивший заметный след в фольклоре и народных поверьях, другие появляются. Вымер и ямщик, ушедший в небытие, вытесненный с городских улиц вместе с лошадкой чадящим автомобилем. Осталась лишь в памяти народной лихость погонялы и умение выругаться, как только извозчик и

умел. Исчезает и "холодный" сапожник в разбитых сапогах, традиционном фартуке до полу и любовью к солёной шуточке, вошедший в поговорки страстишкой уж если пить, то до состояния "риц" или "в стельку".

Зато появился программист с его интернет-зависимостью и завоёвывает своё место в анекдотах и слагаемых на ходу легендах о стремлении к "улётам" в виртуальность. Но есть профессии вечные, что исчезнут только с самим человеком, который кушает, всенепременно болеет, время от времени хулиганит и, извиняюсь, гадит. Я имею в виду повара, врача, милиционера и, трижды пардон, ассенизатора или, по прежнему его званию, золотаря. Этого последнего жизнь современная тоже вытеснила с больших городов, пересадила с облучка воза с огромадной бочкой на автомобиль с насосом, но жив он, курилка, и даёт о себе знать время от времени.

Слышал я тут историю от приезжего из провинции. Влюбился молодой красавец золотарь в девушку, а та упёрлась, либо, мол, профессию свою непрестижную, с дурным запашком меняй, либо от ворот поворот.

Но влюблён был в своё ремесло гордый ассенизатор, и девушка за другого пошла. Свадьбу в кафешке по соседству устроили, но и первое

"горько" не успели прокричать, как тут такое приключилось, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Подогнал наш золотарь свою цистерну, шланг в форточку просунул да и опростал содержимое прямо на свадебную чету с друзьями и сородичами. Ох, и воплей было да сумятицы, а кафе и по сию пору закрыто, и народ его сторонкой обходит. Ассенизатора, знамо дело, на ковёр в суд призвали, но, брешут, судья с присяжными так развеселились, дело о злостном хулиганстве слушая, что простили незадачливого влюблённого, условностью дело закрыв. Так что, думаю, любая, нужная человеку профессия уважения к себе требует.

Копеечка

Следователь Угро майор Беклемишев открыл глаза навстречу солнечному утру и с грацией стареющего ягуара потянулся в постели.

Воскресенье, можно себе позволить расслабиться и подумать о чём-нибудь светлом, о намеченном походе в зоопарк с внуком

Фёдором, о…Его лёгкую полудрёму грубо прервала маршевая мелодия "Весь мир насилья мы разрушим" из схороненного под подушкой мобильника. Шеф, жмурик по Страстному бульвару, 5, – раздался в трубе хриплый, наработанный под Ливанова в роли Холмса, басок Сенькина.

Ну вот, ни тебе здрасьте, ни доброе утро, – промелькнуло в голове и резкое "Выезжаю" окончательно прогнало сладкие мечтанья, настроив на рабочий лад. Не сразу завёдшийся "Москвичок", сработанный ещё в пору "перестройки", по стариковски откашлялся и наконец натужно заурчал. Эх, старость, – подумал майор то ли о нём, то ли о себе, врубая первую. Сам был из вымирающей плеяды сыскарей и "менту" предпочитал прежнее, ещё дореволюционное название "мусорок" от аббревиатуры МУС, что значило Московский уголовный сыск.

Ни следов, ни ниточек, классический "висяк", – бодро доложил

Сенькин, поигрывая горой мышц и пряча в карман устрашающих размеров лупу. Местом преступления являлась довольно уютная квартирка на третьем этаже старинного дома. Труп молодой особы женского пола распростёрся посреди комнаты в позе замершей на последнем "ля" оперной певицы. Из её груди, правой, зловеще торчал кухонный нож.

Бегло осмотревшись, Беклемишев поднял с пола незамеченную помощником блескучую копеечку и, не отрывая от неё задумчивого взгляда, тихо молвил: Так, убийца – бедный студент из 37-й квартиры, ходит в занюханных трениках с дырой в кармане, вчера напился по случаю Татьяниного дня, с утра подался за опохмелом к убиенной им соседке, та не дала, результат налицо. Сделав паузу, он добавил, как бы ставя точку в расследовании: Пил водочку из новых, "Путинку".

Через 23 минуты из 37-й был выведен путающийся в соплях раскаянья и признавшийся в злодеянии студент Васькин, и Беклемишев с чувством выполненного долга, купаясь в лучах восторга и обожания, сочившихся из глаз Сенькина, собрался к внуку. На немой вопрос молодого подручного он небрежно бросил: Элементарно, Ватсон. Копеечка, кто ещё, кроме нищего студиозуса, будет держать её в кармане. И кукиш, в который сложены три пальца правой руки потерпевшей. Вот тебе и мотив, друг Сенькин, а на водочку чутьё надо иметь. Он привычно не стал раскрывать подчинённому всю кухню профессионального сыска.

Зачем тому знать, что успел перекинуться словцом с соседкой напротив, старушенцией с носом Буратино и сошедшимися у переносицы зоркими глазками, позволявшими подглядывать в

замочную скважину сразу обоими.

Примат

Тут я давеча от Марьи Семёновны, соседки моей, на скамейке с ней сидючи в скверике, что от нашего дома насупротив, такое услышал, что и не поверить. А как не поверишь, если мудрой соседушке сто лет в обед и сама она редких дворянских, голубых кровей. Сама сухонькая, всегда надушена. Такие не брешут, а она полагать изволит, видать, ещё с 17-го года прошлого века, что живём мы в эпоху воинствующего быдла и современным олигархам и нуворишам ещё три поколения пережить, чтобы цивилизоваться. Так вот, зашёл у нас разговор о бабах, о женской особе то есть, тут она и спрашивает, мол, а знаете ли вы, моншер, чем женщина от мужчины отличается.

Я ажник обиделся, и детей не пальцем делал, и внуки уже слава тебе господи растут не болеют. А она мне ну крамолу несусветную сказывать. Что мужик, мол, на бабу по внешности западает, а та, наоборот, по голосу всё его нутро тут же постигает и ушами стало быть любит. Шпильки на ногах женщине нужны для удлинения нижних конечностей, а это, как и у зверей, признак, извиняюсь, полового вызревания. Амбра в их духах из паховых желёз кита, а в "Шанели N 5"

– выделения самок животных, тем и чаруют нас, дураков. Мы их, в ответ, своим запашком притягиваем, а он один в один запаху от семенников хряка, то бишь свиньи нашего пола.

И глаза у нас разные, женщины своими то видят, что нам и не снится. Уши у них на плач ребёночка настроены, а наши – на опасность, как бы кто в это ухо не въехал. Им ближе сладкое да кисленькое, нам горькое и солёное, вот и пьём горькую да под селёдочку всенепременную. Женщина за старое, надёжное всё цепляется, а мужику в охотку воду мутить, революции делать. И вообще мужику у природы цена – копейка в базарный день, а самочки погибель – урон всей популяции и в эволюции такая прореха, что не заштопаешь.

Но больше всего удивился, узнав, для чего лосю большие рога, а

Мишке с третьего этажа "Мерседес" 600-й. Оказалось, лосиха выбирает самца с этим признаком на голове оттого только, что он лучше всех питается и от хищников боронится. И "мерин" Мишкин, пока его сколопендра рогов ему не наставила, служит

тем же признаком. Вон уже напитался до 130 кэге, и угрохать его раза три пытались, а он как кошка живуч. Кстати, по словам Семёновны, обжираловка в людях от приматов, которым инстинкт повелевает жрать пока дают. Так что Мишка наш – ну чистый примат.

Вот видите, посидишь на лавочке с умным человеком и сам, может, не дураком помрёшь.

ДТП

Тут мне третьего дня байку одну рассказали, сейчас и вам поведаю.

Нёсся, бают, как всегда дороги не разбирая, БМВ или, как его в народе кличут, Боевая Машина Вована, а в нём, верьте-не верьте, как раз Вован и ехал. Прёт, стало быть, на не всем дозволенной скорости, мигалкой на крыше друзьям подмигивает, а тут бабушка-старушка на

"Оке", что железным гробиком обзывают, его тихо эдак подрезает. Ну, надо было ей на Волоколамке, из центра едучи, к оптовке, что насупротив метро, налево уйти, вот и угораздило. Вован от такой невиданной наглости аж зашёлся в крике матерном, потому не сразу и по тормозам вдал.

Блямц и тюкнул бабусю. Тут "Ока" и растеклась, как река одноимённая, налево-направо. Как говорится, восстановлению не подлежит. А БМВухе хоть бы хны, только фара правая на сопле повисла.

Откуда ни возьмись, как чёрт из табакерки, гаишник нарисовался и с плотоядной улыбочкой давай бабку из-за покуроченного руля на свет божий тягать. Мол, как же это вы, гражданочка, посмели на своей непотребной бибикалке глаз такому красавцу своим задом подбить. И протокол грозно так достаёт, Вовану подмигивая, мол, не отмажется ни в жисть бабулька.

И тут такое приключилось, что самому не верится. Вован надулся, побагровел индюком да как гаркнет на мента, мол, катись к едрёной феньке со своим протоколом, того и сдуло как ветром. А бабушке

Володя ласково так: Не плачь, мать, всю жизнь тебя поминал, вот ты и нарисовалась мне, грешнику. Поправлю я твою беду, заодно и грехи свои замолю. И суёт ей в руки "зелени" на целый Мерседес, правда, бэушный. И слёзы у самого на глазах от

собственного великодушия.

Опасаюсь, и вы не поверили, но народ, что собрался поглазеть на

ДТП, клянётся-божится, что так оно и было. По чём купил, по том и продаю. Ох, любят у нас на Руси байки да сказочки.

Хэппи-энд

От г-на Веселовского, работающего медбратом больницы

Склифосовского, ушла жена. Будучи, как мы полагаем, по природе весьма чувствительной натурой, мужчина не вынес такого оскорбления и решил покончить счёты с разом опостылевшей жизнью, выбросившись с балкона принадлежащей ему квартиры N 5 на третьем этаже дома N 4 по улице лётчика Водопьянова. Последующая экспертная реконструкция происшествия показала, что, приняв для храбрости около 200 грамм чистого медицинского спирта, медбрат совершил свой прыжок стилем

"солдатик", но, видимо, не учтя направление ветра, приземлился прямиком на крышу стоявшего под домом "Мерседеса" 600-й модели.

В результате жёсткого контакта филейной части незадачливого самоубийцы с крышей означенного автомобиля произошла самопроизвольная детонация находившегося в нём фугасного устройства.

Взрывной волной тело было заброшено по счастливой случайности обратно на родной балкончик. Машина, оказавшаяся числящейся в угоне и к тому же незастрахованной, восстановлению не подлежит.

Оперативно прибывший на место происшествия наряд милиции взял под стражу обнаруженного в соседнем кафе "хозяина" иномарки, лица известной национальности (фамилия в интересах следствия не разглашается). Веселовского, отделавшегося лёгким испугом, увезли для освидетельствования подоспевшие коллеги. Его жена, задержавшаяся, как выяснилось, у соседки, украдкой вытирая слёзы умиления, дала интервью случившемуся рядом корреспонденту. Дрожащим от волнения голосом она поведала, что и не подозревала столь героическую натуру в скромном муже, своим телом прикрывшего сограждан от очередного злодейского теракта.

Мария

С моей соседкой вечно всякие истории приключаются. Как-то в автобусе, отвоевав у лысого гражданина сидячее место, так с радости да устатку расслабилась, что проснулась только наутро в депо.

Пришлось справку для мужа выбивать, что не у любовника ночевала. А в справке тупой канцелярист написал, что гражданка такая-то переспала в депо с отсутствующим персоналом, пришлось и у всего персонала справочки требовать.

Поехала в Кисловодск свои болячки женские залечивать, вернулась с фотографией: 23 мужика и она посередине. А на обратной стороне

"Машеньке на память. Нам тебя будет не хватать" и 13 подписей, видно, самых хватких, с телефончиками.

Муж не стерпел да и ушел жить к соседке. Так Мария на ту дверь объявленьице повесила "Принимаю добропорядочных мужчин. Такса – 50 руб. в национальной валюте". Мужик валом повалил, в очереди переругались, а вышедшему на звонок Машкиному мужу стали морду бить, чтобы долго девушку не занимал. Тот сбежал от них обратно к Марии под тёплое крылышко, сейчас на цирлах вкруг неё ходит, а из дома – только до мусоропровода. Ну, неуёмная натура эта Мария, что с неё взять?

Мошенниц сгубила жадность

По сообщению пресс-службы УВД г. Мочегорска, сотрудниками ОВД

"Нехавино" задержаны две мошенницы, которые, представляясь соцработниками, грабили ветеранов труда. Проникнув обманом в квартиру 98-летней пенсионерки Прикольной, якобы для передачи оной благотворительной помощи от собеса в виде 150 грамм варёно-копчёной колбасы и кулька монпансье, лжесоцработницы действовали по неоднократно отработанному плану. Пока одна из них отвлекала старушку оформлением документации на подарок, другая попыталась вынести из квартиры телевизор системы "домашний кинотеатр" марки

"Панна Соня" китайского производства.

Бабусю спасло мучившее её после съедения горохового супа недомогание "метеоризм", т.е. непроизвольное испускание воздуха, что и произошло с ней в результате изумления от неожиданной щедрости собеса. Резонансной волной с шифоньера была сметена бронзовая статуэтка в форме копии известной скульптуры "Колхозница с серпом", приземлившаяся прямиком на темечко сидевшей мошенницы. Вторая злоумышленница восприняла грохот как предупредительный выстрел оперуполномоченного из засады в шкафу и со страху вздыбила руки, уронив телевизионный аппарат на свою левую ногу с незалеченным остеохондрозом.

Психика незадачливой грабительницы, ослабленная к тому же трёхнедельной беременностью, не выдержала сурового испытания, и женщина грохнулась в глубокий обморок. При этом ею был произведён выкидыш через прореху в кармане смушковой шубы вещественных доказательств предыдущего разбоя, приобщенных к делу оперативно прибывшим на место преступления нарядом милиции. Всех, кто пострадал от действий преступниц при подобных обстоятельствах, просят обращаться в дежурную часть.

Скандал в благородном семействе

Муж после утренника в театре пришёл домой подшофе. Естественно, жена в свойственной ей мягкой интеллигентной манере высказала своё

"фэ", привычно изложив историю их 20-летнего совместного проживания в браке, изрядно подпорченного пристрастием супруга к горячительным напиткам. Тренированная память подсказала ей и имена всех мужниных пассий, перечисление коих заняло определённое время. На тихий, что называется, про себя, удивлённый возглас мужа "Мать твою!" жена, обозначив возможность обморока, воскликнула: "Не трогай маму! Она всю свою жизнь посвятила нашей семье после ухода папы к этой маловоспитанной инженю Матильде Модестовне".

Упоминание тёщи послужило последней каплей в чаше долготерпения, и правая супружеская рука с недавно наманикюренными пальцами непроизвольно нанесла вскипевшей визави охлаждающий шлепок по левой скуле. Оторвавшись от исполнения фуг Баха на рояле "Бернштейн", дочка плавно совершила фуэте к папаше и с криком "Отзынь от маман, рогатый

предок!" влепила отцу семейства звучную пощёчину в тональности си бемоль.

Инстинктивно ощутив спиной приближающуюся к его макушке массу шестирожкового канделябра работы неизвестного автора 18-го века в руках шустро присеменившей из смежной комнаты тёщи в чепчике, маэстро в духе финального крещендо из героической симфонии

Шостаковича нанёс дочурке апперкот в область левого уха и отключился. Последней его мыслью было "Вторая бутылка на троих, видимо, перебор, не забыть поутру извиниться". На рояле сиротливо в наступившей тишине пылились разложенные в художественном беспорядке четыре билета на поминальный вечер Брамса в Консерваторию.

Вести из Кремля

Новым подтверждением того, что ничто не исчезает бесследно и не возникает вновь, послужило неофициальное сообщение из подразделения

ФСБ, которое всё ещё планомерно занимается делом под кодовым названием "Бородино" о перерасходе в крупном размере, допущенном при реконструкции Кремля. В рамках оперативно-розыскных мероприятий был подвергнут регрессивному гипнозу хранитель одной из кремлёвских палат прапорщик Скурат Малютин. Видимо, гипнотизёр, будучи в несколько напряжённом состоянии, в быту называемом бодуном, перестарался и не рассчитал силу гипнотического воздействия.

В результате сознание прапорщика отскочило на девять колен вспять и притормозило в генетическом фантоме дьяка Архивного приказа, двоюродного брата небезызвестного опричника Скуратова. Допрос оного дьяка с привлечением отставного полковника, почетного ветерана КГБ, привёл к неожиданным последствиям. Дьяк раскололся и заговорил. Из его показаний следует, что начатый ещё до заведения дела о перерасходе кремлёвских средств розыск знаменитой библиотеки Ивана

Грозного совершенно бесперспективен, ибо книги по небрежению были съедены крысами или растащены на самокрутки чуть не сразу после кончины царя-батюшки. До этого часть их при посредничестве упомянутого выше родственника дьяка была обозом вывезена за границу в обмен на тевтонские

пищали, которые пришли бракованными и не стреляли, а потому были списаны.

В деле оказался замешанным и царский сынок, подсевший на конопляный самосад, за что был бит батюшкой до полной бесчувственности царским жезлом, подсунутым под горячую руку подлым

Малютой. Откровенность дьяка объяснилась тем, что в ходе проведённого царём-душегубом сокращения дворни, замеченной в связях с недобитыми Рюриковичами и Березовичами, тот оказался в тяжёлую для страны беспутицу на распутье и, будучи в душе демократом, затаил либеральную злобу на антинародный режим. Другие подробности чинимого в царствие Грозного державного беспредела, дошедшие отголосками до нашего времени, до поры до времени засекречены, г-н Малютов отпущен под подписку о невыезде из Матросской тишины.

На картошке

Было это ещё в прошлом веке, в совковое время. Любила тогда

Партия горожан в подмогу на село отправлять. И называлось это, если кто уже не помнит, поехать "на картошку". Вот и у нас на работе набрал по разнарядке партсекретарь семерых, кто помоложе, и отрядил на недельку с сохранением содержания поднимать сельское хозяйство.

Выехали, помнится, в воскресенье с утра. Пока добрались да нашли, изрядно поплутав, сельсовет в далёком занюханном колхозе, уже смеркалось.

Встретил нас, благоухая цитрусовым запахом, Василий, представитель администрации, как он представился. Отвёл, не мешкая, в халупу на отшибе, вручил рабочие комбинезоны, на лямках и с откидывающейся спинкой, лом и пару брезентовых рукавиц на всех да и был таков. Нет, вру, ещё успел объяснить, как до магазина добраться, сказал, что нам повезло, под завоз попали, и записочку на ферму накалякал для получения бидона молока. Разместились мы кое-как и – в магазин, пока не закрыли. Искать не пришлось, шли навстречу колхознички уже изрядно навеселе, видать, приложились "не отходя от кассы". При этом источали уже знакомый по Василию запах, навевая мысли о субтропиках.

Оказалось, водка в продаже была только лимонная местного

разлива, цвета одеколона "Шипр", о запахе уже не говорю, но нам и на том спасибо. Скинулись по трёшнику, в рюкзачок припасённый загрузились и домой, до хаты. А там, кто какой закусью богат, на стол наметали и пошло-поехало. В разгар веселья вспомнили про записочку, подхватились, в комбинезоны обрядились и всем гамузом на ферму, благо, не далеко топать. Вышли с флягой парного молока двадцатилитровой, не пожалели доярки-хохотушки, чай, не своё отдавали, колхозное. А темень уже, хоть глаз выколи, да и развезло на воздусях деревенских. Побрели наугад, затянув для бодрости

Окуджавскую песню про солдат и таща поочерёдно волоком пудовый бидон.

Чуть от фермы отошли – забор нарисовался, через него с грехом пополам перевалили – ещё один. Одолели и этот с криком "Ура!", тут родная избушка и показалась. Опять к столу да к лимонной под молочный запив. Только в ритм вошли, стали все носами водить, запашок унюхав непотребный. Флягу осмотрели – нет следов навоза, подмётки у всех проверили, нет, только чистая грязь. Тут, как свора ищеек, окружили, носы воротя, Васю-очкарика, тёзку деревенского нашего куратора. Вася чуть не в слёзы, мол, да, был грех, отошёл по дороге за кустик, лямки отстегнул, спинку откинул, присел, по-большому сделал и бросился догонять. Как подтвердилось, всё большое с собой и принёс.

Вася в речке отскрёбся, переоделся, тогда только назад после контрольного обнюхивания и впустили, к штрафной приговорив.

Закончили позднёхонько, а утром обнаружилось, два забора, что переползали – угол соседней ограды, а комбинезоны наши после игры подзаборной в "кучу мала" стоять могут от налипшей грязи вполне самостоятельно, чего о нас не скажешь. Да они нам и не понадобились боле, забыла про нас администрация в лице Василия, только на третий день, видно, очухался, приполз весь из себя зелёный, выдал за хорошее поведение справку об ударной работе на полях колхозных и отпустил с богом восвояси. А я до сих пор, как лимонный запах учую, так с души воротит.

Валентинки

Хороший, добрый и светлый праздник всех влюблённых – этот День святого Валентина, приходящийся на 14 февраля. В этот день почти уж пару тысяч лет назад казнили сердечного. И

казнили-то за что? А за то, что, будучи священником, не стерпел запрета сочетать законным браком бедных солдатиков. Император Клавдий, видите ли, решил, что женитьба отвлекает их от выполнения воинского долга. По моему скромному мнению, как раз наоборот. Много ли на жену времени уходит?

Ну, чмокнул в лобик перед работой, вернулся, поужинал домашним, а не солдатской кашей-шрапнелью. А ночью, чем в казарме на жёсткой койке ворочаться, мужественно исполнил супружеский долг в своей мягкой постели и спи себе, сил набирайся. К утру, свежий, как огурчик, готов к выполнению долга воинского. Подозреваю я, что Клавдий слабоват был по этой части и позавидовал своим легионерам, импотент несчастный. Вот и погубил святого. Зависть и не на такие чёрные дела слабаков сподобит.

Но царь небесный всё по своим местам расставил, Клавдия я и вспомнил-то только потому, что тёща тоже Клавдия по имени, а

Валентина как покровителя всех влюблённых уж сколько веков народ помнит и день его любовно отмечает. Опять же валентинки, это ж знак из нашего детства. Помните, в подъезде куском извёстки по стене писали сакральную формулу "Ваня + Валя = любовь" и под ней сердечко, стрелой пронзённое, выводили. Чудится мне, святой с небес нашей рукой водил, а когда дворник, мать нехорошо поминая, затирал – то

Клавдия работа, из адова пламени всё напакостить норовит.

Вспомним, кстати, что и у нас, православных христиан, есть свой

День влюблённых, только выпадает он на 8 июля и празднуется в честь двух святых, Петра и Февронии, возлюбивших друг друга неземной любовью и за то на небо тоже попавших. Пётр был голубых кровей, князем в Муроме, том самом, откуда и другой защитник земли русской, незабвенный Илья Муромец, родом. А Февронья была из простых, да тоже не лыком шита. Удивительная она была целительница, красавица и умница-разумница.

А как оженились, так Пётр (не знаю, как по батюшке) попал в опалу в Муромском светском обществе за выбор жены низкого происхождения, стало быть за мезальянс по-нынешнему. Но князь любви своей великой не предал, переехал со своей ладушкой из многокомнатных хором в шалаш (оттого, видно, и пошла поговорка о рае с милым в шалаше). А потом и вовсе в одночас приняли они монашество и умерли, как в сказке водится, в один день, сполна познав счастье во браке.

Так что, не тушуйтесь, друзья, в своих проявлениях любви, не подсказке расчётливого Диавола, а шепотку своего сердца

трепетного внемлите. Не Валентин заграничный, так наши родные святые подсобят случай чего. Да на Купидона с золотыми стрелами, что всегда наготове, уповайте, ведь глаз у него острый, рука тверда, редко когда промахнётся.

Фига в кармане

Многие годы искусствоведов и не только занимала проблема удивительной притягательной силы и мировой известности картины

Казимира Малевича "Чёрный квадрат", называемой иконой современности.

Много вкруг неё загадочного тумана веется. Кое-кто считает, что с выцветанием краски, по задумке художника, высветится его лик. На что-то подобное намекал и сам автор, да и недаром же он над ней работал несколько месяцев без передыху. Другие намекают, что это якобы портал в загробный мир, и Казимир через него с ними общается.

И вот наконец загадка, как нам кажется, близка к разрешению. Как почти всегда в таких случаях, помогла наука. Учёные-рентгенологи, применив специально разработанное для подобных исследований устройство, после многочисленных попыток и совершенно неожиданно для себя обнаружили под плотным слоем чёрной краски тщательно выписанное рукой подлинного мастера изображение устрашающих размеров мужского фаллоса в напряжённо-возбуждённом состоянии.

Поражает сочная палитра цветовой гаммы рисунка, от нежно-телесного до багрово-огненного крещендо в головной его части.

Бугристо-жилистая плоть как бы страстно вопиёт о чём-то наболевшем и готова извергнуть на каменеющего в немом оцепенении неосторожного зрителя сперматоизальную лаву вибрирующей в естестве живой мысли.

Немаловажной для понимания, видимо, является и не сразу замечаемая многозначащая деталь картины. Изображённый предмет лишён оков крайней плоти. Чувствуется, что обрезание совершено грубой, нечувствительной к состраданию и неумелой рукой.

У основания пениса характерным для Малевича почерком начертана простая волнующая фраза "Вот вам!". Кому обращена она, современникам художника, властям, не больно, как известно, жаловавшим его в своё время, нам ли, грешным, получившим

зачатое в озарении художественного провидения послание, или, может быть, будущим поколениям, нам уже не узнать. Однако, опираясь на предварительные изыски искусствоведов, можно сказать, что мощная экспрессия проявившегося рисунка взывает к осознанию сути неумолимого исторического прогресса, невообразимого без поступательных толчков в чреве развивающихся технологических процессов.

В этом свете становится понятным тайный смысл гениального (а, может быть, генитального?) предвидения художника о неизбежности проявления творимого в чёрной темноте, за квадратной ширмой кукловода интимного и овеянного мистикой созидательного деяния.

Хочется верить, что посланное через годы найдёт своего адресата.

Чудо

Не доехав и пары километров до автозаправки, машина встала.

Кончился бензин. Раздосадованный водитель, оказавшийся батюшкой местного прихода, с трудом, ввиду тучной комплекции, выбрался из машины и от души врезал кулачищем по капоту видавшего виды

"Роллс-Ройса". После чего-то неразборчивого из густой окладистой бороды послышалось: "Прости, Господи, грехи наши тяжкие!". Дело осложнялось тем, что с заправкой батюшка связывал не только надежды наполнить бак автомобиля, но и опорожнить чрево своё от давящей и рвущейся наружу жидкости.

Но уж чёрт постарался или Бог испытание ниспослал, но машина остановилась на весьма оживлённом перекрёстке. Естество требовало своего, и батюшка кряхтя обошёл машину, на ходу смекая, как выйти из положения. Отвернув крышку бензобака, он попытался заглянуть оком внутрь, надеясь разглядеть остатки бензина, но это сыграло роковую роль. Взревев от очередного внутреннего позыва, батюшка вздёрнул рясу и облегчился в горловину бака, при этом делая вид, что напряжённо разглядывает выбоину на крыле. Облегчённо восславив про себя Господа и завернув крышку, батюшка лёгкой походкой вернулся на своё водительское место и привычно крутанул ключ зажигания.

Каково же было его удивление, когда машина послушно

завелась с пол-оборота. Мало того, отдавшись воле божией, батюшка до вечера разъезжал по делам своим приходским, с гонором проезжая мимо заправок. Движок тянул мощно, а стрелка показывала до смешного малый расход залитого попом горючего. На ночь глядя не выдержало сердце ревностного церковнослужителя и пошёл он каяться настоятелю, мощною дланью удерживая под рясой бутыль кагора. А тот со второго стакана узрел в свершившемся чудо и деяние святое, помянув, порфирой закусывая, манну небесную. Но велел держать сие в тайне, ибо не богоугодное то дело, на чёрт-те чём разъезжать.

Да куда там, наутро весть сама собой разнеслась, и потянулся народец к батюшке, кто за благословением, а кто и с канистрой за чудесной горючкой. Поп с расстройства постригся под полубокс, снял рясу и ушел в запой. А злые языки и по сию пору сказывают, что после предыдущего возлияния всё и произошло и в чуде причиной главной было выпитое накануне батюшкой да здоровым его организмом отринутое в бензобак. Но сомнения остаются. Может, всё же чудо?

Тоска

Врачи отмечают возрастание случаев обращения к ним по поводу гнетущей депрессии. На Руси это, можно сказать, национальная болезнь, традиционно относимая к особенностям загадочной русской души. Кручина, хандра, скука мучают ещё со времён Несмеяны не одно поколение, но в наши дни можно говорить об обострении заболевания.

В перманентно подавленное состояние впадают пенсионеры, ностальгирующие по прежней жизни. Вспоминают радостное возбуждение, когда удавалось отхватить колбаски краковской или какого другого дефицита, разжиться свежим анекдотиком, втихомолку похихикать на кухне в узком кругу проверенных друзей над дряхлостью и чарующей тупостью очередного генсека. А какого накала достигало удовольствие достать запретную "порнушку" и убедиться, что секс в стране всё же есть. Теперь-то всё есть, да ветерану диссидентства часто нечем и почти всегда не на что от души даже поесть.

Тянет в меланхолию, а от неё к "уколоться и забыться" и нынешнюю малахольную молодёжь. Ни тебе целины и молодёжных строек долбаного коммунизма, ни памятного комсомольского задора в весёлых пирушках в ходе и в

заключение регулярных субботников, ни дремотного елея обязаловки лекций о почему-то медленно текущем моменте из уст похожего на Филиппова из "Карнавальной ночи" лектора. Нет и самой той, засмотренной до дыр и колик в животе весёлой "ночи", осталась только Гурченко после капитальной реставрации.

Поблекли как-то прежние активные поставщики ферментов удовольствия: юмор и сатира. Вылезли из-под пресса цензуры и политической зашоренности, казалось, расцветай пышным цветом. Ан, нет, расслабуха получилась в оранжерейных условиях всеобщей гласности. Жванецкий памятником самому себе, великому, доживает,

Задорнов в зубоскальстве и ёрничестве погряз, Петросян семейным подрядом спасается, разве что Жириновский повеселит. Мало что-то раков по пять рублей, но больших, всё больше по трёшке, худеньких, с клешнями худосочными, некусачими.

А ведь как перестают вырабатываться гормоны радости, душа чахнет, от хандры мрачной в сонливость кидает, живот вздувается от скопления газов в кишечнике. Тело пухнет, переедает до запоров, болячками разными отвечает, виагры клянчит, а у женщин менструальный синдром развивается.

Соблазнов много стало, да всё больше от дьявола. А больше желаний

– больше обломов, мук душевных. Мудрый Эпикур, поняв ещё в кои веки эту механику, призывал человека хотеть поменьше, задачки себе ставить поскромнее, вот и радостей от их выполнения станет больше. А на худой конец можно вспомнить старинное русское психотерапевтическое средство. Сбежать от соблазнов да нервотрёпок городских, забраться в деревеньку, в глушь, принять на грудь, полнолуния дождаться, выйти на пригорок да завыть серым волком в полный голос. Вот душа и очистится, а жизнь снова сладкой покажется.

Честь

Рассказывают, что приключилось это давным-давно в Великобритании, то ли при Елизавете, то ли при какой другой королеве, но факт тот исторический место точно имел. Приехала как-то королева аглицкая в войска смотр произвести, а командующий большим подлизой был и как её увидел, так ладошкой глаза прикрыл и глаголет: "Красота твоя, ваше

величество, затмевает солнце, ажник глазам моим лицезреть больно". А все солдаты округ тоже не лыком шиты, подхватились и ну хором кричать: "Йес, сэр!", то есть, правильную линию гнёшь, господин ты наш командующий, бабе, а тем паче королеве нашей любимой завсегда потрафить надобно.

А случилось так, что в свите королевской о ту пору посол оказался

Российской империи. И так ему по нраву пришлось, как командующий ручкой королеву поприветствовал, а солдатики "Есть!" (так ему на русское ухо послышалось) дружно грохнули, что он, долго не мешкая, то ли Петру, то ли какому другому царю-батюшке, кто тогда самодержавие на Руси правил, депешу с посыльным отрядил, а в депеше той всё и прописал. Мол, у местного народца красивый ритуал есть приветствовать начальство военное, ладошкой у лба помахивая, а нижний чин на слова командира громким "Есть!" отвечает.

Пётр Великий, или кто другой, тут же царский указ и учинил. Мол, мы тоже щи не лаптем хлебаем и вообще чуть не наполовину в Европе возлежим, а потому доблестному офицерству и солдатикам с прапорщиками вменить друг друга радостно привечать, правой дланью себя в висок тыкая. А как высший чин нижнему чего прикажет, так оному надлежит громко "Есть!" в ответ прокричать и при этом подобострастно глазами начальство кушать.

Вот и получилось у нас как в Англии, только там по-прежнему честь у лба отдают, а у нас пальцы к виску приставляют, мол, куда мне с моим серым веществом против вашества, а потому любому слову твому внемлю и со своим мнением "никак нет", ну то есть совсем не согласен. Вот, скажем, генерал какой с лампасами солдату брякнет: "А ну, марш ко мне на дачу картошку сажать, круглое катать, квадратное таскать!". А солдат наш животик тощий подтянет, в струну весь вытянется, глазами завращает да как гаркнет: "Есть, товарищ такой-то такой-то". И все вор о ны в округе "карр, карр" и врассыпную от страха перед удалью молодецкой.

Михайло

Я вот много думал, как это учёному нашему великому Михайле

Ломоносову удалось в академики выбиться. Ведь он из наших

был, из простых русских. Батюшка – рыбак поморский, да и сам Мишуня с малолетства рыбачил, грамотой не шибко владел. А подишь ты, денежек на поезд не было, так он пешкодралом с обозом селёдочным из самого

Поморья в Москву три недели топал, так сказать гранит науки грызть.

А я, когда какой думой мучаюсь, зову соседа своего учёного. Он, как и я, бобылём живёт, но в профессорах ходит, с палочкой и в очках с толстенными стёклами. И завсегда мне всё про всё по-простому и разжуёт.

Так и сделал, только закусь небогатую сготовил, так, селёдочка на двоих (правда, заломная), капустка кислая (с осени заквасил) да по огурцу солёному на нос. Хлебушко, естественно, бородинский. И к чести сказать, когда мою уговорили и сосед бутылочку коньяка приволок, я сподобился пару конфет в буфете нащупать. Так что получилось всё чин-чинарём, не у Пронькиных всё ж таки.

И рассказал Ерофеич (кстати, тоже Михайло) удивительные вещи, да такие, что у меня в мутной голове всё прояснилось. Будто бы пришли к

Ломоносову ещё до рождения Миши три волхва, ну то есть колдуна по-теперешнему, и взяли с него великую клятву (за мешочек золота авансом так сказать), что сынок его по рождении, всем наукам обучившись, расшифрует свиток старинный. А в свитке том сокрыт секрет философского камня, который им, волхвам во как нужен.

А свиток тот взаправду был из Гипербореи (это не волхвы, а профессор мой уж рассказал), той, что ушла 9 тысяч лет назад в пучину морскую недалече от Кольского полуострова, оставив на поверхности лишь острова Соловецкие. Кто выжил, подался в Египет и стал жрецами тамошними, храня тайны гиперборейские и запрятав их в пирамиды, которые сами и построили. А по пути кое-кто отсеялся и породнился с русичами.

Вот Михайло, родившись и подросши, и отправился клятву папашину сполнять, из рук тот свиток не выпуская. Изучил все науки напрочь в

Германии, заодно на немке и оженившись, и вернулся таким учёным, что, хошь, не хошь, а стань академиком. Долго ему рецепт гиперборейский не давался. Пока над ним бился, кучу разных открытий во всех науках сделал. И наконец нашло на него озарение, решил задачку.

Взял по граммульке разных веществ да в камин и бросил, и такой взрыв получился, что мало не покажется. Хлопнул себя по лбу и крикнул: "Мать твою!" (ну то есть "эврика!"), да это ж

холодный атомный синтез! Я вам сейчас, братцы, растолкую популярно, что рецептик-то оказался не философского камня (его Михайло давно уж между делом открыл), а возобновляемой энергии заместо нефти. Жрецы той энергией и блоки тысячетонные для пирамид тягали.

Ну а Михайло Ломоносов после всего этого ночь думами промаялся, выел, может, литру бражки и решил, что рано человечеству таким секретом владеть. Взял да и сжёг тот свиток, а заодно и рецепт философского камня спалил. А то ведь у нас как? Что ни изобретут, всё бомба получается на погибель людей. И Сталин, и Гитлер в войну секрет тот искали, да слава богу не нашли. А то такого бы наворотили…

Получается, что Ломоносов допреж всего тем велик, что честью своей не поступился и на горло своей же песне наступил, унеся своё главное открытие в вечность. За что я его и уважаю. Вот и профессор, когда на посошок стакашек поднял, сказал словами иудейского царя

Соломона из Писания: "Во многой мудрости много печали, многое знание умножает скорбь". Так что я этого еврея тоже зауважал. И уважаю всенепременно друга моего сердешного, Михаила Ерофеевича, дай бог ему здоровья.

Окурочек

Вышла как-то Клавдия Степановна, что с пятого этажа, на балкон воздухом вечерним подышать. А над ней, на шестом, Пётр Пафнутьевич цигарку докуривает на сон грядущий. Напоследок затянулся и окурочек вниз щелканул, а тот в аккурат на голову Степановны и приземлился, попал в её косу, гнёздышком на темечке закрученную, лежит себе, дымком остатним сочится. Вернулась посвежевшая в гостиную, а её супруг, Иван Алексеевич, что у телевизора за сериалом вечер коротал, сразу носом повёл и говорит:

– Что-то от тебя, дорогуша, дымком попахивает, уж не закурила ли ненароком опять?

А та ручкой в бок и отвечает:

– Что ты, мон шер, я последний раз курнула, когда ты хвост распушил и к Машке тупозадой с третьего сбежать навострился, а наутро, как пёс побитый, назад приполз. Куда уж кобелить, коль песок с одного места сыпется.

Лексеич тут с пол-оборота завёлся:

– Сама хороша, втихомолку обкурилась, вон аж дым из ушей сочится.

Задом-то своим перед Пашкой с седьмого крутишь, а пора уж не духами за двести целковых поливаться, а нафталинчиком пользоваться. А песочком моим можешь свою могилку меж ног посыпать.

Да как врежет ей прямиком между глаз, видно, накипело. Тут бычок-то и выпал прямиком им под ноги. Нагнулись оба, как Шерлок

Холмс с Ватсоном, и головами согласно закивали, мол, дело ясное, кто ж ещё в доме, кроме Петьки с шестого, "Беломор" курит. Подхватились и, замирившись наскоро, пошли дружно ругать Петра Пафнутьевича за мелкое хулиганство, их семейный быт потревожившее. Может, и поколотили его коллективно, не знаю, с моего балкона уже не видать было, хоть и бинокль у меня цейссовский, и слух дай Бог каждому при моих-то годах.

Циновки

Встречаются среди людей, выучивших иностранный язык, зануды, которые, не слишком им владея, считают тем не менее, что их знания уж никак не хуже, чем у тех, для кого он родной. Столкнулся я с таким во Вьетнаме, куда был послан на преддипломную практику. Звали его Нгуйен, слыл лучшим переводчиком в местном министерстве внешней торговли и прошёл обучение в московском Университете дружбы народов.

Как-то устроили в Ханое внешнеторговые компании выставку продукции, предлагаемой на экспорт. Большой раздел был выделен под кустарные изделия, в основном поделок из соломки, в чём вьетнамцы большие мастера. Под каждым таким изделием была прикреплена маленькая табличка с названием товара и его краткой характеристикой.

Текст – на вьетнамском и русском, который был в то время международным языком общения в соцлагере. Представителей капстран в стране почти не было, а все социалисты в той или иной степени русский знали.

Подхожу к красочным циновкам и читаю: "Циновки. Во вьетнамском быту на них не только спят, но и ебят ". Нашёл я Нгуйена, зная, что это его работа, и объясняю, что, мол, ошибка получилась и "б" в слове "едят" надо исправить на "д", а то смешно получилось, будто бы на циновках совокупляются. Нгуйен сходу

обиделся и стал мне нудно объяснять, что Вьетнам – бедная страна, к тому же климат жаркий и потому действительно приходится совокупляться на циновке, а не на кровати, и что над этим смеяться грешно.

Я ему объясняю, что никто и не смеётся, просто надо ошибку исправить. Он мне талдычит, что машинка у него старая и буквы "д" как домик нет. "Да напиши тогда кушают",- говорю, а он мне тут же вопросик с подковыркой, мол, почему "спят" кончается на "ят", а

"кушают" на "ют", и все мои объяснения из области грамматики, тем более, что в ней, действительно, ногу сломишь, как об стенку горох.

Разозлился я, плюнул и говорю: "Пиши тогда, как хочешь".

Так знаете, что написал этот знаток русского? Это уж я на следующий день углядел, а потом вся наша колония бегала поглазеть и поржать. Не обессудьте, передаю дословно: "Циновки. Во вьетнамском быту на них не только спют, но ещё кушают и ебют".

Как нам обустроить Россию

Вот нам всё говорят, дескать, на культуру да образование денег нет, старикам пусть Бог подаст, солдатикам нашим в горячих точках на добавку всем миром собирайте. А ведь есть средство и казну государеву разом пополнить, и обкультуриться хоть бы до европейского уровня. Средство, хоть и специфическое, но для России-матушки в самую что ни на есть пору. И средство это – накласть налог, не так, чтобы больно большой, а в меру, на матюки. Ведь нас народу-то ой-ой-ой, под 150 миллионов, и матюкается, почитай, каждый в меру сил и возможностей.

Ну, отнимем новорожденных, да сколько их-то, всего ничего при нашей пониженной рождаемости. А каждому гражданину обоих полов да плюс тем, что меж полов запутались, вменить святую обязанность – ругнулся, будь добр, отслюнявь на благое дело, заодно и грех тяжкий отмажешь. Скажем, за каждый мало-мальски серьёзныё матюг – по полтинничку, ну, а там за "блин", "ёлы-палы" или "японского городового" – по десяточке. Ветеранам и инвалидам, конечно, придётся временную скидочку сделать до обвыкания, ведь ругаются всё больше от безденежья, зато какому-нибудь Киркорову – с добавочкой на общественный статус.

А если хочешь в книжке душу облегчить или с эстрады

брякнуть либо пропеть что непотребное – драть втридорога за распространение в особо крупных размерах. Вестимо, придётся в городах специальные места ругательные отвести, как для курения. Зашёл, опростился на халяву, на стенке слово богохульное карандашиком нацарапал и на улицу, а там уж нини. Скажете, это сколько средств да мытарей надо, чтобы за каждым уследить. Дык если с умом к делу подойти…

Подходишь, сам, знамо-дело, в гражданском под туриста и с видяшником и говоришь так вежливо, мол, изволили обмолвиться, гражданин, с вас столько-то и столько-то, а свидетельство туточки в камере. Тебя, всенепременно, тут же трёхэтажным, а ты знай, считай да подсчитывай.

Тут и бригада омоновская из подворотни, и сразу гражданину права его зачитывает, а если и их обложит, то только на пользу казне.

К общественности обратиться, активистам камеры забесплатно раздать, да за двадцать процентов комиссионных каждый сам себя зафиксирует, а уж соседа злючего или там жёнушку в момент твоего позднего возвращения заснять во всём её безобразии – да за здорово живёшь. Опять же агента посообразительней приодел поприличней, на шею цепь золотую, как у кота Баюна, и к браткам на разборки.

Квитанций не хватит выписывать, а выручки на пару квартир для лейтенантиков бездомных хватит.

На селе, не спорю, посложнее будет, но здесь можно спутники наши, которые шпионы, приспособить. Всё одно, небось, простаивают, американашки-то теперь пока в друзьях заклятых ходят. А тут снимай всех подряд, особливо в день получки, когда она случается, а без получки и без того поболе урожай, а если ещё для подначки по телеку

Чубайса показать али Гайдара какого-нибудь, да на вторую Чечню, не приведи Господи, хватит.

Галкина с Якубовичем, чтоб из простых трудящих олигархов не плодили, посадить на передачу "Кто, где, когда?" и премии натурой давать тем, кто больше материалу с "пи-пи, пи-пи" на каждый матюг наснимает и на ту передачу пришлёт. Я бы и сам стариной тряхнул,

Федюхиной кобыле камеру под хвост пристроил, пусть поснимает, как он её охаживает, ведь у коров уши вянут, а у козы нашей, Машки, намедни родимчик случился. Мобыть, с комиссии и бутыль бы самогона оправдал, что Федька на разговение у меня арендовал да по сю пору так, бляха-муха, и не возвернул, забодай его комар.

Платочек

Дело было в Питере, тогда ещё Ленинграде, на турбинном заводе. А слышал от друга, который сам на этом заводе работал и поведал мне по свежим следам, а потому с волнением непосредственного участника.

Получили срочный правительственный заказ на ремонт какой-то огромадной турбины. Сроки выполнения поставили жёсткие, потому навалились всем миром и всё, что надо, сделали тютелька в тютельку к сроку. Стали собирать и тут, о, ужас, сердечник не втискивается обратно, куда следует.

И так крутили, и эдак, никак не идёт железяка чёртова. Собрали инженерный консилиум, кумекали, кумекали, ну, не получается, хоть ты тресни. Повисла гнетущая тишина и в ней, как нота отчаянья, прозвучал голос директора: "Зильберштейн".

Зиновий Зильберштейн, или попросту Зяма, проработал на турбинном чуть не сто лет, но уж лет десять, как был на заслуженной пенсии, а, может, и на том уже свете, но оставался в памяти как незаменимая палочка-выручалочка в разных закавыках.

Все засуетились, срочно был вызван директорский шофёр, и маленькой делегацией, включавшей слывшую обольстительницей бухгалтершу, отправились к Зяме домой. Тот оказался живой, всё такой же шустрый и задиристый, только поусох маленько. Выслушав посланцев, он заверещал, дёргая своим хрящеватым шнобелем: "Ага, десять лет без помину, ни тебе поздравить с каким-нибудь праздничком, ни тебе стакашек налить, а как беда, так сразу "Зяма, помогай!". Нетушки, убейте, с места не сдвинусь, я таки весь из себя больной ветеран".

Всё же, после уговоров, в коих не последнюю роль сыграло присутствие дамы, и обещание впредь на праздники не забывать, смилостивился, напялил парадный пиджак с боевыми колодками, в котором чуть не потонул, галстук в белый горошек нацепил, и отправились. Завели под ручки в цех, все, как на митинге, замерли, а

Зяма лысину за ухом поскрёб, всех строго так оглядел и спрашивает тихо: "У кого платочек есть, только очень чистый?". Все как-то стушевались, потупились. "Так и знал, – сказал Зильберштейн и вытянул из внутреннего кармана пиджака свой носовой, белизны необычайной, платок, – Подымите меня!".

Его подняли на вытянутых руках, поднесли к жерлу злополучной турбины. Зяма платочком тщательно протёр вход и громовым голосом приказал заводить. Ротор вошёл как по маслу

под крики "Ура!" и громовые аплодисменты. Прежде чем гордо удалиться, Зяма чуть свысока оглядел всех и напоследок сказал свои мудрые слова: "Чистота – залог успеха, не забывайте правила гигиены".

Яблоко

Случилось это в конце шестидесятых, в мои студенческие годы.

Время было весёлое, светлое. На троне был Хрущёв, многое дозволял, правда, мы тогда, глупые, и не догадывались, что такое свобода, гласность, демократия. Но наобещал незабвенный Никита Сергеевич с три короба, и что коммунизм вот-вот грянет, и жрачки будет навалом и на халяву. Особо, конечно, не верили, но надежда худенькая точила, а вдруг не врёт, вдруг действительно обломится.

А в ожидании радовались по младости и тому, что есть, пробирались на концерты ВИА (кто уже не помнит, так это вокально-инструментальные ансамбли, под которые маскировался запрещённый джаз-бэнд), переписывали на появившиеся в продаже отечественные магнитофоны "Яуза" просочившуюся с тлетворного Запада забойную музыку и выделывали под неё немыслимые па, рок-н-ролл в нашем понимании.

И вот как-то на праздник Первого мая собрались мы тёплой компанией, я с другом и Наташа с Мариной, благо Наташины родители подались на дачу сезон открывать и оставили в наше полное распоряжение квартиру. В общем, как тогда называли, вариант "И папы нет, и мамы нет, и некого бояться, приходи ко мне домой, будем целоваться".

Притащили мы пудовую "Яузу", с ходу врубив не нашу музыку, пару литровых бутылей фруктово-выгодного вина, называемого в быту ещё

"чернилами", и все вместе суетились вокруг праздничного стола в предвкушении грядущих удовольствий. Закусь была традиционной: салат

"оливье", шпроты, селёдочка под шубой, колбаска копчёная да сыр

"Советский". С кухни просачивался возбуждающий запах чего-то мясного, запекаемого с картошкой в духовке.

Главным украшением праздничного стола были яблоки в вазе, неестественно румяные, невиданного размера, видимо, китайские. Это был серьёзный намёк на возможности Наташиных родителей "достать" чего-то заграничного, а это тогда значило много. Строгая хозяйка гнала от стола всех, кто пытался что-то с него отхватить до времени.

Надо сказать, что девочки наши были – высший класс, красавицы, в сбитых по последней моде причёсках "я у мамы дурочка", намакияжены, как в китайской опере, в топорщихся, коротких донельзя юбках, короче, сплошной отпад. Особенно хороша была Марина, этакий заграничный тип с греческим носиком и чуждой нашему тогдашнему обществу голливудской улыбочкой, ну, и с нравом выпендрёжным под стать.

Она-то и не сдержалась, хвать яблочко гигантское и ну его кусать с некоторым вызовом. С трудом куснула раз, куснула два, и тут что-то у неё зашлось в челюстях, стоит бедная, моргает, а рот закрыть не может. Мычит белугой, слёзы из глаз хлынули. Мы-то сперва от смеха чуть не попадали, а потом чуем, дело серьёзное. Пытались челюсть ей вправить, да тут Мариша такую сирену включила, куда там скорой.

Решили в Склиф её вести, благо, недалече, остановки две троллейбусных по Садовому кольцу.

Как шли, и не описать, срамота одна. У Марины рот её голливудский нараспашку, при каждом шаге постанывает, все краски с тенями на лице от слёз перемешались в какую-то абстракцию Пикассо. То-то народу потеха, за нами аж толпа увязалась. Пока добрались, пока дежурного хирурга отыскали (время-то праздничное), Марина уж на грани обморока, только на остатках гордости и держалась.

Врач оказался молодым мужичком, уже порядком навеселе, похмыкал, примерился да как врежет ей правым хуком снизу, челюсть и захлопнулась с глухим стуком. Марина опять в слёзы, уже от счастья, мы вокруг от радости скачем. Хирург откуда-то достал колбу со спиртом, разлил по мензуркам за избавление. Приняли мы, выдохнув в сторону и занюхав рукавом. Врач и Марину заставил в лечебных целях для исключения психологического шока мензурочку опрокинуть. Пожалели все вместе, что не может он с нами к праздничному столу вернуться

(дежурство на всю ночь) и помчали радостные к заждавшейся Наташе веселиться и отмечать День международной солидарности трудящихся.

Бочка

К старости, как говорят врачи, начинает слабеть оперативная память, развивается столь любимый зубоскалами склероз. То очки запропастятся куда-то, ищешь, ищешь, а они у тебя, дурака,

на носу.

А то бутылку, припрятанную к приходу друга, найти не можешь, а оказывается, вместе и выпили на прошлой неделе. Зато, видимо, в компенсацию, активизируется память стратегическая и вспоминаешь то, что вроде бы забыто давным-давно, а, может, и вовсе не было.

Тут как-то прихватило меня намедни на улице, засуетился в поисках общественного сортира, наткнулся, к счастью, быстро, облегчился радостно и вспомнил одну историйку, как говорится, в струю. Дело было давешнее, я ещё школу не закончил. Отвёл меня отец под какой-то праздник к своему мастеру в парикмахерскую, что была в Столешниковом переулке и считалась чуть ли не лучшей в Москве.

Стригся он, как помню, у мастера Марковича, югослава, уж не знаю, каким ветром в Москву занесённого. По слухам, владел тот у себя на родине аж парикмахерским салоном да в войну разорился, но мастерства не утратил. Заведение на Столешниковом было особое, клиентура, можно сказать, светская, каждый высиживал своего мастера и ждать своей очереди приходилось долгонько. Все друг друга знали и, чтобы время скоротать, пробавлялись байками да анекдотцами.

Одна быличка особо запомнилась, а услышана была от ветерана парикмахерской, благообразного старичка интеллигентной наружности.

Рассказал он, как один клиент весьма крупной комплекции в ожидании мастера почувствовал позыв по малой нужде, вышел, туда-сюда ткнулся, нет туалета. А за углом, при входе в ресторан "Будапешт", огромная старая бочка с него ростом и круглая дырка в ней, под затычку. Мужик мигом сообразил, к бочке подсунулся и, делая вид, что бочку ту на ощупь пробует, в дырочку и опростился. Выдохнул с облегчением, хочет отойти вальяжно, а бочка-то не отпускает. То ли достоинство его мужское от эмоций разбухло, то ли бочка от принятой в себя жидкости покривилась, но застрял клиент намертво.

Дёргался, дёргался он, да пришлось подмогу звать. Народ из парикмахерской вывалил, кто что предлагает. Пытались всем миром отодрать, да мужик благим матом завопил. Официант из ресторана маслица на подносе вынес, мужик смазал застрявшую плоть, а та от этих манипуляций ещё боле надулась. Стали холодной водичкой поливать для сужения сосудов, тут вообще всё смёрзлось, время-то зимнее было, морозное. А уж толпа образовалась, всяк напирает, желает к месту происшествия поближе подобраться.

Стали дворника с топором звать, не сразу, но нашли, тот под

улюлюканье масс принялся бочку крошить, а та дубовая, как на грех на совесть сшитая. Благо, милиция подоспела, толпу оттеснила, порядок навела, тут и скорая подкатила, мужика нашатыркой поддержали.

Кое-как освободили бедолагу, на носилки его подхватили да так с расстёгнутой ширинкой и гордо вздыбившимся из неё виновником торжества и отнесли к машине под победный рёв толпы.

Колокола и пушки

Не знаю, может, это и байка, но услышана от профессионала-историка и тот божился, что правда истинная. Как известно, Пётр Первый, разобравшись в Москве со стрельцами и мятежной сестрицей Софьей, обратил свой орлиный взор на врагов внешних. Поспешив по младости лет и особенно не подготовившись, бросил он своё войско против шведского короля Карла и пошёл на приступ крепости под опять теперь заграничной Нарвой, что стоит насупротив нашего Ивангорода.

Да пушчонки оказались убогие, крепостных стен так и не пробили, а иные при выстреле сами взрывались. Плохо обученные солдатики под напором шведской пехоты и кавалерии побежали без оглядки, одни

Петровы "потешные полки" позора избежали да поручик Меньшиков, ставший впоследствии генералиссимусом, отличился. Но баталия была безнадёжно проиграна и кончилась большой конфузией. Треть войска полегла, а артиллерия вся слава богу врагу досталась.

Но Пётр, на то он и Великий, в уныние не впал, войско новое набрал, а чтоб артиллерию восстановить, повелел снять с церквей четвёртую часть всех колоколов и переплавить их на пушки. Чем кончилась его разборка с Карлой, сами небось помните, если не из школьного курса по истории, то из уроков по литературе. А дальше вот что было. Как Пётр в силу вошёл и виктории добился, отцы церкви, сочтя момент благоприятным, обратились к нему почтеннейше с просьбой вернуть должок либо металлом, либо пушками, дабы колокола опять отлить да назад повесить.

Пётр, ничтоже сумняшеся, на прошение такую резолюцию наложил:

"Хер им, а не пушки". Надо сказать, что в те времена слово "хер" означало всего лишь букву "х" славянского алфавита, ну, как

"аз" и

"буки". А посему сами судите, что в виду имел царь-батюшка, может, просто "похерить", т.е. перечеркнуть просьбишку косым крестом.

Прошло какое-то время, Россия уж под императрицей Катенькой, тоже

Великой, процветала. Памятливые иерархи церковные решились к ней обратиться, надеясь на щедрость и доброту женскую. А Екатерина, не будь дурой, затребовала из архива старое прошение с резолюцией

Петра, прочла внимательно, посмеялась и под той резолюцией свою наложила руцей царственной: "За неимением оного отказать".

Видение

Давненько это приключилось, в далёкую пору моего студенчества.

Учился я в Институте восточных языков. Институт считался трудным, да и правда, время от времени у кого-нибудь из студиозусов крыша ехала, то ли от этих самых языков, то ли от всяких диаматов, которыми нас пичкали под завязку. И вот, как в отдушку, вывезла нас военная кафедра на сборы.

Сборы как сборы, ать-два на плацу, пиф-паф на стрельбище, щи да каша пища наша. В конце, перед принятием присяги, полевые учения.

Вот там меня и подловили на какой-то мелочи и влепили наряд вне очереди, хоть какая уж там очередь. Короче, всучили калаш с холостыми и отрядили в ночь на боевой пост. И хоть пост-то был бы серьёзный, а то так, полевая кухня. Ну, знаете, вроде бочки большой под кашу, с печкой и на колёсах. Но прапор меня застращал, сказал, мол, предполагаемый противник может в ту кашу яду напустить. Хорошо хоть лампочку надо мной засветил.

И вот все по палаткам почивать, а я фонарным столбом при каше. Да ещё ночь промозглая выдалась, продрог как цуцик. К утру туман сгустился, до состояния манной каши, кругом какие-то шорохи, чудища разные мерещатся, ну хоть криком кричи. И вдруг слышу шаги крадущиеся. Я в автомат вцепился ни жив ни мёртв, а оно всё ближе, ближе, морда страшная в тумане проявилась, вся размыта, только глаза немигающие в пол-лица и

ручки ко мне скелетные тянутся.

И тут слышу шёпот вкрадчивый: "Печка-то ещё теплится? Задубел как собака, я к тебе погреться". Химера оказалось Сюннербергом или попросту Сюнькой в его довольно хилой, но всё же материальной плоти.

Был он из моей группы и благодаря замысловатой фамилии постоянно оправдывался, что не еврей, а швед по дедушке. Ну, тут я его чуть не расцеловал, а ведь уж готов был в харю прикладом заехать, ведь подумал, всё, мой черёд пришел, с катушек съехал, коль приведения стал видеть.

Ч у чмек

Случилось это в мою студенческую пору, дай бог памяти, году в 85 прошлого столетия. Был среди студентов нашего факультета, а учился я в МГУ, один чучмек то ли из Узбекистана, то ли Киргизии. Они тогда по льготной квоте поступали. Звали Ильдаром, ничем особо примечателен не был, только улыбался всё время да в сезон дынькой угощал и другой вкуснятиной, что с родины присылали. Жили в общежитии, в высотке на тогда ещё Ленинских горах, в боксах на две комнатёнки, в каждом подвое.

И тут вдруг приглашает меня Ильдар на свадьбу, почему меня, за какие такие заслуги, я уж и не знаю. Видно, приглашал методом случайного отбора. Свадьбу в соседней кафешке отмечали, по-студенчески скромно. Невеста оказалась тоже азиатских кровей, скромная и невзрачная, с родины только брат Ильдаровский приехал, толком и по-русски не говорил. Зато облачён в чёрный костюм и с чёрной же бабочкой, что для того времени было в диковинку. Такую же и жениху привёз, и были они как близнецы однояйцовые, оба с бабочкой и как бы прилепленной улыбкой, ни дать ни взять официанты из ресторана.

После кафе продолжили узкой компанией в общежитии. В одной комнатёнке разместили невесту, то бишь уже узаконенную жену, а в другой сели допивать да доедать что со свадебного стола осталось и в предусмотрительно заготовленные кастрюльки собрано и из кафе принесено. От скуки плотненько водочкой накушались и в какой-то момент решили закимарившего молодожёна отвести к жёнушке на первую брачную ночь. Что и исполнили под марш Мендельсона, мычанием обозначенный, и тихие дежурные крики "ура". Умаявшаяся невеста при том даже

не проснулась.

Только за стол вернулись, чтобы последнюю рюмку за зачатие потомства опрокинуть, дверь отворяется и на пороге улыбающийся

Ильдар. Оказалось, в сортире по нужде задержался. Батюшки святы, выходит, мы его братца невесте в брачную постель подсунули. Хорошо, среди нас "старик" был, после армии на учёбу подавшийся. Тот не растерялся и говорит Ильдару трезвым голосом, мол, всё равно на ногах, так сходи в мой бокс, там бутылочка армянского коньяка на пожарный случай стоит.

Ильдар послушно за дверь, а мы всем гамозом за братцем. Стянули с постели, по щекам нахлестали, да куда там, в полной отключке человек. В туалет засунули, туда же его чёрный костюм с бабочкой, а сами опять за стол, вроде как ничего и не случилось. Как Ильдар появился с улыбочкой и бутылкой под мышкой, мы его, опять же под

Мендельсона, в соседнюю дверь, а сами военный совет под коньячок учинили. Застыли в немом вопросе, успел братец невесту покрыть или по пьяни не смог.

Решили, что коль и случилось чёрное дело, то всё равно никто никогда не узнает, уж больно братья друг на друга похожи, а дитя оно и есть дитя. А сами под посошок смертной клятвой поклялись ни в жисть об этом ни гу-гу. Вот и я только сейчас раскололся, думаю, в сизой дымке прошедших годов клятва силу свою потеряла.

Течка

В английскую газету "Таймс" от её корреспондента в Москве поступило сообщение следующего содержания. Недавно здесь прошёл всероссийский научный симпозиум по вопросам демографии. Тревожным набатом на нём прозвучала озабоченность продолжающейся утечкой из

России мозгов. В выступлениях ряда учёных прозвучала и тревога по поводу ускоряющейся утечки и кое-чего ещё. Имелась в виду определённая часть прекрасной половины населения.

Эта часть наших девушек-красавиц, – подчеркнул докладчик, – эксплуатируется за рубежом едва ли не с большей интенсивностью, чем добротные национальные мозги наших соотечественников. Мало того, и другие органические части россиян потекли широким потоком на Запад для замены

разлагающихся органов местных бюргеров. Дошло до неприличия. В Париже разнёсся слух, что в России существует категория людей, которых называют мудозвонами (вероятно, от английского слова "mood" – весёлое настроение). Считается, что их половые органы столь велики, что при ходьбе их носителя издают мелодичный звон сродни церковным колоколам. И теперь любители экстравагантной изюминки предлагают за этот русский агрегат бешеные деньги в евро.

В кулуарах симпозиума корреспонденту удалось взять интервью у доцента Дубограя, который продемонстрировал более оптимистический взгляд по затронутым на симпозиуме вопросам. Он заявил буквально следующее (в переводе): "Да мне на это наделать по-большому. Пусть утекают, у нас таких до и больше (то есть до паха и выше). А вот некоторым мудозвонам (см. примечание) в нашей Думе уж точно пора кое-что обрезать (вероятно, имеется в виду национальный признак)".

На заключительном заседании симпозиума было принято всенародно оглашённое закрытое обращение к Президенту с просьбой немедленно легализовать проституцию для поддержки этой исконно русской профессии и пополнения поредевших рядов жриц любви, а по утекающим мозгам ударить полновесным рублём для прекращения несовместимой с интересами родного государства течки. Заодно предложено также прекратить утечку информации о некоторых интимных сторонах и особенностях российского быта.

Кибер

Дабы заделать прорехи, образовавшиеся по вине уклонистов в рядах наших славных вооружённых сил, по прямому указанию нашего главнокомандующего одно из зауральских конверсионных предприятий взялось за разработку модели киберсолдата. Как водится, кое-что слямзили у америкосов, но добавили и много своего, отечественного.

Первая опытная партия образцов поступила на испытания в энскую часть под кодовым названием "образцовый солдат икс-игрек-йота".

Киберы проявили прямо-таки суворовские боевые качества, дисциплинарное послушание и железную физическую закалку, однако поступившие вскоре сигналы об отдельных мелких недостатках, выявленных при прохождении службы, вынудили

производителя отозвать опытные модели на доработку. Как всегда, оплошала полевая почта, и депеша пришла с опозданием. В ходе воспоследовавшего оперативно-розыскного мероприятия выяснилось, что киберы после очередного занятия по строевой подготовке по команде "Оправиться!" тут же отвинтили технологический лючок, расположенный в паховой области, и под напором в несколько атмосфер излили тормозную жидкость, в среде которой плавали их электронные мозги, на начищенные до нездорового глянца сапоги старшего прапорщика Загоруйко.

Оказалось, что жидкость после несложной операции с применением портянки с ноги того же Загоруйко в качестве фильтра превращалась в питьевой спирт со слегка выраженным металлическим послевкусьем и полным отсутствием последствия экспериментального вливания в человеческий организм (проверено на организме того же Загоруйко), наречённого в народе "бодуном".

При звуке команды "Выйти из строя!", видимо, мучимые сушняком и лишённые тормозов механические солдаты мгновенно привели в действие заложенный в них на случай попадания в плен предполагаемого противника механизм саморазрушения и вывели из строя всю сложнейшую электронику, смонтированную в курдючной части. При этом из незатронутого разрушением плеера китайского производства, замаскированного под пилотку с красной звездой, раздавалась бравурная мелодия из репертуара популярной группы "Тату"

"Москва-Воронеж, нас хрен догонишь". На остатках энергоносителя, переработанного из списанного аккумулятора КРАза и размещённого в тазобедренной полости, киберы со скоростью штабного газика устремились к ближайшему отделению Комитета солдатских матерей. Там их всех и нашли по испуганному звонку в МЧС, но уже в форме аккуратно уложенных у стеночки НУРСов (неуправляемый ракетный снаряд).

По официально опровергнутому сообщению инженера-инструктора

Пентюхова, это как раз то, из чего изготовлялись пуленепробиваемые корпуса киберов. На вопрос, чем вызвана странная аббревиатура в названии образца (икс-игрек-йота), инструктор честно признал, что это было первое, что пришло в голову главного конструктора при взгляде на испещрённое непотребными надписями ограждение завода типа забор. По результатам расследования Загоруйко было объявлено о неполном служебном соответствии и понижении в чине. Разработчики с учётом опыта полевых испытаний и привлечением последних достижений фирмы "Самсунг" авральными темпами

поставили на поток производство новых продвинутых моделей, но уже из сырья, поставленного тульским самоварным заводом. Введён в строй цех побочного производства, выпускающий снискавшую народное признание водку "Загоруйка".

По бабам

1968 год прошлого столетия. Вьетнам. Официально не объявленная война с американцами. В нашем представительстве штук двенадцать мужиков детородного возраста. И ни одной бабы вокруг по причине того же военного времени. Секретарша Торгпреда не в счет, ибо выбрали её иезуиты-кадровики от души, дабы не отвлекала от мыслей о лучезарном лике Партии и её апостолов. Пигалица, соски в спину всосались, из седалища две хворостины сучковатые, глаза как игольчатые ушки, а уши как вареники недоваренные. И сами глазки как в песне "дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону". Косила, стало быть. И косила известно куда. Что где своими варениками скосила, то в недремлющее ухо представителя внедрённого в наш славный коллектив товарища из органов и доносила.

Куда русскому мужику вечером после суматошного рабочего дня податься? Вы, небось, хором подумали, что водку жрать или по бабам.

А вот и нетушки. Шли толпой под водительством партсекретаря в

Посольство на лекцию о политическом моменте и очередной загогулине партийной линии. После шумного перекура шёл добротный советский фильм о том, как весь из себя задушевный ветеран Гражданки смог достучаться до работавшего не в полную силу пламенного мотора в груди молодого коммуниста, и тот вмиг догнал Америку по надою молока с отдельно взятой бурёнки и залил им закрома горячо любимой Родины.

Совсем бы народ завял, да ведь он у нас ушлый, на выдумки хитёр.

Вот и тут местный Кулибин навострился на внутреннюю сторону очков анилиновой красочкой да тоненькой кисточкой глазенапы упёртые подрисовывать. Сидишь, вроде бы лектора с потрохами ешь, а сам посапываешь и сон смотришь, естественно, эротического, запрещённого к просмотру содержания. Бывало, такое увидишь, что и растленному

Голливуду в голову не придёт. Опять же в аккурат под бурные

аплодисменты к концу лекции и проснёшься. Тут главное не растерять в памяти порнушку и в ушко проверенным друзьям-товарищам прохрипеть с придыханьицем.

Что женщин кругом не было, это я, конечно, чисто фигурально сказал, в масштабах, так сказать, ограниченного советского пространства на территории дружественного государства. А в город выйдешь, батюшки святы, их тьма-тьмущая повсюду шастает, лисьими глазками зыркает. Хоть и мелкие, т. е. миниатюрные, да на наш взгляд худоваты, но всё при них, что Богом положено, имеется. А иные прямо пампушечки, особенно те, что в военную форму облачены. Их в народе называли "Б-52" по марке самых крупных американских бомбардировщиков, что Ханой бомбили. Говорили, будто отбирали таких по весу, в дальних горных деревушках на буйволином молочке вскормленных.

Казалось, вот бы где и проявить взаимное идеологическое тяготение, генсеки-то наши при встрече взасос при всём честном народе пример подают, так нет, таким табу обложили, что хоть узлом завязывай, коли где зуд почувствуешь. С нашими-то особенно не церемонились, чуть что, сразу "24 часа", то бишь манатки в сидор и первым самолётом в родные пенаты, а вот с той стороны чисто по-азиатски поступили. Запугали на политзанятиях девчушек, что у русских от жары их советское достоинство распухает до такого размера, что вьетнамскую нежную плоть насквозь продирает. Так они

"лиенсо", так по-вьетнамски нас, совков называли, за версту обходили и притом ещё следили, как бы это русское чудо на волю не вырвалось.

Оставалось спасаться родным универсальным зельем, тем более, что зараза стерегла на каждом шагу. Трубы городского водопровода и канализации пролегали рядышком, и уж коль вспашет американец фугасом земельку, одному Богу известно, по какой трубе какая жидкость течёт.

Вот и приказано было Послом перед приёмом пищи принимать ради профилактики организма по пятьдесят грамм, тут же названных партийными. Ну, где пятьдесят, там и чуть больше, мало ли что бывает, то рука от страха передозировки дёрнется, то по сирене воздушного налёта свет разом погаснет, а по "буль-буль" не всегда точную мерку нацедишь.

У нас как-то сама собой сложилась традиция дружеских посиделок, кои и названы были "ходить по бабам". А происходило это так. К вечеру, отоспавшись на лекциях и политзанятиях и памятуя про предписанную профилактику, народ, честно отдав Богу богово, неспешно подтягивался к очагам незамутнённой

политикой культуры. На газовую плиту ставилась раздобытая у ракетчиков вёдерная кастрюля с водичкой, литра два, не больше, и каждый приглашённый бросал в кипяток что фантазия и местный рынок подскажет. Кто курицу вложит, кто пяток лягушек, кто язык буйволиный, кто десяток слегка почищенных картофелин, кто дюжину черепашьих яиц, а кто овощей и зелени, аналогов которым у нас и не сыщешь.

Через часик с небольшим при умелом помешивании образовывалась густющая закусь, каждый раз другая, но всенепременно удивительная вкуснотища. И прозвали сие варево в ностальгическом томлении "бабьим соком". Кастрюля водружалась на газетку "Правда" в центр стола, в пределах досягаемости каждого, а вкруг неё для затравки – глянцевые обложки журнала "Огонёк" с портретом передовой скотницы или олимпийской чемпионки по метанию тяжёлых спортивных снарядов.

Всяк шёл со столовой ложкой, белоснежным вафельным полотенцем (за этим единогласно избранный лорд-распорядитель следил особо) и китайским эмалированным тазиком литров на пять, не меньше. Перед входом чинно-благородно разоблачались до трусов, непременно выстиранных с применением крахмала и отглаженных до стрелочек на боках, полотенце перекидывали через левое плечо, тазик ставили на пол, к правой ноге. Перед каждым стояла в фокусе глаз бутылка

Владивостокского питьевого спирта, доставленного по случаю сухогрузом водоизмещением 12000 тонн, справа от бутылки – пустой гранёный стакан, а крайней – скромная рюмочка с кипячёной водой.

Ритуал начинал старший по возрасту. Отдав должное сервировке стола, ветеран обычно кратко излагал эпизод из семейной жизни, не преминув подчеркнуть царившие в его времена спартанские нравы. Один в назидание молодёжи, уронив ненароком тяжёлую мужскую слезу, признался, что первые пять лет супружеской жизни впустую работал над расширением потомства по наивности не над тем технологическим отверстием. Грустный эпизод завершал торжественный тост за дам. Все вставали, по-гусарски тянули правый локоток вровень с плечом, вливали в пищевод рюмку с водой (тем самым торилась дорожка), а затем с резким выдохом туда же – стакан спирта. И так каждый по часовой стрелке. Начинались бомбёжки, свет вырубался, с ним кондей

(домашняя кличка кондиционера), духота давила тяжелее темноты, но процесс шёл несмотря ни на что. Разливать успевали под всполохи взрывов или по памяти наощупь.

Вот тут уж приходила пора полотенец с тазиками. Каждый тост, которые становились всё красочней да заковыристей, сопровождался вытиранием весело струившегося пота и выжиманием полотенца в тазик.

Может, вы и не поверите, но тазик наполнялся довольно быстро, и их чередой выносили в рукомойник. Никому и в голову не приходило, что выливали-то небось водочку в Менделеевской пропорции естественной фильтрации. К концу тянуло на песни типа "Эй, мороз, мороз, не морозь меня" или наши, доморощенные типа "Нас не засыпать шрайками

(т. е. ракетами "воздух-земля"), снабдите лучше Райками иль Машками иль Нинками, холь Люською хромой. Нас по ночам кошмарные, игривые, коварные преследуют видения из сферы половой".

Ну, а расползались по своим кельям, дружным шёпотом наяривая наш гимн: "По джунглям мы идём, тропинка узкая, земля нерусская, с пути мы не свернём, мы парни русские, мы парни русские". Спросите, а куда бутылки опорожненные девались. Будете в Ханое, зайдите в парк, что рядом с озером "Хо Хуан Кием", приглядитесь, все они там родимые, горлышком вниз, а попочками солнечные лучики ловят и тропинки влюблённым парочкам указуют. Вроде бы и не зря старались.

Мео

В конце шестидесятых годов работал во Вьетнаме. Время было военное, хотя война официально объявлена не была. На Юге Вьетнама полыхала партизанская война, на Севере весомым аргументом стали авиабомбы. Американцы, как всегда, довольно бесцеремонно, под лозунгом спасения свободы и демократии на Юге от давящего с Севера коммунизма влезли в это болото основательно. Шли бомбардировки с воздуха Ханоя и других городов, но результатов это не давало. Надо сказать, что американцы старались придать своим авианалётам вроде как "джентльменский" характер. За сутки до очередной бомбёжки они разбрасывали с воздуха листовки с призывом начать мирные переговоры и списком объектов, которые будут подвергнуты бомбардировкам. В заключение довольно лицемерно звучал призыв эвакуировать население.

А работал я в нашем Торговом представительстве и, среди прочего, занимался поставками так называемого

"общегражданского имущества".

Таким хитрым определением обозначалось всё необходимое для партизанской войны, исключая собственно оружие. Этим занималась другая, страшно засекреченная организация под названием Главное инженерное управление (ГИУ). По своим обязанностям приходилось мне бывать на "тропах Хошимина". Так тогда называли сеть дорог в джунглях, по которым северяне пробирались на Юг. Никакие американские дефолианты не помогали, и джунгли надёжно скрывали эти партизанские пути и самих партизан.

Бывал и на партизанских базах, обычно раскинутых в горных пещерах или зарывшихся глубоко под землю (так называемые метро). Оттуда и осуществлялись вылазки на врага, обычно под покровом ночи, всегда неожиданные и бесшумные, что наводило ужас на американцев. И уж, конечно, средства партизанской войны были далеки от джентльменства.

Вспомните боевые приёмы из фильма "Первая кровь" со Сталлоне в роли

Рэмбо. Всё это дотошно скопировано из практики моих друзей-партизан.

И это, можно сказать, были только "цветочки".

Особой жестокостью и разнообразием средств убийства врага отличались подразделения, набранные среди горных племён. Сам слышал от вьетнамцев, что первым делом у поверженного врага вырезалась и съедалась печень, так как, по поверью, в ней заключаются все солдатские доблести. Вот в одно из таких племён как-то и попал я в сопровождении вьетнамского боевого подразделения. Добирались туда на

"уазике", долго и круто в горы. Зато красота необыкновенная и люди необычайные. Племя называло себя "мео". И без перевода ясно, что на их языке это означает кошку.

Девушки мео, в отличие от вьетнамок, много выше ростом, грудь не хуже, чем у иных западных, а теперь уже и у наших, актрисок и прикрывали её домотканым шарфиком только в моём присутствии по подсказке вьетнамских сопровождающих. Фигурки точёные, а грацией действительно обладают кошачьей. Мужички приветливые, волосы курчавые, сами сухие и жилистые, ходят только в набедренной повязке с заткнутым за неё ножом с широким лезвием и с арбалетом за спиной.

Почти у каждой хижины, а здесь они все на высоких сваях от змей и разного зверья, канава с водой метра два на метр. А что в ней, я и не понял сразу – три-четыре огромные, с виду деревянные колоды. Тут сопровождающий вьетнамец подкинул к одной колоде листик, и вдруг разверзлась огромная пасть и

листика того как не бывало. Оказалось, это рыбины и, по последующему опыту скажу, такой вкусноты, что пальчики оближешь, что, кстати, и приходилось делать, так как ели преимущественно руками. А подана рыбка была на обеде в нашу честь, заняв по длине чуть не весь стол, тушёной с какой-то остропряной зеленью и древесными грибами.

Не буду описывать меню застолья, тем более, что и не понял (может быть, к своему счастью), из чего приготовлено большинство блюд, но что я так вкусно не едал и в лучших ресторанах – факт непреложный.

После риса и зелёного чая, традиционно завершающих здесь трапезу, каждому разомлевшему от обилия еды, сопровождаемой по торжественному случаю возлияниями пальмовым вином, а по сути водкой типа текилы, каждому едоку была вручена, как я понял, курительная трубка.

Представляла она собой одно колено толстого бамбука диаметром чуть больше широко открытого рта с одной сохранённой перегородкой и конусообразной чашечкой, вырезанной из дерева, над дырочкой в бамбуковом стволе.

В чашечку подс ы пали какого-то чёрного порошка и запалили его от лучины. Тут я стал о чём-то смутно догадываться, но, как говорится, поезд ушёл. Пришлось, следуя примеру местных мужичков, приставить трубку ко рту и сделать несколько глубоких затяжек. И тут меня повело. Догадка оказалась правильной, порошочек был опиумным. Но в нахлынувшем кайфе мне было уже всё равно. Беспокоила только обретённая телом лёгкость воздушного шарика, и для верности я вцепился в циновки под собой, которые служили и сиденьем, и напольной скатертью.

В полудрёме мы провели минут пятнадцать-двадцать, затем потихоньку ожили, остались лишь лёгкость и добродушное настроение.

Не подумайте чего плохого. Я потом поинтересовался у сопровождающих вьетнамцев и меня заверили, что наркомания в племени отсутствует начисто, а опий предназначен всего лишь для облегчения переваривания тяжёлой пищи в условиях сухой, калящей горной жары.

Наутро следующего дня, видимо, тоже по подсказке вьетнамцев, в мою честь был устроен праздник принятия меня кровным братом в племя.

Это было что-то сказочное. Перво-наперво мне обмотали запястье левой руки шёлковыми нитками от сглаза злых духов, затем преподнесли подарки: крошечного тигрёнка, маленький арбалет для охоты на дичь, большой – для охоты на зверьё и на

американцев. К арбалетам прилагался колчан со стрелками из расщеплённого бамбука с закалённым в огне одним концом и кусочком пальмового листа в качестве стабилизатора на другом. А ещё была маленькая засушенная тыковка с вязкой жидкостью. Мне объяснили, что это сильнодействующий яд типа кураре, в который перед охотой надо макнуть конец стрелки, и тогда любая царапина на теле предмета охоты будет смертельной.

А потом был праздник, люди что-то пели, танцевали, все, включая даже старух с дряблой грудью, пили через длинные соломинки пальмовое вино из крупных глиняных кувшинов. Кульминацией стало что-то вроде спортивного состязания среди юношей. Сначала стреляли из маленьких арбалетов в какое-то травяное чучело, видимо, должное изображать ненавистного американца. Причём скорострельность была потрясающей, уж не меньшей, чем у пулемёта "Максим". Хитрость заключалась в том, что стрелок одним плавным движением вытягивал из колчана, очень напоминающего бамбуковую курительную трубку и висящего за правым плечом на спине, стрелу и укладывал её в ложе арбалета, одновременно локтевой косточкой натягивая тетиву до стопорящей ложбинки. Нажатие на спусковой крючок, упирающийся снизу в тетиву, и полетело бесшумно то, что американцы называли "тихая смерть".

Затем каждый юноша отводил свою хихикающую суженую шагов на двадцать и разворачивал к себе профилем. Вернувшись к стартовой черте, он безошибочно пробивал арбалетной стрелой, особо и не целясь, овальный шиньон, в который были заправлены чёрные, искрящиеся на солнце волосы девушки. У меня каждый раз замирало сердце, но после объяснения, что за всю историю существования племени ни одного промаха не было, я успокоился и с восхищением продолжил наблюдение, изображая хлопающую публику.

На заре следующего дня, по холодку, мы, провожаемые всем приветливым племенем, отправились восвояси. По пути, в чащобе кустарника я отпустил тигрёнка, не без основания надеясь, что здесь он скорее отыщет мать, чем в нашем торгпредстве. Там же от греха подальше закопал и тыковку с ядом. А вот арбалеты и колчан со стрелами украшают мою коллекцию восточных диковинок, и их вид частенько вызывает в моей памяти одну из самых ярких картин, пережитых мной на этом таком далёком Востоке.

Похоронщик

Не знаю, как сейчас, а в моё время работы в крупном министерстве существовала такая общественная должность – похоронщик. То застойное время, в шутку ли, всерьёз, называли эпохой геронтократии, то есть власти стариков. И верно, по крайней мере, в моём заведении возраст до семидесяти лет называли средним, а свыше – второй молодостью.

Посему, естественно, общественные похороны были довольно частой процедурой, и заправлял всем этим делом у нас бодрый старичок-боровичок, Алексей Абрамович.

Похороны всегда предваряло, извините за невольный каламбур, немного суматошное оживление. Обсуждали возможные кадровые сдвиги, кто-то предвкушал сокращённый рабочий день в связи с массовым выездом на кладбище, а кто-то – богатое халявное застолье поминок.

Всё щедро оплачивал профсоюз, а Алексей Абрамович по каким-то своим каналам доставал прямо-таки невиданный закусон и остродефицитные сорта водок. Сдвинуть весь этот ритуальный механизм мог только он.

Ходили слухи, что эти его способности и другие несметные общественные нагрузки спасали его в восемьдесят с большим гаком лет от пенсии.

Грамотой он не отличался, зато прошёл всю войну старшиной, а уж что он там кончал, кроме ЦПШ (церковно-приходская школа), одному

Богу известно. Его главной служебной обязанностью было установление производственных связей между различными предприятиями нашей необъятной отрасли. Технология этих расчётов считалась чуть ли не святым таинством, но один дружок на ушко мне сообщил, что как-то подглядел это таинство. Мол, карточки с названиями предприятий

Абрамыч перетасовывал, как колоду карт, раскладывал пасьянсом, а полученный результат выпавшего соседства закреплялся потом министерским приказом. Голову на отсечение не дам, что это не враки, но что в производственных связях по стране царил немыслимый кавардак

– факт известный.

Зато как он был профессионально хорош в торжественной речи в морге! Начинал с пролетарского или крестьянского происхождения усопшего, коли факт оного на его счастье имел место. Рождение в интеллигентной семье стыдливо умалчивалось, и тогда биографическую часть открывал момент вступления в пионеры. Затем упоминалась пламенная вера нашего сослуживца, естественно, до его кончины, в светлое

будущее коммунизма и заслуги перед великой Партией. Следом шёл рассказ о самоотверженном труде в министерстве до последнего вздоха на рабочем месте. Кстати, в большинстве случаев так оно и случалось, уход на пенсию считался постыдной слабостью.

Самым скорбным и потрясающим был артистически проработанный финал. Абрамыч доставал из глубин пиджака белизны небесной огромный носовой платок, ронял на него горькую слезу из левого глаза и с тихим всхлипом "Прощай, дорогой друг и товарищ!" отворачивался в судорожных рыданиях. Но уже через минуту его сухой командирский тенор звучал в разных концах погребального зала.

Надо упомянуть ещё одну его отличительную и действительно удивительную черту – он не болел. То есть в прямом, сермяжном смысле этот крестьянский сын не знал даже, что такое насморк или головная боль. Умер наш дорогой дедушка Алёша тоже в лучших традициях, видно, как хотел и у Бога вымаливал. Вернулся после сытного обеда, а поесть он, сердешный, ох, как любил, устроился в любимом кресле перед любимым своим канцелярским столом, потянулся со смаком… и отдал

Богу душу.

Потом уже в почти пустом ящике его стола нашли тоненькую школьную тетрадочку. То ли это была его рабочая шпаргалка, то ли приготовил для преемника по похоронным делам и в первую голову как программу прощания с ним самим, кто знает. Расписано там было всё: кому сколько заплатить, кого "подмазать" для облегчения дела, где, что и как достать и разные прочие секреты ремесла. Не забыт был и чисто выстиранный белый платок, и ещё одна маленькая деталька, о которой никто в жизни бы не догадался. Маленький комочек губки, смоченный в воде и скрытый между пальцами, и давал ту знаменитую слезу в конце надгробной речи.

Хоронили Абрамыча воистину всем миром, фокус с губочкой не понадобился, все и так плакали навзрыд. Оказалось, любили этого попрыгунчика все и всерьёз. Староверы

Рассказал эту историю мой старый друг, проработавший в своё время несколько лет в Канаде по линии Минвнешторга. По роду деятельности ему приходилось много разъезжать по стране, и вот как-то попал он в очень отдалённом от центра районе в село, как бы сказали у нас, городского типа и населённое преимущественно русскими по происхождению староверами. Переселились их предки сюда ещё в царское время, в пору гонений в России на старообрядцев. Однако, по словам

сопровождавших друга канадских коллег, и по сию пору и веру свою блюдут, и русский быт и язык свято сохраняют.

Из любопытства друг не выдержал, напросился в гости в одну из таких семей. И был просто поражён тамошним домостроем. Встретили его с восторгом, как любимого соотечественника, по случаю такого события переоделись в праздничную одежду. А наряды точь в точь как в старинной опере из крестьянской жизни, косоворотки, сарафаны и всё такое. В горнице красный угол с иконой в обрамлении рушника, стол ломится от родной закуски: и селёдочка, и капустка кислая, огурчики солёные, грибочки. Даже водочка со слезой, но это только для гостей в виде исключения, сами живут по старой вере, ни вина, ни табака нини.

Все, конечно, говорят на английском как на родном, но дома предпочитают общаться по-русски. И какой русский звучит, прямо музыка для современного русича. Видно, что хранили его трепетно чуть не с Пушкинской поры. Звучный, сочный, ярко образный. Но время всё же вносит свои коррективы, нет-нет да проскальзывают, если можно так сказать, англицизмы, и на ухо воспринимаются весьма уморительно. Вот образчик такого сочетания, приведённый в рассказе друга.

Голубоглазый хозяин с чисто русской окладистой бородой кричит отошедшей на кухню за горячим жене: "Машка! Прикрой фортку, а то чилдренята засикают". В переводе это русоподобная тарабарщина означает, что детки от сквозняка могут простудиться.

Хоть эти староверы и осовременились, но крестятся по-прежнему в два перста, бьют поклоны земные, церковь и священников не признают, считая их ненужным посредническим звеном между Богом и человеком, любят хоровое пение да как же ладно распевают псалмы, а хлеб едят только собственной выпечки. Телевизор для них – грех, предпочитают библейские имена, хоть и смешно звучащие в английской транскрипции, блюдут свою заповедь "Бегите и таитеся!", а потому, хоть и знают, что где-то на горном Алтае живут их единоверцы, но в Россию ни ногой.

И много чего ещё рассказал о канадских русских мой друг, а мы, затаив дыхание, слушали в умилении и с гордостью, что есть ещё где-то на краю света островки заповедного русского быта.

Огрех

Был я как-то очередной раз на праздничном застолье у своего старинного друга. Друг был из тех, кого сейчас называют лицом кавказской национальности. Хотя и родился, и всю жизнь прожил в

Москве, восточное гостеприимство и умение вести застолье к вящему удовольствию своих друзей он не утратил. Как только гости расселись за столом, накрытым с кавказским изобилием, хозяин объявил открытыми выборы тамады, подчеркнув всю важность сего акта, ибо от этой особы зависит не только праздничное настроение присутствующих. Главная задача тамады, как было подчёркнуто, это исключить саму возможность возникновения паузы в застольном общении, ибо в этот именно момент, по поверью, рождается милиционер.

Шутка была, надо сказать, с бородой, но всегда вызывала неизменное оживление в зале, предвещая обильное возлияние и заранее вооружая мужскую часть компании против возможных женских нареканий на частоту тостов дежурной отговоркой. Компания была давно сложившаяся, знали друг друга не первый год, правда, за единственным исключением. Лучшая подруга хозяйки, весёлая и взбалмошная блондинка в постоянном и затянувшемся поиске достойной её партии пришла с новой пассией, весьма интеллигентным на вид застенчивым скромнягой.

Выборы были чистой формальностью и частью известной всем игры.

Тамадой стал тот, кто уже не раз завоёвывал это право своим профессионализмом, наработанным в основном за тем же нашим столом.

Начал он, развивая глубокую мысль хозяина, с необходимости соблюдения жёсткой дисциплины застолья, дабы не дай бог не допустить ни малейшей паузы в силу уже указанных катастрофических последствий.

Каждый тостующий, неумолимо призываемый к священнодейству тамадой, который как всегда умело плёл паутину тематики заведённого застолья, считал своим долгом помянуть задачу противодействия размножению милицейского сословия.

Дошла очередь и до нового члена нашего сплочённого коллектива. В силу проявленного оным молчаливого характера никто особо не ожидал от него искромётной фантазии в произнесении тоста. Начал он в полном соответствии с канонами тостующего, поблагодарив хозяйку за великолепный стол, а хозяина – за радушие и гостеприимство. А затем, с малой паузой,

сказал следующее: "Разрешите и от всего сердца поблагодарить тамаду, великолепно выполняющего свои обязанности. Но один огрех в его работе всё же хотел бы отметить к превеликому удовольствию для себя. Не заметил, в какой момент, но пауза всё же имела место быть. Разрешите представиться, майор следственного отдела, а попросту мент Константин".

Вот тогда и возникла великая пауза, почище чем у Гоголя в

"Ревизоре". В конце концов обстановку разрядил умница-тамада

(кстати, с этого момента получивший кличку "огрех"), театрально изобразивший сердечный приступ и потребовавший налить себе штрафной фужер. Это был единственный раз, когда кто-то выпил единолично и без всякого тоста.

Супермаркет

Суматошная жизнь пошла, всё мельтешит, меняется, сегодня здесь одно, завтра другое. Вот шёл я давеча по Дорогомиловке мимо знакомого магазина. Глядь, а магазинчик-то тю-тю, нетушки, ремонт вовсю идёт. Стою я, размышляю, что будет на этом месте. Поднял глаза к вывеске. Батюшки-светы, что я вижу? Из первой части слова

"супермаркет" "у" выпала, а от маркета только "ма" осталось. Чую, кто-то сзади тусуется. Обернулся, вижу мужичонку бомжеватой наружности.

– Чё, тоже сдавать подался? – с хитроватым прищуром спросил он меня.

– Что сдавать? – обалдел я.

– Чё написано, то и сдавать. Я ужо насдавал, выгодное дело, пробирку нацедишь – тебе на бутылку.

– Да кому это надо?

– А леший его знает. Слыхал, богатенькие бабы по утрам принимают, а, могёт быть, в себя спринцуют. Коли так, я уж целую футбольную команду нарожал. Было бы и больше, да переехала контора. Думаю, сюда, вишь, вывеску уже налаживают.

Тут я очумел окончательно, пожелал торопко мужичку удачи и пошёл дале. А тот, видать, ещё долго стоял, лаская взглядом получившуюся ненароком вывеску.

Подружка

Прежде чем поведать быличку, рассказанную мне старым другом-выпускником Университета дружбы народов, и понять её изюминку, следует сказать, что по-арабски слово "родина" звучит на наше ухо как нечто похожее на "билять". Так вот, в его студенческие годы подселили к нему в комнату общежития иракца по имени Ахмед. Тот оказался общительным парнем, весёлым и любознательным. На первых порах общению, правда, мешало его полное незнание русского языка, но очень скоро он начал довольно активно на нём изъясняться, чему немало способствовала его удивительно цепкая память. Естественно, он постоянно мучил моего друга вопросами: "А как это по-русски? А что значит это, а что значит то?".

Как-то он пристал к другу с вопросом, а что означает русское слово, очень похожее на арабское слово "родина", которое он слышит часто и повсеместно. Друг несколько смутился, но объяснил, что это означает свою в доску девушку. На большее, в силу своей интеллигентности, он не решился. Буквально через несколько дней был устроен вечер советско-иракской дружбы, на который, естественно, был приглашён и уже полюбившийся всем Ахмед. У дверей зала гостей встречал декан, который, завидев его входящим с однокурсницей, воскликнул с радушной улыбкой: "А вот и наш Ахмед с подружкой!". В ответ тот, с еще более широкой улыбкой и оттенком гордости за тонкое знание языка, сказал: "Да, она своя в доску билять". Последовавшая за этим немая сцена сравнима с финальной из "Ревизора".

Калаш

В областном театре драмы и комедии города N. (название скрыто в интересах следствия) в заключительной сцене третьего акта всемирно известной чеховской пьесы "Чайка" ружьё, висевшее на гвоздике, вбитом в декорацию, наконец выстрелило. Притом, как оказалось при ближайшем рассмотрении, это было вовсе и не ружьё, а видавший виды автомат Калашникова, любовно называемый в народе "калашом". Сам подлинный реквизит был временно заменён на принадлежащее театральному охраннику оружие для использования в местном Тамбовском лесу против появившегося там серого волка.

Итак, автомат, к вящему удивлению публики, открыл огонь на поражение. В ответ раздались выстрелы из почётной ложи, где

восседал весьма авторитетный в городе мелкий бизнесмен Убаюкин. Упомянутый авторитет успел произвести из незарегистрированного антикварного пистолета системы наган лишь пару выстрелов и замертво упал сражённый наповал в лоб пулей из калаша. К счастью для бизнесмена, его лоб выдержал удар. Уже через несколько минут, при задержании за незаконное ношение огнестрельного оружия, Убаюкин громко и нецензурно выражал свои чувства, что говорило о его полном физическом здравии. Оперативно-розыскные мероприятия, проведённые в лесном массиве, не привели к поимке злосчастного охранника, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор. По слухам, он по сию пору скрывается в означенном выше лесу с так и не выстрелившим ружьём и серым волком, с которым вступил в преступный контакт.

Танк

Историю эту слышал в далёкие уже советские времена прошлого столетия от людей, доверия достойных. А приключилось вот что.

Выделили очередному дачному кооперативу землицу в Подмосковье для застройки. Да вот незадача, на отведённом участке оказалось незарегистрированное строение, а попросту сарай, от старости в землю вросший. Хозяина не нашли, да особо и не искали, а сараюшко решено было снести к чёртовой бабушке. Каково же было удивление строителей, когда подогнанный бульдозер, упёршись в стенку, ни на йоту сарай сдвинуть не смог. И так, и сяк упирался, а тот ни с места.

А ларчик просто открывался: внутри к стене был аккуратно припаркован танк Т-34, весь из себя смазанный и с полным боекомплектом. Тут уж милиция напряглась, и вскоре владелец этой чудо-бронетехники был найден. Им оказался местный весьма уважаемый дедок, провоевавший Великую Отечественную от звонка до звонка.

Машину, как оказалось, он пригнал с войны как сувенир и на случай нового вторжения в родную державу. Ухаживал за ней втихаря как за собственным дитём и со знанием дела, благо на ней и провоевал чуть не всю войну.

Деда, из уважения к преклонным годам и заслугам перед Отечеством, не тронули, танк сдали в музей, а сарай к всеобщему облегчению свалили под корень.

Елда

В конце семидесятых пришлось мне работать в Таиланде.

Чудо-страна, надо сказать. И вот как-то оповестили нас, что прибудет замминистра. Я на тот момент временно возглавлял представительство за отсутствием торгпреда, вот мне и выпало его встречать. Система подобных встреч была отработана. Вызвал я местного богатея, лицо китайской национальности, и поручил организовать развлекательную программу. Этот китаец сделал свои миллионы на импорте наших товаров тибетской медицины. Фирма его считалась "дружественной", что выражалось в ношении им значка Ленина на отвороте пиджака и посещении политических мероприятий в нашем Посольстве. Мы ему всячески за это потакали, так что за ним был должок.

Встретил я своего начальника, обсудили программу пребывания. Тот был вроде доволен, только по поводу культурной части программы сказал: "Чтобы никакой порнухи, сам знаешь, у нас строго". Я ему, конечно, ответил, мол, ни боже мой, знамо дело, но на всякий случай тут же перезвонил своему китайцу. Тот мне так же ответил, мол, ни боже мой, знамо дело, но только по-английски.

Тем же вечерком, после деловых переговоров, отправились мы в кафешантан "Пляс Вандом", так сказать узким кругом, я, замминистра и

"дружественный" китаец со значком на лацкане. Подзакусили под хороший вискарь, а тут и представление начинается. Сценка там небольшая, а от неё в зал узкий подиум с пятачком, у которого мы в качестве почётных гостей и разместились.

Грянула музыка, и выходит на пятачок без всякого предварительного представления баскетбольного роста факир, ну, чалма с рубином, халат до пят и всё такое. Публика затихла, ждёт, а тот руки на груди скрестил, глаза закатил и замер, паузу держит. И тут, вот-те фокус, полы халата зашевелились и выползает из щёлочки устрашающих размеров елда, другим словом и не назовёшь. Да такая, что сам Лука Мудищев позавидовал бы. Растёт, вздымается да кровью наливается, ужас просто. А в зале тишина и у всех рты пораскрыты.

И тут ба-бах прямо фонтан к потолку, выражаясь по научному, бурное семяизвержение, а сверху мелкими капельками на нас. Факир-то, поклонившись, гордо удалился под долгие

аплодисменты, а замминистра, отряхиваясь, зверем смотрит на меня. Я – на китайца, а тот своё бормочет, мол, не порно это, а физиология. Я так и перевёл, а замминистра мне кулак кажет. Ну, слава богу тут кордебалет пристойный пошёл, выпили по бокалу, расслабились. Как оказалось, рано.

В конце представления выходит на тот же пятачок девчушка миленькая такая, из местных. Танцует вокруг какой-то корзины, а сама постепенно с себя всё стаскивает, в общем стриптиз. И тут из корзины вдруг выползает питон, не большой, не маленький, а так, с руку

Шварценеггера будет. Выполз, огляделся и – к девочке голенькой.

Забрался на неё, обвил у талии, а голова – глаза в глаза, и глазки такие холодные-холодные. Публика опять вся замерла, а этот гад открывает пасть и ну длинным своим язычком раздвоенным вылизывать у партнёрши грудь, там где самая эрогенная зона.

А та всё танцует и змеюку вниз тянет, потом и вовсе легла. А питон, не поверите, стал ей голову в вагину совать, туда-сюда. Ну, прямо половой акт на глазах у изумлённой публики. Благо, не долго это продолжалось. Девица в изнеможении откинулась, а питон-похабник напоследок голову вытянул и на пол уронил. Тут затемнение, туш музыкальный, опять бурные, долго не смолкающие аплодисменты. А как свет зажёгся, глянул я в страхе на начальника, сидит он туча-тучей и личико аж багровое. А китайский мой дружбан одно слово только и сказал: "Дрессировка".

Думал я, конец моей карьере, но, к счастью, обошлось, кое-как оправдался, сославшись на местные нравы. А вот китайцу это обошлось в ящик виски и кучу сувениров для подобревшего в конце концов замминистра. Иваном Тимофеевичем его звали, царствие ему небесное.

Спецназ

Вот наслышаны мы о спецназе и по телеку про него насмотрелись, а всё кажется, что это из другого мира и парни те из другого теста. И я так думал до той поры, как приобщился к этому миру. Давно это было, выдернули меня на страшно секретные сборы по линии ГРУ, то есть военной разведки. Был уже кое-какой опыт за плечами, пять лет работы в условиях

военного времени во Вьетнаме и даже орденок с медалькой за это дело. За него, видно, и приобщили.

Собрали в основном бывших выпускников МГИМО и Института стран

Азии и Африки (я из последних). Все – офицеры запаса после военной кафедры, да вы сами знаете, какая там подготовка. Погрузили в вагончик и – в Литву, на лесную базу под городком Шяуляй. Нарядили нас там в солдатскую форму с офицерскими погонами и разбили на отделения с рычащим названием ГГР (группа глубокой разведки), а меня командиром взвода определили.

Быстро перезнакомились, оказалось, что в других группах – усатые и бородатые курды, бывшие боевики, нашедшие у нас в стране убежище, и "возвращенцы", дети русских реэмигрантов из Франции, приехавших в

Хрущёвскую "оттепель" на родину. Эти нашего быта не вытерпели и опять сбежали, но уже недалеко – в Прибалтику, дальше не пустили.

Каждому такому командиру, как я, приставили "наблюдателя" из кадровых офицеров, и началось.

Подготовка оказалась воздушно-десантная и диверсионная, проводилась на базе ВДВ. Народ там оказался серьёзный и тёртый. В

1968 г., когда наши партия и правительство решили несколько подправить ошибочный курс руководства братской Чехословакии, именно эти десантники первыми выбросились на пражский аэродром и обеспечили приём самолётов с основным военным контингентом.

Руководил нашей подготовкой по парашютному делу бравый майор.

Этот герой в одночасье сменил лейтенантские погоны на майорские после того, как его в ходе воздушного шоу на канате стравили из самолёта, а он, вытянувшись в воздухе во фрунт, отдал честь стоящему на трибуне министру обороны и своему начальнику, командующему ВДВ генералу Маргелову. А потом ещё, отцепившись от каната, приземлился с парашютом метров с 30, повторив воинское приветствие уже с земли.

А вот ас-пилот первого самолёта, с которого нас десантировали, наоборот, был понижен в звании за то, что на свой день рождения поднялся в воздух с друзьями-однополчанами и пока не был допит ящик с алкогольными напитками, не приземлился, несмотря на матерный рёв по рации комполка.

Да, так вот, стали нас, подучив маленько, сбрасывать и с

малых самолётов, и с больших, и днём, и ночью, и во поле, и в лес. Страху натерпелись с этим парашютом, не передать. А меж прыжками учили, как мочить противника голыми руками, ножики метать, взрывать, что ни попадя, ну, и конечно, стрельбе из разного оружия. Но всё это воспринималось нами несерьёзно, как игра, детская забава, в общем хихоньки-хаханьки.

Но вот настал день заключительных учений. Объяснили задание: уничтожить ракетную установку в тылу предполагаемого противника и самостоятельно, любыми средствами, вернуться на базу. Это и была конечная цель подготовки. Короче, сбросили нас ночью с полным боевым снаряжением в чащу непроходимую, и потопали мы по карте, что мне одному как командиру выдали.

Долго не прошли, стал народ уставать, а иные ноги в кровь разбили, ботиночки-то выдали новые. Я – к "наблюдателю", мол, потеряем людей, надо темп умерить, а он "Вперёд, вперёд!" и дальше чуть не вприпрыжку, привычный, чёрт. А за ним и несколько из моих ребят увязались. Остальные – вповалку. Я им объясняю, что надо идти, никуда не денешься, а они меня хором – по известному адресу.

Ну, думаю, хана нам пришла, и вдруг, для себя неожиданно, как гаркну: "Встать, ёжкин корень!". Сам перепугался, но и других пуганул, да так, что подчинились ошарашенно мои бойцы. Построил всех, тех кто посильнее – в передовое охранение, слабых в середину, двоих поумнее, кандидатов наук на гражданке, в штаб назначил, мне в помощь с картой разбираться, одного, самого ершистого – главным разведчиком. Народ как-то взбодрился, меня даже не Сашкой, а командиром стали величать. По команде тронулись и в путь.

Всю ночь шли, на полпути наткнулись на штабную палатку с отцами-командирами сборов, что и полагалось по заданию. Те, естественно, бухали ханку, нас поджидаючись, но встретили нас ни в одном глазу и на полном серьёзе. Сказали, что курды уже отметились, но и мы хороши. Пожурили лишь за один недочёт. Знаком оповещения у нас был вороний "ка-р-р", а, как со знанием дела подсказало начальство, птички ночью не каркают, но что с горожан возьмёшь.

Нацедили мне, как командиру, стакашек и благословили в дальнейший путь.

Шли до утра, днём укромно подкормились десантным пайком и выспались, а как солнце село, опять вереницей к уже близкой цели.

Шли, шли, подустали зверски, и тут чувствую, бунт назревает. Бурчит народ, недовольство выказывает и, вот-те здрасьте, мой же друг и однокашник, тоже Сашка, аж засипел,

мол, пора у командира карту отнять, завёл к чёрту на кулички, спасайся, кто может… Но номер не прошёл.

Я его перво-наперво обложил откуда-то взявшимся уже командирским баском, потом на поляне к какому-то дубу подтащил, а рядом двух ребят самых нахалистых с калашами поставил и завопил: "Расстреляю к чёртовой бабушке! Оружие наизготовку, по счёту три – пли!

Ответственность беру на себя". Патроны-то холостые были, но знал

Сашка, что обжечь вблизи можно мало не покажется. Бухнулся на колени, мямлит, мол, простите, товарищ командир. Ну, тут уж полная лафа пошла в смысле дисциплины, ребятки поутихли, подтянулись, благо, и на цель вскоре вышли.

Выслал вперёд разведчиков, те, на удивление профессионально, на пузе метров пятьдесят проползли и выведали, где наши же ребята, противника изображавшие, покуривали да дремали у костра при фанерной ракете. Даже одного "языка", спеленав и рот закляпив, притащили. Ну тут мы страшный тарарам из калашей устроили, опять же взрывпакет хлопнули по всем правилам искусства и разнесли "ракету" к едрёной фене в щепу, в общем задание командования выполнили. А наставника, лихого капитана, что увёл часть моих ребят, только через двое суток выловили в болотах и благополучно эвакуировали.

Не буду рассказывать как возвращались, как, выйдя из леса, реквизировали рейсовый автобус с перепуганными латышами, который и доставил нас почти до базы. Оказалось, из всех групп задание выполнили только, естественно, курды да мы, несмышлёныши. Автобус нам простили, а мне, как командиру ГГР, торжественно вручили латышский керамический набор из кувшинчика и стаканчиков.

А ещё вручили, уже неофициально, самый почитаемый в воздушно-десантных войсках оберег, значок парашютиста с груди разбившегося до состояния мешка с желеобразной массой внутри солдатика. У него это был всего второй прыжок, да вот песчинка попала в прибор для выдёргивания парашютного кольца на случай отключки в воздухе пужливого парашютиста, а он на свою беду таким отказался.

Вот тогда я и понял, что даже из сопливой интеллигенции, если с ножом к горлу магическое "Надо, Федя, надо", какие-никакие, а спецназовцы могут получиться. А меня ещё через несколько лет те же гэрэушники, повысив в звании, опять забрили на сборы, но уже на базу где-то под Кировоканом в Армении и для прохождения военно-альпинисткой подготовки. Вот уж где я

натерпелся страху поболе того, что испытал в прыжках с парашютом.

Там-то мандраж охватывает только перед шагом из самолёта в воздушное пространство, а я такое уже пережил во время студенческих сборов. К тому ж в Литве я был уже командиром и, если и тряслись поджилки, вида подавать права не имел. А в армянских горах испытал мучительное ощущение мухи, ползущей по стене в убийственной близости к полу. А ведь были ещё и так называемые "отрицалки". Это когда оказываешься подвешенным на крючьях под потолком нависающего каменного козырька. И уж до полного глазного остекленения доходишь, когда перебираешься на карабине по тонкой ниточке троса через бездонную пропасть.

База с изуверской хитростью была расположена на трёх уровнях крутой горы, внизу столовая, посерёдке палатки, а ещё выше – туалет.

Так что, хошь не хошь, а карабкайся весь день-деньской, укрепляй мышцы ноженек. Поначалу кое-кто и не доносил заложенное в себя в столовке до высшего уровня, но скоро все пообвыкли и шустрили вверх-вниз не хуже мушек.

В середине месячных сборов меня выдернул оттуда на воскресенье сосед по дому в Москве и друг закадычный Грачик, проводивший неподалёку (а в Армении всё неподалёку) с семьёй отпуск на родине.

Это было сделано вопреки всем правилам и обошлось в ящик лучшего армянского коньяка его двоюродному брату, Самвелу, местному

"князьку" (директору треста общепита).

И был выезд на горную речку с барашком в багажнике машины, и ещё один ящик, но уже водки, охлаждённый в ледяной речной водичке, и

"хоравац" (тоже шашлык, но уже не из барашка, а молодого кабанчика).

Кстати, перерезать глотку блеющему барашку было поручено мне как фронтовику и бойцу спецназа, что я и сделал для поддержания репутации ВДВ, предварительно приняв на грудь стакан охлаждённой.

В завершение дружеского пикника мы вкусили потрясающее блюдо из почти всего, что осталось от закланного мною агнца (на шашлык идёт только спинная вырезка и рёбрышки) и томилось на углях с утра. Блюдо это поглощается стаканами и имеет потрясающий отрезвляющий эффект. А потому уже плотно стоящего на ногах, меня загрузили в машину местного начальника УВД с мигалкой и доставили к шлагбауму сборов.

Добравшись до палатки, я только смежил веки, как услышал "Рота, подъём!" – и снова вверх-вниз по горам, по долам до самого отбоя.

А в заключение сборов восхождение на Арагац (названному так, наверно, по одноимённому армянскому портвейну, ибо турецкое название

– Алагёз). Этот неописуемой красоты трёхтысячник со снежной шапкой, конечно, несравненно мельче турецкого Арарата (вечной боли армянского народа), но сил и нервов у нас забрал много. Главное, мы его всё же (Гип-гип-ура!) покорили, и, скатившись кубарем по снегу в распростёртые объятия отцов-командиров, получили от них, не отходя от кассы, значок военного альпиниста.

Чирей

Всегда с удовольствием вспоминаю молодые студенческие годы. Да и не только я. Как встретимся с однокашниками по университету, такая лавина воспоминаний поднимается, что можем часами перемывать старые косточки, перебивая друг друга и каждый раз начиная словами "А помнишь, как…". Жаль, что всё реже эти встречи и народу поубавилось, ну, да ладно. Вот одна из таких историй.

Послали нас со второго курса на целину. Не поднимать её, родимую, это уж давно сделали наши предшественники, а строить. Выпало нашей бригаде воздвигать в целинном совхозе коровник. Что построили мы, хилые гуманитарии, отдельный разговор, да и не об этом речь. Скажу только, что даже совхозный инженер не нашёл этому определения.

Вернее, нашел, но это уж из разряда ненормативной лексики, потому опустим.

Была в нашей бригаде одна девчушка, в отличие от нас, с вечернего факультета, медицинского. Вечером училась, а днём работала в университетской поликлинике санитаркой. Всем она сразу полюбилась за весёлый и добрый нрав. К тому же выполняла врачебные функции, ну там кому что йодом помазать, перевязать, пургену или аспирину подкинуть и так далее. А у меня, на мою беду, прямо перед возвращением чирьи возникли на шее, видать, от степной казахстанской пыли, в которой работали. Вот меня Нина, так её звали, и мазала какой-то вонючей мазью, а перед отъездом наказала и в Москве зайти к ней в поликлинику.

Зашёл, скорее ради общения с хорошим человеком. Ниночка меня смазала, повязку сменила. Поболтали, повспоминали, похихикали, а напоследок она сказала, в какой кабинет дня через два прийти. Когда решил заскочить, смотрю, у кабинета огромная очередь студентов.

"Граждане, – говорю я с поклоном, – не откажите в любезности, пропустите вне очереди, мне только чирей перевязать". Чувствую, народ как-то заколдобился и оцепенел.

Я, пользуясь сумятицей, быстро за дверь и заскочил. А там вижу,

Нины нет, а сидит какой-то врач с бородёнкой, интеллигентной наружности. Отрывает глаза от бумаг, очки снимает и спрашивает: "Вам что, молодой человек?". Я немного смутился, говорю, мол, к Нине пришёл, она меня тут перевязывала. А он: "И что это вам Ниночка перевязывала?". "Да шею", – говорю, а сам чувствую, что-то не так.

И тут врач стал как-то мелко-мелко смеяться, аж ногами задрыгал.

"Я, – говорит он сквозь хихиканье, – не по этому делу, вот если б что пониже перевязать, тогда пожалуйста". Выскочил я из кабинета, как пробка из бутылки, оглянулся, а на двери крупными печатными буквами "УРОЛОГ". Уж не знаю, каким чудом, но это вмиг стало известно всему курсу, видно, кто-то из наших в очереди затесался.

Долго потом на потеху всем окружающим спрашивали меня, кивая многозначительно на область ширинки: "Ну, как твой чирей, перевязан?".

Перпетуум-мобиле

В жизни чем чёрт не шутит, всяко бывает, столкнёшься с чем-то непонятным, ну, задумаешься на минуту, потом плюнешь и дальше бежишь. Вот ехал я как-то на такси к друзьям на день рождения, вдруг на светофоре дверь задняя открывается и мужичок какой-то вида весьма непрезентабельного залезает. Мы с таксистом обернулись, и на наш немой вопрос тот и говорит деловитым тоном, мол, подбросьте по пути, сойду на третьем перекрёстке.

Домчали туда, обернулись, а сзади пустота и никогошеньки. Прямо мистика какая-то, машина ведь даже не притормаживала. Посидели мы с таксистом огорошенные да и дальше поехали.

Потом уж умные люди объяснили, что был то фантом, застрял между двумя мирами, вот и пугает людей. Ну, фантом так фантом, а выгоду свою блюдёт, за такси-то не расплатился.

Но это я так рассказал, для затравки. А поведать о другом хочу.

Работал я в самом начале постсоциалистического периода директором инновационной фирмёшки при одном НИИ. И вот звонит мне замдиректора института, говорит: "Был тут у меня чудик, из тех, что перпетуум-мобиле изобретают, так я его, ты уж извини, к тебе отфутболил". Только трубку положил, в дверь робкий стук, чудик явился – не запылился. В плохоньком пальтишке, волосики редкие, очки в палец толщиной, в руках шапку мнёт. Присел бочком на стул и стал рассказывать.

Мол, так и так, служу уж десять лет после института в богом забытой деревеньке сибирской, преподаю детишкам физику, а заодно и всё остальное. Вечерами со скуки в сарае рукодельничаю, всё больше приборчики разные для учеников. И вот как-то вроде как озарение нашло, стал мастерить одну штуковину, сам не знаю что. Так она, зараза, уже третий месяц над старым корытом в воздухе висит, без всяких источников питания. Подозреваю, что антигравитация. Вы, говорит, конечно, не поверите и за дурачка, как и другие, меня примите, но Христом богом клянусь, так оно и есть.

Рассказал ещё, что в Москву приехал ненадолго, в надежде найти эксперта, чтобы поехал и своими глазами убедился. Ну что тут скажешь? Я, вестимо, репу почесал и говорю, мол, приходите через денёк-другой, мы тут покумекаем, может, что и придумаем. С тем мужичка и отправил. Подумал, подумал, плюнул и забыл. А ближе к вечеру звоночек. Поднимаю трубку и слышу весомый такой голос: "С вами говорит майор КГБ такой-то". Я чуть не обделался, время-то было ещё пужливое. А майор мне вкрадчиво и с напором, мол, был у вас гражданин, так не извольте больше беспокоиться на его счёт, теперь мы им занимаемся. А вам я бы твёрдо посоветовал выкинуть это всё из головы. Ну, я естественно проблеял, что уже всё немедля забыл, и трубочку с трепетным пиететом и некоторым облегчением на телефончик вернул.

Вот помянул я, слава богу что не на ночь, приснопамятное КГБ и потянуло на лирическое отступление. Так уж повелось, что помянешь

Францию – на ум приходит коньяк "Наполеон", Германию – автомобиль

"Мерседес", а Россию – водка под икорочку. А ещё два слова из трёх букв. Одно – из тех, что раньше писали на каждом заборе, а другое – что и произнести-то вслух боялись, чтобы чёрта не

накликать. Уж больно овеяно оно мистикой и аурой трепетного страха вкупе с почитанием. И вот, как мне кажется, почему.

Если гаишники ведут свою родословную от Соловья-разбойника, то

КГБ во всех своих ипостасях ("скуратовщина", "охранка", ВЧК, ОГПУ,

НКВД, МГБ, теперешнее ФСБ) своими корнями уходит в Колдовской приказ, учреждённый царём-батюшкой Алексеем Михайловичем (вторым из рода Романовых и по кликухе Тишайший) в качестве службы безопасности державной семьи. Возглавил тот Приказ Артамон Матвеев, дядя девицы

Нарышкиной, ставшей царицей и маманей самого славного из царей -

Петра, наречённого Великим.

В созданном царём учреждении собраны были сильнейшие колдуны

Руси, а самым-самым и был как раз волхв Артамон, колдовскими чарами загубивший прежнюю жену Алексея Михайловича, дабы подсунуть ему свою протеже. Да и самим царём вертел он как хотел, а в конце концов навёл и на него смертельную порчу. И по сию пору крепки те традиции незапамятные, вы не находите?

А касаемо того чудика с "перпетуум-мобиле", так я о нём больше ничегошеньки не слышал, а вот нет-нет вспоминаю и задумываюсь, что же всё-таки это было?

Мистика

Вот сейчас волна какая-то пошла возрождения интереса к потустороннему. Церковь ожила, экстрасенсы, маги, колдуны всякие расплодились вроде бы ниоткуда взявшись. Кто верит, кто нет, а я вот и да, и нет, на перепутье можно сказать. Я в общем-то крещённый.

Бабушка в тайне от родителей и с большим риском для их репутации, в церкви окрестила да и в своё время в ушко кое-что крамольное нашептала. Но потом комсомол задолбал, мозги запудрил. Да и сейчас, разбуди среди ночи вопросом, что такое религия, выпалю не задумываясь – опиум для народа.

Но кое-что сдвинулось всё же в моих мозгах Фомы неверующего. А произошло это так. В студенческие годы увлёкся психологией, интересовала меня допреж всего механика

сновидений. Мол, откуда это всё в сон приходит, полёты радостные в небесах, порнуха приземлённая и в те годы строго настрого запрещённая, и прочее. По учебникам выходило, что это отражение реальных событий вкупе с загнанными вовнутрь желаниями. Но сомнения оставались.

Недаром же ещё древние греки считали, что во сне люди общаются с богами. Менделеев во сне получил как на блюдечке с голубой каёмочкой таблицу химических элементов, Сальвадор Дали как-то признался, что все сюрреалистические сюжеты черпает во сне, Рафаэль тоже что-то подобное говорил. Да что далеко ходить, наш Пушкин никогда не скрывал, что имеет в творчестве сильных покровителей, общающихся с ним во сне.

Этому можно верить, можно не верить, лучше я вам про себя расскажу, тут уж что было, то было. А было то, что я, как и все дети, летал во сне и знал от бабушки, что когда так летаешь, то растёшь. И любил полетать во сне очень. Кому ж не хочется в детстве побыстрее вырасти? Но вот какая штука со мной приключилась. Лет тринадцать уж было, стало быть в шестом классе учился. И обязали нас всех бежать кросс вдоль забора школьного по всему периметру.

Надо сказать, что не любил я длинные дистанции. То ли дело рвануть на стометровочку, по которой я занял аж второе место на школьной олимпиаде. А вот мучиться, ждать второго дыхания – ну не по мне это было. Но деваться некуда, принял старт и затрус и л, не особо напрягаясь. И тут вдруг нашло на меня какое-то помутнение и картинка полёта из сна явилась. И я полетел уже наяву. Нет, не взмыл в небеса, а как бы потерял здорово в весе и понёсся, буквально отталкиваясь от земли пальцам ног.

Что это было, до сих пор не пойму, то ли проблески левитации, то ли ещё что, но к финишу я прискакал как заяц, побив все рекорды.

Физрук был в отпаде и стучал секундомером о колено, греша на прибор.

А я впервые о чём-то задумался, но по младости лет скоро выкинул из головы.

Прошли годы, и вот я решил сны свои моделировать. Технология простая. Перед сном разрабатывал общий сюжетец с участием конкретных, мне знакомых лиц, завязку там, кульминацию. Короче, сам себе режиссёр по методу Станиславского. И пошло-поехало, не поверите, такие сериалы лепил, что теперешние и в подмётки не годятся. Жизнь стала намного интереснее, это вам не "Голос Америки" по ночам втайке слушать.

Ума хватило обо всём об этом помалкивать, но по частоте

вопроса

"Чего это ты лыбишься?" понял, что и народ наш студенческий стал во мне что-то замечать. Но недолго фраер танцевал, стало меня это что-то угнетать. Вроде как кто-то с моего режиссёрского кресла сгоняет – я одно заказываю, а сюжет совсем по-другому развивается, да всё страшней и непонятнее.

И вот как-то заготовочку очередную слепил, и заснуть не успел, как появился мой любимый питерский родственник, дядя Жоржик.

Чувствую, недоволен чем-то, но за стол всё же усадил и разлил привычно. Приняли мы на грудь, выдохнули, а дядька мне пальчиком грозит, мол, прослышал, не тем делом занялся. Я с виноватой улыбочкой по второй наливаю, а он рюмашку кусочком чёрного хлебца прикрыл и говорит: "Будя, мне на упокой надобно". И на кровать возлёг, руки скрестив.

Проснулся я совершенно обалделый, в голове каша и сердце щемит.

Маялся, маялся, не выдержал, звоню в Питер. А тётка мне тут и сообщает со слезами, что скончался, мол, раб божий, приказал долго жить. Ну, как обухом по голове, и одна в ней только мысль: "Надо в церковь дуть". Собрался, пошёл, благо, недалече. Прикупил свечку тонюсенькую, поставил за упокой души куда все ставили. Потом по храму прошёл и каждому лику святому поклонился и внутренне помолился за очищение от скверны. Уж и не знаю, откуда и слова-то взялись.

И ниспошло облегчение на душу мою, и глупостями небогоугодными заниматься перестал. Атеистом-то я остался, но уже не таким закоренелым, каким был. Всё-таки понял, что там, наверху, в космосе ли, астрале или где ещё, но есть что-то вроде матрицы, что почитать следует да побаиваться.

Вежливость

Приятно, конечно, что вежливость внедрилась наконец в сферу обслуживания. Но порой она обретает уж больно формальный характер, балансируя на грани бестактности. Вот, скажем, пришлось намедни побывать в морге на прощальной церемонии по поводу кончины моего друга старого. При выходе служительница ритуального культа с елейно сладкой улыбкой на лице и полупоклоном вежливо говорила каждому покидающему зал "До свидания!". Нетрудно вообразить смятение чувств

родственников и друзей усопшего. Хорошо ещё не "До скорого!", что оставляло надежду порезвиться ещё в этой жизни.

Или это наскучившее предупреждение Минздрава о вреде курения. Ну, чего стоит это многократно тупо повторяемое выражение заботы о твоём здоровье? Да в силу эффекта "замыливания" каждый курильщик в упор это предупреждение давно не видит. А если уж это клятое министерство всерьёз озаботилось твоим здоровьем, во что верится с трудом, то прояви такт и уважение к потребителю. Напиши на сигаретной пачке, что предупреждение последнее и что в каждую миллионную сигарету добавлена капля такого никотина, который и взаправду убивает лошадь, не говоря уж о курильщике. Вот тогда дело будет. Да народ сбежится поглазеть на прикуривающее чмо, ставки будут ставить на "помре-не помре".

Так что, граждане, будьте, конечно, взаимно вежливы, но если предупреждаете, то только раз, а при повторе можно и мордой об стол.

Школа жестов

Как-то подзабылась у нас лексика жестикуляции. Всё свелось, особенно среди молодёжи, к выпячиванию среднего пальца правой руки в направлении обидчика да вихлянию задом в знак отказа от подчинения, а в отдельных случаях – приглашения к разврату. А ведь гамма человеческого общения посредством жеста весьма широка. Вспомним хотя бы принятую у древних славян сложную комбинацию из трёх пальцев с введением большого между двумя соседними (фига или по научному – кукиш). Это изначально символизировало половой акт, но потом вылилось в оповещающий знак отказа от оного.

Нелишне напомнить, что знак из двух пальцев в форме латинской буквы "V" от "Victory", столь любимый Черчиллем и другими лицами англоязычной национальности, изначально тоже был нашим и назывался

"коза рогатая". Использовался он для шутливого устрашения малышей путём тыкания в область животика. В молодёжном варианте применялся при заигрывании с девушками-хохотушками, при этом движение вилочкой, развёрнутой ладонью вверх, производилось по более низкой траектории.

Кстати, хитросплетение большого и указательного пальцев правой руки неправомерно трактуется как обозначение буквы "о"

от "О'кей!".

Давно доказано, что это "о" от русского слова "очко", просто наши пращуры дополняли этот жест введением в образованное пальцами отверстие указательного перста левой руки, что означало тогда угрозу страшной расправы.

Сложную метаморфозу претерпела так называемая распальцовка, получившая у нас столь широкое распространение среди бандитствующих элементов и политиканов местного разлива. Этот жест в екатерининские времена был принят в московских масонских ложах всего лишь как намёк на супружескую измену и не считался в ту эпоху размягчения нравов непомерно обидным. Правда, и тогда в среде музицирующей публики этот жест означал, что мелодия навеяна Сатаной.

А мягкое пошлёпывание внешней стороной ладони по шее, означающее ныне шутливое приглашение опрокинуть стакашек? Историческими хрониками зафиксировано происхождение этого жеста. Возвращаясь на шхуне из Голландии после обучения, молодой ещё царь Пётр возжелал отблагодарить шкипера за науку и выжег ему на шее государеву печать, демонстрация коей в любом кабаке Российской империи гарантировала тому выпивку на халяву.

Вытянутый перед собой кулак при покачивании с небольшой амплитудой – обозначение угрозы в рамках полушутливого "Ну, погоди!". Забавно, что этот жест в Юго-Восточных странах является показателем скрытности характера и готовности к любой подлянке, в отличие от открытых ладоней, приподнятых до уровня груди. Этот жест мы часто встречаем в изображениях Будды, а вот кулак да ещё с зажатой в нём кепкой, что навязчиво мельтешил ранее на портретах и в скульптурных изображениях приснопамятного Ильича, однозначно воспринимался восточным человеком как угроза.

Кручение головой туда-сюда в горизонтальной плоскости – отказ или отрицание, причём по резкости движения можно определить категоричность смысла, от мягкого "Фигушки" до "Пошёл ты на…".

Вертикальное кивание головой – знак согласия или, по обстоятельствам, выражение подобострастия. Характерно, что у наших славянских братьев болгар полярность этого жеста изменена на противоположную. То есть, если болгарка крутит носом – это согласие с предложением, а если кивает, то отзынь. Тут легко попасть впросак.

Троекратное подмигивание мужчины правым глазом означало приглашение разлить на троих. Этот жест, по предположению, можно проследить до библейских времён

формирования святой троицы. А вот подмигивание левым глазом в исполнении особы противоположного пола – приглашение к соитию. Отсюда, вероятно, и бытующее по сию пору выражение "сходить налево". Ответным жестом иногда служило покачивание кулаком согнутой в локте руки. При этом локоть должен упираться в пах, а кулак дрожать якобы от напряжения.

Колебательные движения пальцами в области рта с одновременным произнесением магической формулы "бля-бля-бля" означало в супружеском общении "много болтаешь, дура", а постукивание костяшками кулака правой руки в области верхней чакры головы, то есть темечка – "ну, ты и тупой". Дальнейшее развитие беседы могло привести к покручиванию указательным пальцем у виска в знак констатации низкого интеллектуального уровня собеседника.

Широкий жест правой рукой слева направо в поклоне означал "входите, гости дорогие", а резкое движение руки из почти вертикального положения вниз с радостным кивком головы – "прощай, не навещай". Последнее обычно исполнялось при расставании с тёщей. Ей же можно было продемонстрировать вытянутый язык, что в словесном выражении звучало бы как "накуси-выкуси". А вот одновременное загибание своих ушей в направлении собеседника означало личное оскорбление типа "сам дурак, и уши у тебя холодные".

Изложенные реминисценции являются лишь малой толикой утраченного богатства межличностного общения посредством рук, головы, "мягкого" места и других членов. Написано сие в надежде, что наше культурное наследие не останется втуне. Флаг вам в руки, дорогие собеседники.

Бухара

В своё время проработал я чуть не четверть века в Минвнешторге.

Место, надо сказать, было элитное или, как тогда говаривали -

"тёплое". И не то чтобы платили хорошо. Хорошо-то в теперешнем понимании тогда вообще никому не платили. Но изюминка была в том, что посылали. И, в отличие от многих других, не по известному адресу, а за границу. А это был свет в окошке, возможность вырваться в другой мир и "оторваться", а также и почти единственная в пору товарного голода в нашей

стране – отовариться по полной программе.

Правда, командировочные были грошовыми. К тому же, если кормила принимающая сторона, то их ещё и ополовинивали. А потому в министерстве имелись свои приёмы, как сэкономить вожделенную валюту для реализации планов закупок в форме списка подарков для жены, чад и домочадцев и друзей, который каждый командировочный зажимал в кулачке, отправляясь на шоппинг. Во-первых, с собой брался вафельно-шоколадный торт "Сюрприз" и батончик сырокопчёной колбасы, которые заменяли еду и закусь по принципу "ни цента на глупости".

Следующими по важности палочек-выручалочек были суповые смеси в пакетиках, которые вкупе с кипятильником полностью решали проблему автономного питания. Вы спросите, а как же с кастрюлей? No problem, кипятильник погружался в заполненный водой и заткнутый пробкой рукомойник, и щи или борщ готовы через 5 минут. От борщей, правда, пришлось отказаться после того, как в Париже в газету попала информация прислуги отеля, жаловавшейся на трудности оттирания кроваво-красной плёнки на раковине, остающейся после проживания в номере русских.

Одновременно эти тупые горничные никак не могли понять, почему эти русские использовали биде по полной программе. Откуда им было знать, неразумным, что в ту пору у нас и самого слова-то "биде" никто не слышал. А уж то, что при появлении русских в гостиничном бассейне всех других как рукой смывало, а вода окрашивалась в революционный красный цвет, рассматривалось как политическая провокация. Это ж надо, добавлять в воду реактив, таким образом реагировавший на мочу!

Во-вторых, можно было надыбать липовые счета на канцпринадлежности для делегации и якобы за пользование такси, которые становились документами строгой отчётности. В этом деле существовали свои "подводные камни". Скажем, в некоторых развивающихся странах в гостиничный счёт включали и услуги интимного характера. Например, в пору моей работы в Таиланде из-за скудости ресурсов на гостиничные расходы мне приходилось расселять командированных в борделе гостиничного типа. Так что тут уж нужен был глаз да глаз.

В третьих, с собой брали по большой баночке чёрной икры, которую можно было "толкнуть" с большой пользой для командировочного бюджета. Словом, применение упомянутых экономических приёмов резко расширяло возможности обретения заграничных шмоток. Правда, мудрые ветераны, и набив шкаф костюмами "оттуда", на работу ходили одетыми от фабрики "Большевичка", чтоб выглядеть "как все". А то, неровён час,

положит на тебя глаз партсекретарь да обвинит в отрыве от народных масс и преклонении перед Западом. А такое случалось в звериной борьбе за выезд "туда".

Ещё одной палочкой-выручалочкой, но тоже о двух концах, во внешторге были подарки. Одно время я работал в отделе Японии и стран южных морей, так япошки по доброте душевной чуть не на каждую встречу, не говоря уже о праздниках, таскали часы, калькуляторы, приёмнички разные нам в подарок. А все подарки (подчёркиваю – все), мы должны были безропотно сдавать куда следует в силу царившего принципа "Похваленный или паче чаяния одаренный врагом – враг народа.

Сейчас-то, насколько я знаю, отбирают подарки на сумму свыше 5 тыс. рублей, а тогда прямо смех и грех. Вот и приходилось порой по сговору с начальником идти на грех присвоения социалистической собственности. А куда деваются все сданные подарки я узнал много позже, попав случайно в спецсекцию ГУМа, где можно было за свои деревянные рубли отовариться импортными товарами, оставшимися с иностранных выставок, реквизированных таможней и… нашими подарками. Увидел там вызывающий слюнку зависти музыкальный центр с выгравированной на нём золотом дарственной надписью. Хотели, видно, японцы обойти известный им порядок и тем потрафить нашему замначальнику управления, да дудки, не вышло.

Так вот, курировал я среди прочего от главка наш экспорт пушнины, а потому выезжал со спецами на аукционы, главным среди которых был

Лондонский. Надо сказать, что если непревзойдёнными торгашами считаются евреи, а второе место скромно удерживают татары, то в пушном бизнесе татары обошли всех, и татарский даже считается в нём международным профессиональным языком. Ну, Лондон это отдельная песня, а рассказать хочется о командировке в Бухару на отбор экспортного каракуля.

Заманили меня туда друзья-татары, обещая пару халявных шкурок да шапчонку меховую, но перед самым выездом одному их коллеге как раз дали "по шапке" за то, что привёз пару головных уборов – одну себе, другую, как водится, начальнику. Кто-то "настучал", и вылетел родимый из министерства. Не начальник, конечно. Тот отделался партийным порицанием, но добрую традицию на время заморозили. Но и без того командировка удалась на славу.

Принимал нас директор местного института каракулеводства, с виду обычный чучмек в панамке и парусиновых штанах с волдырями на коленках. Но оказался человеком удивительным. Вечером зашёл в наш гостиничный

номер, а за ним шофёр в поте лица затащил ящик коньяка и овощей с фруктами, да столько, что в номере было не повернуться.

Сели чин-чинарём с любезной "принимающей стороной" и засиделись чуть не до утра. Вот тут-то он и раскрылся.

Что доктор наук, секретарь райкома, директор института – это всё лабуда. А главное, как он признался после чтения замечательных по музыкальности стихов Омара Хайяма, то, что он из рода чингизидов, то есть потомков самого Чингиз-хана. Пушниной, мол, пусть занимаются татары и бухарские евреи, а высшая власть всё равно в руках узбеков, но только тех самых тайных чингизидов. И не только власть. На свет появилась вынутая из парусиновых штанов и перетянутая чёрной резиночкой аккуратная скатка сторублёвых купюр, по-местному – "зузы"

(от узбекского "зуз" – сотня). И это не всё. На стол легло удостоверение сотрудника КГБ, в конце которого мелким шрифтом прописано "с правом ношения оружия".

С утра, кое-как отпоившись зелёным чаем и щуря по-узбекски весьма мутные глаза, отправились по базам. Удивило то, что всё начальство оказалось в таком же убойном состоянии, что и мы. Разгадка крылась в том, что накануне отмечался праздник "грех пополам", то есть завершение сдачи-приёмки каракулевых шкур и шерсти, а значит и раздела той самой левой "зузы".

Пропущу будни с их скучными производственными деталями и перейду к описанию "отвальной". Вот уж где в полной мере проявилось узбекское гостеприимство, не чета даже грузинскому. К обеду выбрались в рыбоводческое хозяйство, расположились на бережку пруда.

Шофёры начальнических чёрных "Волг" с ловкостью и расторопностью опытных халдеев "накрыли поляну". Пока суть да дело, директор хозяйства отлучился, как он сказал, за рыбкой. Я, предвкушая радости рыбалки, напросился с ним.

Сели в лодку, завели мотор, раздвинули покоящуюся в воде традиционную пару ящиков, с коньяком и водкой, и отплыли. На мой вопрос "А где снасти?" я получил в руки увесистую дубинку. Вся рыбалка заняла не более десяти минут. Лодка под умелым водительством узбека выписывала круги, а из воды свечкой вылетали опупевшие от шума рыбины, оказавшиеся толстолобиками, и падали прямиком мне под ноги. Моей задачей было тут же врезать им промеж удивлённо вылупленных глаз и успокоить. Сваренная из них в большом казане уха не поддаётся описанию.

К вечеру, хотя и перемежали еду в целях протрезвления

кислым творогом с чесноком и зеленью, все были изрядно наклюкавшись. Тут подкатила ещё одна чёрная "Волга", из неё выбрался упитанный директор птицефермы, оценивающе оглядел всю честную компанию и сказал: "Не тем закусываете". За ним уже маячил шофёр, с трудом удерживая в руках верещавшую свору кур, из которых и содеяна была

"курная уха". О вкусе ничего не скажу, плохо помню, но насыщенный бульон вмиг поставил нас на ноги и позволил достойно завершить веселье.

В заключение скажу, да вы уж наверняка и сами догадались, что все узбекские начальники в нашем узком коллективе были родственники и те самые чингизиды. Бить или не бить

Как-то устаканилось мнение, что бить или даже отшлёпать ребёнка – не метод воспитания. Мой отец под неусыпным надзором своей тёщи и стало быть моей бабушки, бывшей дворянки, а в моё время – домоправительницы в нашей семье, позволял себе только подзатыльники.

Да и то тут же слышалось "Мон шер, вы так его последние куриные мозги выбьете". То есть любые потуги отца ужесточить воспитание пресекались на корню.

Вот, скажем, прибыли мы на дачу, что снимали в Переделкино. Пруд рядом, а я плавать не умею. Вот и стал канючить у отца, чтобы научил. А он за завтраком и говорит, мол, нет лучше способа научить ребёнка плавать, как сбросить его в воду с лодки. В нём тогда взыграют инстинкты и поплывёт за милую душу. А бабушка тут же ему, мол, вы ещё ребёнка с крыши сбросьте, авось инстинкты взыграют и полетит. Так и не научился в тот сезон плавать.

Вот ещё расскажу, чего стоили мне бабушкины уроки этикета и поведения за столом. Отец тогда учился в Военно-дипломатической академии, где, кстати, офицеров-фронтовиков тоже учили буржуазному этикету и даже искусству танца. Как-то взял он меня с собой в академию, чтобы после лекций отвезти на дачу. Сидел я как дурак в актовом зале с книжицей, а в обеденный перерыв пошёл с отцом в столовую.

А там к нам за столиком присоединился генерал-лейтенант, директор академии, и, вовсю демонстрируя демократические отношения с простым народом, затеял шутливый разговор со мной. Мне как раз официантка

(тогда ещё самообслуживания не было и в помине) принесла второе – куриный окорочок с гречневой кашей, обильно политой томатным соусом вроде теперешнего кетчупа. Я, желая продемонстрировать знание этикета, предписывавшего курицу есть руками, растянул окорочок как рогатку в желании разорвать

надвое.

И тут, о, ужас, оторванная половина выскользнула и шмякнулась прямо в директорский нос, забрызгав всё генеральское лицо и его парадный мундир оранжевыми бусинками гречневой россыпи. Какой афронт, как сказала бы моя бабушка. Резко побледневший отец пытался трясущимися руками вытереть генеральское лицо с застывшей на нём улыбкой салфеткой. У примчавшейся с вафельным полотенцем официантки это получилось лучше, и директор через притихший в гробовом молчании зал отправился подмываться.

Так вот, даже после этого отец, проявив интеллигентность и понимание правил педагогики, не выдрал меня смертным боем, а лишь слегка пожурил. А я всё-таки уже с высоты преклонных лет считаю, что надрать ребёнку задницу время от времени просто необходимо и оному весьма полезно. Судите сами. Всю жизнь, как только задумаю несусветную глупость, всплывает в памяти образ трамвая "Б" или как его звали в народе – "бэшки". И вот почему. Прямо перед домом, по

Пироговке пролегали трамвайные пути, и повадились мы, мелкота дворовая, за проезжающие трамваи цепляться и на коньках за ними с гиканьем катиться. Не останавливало даже то, что однажды мой дружок,

Петька из 13-ой квартиры, споткнулся, разбил голову и чуть не попал под колёса трамвая.

Так вот, мчусь я как-то этаким макаром, уцепившись за бэшку, и тут с натугой приоткрывается её задняя дверь и появляется рука с фибровым чемоданчиком. Я с таким же потом на тренировки бегал на стадион "Труд", что рядом с клубом завода "Каучук". И этот чемоданчик со всего маха мне по ряхе хрясь. У меня аж всё кругом поехало и в глазах помутилось. Правда потом, когда уж в себя пришёл, оказалось, что помутилось оттого, что размазались о мою глупую голову помидоры, выскочившие при ударе из чемоданчика. В то время мужики стеснялись таскать авоську, а купленные продукты пристойно носили в таких чемоданчиках.

Как-то у меня тогда вроде просветления в мозгу случилось и понял я задним умишком, что добрый урок может быть преподан и ударом по голове. За трамваями, вестимо, больше не бегал.

От обратного

Подзабылись уже времена "Брежневского застоя", а если что и вспомнишь, то со смехом. Действительно, пусть не удивляется молодое поколение, а смеялись тогда много, да и было чему. Прежде всего, самому генсеку. Сколько анекдотов ходило, особенно к концу его долгого правления. И про "сосиски сраные" в его произношении

(подразумевались социалистические страны), и про "сиськи-масиськи", т. е. систематически, и про операцию по расширению грудины для размещения всех орденов.

Смеялись над партийным руководством, что лучше всего выразилось в ходячей поговорке: "Уже весна и скоро лето, спасибо партии за это".

Смеялись над скудоумием и косноязычностью партайгеноссе, над выпячиваем рабоче-крестьянского происхождения, по-детски наивным восхвалением гегемона труда… Вроде как бы распоясались, по капле выдавливая из себя раба, но не теряя бдительности в высматривании

"стукачей".

Модными были посиделки на кухне с игрой в "русского дурака".

Означало это обмен байками взахлёб, со смехом до слёз о глупости, царившей на производстве, в научных институтах, на селе. Тут уж и не поймёшь, где анекдот, где правда. Вот, к примеру, байка о закупке в

Америке технологической линии по производству шин. Смонтировали, включили, а она стоит.

Оказалось, гады-американцы поставили автомат, который вырубал линию при недовложении каких-либо компонентов. А как же работать без воровства? Скинули приборчик, и всё пошло как по маслу, т. е. на импортном оборудовании, но родного срамного качества. Кстати, это не байка, а факт и чистая правда.

Но я-то хотел о другом. Смолоду работал в аналитическом управлении Минвнешторга, придя туда со студенческой скамьи. Сначала работа казалась фантасмагорией, полной мистики, но очень быстро иллюзии рассеялись, оставив место шуткам-прибауткам, приправленным здоровым цинизмом. Со смехом рассказывали о рапорте "члену

Председателя Госплана", о докладной в аппарат ЦК от начальника

Водосточного (вместо Восточного) управления. А то ещё о якобы разосланной по начальству аналитической записки, последней фразой которой было "кто доселе прочтёт, тот полный идиот", и отмеченной министром среди наиболее полезных.

Туфта царила во всём, умение высасывать материал из

пальца или выковыривать из ноздри ценилось наравне с быстротой и скрупулёзностью выполнения указивки. Вот, скажем, регулярно готовили мы материалы по внешнеторговым делам для выступлений Брежнева на съездах и других партийных форумах. Делалось это так. Получив поручение, наш начальник звонил другу-замминистру, тот другу-референту Совмина, а тот другу в аппарате ЦК. Ответ на вопрос

"Чего изволите?" передавался нам по той же цепочке, и работа закипала.

Начиналось с драчки при распределении объёмов товарооборота. При всей выучке не хотелось брать слишком большой грех на душу.

Кончалось решением "волевым порядком", т. е. начальственным матюжком с успокаивающей формулировкой, мол, ко времени реализации прогнозов или мы сдохнем, или осёл околеет, или падишах окочурится (как в воду глядел). Подогнать под готовую цифру и вывод материал было уже делом техники (см. выше).

Проходили наши материалы всегда на "ура" с "одобрямсом" от

"самого". В нём, как всегда, сквозило самолюбование, мол, удивительно, как это мы без всяких там аналитических изысков предполагали то же самое изначально. Вот что значит пролетарская интуиция и классовое чутьё!

Хроника политической и общественной жизни по материалам периодики конца прошлого – начала текущего тысячелетия

Забытое

При реорганизации Центрального государственного архива

Октябрьской революции (ЦГАОР) в запасниках найдены броневик, с которого В.И. Ленин выступал с апрельскими тезисами, вагон с нарушенными пломбами, в котором его везли из вражеской Германии в охваченную революционным угаром Москву, и три бревна, которые вождь носил с ликующим народом на первом субботнике в Кремле.

В ходе проведения инвентаризации в подвалах спецхранника бывшего музея Революции изумлённым глазам членов комиссии предстала плеяда мумифицированных тел разнокалиберных вождей Революции и Гражданской войны, видимо, приготовленных к музейной экспозиции, но по каким-то

политическим мотивам так и не увидевших свет и погребённых в архиве в обстановке строжайшей секретности, царившей в стране до перестройки.

Во время ремонта в Кремле кабинета бывшего наркома Троцкого на внутренней стороне ножки стола найден вырезанный перочинным ножичком его рукой, видимо, последний перед арестом плод раздумий: "Сталин – дурак, курит табак, спички ворует, дома не ночует, спит он под забором, зовут кремлевским вором".

Свободомер

В Америке, как известно, весьма чувствительной к посягательствам на свободу и гражданские права, в том числе и далеко за пределами её территории, в лабораториях Принстонского университета разработан новый прибор, названный свободомером с градуировкой в глотсах

(сокращенно от глотка свободы). При подключении к системам телевещания и Интернета прибор поминутно фиксирует уровень свободного волеизъявления и при снижении кривой до критического уровня включает тревожную сирену сродни установленным на полицейских машинах.

Во время лабораторных испытаний прибор давал плавную волнистую кривую с пиками вверх при разгуле политических страстей и оценке деятельности президента, особенно после старта предвыборной кампании. Прогибы кривой фиксировались при попытках президента принудить лидеров ряда зарубежных государств принять его точку зрения по международным вопросам.

В рамках научного сотрудничества один опытный образец прибора передан Московскому университету на Воробьёвых горах. Наши ученые несколько доработали прибор в духе национальной специфики. Шкала разбита на градусы, от ноля до оптимальных сорока, что резко повысило точность исследования, градуировка переведена в более понятные нам граммы (сокращенно от гражданские амбиции), вместо сирены предусмотрен набат царь-колокола. При критических всплесках кривой включается система автоматического оповещения правоохранительных органов, при резких спадах на экран выносится изображение танца маленьких лебедей.

На испытаниях в полевых условиях верхние пики

фиксировались при выступлениях крайне левых политиканов, спады в интересах следствия засекретили, до набата дело не дошло, видимо, по причине того, что из-за нерадивости властей царь-колокол до сих пор не отреставрирован.

О жизни

"Жизнь стала лучше, жить стало веселее"

Джугашвили (Сталин)

Здорово всё-таки жизнь изменилась за последние две пятилетки.

Раскрепостился народ, стали себя господами величать, перестали перед продавцом заискивать, перед декольте глубоким тушеваться. Ведь ещё совсем недавно купить резинотехническое изделие N1, то, что у молодых рвётся, а у старых гнётся, было целой проблемой. И изделие, судя по номеру, было одно на всех, и пока у девушки в аптеке допросишься, все оттенки красного цвета на щеках пробегут. А теперь и в выборе подскажут да ещё и спросят вежливо, как, мол, в фирменном пакетике возьмёте или натянуть в примерочной.

Секс-революцию без инфаркта пережили, девчушки в чём мать родила на телеэкран откуда не возьмись повыскакивали и оказались не хуже импортных. Говорят, теперь переживаем гомосексуализацию культуры и

Швыдкой как-то на встрече с музыкантами рок-группы даже в сердцах воскликнул: "Что ж это, среди вас никто, кроме Маши-уборщицы, с бабами не спит?". Да что люди, кот соседский Пузя, любимое детище уважаемой Изабеллы Абрамовны, кастрированный ещё в застойные времена, тут, вижу, гоголем стал ходить и ночами с другими котярами тусоваться. Не иначе как подвизался в качестве консультанта-сексопатолога.

Так что будем радоваться жизни, чую, ещё большее веселье в стране грядёт.

Худеть надо

Справочно: в отечественной швейной промышленности введён 68 размер

Вот едим мы бульон, а ведь это выварка из коровьего трупа, смакуем заливной язык, а он раньше в слюнявом рту коровьем болтался, откуда появляются яйца и вспоминать тошно. Может, вегетарианцем стать? Да чуть не все овощи уже генетически модифицированы, говорят, есть опасность вырастания на затылке козьих рогов. Жареное – сплошь канцерогены, пареное – на вкус хуже горькой редьки. Водка – лишние калории, соль и сахар – белая смерть.

Так со знанием дела размышлял шеф-повар ресторана "Обжора"

Пафнутьев, с грустью глядя на свой необъятный живот, ниже которого он мог хоть что-то разглядеть, лишь скорячившись у зеркала либо на ощупь. Утром он опять раздавил в лепёшку новые напольные весы, но успел с ужасом заметить последнюю цифру на шкале издохшего прибора.

Худеть надо однозначно, – твёрдо сказал он себе, при этом его шаловливая ручонка, как бы живя самостоятельной жизнью, уже нащупывала спрятанный с глаз долой румяный пирожок.

Пробка

Директор театра сада "Эрмитаж" г-н Вальторнов, добираясь поутру до места работы, застрял в пробке на Петровке. За время стояния подрался, честнее сказать, получил по шее от водителя джипа

"Чероки", поцарапавшего ему боковое зеркало при попытке вырваться из затора, а потом благополучно скрывшегося в доме N 38 по указанной улице, познакомился с перспективой продолжения романа с миловидной владелицей "Тойоты" слева, помог ветерану из "Москвича" справа отрегулировать карбюратор, прослушал по своему мобильнику "Травиату" из Большого, дозвонился до радио "Эхо Москвы" и выиграл в литературной викторине два билета на концерт Аллы Борисовны.

Больше ничего не успел, ибо пробка стала рассасываться.

Социологический опрос

Социологи в целях выявления уровня ориентации нашего подрастающего поколения в вопросах истории и литературы провели опрос первоклассников энской школы. Просуммировав по принципу большинства ответы школьников из опросного листа, ученые обнаружили, что Карл Маркс – это забавный толстячок с пропеллером на заднице,

Ленин – герой обороны одноименной реки от нашествия Ермака. Сталин работал диктатором после Хрущева, но не справился с обязанностями и был снят с должности Ельциным. Гитлер – это кличка злой собаки из карикатуры в старинном сатирическом журнале "Крокодил", Кеннеди с

Левинским возглавляли американскую мафию, а Хакамада – то ли киношная, то ли порнозвезда.

Лермонтов – легко ранимая натура, хоть и чемпион Олимпийских игр по скоростной стрельбе из дуэльного пистолета, Чайковский написал

"Чайку", Чехов – чечен из отряда Басаева, которого разнесли на кусочки ракетой с небе, Гоголь объявлен в международный розыск главным ревизором, Достоевский – доставала халявной продукции из соседнего магазина, Горький – это тот, кого зовут на свадьбу, чтобы было, о чём кричать, Тургенев отобрал у Герасима щенка и утопил в унитазе, Маяковский – подельник Березовского по делу Юкосовского, а запомнился тем, что всё время доставал из широких штанин своё бесценное гражданство Израиля.

И только Пушкина все дружно назвали великим советским писателем.

Питие

(краткая инструкция по применению)

Конечно, литр на троих – это много, хотя, сколько бы на стол не поставил, сбегать придётся. Главное, закусывай чем Бог послал, на худой конец можно занюхать рукавом. Если Бог замешкался, худой конец совсем отсох, а жилетка без рукавов, можно занюхать носком с левой ноги, той, что супротив правой, но тогда не снимать его предварительно месяца три, доведя до нужной кондиции. И всегда после вкушения радости домой, по стеночке, на автопилоте, как голубь сизокрылый.

Не пей всё, что наливают, а то был такой Сальери, налил другу от души. Не завидуй собрату, в луже возлежащему, может, он палёной хлебанул, а это распоследнее дело, лучше уж по крайней нужде одеколончиком из цветочной гаммы вприглядку с внутренним образом райского яблочка. Отворяя дверь родной обители, вспомни взгляд восхищения при первом знакомстве с космически-величавой "Джокондой" и удержи его до контакта с женой, случится тёща – покриви душой и назови "мамочкой", а не мочалкой худосочной. И вообще держи свой красный нос морковкой и поступай достойно и сообразно потребляемому благородному напитку.

Клад

Несказанно повезло Вовочке с ул. Нижняя Арнаутская. Роясь среди барахла в инструментальном шкафчике своего отца, юный следопыт обнаружил в незаметной щелочке свежую ассигнацию в тысячу рублей.

Пошел к родителям требовать свои законные 25% от найденного клада.

Получил поцелуй в лобик от мамы и по ушам от папы.

Переезд

Ну как же так, обидно аж жуть. Не образумил Господь наше родное правительство, не внушил отказаться от крамольной мысли перенести в ампирный город на Неве разные там судебные структуры. Понимаю, тянет прокуроров к особнякам Растрелли, больно слово им на слух приятно, но представить толпу упёртых судебных дьяков на фоне ампира, рококо и барокко…

Пусть бы уж многострадальная и долготерпимая мещанская Москва продолжала нести свой крест и шапку Мономаха, тяжёлую от вцепившегося в неё мёртвой хваткой неисчислимого чиновничьего люда.

Досель хранил Бог оазис российской культуры от нашествия полчищ воинствующего бюрократа. И вот, на тебе…Чу, слышу издевательское ржанье Клодтовских коней на Аничковом мосту.

Перекличка

На спиритическом сеансе в Костроме по просьбе активистов местного отделения КПРФ медиум вызвал дух Владимира Ильича. Дух дрожащей рукой впавшего в глубокий транс медиума написал: "На фига паГтии такой Баян, пГошу Гену сматывать удочки". По информации источника из

ЦК партии, это послание сыграло не последнюю роль в снижении былой популярности Зюганова и новой волны слухов о его скором переизбрании с поста партийного лидера.

Тузла

По сообщению киевского информбюро, принято решение о направлении на остров Тузлу новых подразделений погранвойск, силами которых будет построена сторожевая башня размером по периметру берега и невиданной высоты. С неё жовто-блакитные пограничники будут денно и нощно неусыпно блюсти каждую пядь своей земли до самой её границы с бывшими поданными Киевского царства-государства, подзабывшими ридну мову и общающимися на неблагозвучной тарабарщине, по утрам вместо черного кофе пьющими сырую нефть и не уважающими в ущерб своему здоровью ценнейший украинский мясопродукт.

Будни олигархов

Поступили сообщения о том, что вслед за губернатором Чукотки

Абрамовичем, прикупившим английский "Челси", другой известный, правда, больше своим родством со звёздной певицей Алсу, олигарх

Ралиф Сафин собирается приобрести в подарок своей дочери тоже английский, клуб "Манчестер Юнайтед". Футбольный рынок

Великобритании взбудоражен, дипломаты заговорили о русской экспансии, королева на старости лет засела за учебник

русского языка, болельщики репетируют кричалку "Шайбу! Шайбу!".

Новое в индустрии развлечений

По примеру заграничных клубов анонимных алкоголиков в Москве открылся клуб анонимных любителей спорта для новых русских. Теперь если кто-нибудь внезапно ощутит позыв погонять мяч, размяться в гольф или, не приведи господь, покачать мускулатуру со штангой, к нему тут же по первому вызову примчится клубный аноним с ящиком водки и молчаливым, но всеми уважаемым ассистентом, которые составят клиенту компанию вплоть до поры, когда это желание утихнет. Для особо тяжёлых случаев в кармане ассистента всегда найдётся список предлагаемых на продажу европейских спортивных клубов. Дед Мороз

По слухам, все деды Морозы и Снегурочки, веселившие московскую публику в новогоднюю ночь, были невсамделишные. Настоящий Дед Мороз, отправившийся в столицу из Великого Устюга заблаговременно и при бурном ликовании провожавших его в дальний путь великих устюжан, при въезде в Москву попал в многочасовую пробку. Первыми не вынесли долгого ожидания и полегли непривычные к выхлопным газам олени из упряжки, Снегурочку умыкнули рванувшие на "Хаммере" по целине в объезд лихие молодцы, у дедушки прихватило сердце и его эвакуировали на вертолете скорой помощи.

Говорят, мороженая оленятина через день появилась в магазине

"Дары природы" на бульваре матроса Железняка, Снегурочка так и растаяла в жаркой атмосфере одного из питейных заведений разгульной

Тверской-Ямской, а Дед Мороз подружился с бомжами, пригревшими старика в трудную минуту. С горя чуть не запил, но устоял и даже за вальяжный вид и окладистую бороду был принят швейцаром в ресторацию средней руки. Да сердце всё болело и рвалось в родные края. Вот и поднакопил он на чаевые деньжат, прикупил саврасок у какого-то фермера, тройку соорудил да и отправился, помолясь, восвояси.

Так спешил, сказывают, что по пути загнал и лошадей, а по нужде крайней – и тулупчик с шапкой-ушанкой. А, возвернувшись в свой

Устюг, организовал там музей самого себя, ну т. е. Деда Мороза, и по сию пору работает в нём экскурсоводом. А в Москву больше ни-ни, ни одной ногой, зарёкся навек…

Беруши

Подписан правительственный указ об обязательном ношении гаишниками недавно разработанных берушей, которые при контактах с водителями автоматически начинают нашептывать голосом министра внутренних дел "Не бери, не бери". В случае игнорирования отеческого совета производится звуковой удар по ушам строптивого сотрудника

ГИБДД с включением сирены на пульте отдела собственной безопасности.

Конкурс

В г. Краснобрюхове прошел очередной конкурс красоты на звание

"Девушки-красавицы года". Отбор претенденток проводился по новым правилам и отличался жестким и нелицеприятным в отдельных случаях подходом к оценке достоинств конкурсанток. В результате уже на первом туре было отбраковано свыше половины участниц. Семь девушек оказались далеко не девушками, засветились не только в местном издании "Плейбоя", но и на постоянной тусовке у главпочтамта по проспекту Ленина. У пяти обнаружились признаки пластической операции на груди, носе, бедрах и других частях тела. При этом бывшие, мягко говоря, дурнушки оказались в весьма почтенном возрасте, а Раечка

Писаная вообще Раисой Соломоновной Сидоровой (фамилия по настоянию бабушки изменена), 76-летней пенсионеркой. В финал вышли лишь три девушки. Бесспорным фаворитом зрительских симпатий и победителем конкурса стала Василиса Прекраснова, в девичестве Серафим Круглов, второе и третье места разделили племянница городского прокурора и свояченица местного авторитетного бизнесмена.

Выборы

В г. Солнцедарске убедительную победу на выборах нового городского головы одержал местный предприниматель г-н Ломонос. На инаугурации он изложил свою программу оздоровления и развития городского хозяйства, образно заявив, что в его ежовых рукавицах новая метла будет безжалостно выметать накопившуюся в городе грязь.

Не поздоровится и позорящим светлое имя города подонкам, особенно ссучившимся. Жители уже чувствуют перемены к лучшему. В мэрии принято среди сотрудников демократическое обращение по партийным кликухам, в городе в рамках программы стимулирования мелкого и среднего бизнеса открыто производство двупалых перчаток для распальцовки и обрезов из "калашей".

Хакамада да или Хакамада нет

(из письма в редакцию)

Полюбовался я тут очередной раз на телеэкране лапушкой ненаглядной, Хакамадой. Ну что за прелесть, и лицом, и фигуркой, и умом-разумом вышла, чешет как по писаному, за народ по бабски радеет. И закралась шальная мысль, может, и правда раскачается тот народ да её, сердечную, в президенты всея Руси вздымет. И опыт имеется – Катенька Вторая в памяти народной жива, правда, та телом была побогаче. Да что-то гложет меня, мужики, сомнение. Всё же баба

– как пуля шальная, в сердце попадёт, а каким боком выйдет, одному

Богу известно. С другой стороны, ведь чего хочет женщина, хочет Бог.

Слышал давеча философию феминисток наших доморощенных: женщина – центр вселенной, мужик – инструмент достижения цели и подлежит дрессуре, всё, что вертится вокруг, вторично. В семье так оно большей частью и есть, не спорю, а на большом хозяйстве, в масштабах, так сказать, страны? Да Чапай бы за маузер стал хвататься. А ну как Ирина Мацуовна в раж на троне войдёт и мужиков всех на цирлах по кругу пустит для экономического ускорения.

Так что пускай она допреж всего прямо выскажется, за мужиков она али за феминисток.

Дуэль

По сообщению информационного агентства "Аль Джазира", в лагерях подготовки террористов Аль Каеды для повышения боевого духа шахидов культивируется проведение дуэлей между ними с использованием привычного им оружия. Секунданты, после исполнения полагающегося для этой процедуры ритуального танца, разводят дуэлянтов на двадцать шагов, и по крику "Аллах акбар!" шахиды приводят в действие свои пояса. Победившим считается первым нажавший на спусковую кнопку. Ему гарантируется место в раю и заупокойная месса по окончании дуэли, которую обычно проводят по обоим участникам, а часто и по секундантам.

Посол

По сообщению нашего корреспондента из Украины, Посол России в этой стране его превосходительство Черномырдин уже с блеском изъясняется на местной мове и лишь изредка прибегает к услугам личного переводчика для разъяснения на русском наиболее сложных его пассажей. Вероятно, в пику постоянно пытающемуся имитировать его искрометный стиль речи артисту Галкину он пристрастился к охоте в

Киевском заповеднике на дичь, с особым удовлетворением пристегивая к ягдташу зловредную птичку.

Буш

В своем последнем выступлении по вопросам международной политики

Президент Буш, и так служащий постоянной мишенью для журналистов за не слишком хорошее владение географией и

политологией, на сей раз перепутал Гватемалу с Гваделупой, пригрозил северо-кенийскому диктатору экономическими санкциями за отказ заморозить ядерную программу и пообещал ливийскому диктатору, если тот будет поддерживать террористов, перепахать силами быстрого реагирования всю его пустыню Сахару.

Курьёзы статистики

Недавно на коллегии Генпрокуратуры была озвучена статистика преступлений – аж 3 млн. в прошлом году. Если произвести немудрёный арифметический расчет, получается, что на любой тусовке числом чуть более 20 человек минимум один готов перерезать вам глотку или освободить от бумажника с честно (а, может быть, нечестно, но всё равно обидно) заработанными тугриками. Вывод напрашивается сам собой: ограничить круг общения десятью гомо предпочтительно сапиенс, для полной гарантии – троицей, включая самого себя, любимого и надёжного как когда-то наш "Аэрофлот". Вот вам и разгадка притягательной магии на Руси этой сакральной цифры.

Наезд

Наезд Степашинской Счётной палатки на национального героя

Великобритании олигарха Абрамовича вызвал волну многочисленных слухов. По сообщению наших корреспондентов, уже достигнута договорённость о введении Романа в команду "Челси" в качестве правого, совсем крайнего полузащитника. Олигарх якобы усиленно тренируется в беге на длинные дистанции, чтобы, когда придёт время, не ударить лицом в грязь и сделать ноги, особенно правую ударную.

Феликс

По просочившейся из ЦРУ информации, Саддам Хусейн был выловлен благодаря бескорыстной помощи российского ФСБ, доставившего в Ирак спецрейсом феноменальную ищейку, добермана Феликса, выведенного ещё в спецпитомнике приснопамятного КГБ. Феликс, несмотря на преклонный возраст и потерю нюха и слуха, осуществляет сыск преступников по фотороботу. За проявленную доблесть пёс удостоился личной благодарности бывшего коллеги из высшего руководства.

Чмо

В джунглях Амазонки нашли ящерицу, которая в минуту опасности сбрасывает не только хвост, но и голову. Ученые работают над пересадкой гена этой ящерицы человеку. Уже создан первый генетически членомодифицированный образец (чмо), который легко меняет головы от копии алэнделоновой до сантаклаусовой на Рождество. К сожалению, чмо при этом никак не хочет расставаться с хвостом.

Зебра

Африканские ученые вывели зебру цвета хаки, которая уже поступила на вооружение местных боевых подразделений для скрытых рейдов по тылам противника. Зебра практически неразличима днем на фоне джунглей, а ночью возвращает свою черно-белую окраску, буквально растворяясь во тьме, и терпеливо ожидает всадника, отдыхающего на дереве.

Нет худа без добра

Замечено, что в квартирах пенсионеров резко сокращается популяция мышей, тараканов, клопов и прочей нечисти. Ученые связывают это с низким уровнем пенсионного обеспечения в России, понижением калорийности питания и насыщенности крови в организме человека при выходе на пенсию. Проще говоря,

домашним паразитам становится нечего жрать. В рамках борьбы за оздоровление быта правительству, вероятно, следует подумать о расширении эксперимента на другие категории населения.

Гравиталёт

Ученые и инженеры Саранска недавно в обстановке совершенной секретности приступили к созданию гравиталета размером с муху. Этот летательный аппарат обладает практически неограниченным ресурсом дальности полета и микроскопической передающей камерой. Уже недалек день, когда станет реальным найти и документально зафиксировать местопребывание таких объявленных генпрокуратурой в международный розыск злоумышленников, как Березовский и др. Одновременно идёт разработка ядовитого самострела размером с мушиные гениталии. В комплекте с гравитолётом это позволит выполнять заочно вынесенные

Генпрокуратурой вердикты, при этом хрен кто догадается, отчего отбросил коньки и склеил ласты тот или иной наш недоброжелатель.

Уловка

Из таруханского спецучреждения, знаменитого тем, что в советские времена из него, оседлав переделанную на вертолет бензопилу

"Дружба", совершил побег ушлый зэк, вновь убежал заключенный. По приметам очевидцев, одет в пальто от Версаче, на шее массивная золотая цепь, на левом мизинце бриллиант в три карата, передвигается на "Мерседесе" 600-й модели. Какой уловкой на сей раз воспользовался зэк, неизвестно. Руководство зоны в бессилии лишь разводит руки.

Мониторинг

Петербургский институт сравнительных социальных обследований

(ПИССО) обнародовал результаты мониторинга качества обслуживания проституток. По 100-балльной системе выставлена наивысшая оценка. Не назвавшая себя представительница древнейшей профессии заявила нашему корреспонденту: "Мы горды высокой оценкой нашего, несущего радость людям, тяжёлого труда, но хотели бы, чтобы нас не называли дамами лёгкого поведения и озаботились улучшением условий нашей трудовой деятельности".

Демография

Население России катастрофически сокращается, демографы бьют в набат и предупреждают, что уже через пару сотен лет её население не будет дотягивать и до 100 миллионов. К счастью, этим чёрным прогнозам не суждено сбыться. Наши ученые, как говорится, взяли быка за рога. Не размениваясь на овечек, они сразу приступили к клонированию человека. Их не смутила небольшая неувязочка в первом опыте. Клон Василий смастерил самогонный аппарат и запил по-чёрному.

Оказалось, тщательно отобранный прототип скрыл, что был "зашит" от алкоголизма, а в клоне шов разошёлся. Так что первый блин, как говорится, комом. Радует, что самогон оказался высочайшего качества.

Новый рекорд

Кажется почти невероятным, но, согласно медицинским исследованиям, больной гриппом способен единовременно заразить до 50 человек, лишь единожды чихнув в закрытом помещении. Однако, как оказалось, и это не предел. На последнем заседании экспертной комиссии российского отделения Книги рекордов Гиннесса было официально зафиксировано новое достижение. Одновременно, одним коротким, но сильнейшим, на грани потери дыхания, чихе претендент заразил аж 91 человека, включая присутствующих при этом зрителей, членов комиссии и ведущего шоу.

Новости компьютеризации

Бьют тревогу пользователи последнего поколения компьютеров отечественного производства. Участились случаи неконтролируемого обретения ими не заложенной в программу самодеятельности. При вводе новой информации машина обозначает своё отношение восклицаниями, самыми мягкими из которых являются "О-го-го!" и "Твою мать!". При допущении даже легкой ошибки из компьютера слышится: "Ну, ты, село, очки одень, недоумок!" и тому подобное. Специалисты теряются в догадках, то ли это зловредный вирус очередного хакера, то ли проявление выхода в виртуальное пространство тёмных космических сил.

Эвакуатор

На улицы столицы вернулись, как из кошмарных снов автомобилистов, отменённые было эвакуаторы. Помятуя прежний негативный опыт, московские власти внесли в систему борьбы с нерадивыми водителями ряд подсказанных психологами изменений. Теперь на месте эвакуированного авто сотрудниками ГИБДД устанавливается выполненная из папье-маше фигура пышнотелой блондинки с адресом и телефоном штрафной стоянки на правой груди и расценкой содержания арестованной машины на левой ягодице. В протянутой руке девицы зажат легкосъёмный контейнер с валерьянкой.

Прокладки

В рамках программы поддержки национального производителя на заводе "Каучук" вступил в строй новый цех по выпуску моющихся прокладок из вулканизированной резины по отечественной технологии.

Сохраняя все лучшие свойства замучивших нас

телевизионной рекламой импортных изделий, российские прокладки к женской радости обладают повышенным до бесконечности сроком эксплуатации и десятикратным увеличением сопротивления на разрыв.

Газопровод

Для исключения несанкционированного отбора газа из проходящего по территории Беларуси российского газопровода в него стали добавлять фракции держащегося в строгом секрете вещества, обладающего эффектом

"вонючей бомбы". Однако бомба "взорвалась" в Польше. На внеочередном заседании сейма депутаты в противогазных масках потребовали от российского правительства срочного принятия мер по девонючезации. На место трагедии срочно вылетел самолет МЧС с г-ном Шойгой на борту.

Страхование

После успешно проведённой кампании обязательного страхования автолюбителей ведущие участники этого немаловажного сегмента рынка пересматривают ассортимент предоставляемых услуг в сторону его значительного расширения. Так, по слухам, такие представители звёздного мира, как Киркоров и Басков, застраховали свои мёдоточивые голоса на астрономическую сумму. По протоптанной ими тропе в страховые компании ринулась целая плеяда певцов, однако экспертная комиссия зафиксировала наличие голоса лишь у Витаса, децибелы которого застрахованы на неопределённую сумму.

По слухам, огромное страховое вознаграждение выплачено бывшему премьеру, неожиданно лишившемуся своего поста, хотя раздавались голоса о якобы искусственно созданном страховом случае. Тем не менее в Думе рассматривается проект обязательного страхования госслужащих высокого ранга как от рисков потери постов, так и их мыслительных, а заодно и детородных способностей.

Плуты

Из университетской обсерватории поступило довольно странное сообщение о том, что профессором Неклюкиным впервые со времени начала наблюдений за самой дальней из известных нам планет Солнечной системы, Плутоном, перехвачено датированное первым числом четвёртого месяца 2222 г. поздравление с его именинами. Учёные в ходе проведённой независимой экспертизы пришли к выводу: или населяющие далёкую планету плуты пользуются другой системой времяисчисления, или профессор с бодуна глянул куда-то мимо телескопа.

Новое лекарство

В итоге многолетних исследований возрождён рецепт снотворного лекарства, разработанный ещё Петровской академией наук и утерянный на два века. Полученный препарат, названный "Баю-баюшки-баю" и успешно прошедший клинические испытания, способен подарить здоровый сон с самыми занимательными сновидениями. Разновидность лекарства

"Ублябаюн", разработанная по заказу Управления исправительных учреждений (УПИСУЧ), погружает человека в глубокий и безмятежный сон от года условно до десяти лет без права пробуждения. Если вспомнить, что во сне Менделеев открыл свою периодическую систему, а Флеминг – пенициллин, можно представить, какие возможности открываются перед страждущими.

Реклама

Заполонившая улицы наших городов и экраны телевизоров реклама делает первые, но весьма не робкие попытки пробиться в космос.

Недавно были проведены пробные испытания геостационарного спутника, принадлежащего пулу туристических компаний. Лазерным лучом на небе была начертана гигантских

размеров фраза: "Посылаем всех на…". Её незавершённость на списке туристических объектов объяснили нехваткой энергии спутниковой батареи. Пуско-наладочные работы продолжаются.

Осечка

Характерный казус произошёл с неокрепшим ещё нашим бизнесом в

Аравии. Проведя необходимый маркетинг, одна российская компания по производству безалкогольных напитков решила выйти на арабский рынок с квасом, не без основания надеясь, что он может составить конкуренцию кока-коле. В ходе рекламной кампании был широко задействован разработанный специально для региона плакат типа триптиха. На первой картинке был весьма реалистично изображён бедуин, умирающий в пустыне от жажды.

На второй – он же, дотянувшийся на последнем издыхании до бутылки с квасом. На третьей – бедуин с вожделением изливающий содержимое бутылки в горло. Эффект был поразительным, ни одна единица товара не была реализована. Дело в том, что горе-рекламщики упустили из виду тот факт, что арабы читают справа налево.

Металлолом

Недавно следователи Солнцевской прокуратуры накрыли нелегальный пункт приёмки цветного металлолома. Каково же было их удивление, когда среди привычного набора рабочих кабелей, проводов и медных деталей агрегатов находящейся поблизости атомной электростанции была обнаружена россыпь зубных коронок из золота и других драгоценных металлов. Встревоженные находкой сыщики привлекли коллег из убойного отдела, которые оперативно вышли на "виновника торжества". Им оказался бомж, облюбовавший под жильё заброшенную сторожку у городской свалки. Её окрестности, как известно, являются излюбленным бандитами местом проведения "стрелок" с последующей криминальной разборкой. Выбитые в ходе разборок зубы и явились законной добычей предприимчивого

"предпринимателя".

Политизация

Растёт число политических партий, претендующих на активную роль в нашем общественном театре абсурда. Подана заявка от партии "Апогей сексреволюции". Апогеи пришли к регистрационному комитету, развернув знамёна национальной расцветки, но без белой и красной полосы. Вслед за ними подошли нестройными рядами поборницы партии "Лесбос свободы" с лозунгом "Мы сами с усами!". Затем подтянулись члены созданной накануне партии "Грибники России", за которой явно просматривается тень известного кукловода. Самым экзотическим явлением стали сгрудившиеся на панели особы из партии "Непорочность", первым пунктом программы которой стоит обязательство всемерного охранения идеологической девственности. В сумятице и непроизвольном контакте с членами "Грибников" количество девушек заметно сократилось.

Казус

Прелюбопытнейший случай произошёл на заседании художественного совета рекламного комбината. При рассмотрении эскизов слоганов, подготовленных по заказу страховой компании, подлинный фурор вызвал лист ватмана с ёмким словом из трёх букв с восклицательным знаком на фоне контурного изображения задней половины автомобиля. Возмущению членов совета непотребным хулиганством не было границ. Однако вскоре происшествию нашлось весьма тривиальное объяснение. Оказалось, первая часть призыва "Застра…" была нанесена на контур передней части автомобиля на другом ватмане, который по недоразумению был прикреплён лицевой стороной к стене.

Рекламная акция

В рамках проведения рекламной акции в магазине "Хоттабыч" происходит распродажа удивительных ковров. По заверению администрации, ворс ковров включает волоски из бороды досточтимого старика-волшебника, что придаёт им чудодейственную силу. Ковровые чары явственно ощущаются уже через несколько минут возлежания.

Покупателям ковровых изделий безвозмездно вручается чистящее чудо-средство, являющееся экологически безопасным настоем маковой соломки. В магазине царит неописуемый покупательский ажиотаж.

Минздрав предупреждает

Правительственным советом по борьбе с коррупцией открыта "экстрагорячая линия". Однако Минздрав предупреждает, что с линией надо обращаться с определёнными предосторожностями. Уже несколько социально активных граждан, пытавшихся передать по ней сообщения о распространении мздоимства в структуре органов исполнительной власти, обратились в пункты экстренной помощи с жалобой на ожоги ладоней и правого уха.

Зелёные

В связи с массовым мором крыс в результате проведения дератизации подвальных помещений и мусорокамер, "зелёными" у здания мэрии проведён немногочисленный митинг протеста под лозунгом "Руки прочь от наших братьев меньших!", а также "Кошка, кыш, не трогай мышь!".

Произведено символическое сожжение кота Васьки в мэрской кепке. Ради справедливости следует отметить, что кот Васька при ближайшем рассмотрении оказался кошкой Машкой да к тому же мерзкой по характеру. Неправильно восприняв символизм акции, она в клочья разодрала шерстяное кепи, в связи с чем возбуждено дело о намеренной порче государственного имущества и оскорблении власть предержащих.

Борьба с пробками

Как известно, дорожно-транспортная сеть Москвы работает за пределами своей пропускной способности. Кажется, наконец мэрия решилась на кардинальные меры. Готовится решение о резком расширении системы перехватывающих парковок, причём перехватчики будут снабжены сапожным шилом, пуленепробиваемыми жилетами и резиновыми дубинками для разъяснительной работы с нерадивыми водителями. Всё движение в столице будет закручено в одну сторону, небо над Центральным округом

– барражироваться истребителями-перехватчиками. Сотрудники ДПС для беспрепятственного доступа к месту нарушения дорожно-транспортных правил будут пересажены на списанные, но всё ещё грозные Т-34. Налог на автомобиль и штрафы за ДТП будут исчисляться отныне в у. е., равных десяти МРОТ. Москва задышит свободнее.

Одно окно

Идя навстречу пожеланиям трудящихся, московское правительство внедрило у себя службу "одного окна". Для ускоренной выдачи справок у окна был посажен многоопытный чиновник, который на второй день работы выпрыгнул из оного, решив свести счёты с такой жизнью. К счастью, канцелярист отделался лёгким испугом, приземлившись на очередь к нему же. Дюжина очередников с травмами разной степени сложности отправлена к Склифосовскому.

Полицейский

Дальнейшее развитие получило устройство, называемое "лежачий полицейский". Часто встреча автолюбителя с этим устройством сопровождается, по легко объяснимой причине, крепким словцом. Даже говорят, что в России вместо дорог один сплошной, вытянутый в длину

"лежачий полицейский". Теперь ранее безмолвный

"полицейский" не только отвечает водиле не менее крепким словцом-двумя, но и может вызвать подкрепление в лице ОМОНа. Устройство снабжено к тому же чутким антивандальным нюхательным аппаратом, который при приближении автомобиля, управляемого любителем спиртного, включает пронзительную сирену с одновременным вызовом машины ДПС. Добропорядочного водителя он пропускает через себя с пожеланием доброго пути или, произведя мгновенную диагностику, посылает на ближайшую станцию техобслуживания либо куда подальше.

"Крот"

Легко отметив канун праздника международной солидарности, обслуживающий персонал чуда немецкой техники "Крот", недавно завершивший Лефортовский тоннель, отправился на заслуженный отдых.

При этом по забывчивости механика Сидорова автоматика агрегата не была отключена. "Крот" в отсутствие надзора развернулся на автопилоте и устремился в сторону страны-производителя. Можно представить удивление немцев, когда скрежещущая резцами морда

"Крота" появилась на главной улице Берлина, Унтер дер Линден.

Отпоенному валерьянкой Сидорову вынесено общественное порицание и предупреждение о неполном служебном соответствии.

Меры безопасности

Как стало известно нашему корреспонденту, персонал, обеспечивающий безопасность жизни и здоровья Президента РФ, будет теперь регулярно получать материальную помощь, так называемые

"гробовые". Это связано с мерами по исключению теракта и касается в основном поваров, медиков и сантехников. Отныне повара перед подачей на президентский стол приготовленной ими еды будут съедать половину каждого блюда под надзором

доктора, а тот, в свою очередь, проверять на себе действие всех прописываемых лекарств. Сантехникам вменено в обязанность регулярно опорожняться в поднадзорную им технику.

Призыв

В связи с принятием Госдумой поправки в закон "О воинской обязанности", дающей отсрочку от службы в армии призывникам, имеющим жену не менее чем на 26-й неделе беременности, молодые женатики проявили недюжинную изворотливость. Взяв на вооружение ускоритель роста, применяемый в овцеводстве (сыворотка жеребой кобылы), они добились невиданной доселе скорости созревания плода. Беда в том, что рожденные через месяц после зачатия лица мужского пола уже через год достигают зрелости и, к радости военкомов, готовы к прохождению воинской службы.

Скандализа

В эксклюзивном интервью нашему корреспонденту госсекретарь США

Кондолиза Райт призналась, что в ней течёт и русская кровь. Дело в том, что её бабушка по материнской линии Елизавета Райх (урождённая

Синичкина) в 20-х годах прошлого столетия эмигрировала из России в

США. За неуёмный характер в семье ей дали прозвище (nickname)

Лиза-скандализа, откуда и имя госсекретаря в американизированном произношении, данное в честь любимой бабуси. А откуда, вы думаете, её знание русского языка, которое она тщательно скрывает, и не особо скрываемая ненависть к России, коли не навеяно это затаившей злобу на коммуняк бабушкой?

Прапор

Новое достижение, достойное книги рекордов Гиннесса, официально зафиксировано в N-ском подразделении одной из ракетных частей подмосковного гарнизона. Старший прапорщик Нечипоренко, проявив чудеса ловкости и сноровки, умудрился с первой попытки толкнуть многотонную установку "Град" аж в Краснодарский край, где она и была обнаружена выездной бригадой следователей местной прокуратуры.

Собака

В деревне Сухожилово при проведении строительных работ рядом с сельской церквушкой строители обнаружили несанкционированное захоронение, которое, по свидетельству срочно вызванного участкового, принадлежит собаке неустановленной породы. Прибывшие на место активисты общества защиты животных возложили вину на попа, у которого действительно была собака и он её любил. В случае доказательства смертоубийства батюшке грозит многолетнее заключение.

Дачный сезон

В подмосковной деревне Хотьково пойман и привлечён к ответу маньяк-извращенец, долгое время терроризировавший окрестное дачное население. Потенциальный пациент психушки подглядывал в заборные щели за особами женского пола в их традиционной для огородной страды позе на огороде. По признанию маньяка, с начала дачного сезона он уже умудрился оскорбить своим порочным вниманием свыше 50-и дам-тружениц.

В ходе облавы на него местные сотрудники правоохранительных органов выявили и обезвредили эксгибициониста, который, маскируясь на своём дачном участке под растрёпанное чучело, приводил в ужас добропорядочных соседей демонстрацией своих весьма неряшливого вида потрёпанных гениталий.

Хакер

Известный в определённых кругах хакер Пентюхов по кличке хакер-макер, скрывающийся в настоящее время, по мнению правоохранительных органов, в Интернете, направил оттуда в указанные органы послание с добровольным признанием. Оказывается, только за последнее время он взломал сайты ФБР, ЦРУ, ФСБ, ГИБДД, трёх московских банков и одного на Ямайке, а также квартиру своей бывшей сожительницы, где он незаконно реквизировал оставленную при спешном уходе кепочку.

Особый переполох среди получателей послания вызвала информация о троекратном взломе камеры Ходорковского. По признанию хакера, узник чести наотрез отказался покинуть каземат, напирая на свои принципы. Шварценеггер

По сообщению жёлтой прессы в США, всемирно известный в прошлом культурист и киноактёр Шварценеггер, в настоящее время работающий губернатором штата Калифорния, скачал за ненадобностью все свои дутые мышцы на сайт фонда помощи обездоленным детям России.

Челюсти

Курьёзный случай произошёл с заслуженным пенсионером Пафнутьевым.

Явившись в одно из отделений милиции столицы, он шамкающим голосом умолял сотрудников помочь ему в поисках потерянной вставной челюсти, без которой, по его словам, он не может кушать, а может только пить.

Вошедшие в положение инвалида сыщики провели оперативно-розыскные мероприятия по маршруту его следования с утра из дома и в конце концов обнаружили пропажу. Злополучная челюсть оказалась вцепившейся мёртвой хваткой в верхнюю часть бедра нелегально работающей в подпольном борделе на Тверской-Ямской гражданки Украины Марины

Наливайко.

Вызванной по телефону "01" бригадой МЧС указанная гражданка была освобождена от постороннего предмета, но тут же заключена под стражу за занятие нелегальным бизнесом. Челюсть была торжественно возвращена владельцу, что вызвало в нём скупые слёзы радостной благодарности. Прокурором

возбуждено уголовное дело по статье о незарегистрированном содержании публичного заведения.

Инструкция

В Соединённых Штатах Америки Общество борьбы со СПИДом "За безопасный секс" наконец добилось от администрации крупнейших авиакомпаний, чтобы пассажирам лайнеров перед взлётом раздавали наряду с мятными конфетками контрацептические средства. Неожиданно это вызвало многочисленные обращения к бортпроводницам за разъяснениями. Пассажиры, успевшие ознакомиться с инструкциями безопасного поведения на борту самолёта, по-своему восприняли некоторые её правила. Так, рекомендация сгруппироваться и подтянуть колени к подбородку женщинами была отнесена на свой счёт. Мужчины же не совсем правильно реагировали на рекомендации в случае блокировки главного входа оперативно искать запасные технологические отверстия. Минздрав предупреждает

Регулярный просмотр телевизионных выпусков новостей ведёт к катастрофическим последствиям. К такому неутешительному выводу пришла группа социологов на основе долговременного обследования большой группы испытуемых. Отмечено 100-процентное впадение в депрессивное состояние, в том числе у 30% любителей политических вестей зафиксировано предынфарктное состояние, у 20% – психические сдвиги по фазе. Остальные 50% обнаружили повышенную склонность к суициду и немотивированной, а в отдельных случаях легко объяснимой агрессии. У части обследованных лиц пенсионного возраста дополнительно диагностирован синдром ностальгии по коммунистическому прошлому, а у части молодёжи – неверие в капиталистическое настоящее.

МРОТ

На очередном заседании правительства министр финансов в своём выступлении предложил заменить ставшее одиозным название минимальной зарплаты (МРОТ) на нечто более

удобоваримое и благозвучное. В народе, – сказал он, – уже ходят присказки типа "Кто живёт на МРОТ, тот вот-вот помрёт", "МРОТ – кукиш в рот" и тому подобные. Министр предложил свой вариант акронима, ЖОП (желаемая оценка потребления), и вынес на обсуждение правительства вопрос изыскания средств в реально обозримом будущем на повышение этого оценочного показателя, т. е. ЖОПы, как минимум, на 3%.

Триллер

На рекламной тумбе на пересечении Тверской-Ямской и Цветного бульвара появился анонс нового американского боевика "Смертельный удар ниже пояса". Крупными буквами на уровне глаз напечатан призыв

"Получи наслаждение от умопомрачительного триллера! Президент получает послание с угрозой распространить споры страшной болезни".

И всё бы хорошо, но двойное "л" в слове "триллер" оказалось ну очень похоже на двойное "п". Вокруг тумбы отмечен лёгкий ажиотаж и громкие восклицания типа "Вау!" в произвольном переводе на удобоваримый язык.

Дезориентация

На одном из московских вокзалах в ходе его перестройки рабочие монтировали из крупных заготовок неоновых трубок слово "Кассы". По каким-то техническим причинам начав с конца слова, они укрепили три последние буквы и удалились на обеденный перерыв, который затянулся, как у нас часто водится, до вечера. И всё это время дезориентированная надписью публика, в основном мужского пола, судорожно металась в вокзальных кулуарах вблизи слова на три смонтированные буквы в поисках специализированного туалета. К счастью, туалет действительно оказался недалече, что остудило возникшие было страсти. Но никого, повторяю, никого странно звучащий указатель не удивил.

Рождественское чудо

В самый разгар Рождества в районное отделение милиции обратилась супруга уважаемого доктора наук, известного в научных кругах разработкой теории "физического вакуума". По словам заявительницы, её муж в ходе праздничного семейного застолья неожиданно исчез без всякой провокации с её стороны. В ходе оперативно-розыскных мероприятий с использованием ищейки профессор был обнаружен распивающим спиртные напитки в квартире Изольды Борисовны, проживающей по соседству.

Виновник переполоха объяснил ситуацию воздействием на него совокупности пространственно-временных вихрей, которые, как известно, могут воздействовать на материальные объекты и в том числе перемещать их. Проверка теории с использованием тефлоновой сковороды, случайно оказавшейся в руках профессорской жены, оказалась успешной, и материальное тело её супруга вернулось на круги своя, а попросту – восвояси. Фамилии участников научного эксперимента в интересах следствия не сообщаются.

Психология

Исходя из того, что Россия по средней продолжительности жизни находится уже на чёрт-те каком месте в мире и продолжает катиться вниз, теряя ежегодно около миллиона своего народонаселения, психологи предлагают в тройке традиционных тостов: "Со свиданьицем",

"За милых дам" и "На здоровье" передвинуть последний из них на первое место. Психоделическое воздействие на организм русского человека переноса акцента лечебного воздействия алкогольного напитка, по их мнению, будет способствовать оздоровлению нации.

Возрождение подзабытых форм тостирования, таких как "За Родину, за

Путина (либо за иного лидера)", "За нас с вами и хрен с ними" психологически будет воздействовать возрождению чувства патриотизма и формированию утерянной национальной идеи. Благоприятную роль может сыграть в деле стимулирования рождаемости возврат к гусарской форме второго по частоте

употребления традиционного тоста "За баб-с".

Минздрав предлагает

В целях морального оздоровления населения за счёт снижения масштабности такого антисоциального явления, как проституция,

Минздрав специально для жриц любви разработал систему кратковременных курсов овладения смежными профессиями. Это будут курсы нянек с навыками лечебного массажа с элементами эротики, сиделок-лежалок в реанимационном отделении, консультанток по вопросам половых сношений с базовым знанием Камасутры, санитарок салонов психологического расслабления и секретарш главврача.

Новости столицы

В Северном округе Москвы создан клуб анонимных алкоголиков под названием "Скинемся?". Члены клуба разбиты на тройки по интересам. В клубе функционируют ресторан "Поляна", основным декоративным элементом которого являются забавные чёртики зелёного цвета, и кафе-забегаловка "Ты меня уважаешь?", а также медвытрезвитель с фонтанчиком, бьющим крепким огуречным рассолом, и с санитарками по вызову. По слухам, спонсором заведения является известный производитель винно-водочных изделий.

Экономия ресурсов

В газету "Красная звезда" пришло письмо от группы школьников выпускного класса, а, стало быть, приближающихся к призывному возрасту и очень этим озабоченных. В письме высказано на первый взгляд парадоксальное предложение, сформулированное следующим образом: "Если считается, что армия превращает юношу в полноценного мужчину, не проще ли

сэкономить время и огромные деньжищи, пропустив призывников через бордель. Тем более, что от дембелей мы слышали единодушное мнение, что армия и есть большой бардак с вшивым обслуживанием, к тому же офицерами исключительно мужского пола".

Грабёж

В поселковое отделение сбербанка ворвался грабитель в маске, не слишком умело скроенной из женских трусиков. Громовым голосом он воскликнул: "Я Дубровский. Всем лежать, это ограбление!". Однако стоявшая у кассы местная доярка Маша, ничтоже сумняшеся, в одночасье скрутила обнаглевшего бандита и передала в руки подоспевшего сельского милиционера Аниськина. Самое забавное в этой истории оказалось то, что бандит, как тут же выяснилось, был действительно по фамилии Дубровский, мало того, отпрыском семьи того самого малопоместного дворянина. Фамилия же доярки, по случайному совпадению, была Троекурова. В качестве поощрения за её геройское поведение Аниськин передал Маше снятые с головы бандита кружевные трусики, которые, к её величайшему сожалению, оказались на порядок меньше носимого ею размера.

Новое в мире шахмат

На очередном международном турнире Гарри Каспаров поразил истинных любителей шахмат искромётностью хитросплетений создаваемых им на шахматном поле невиданных комбинаций и позиций. Наблюдавшая за игрой публика буквально впадала в экстаз. В интервью с победителем

Гарри заявил, что всем этим он обязан углублённому изучению

"Камасутры" под руководством снятой на Тверской индианки по имени Гуру.

Ещё один рекорд

Житель села Кукуево побил своё прежнее достижение по испусканию воздуха через заднепроходное отверстие. Количество исполненных им в широкой звуковой гамме пуков достигло ста пятидесяти и занесено в книгу рекордов Гиннесса. В настоящее время скотник Иванчиков разрабатывает новый рецепт гороховой каши, что позволит ему, как он надеется, исполнить тем же своеобразным способом гимн Российской

Федерации. Есть задумка, – сообщил новоиспечённый рекордсмен, – замахнуться и на популярный в нашем народе вальс "Амурские волны".

Методология

Использовав в своих изысканиях с помощью лаборантки известный в науке метод проб и ошибок (в просторечии – метод тыка), младший научный сотрудник М. У. Дозвонов пришёл к выводу о его эффективности. Уже на девятый месяц упорных опытов с элементами изобретательных находок лаборантка произвела на свет чудненького младенца. При попытке запатентовать открытие оказалось, что применённый метод уже зарегистрирован на имя Адама.

Солнцееды

Всё большее распространение в нашей стране получает движение солнцеедов, то есть людей, отказывающих себе в еде и питье. Как известно, основателем движения явилась пенсионерка Зинаида, жительница Краснодара, которая уже несколько лет не держала во рту и маковой росинки и ничего не пьёт, даже по праздникам. При этом регулярно посещает туалет. Характерно, что движение началось именно в России, где для этого имеются все предпосылки и славные исторические традиции. Вспомним хотя бы питие чая "вприглядку", когда над столом вывешивался для обозрения семьи кусочек сахара, или

"занюхивание" выпитого стакана водки рукавом.

Ещё у всех на памяти времена, когда в магазинах ничего не было, но все так же регулярно посещали туалет. Конечно, время

внесло свои коррективы, и сейчас в магазинах есть на что посмотреть и даже с большим удовольствием понюхать. Однако для большой части населения возможность поесть это остаётся иллюзорной. Поэтому употребление в качестве продукта питания энергии Солнца или, как её ещё называют, эволюционной энергии, весьма актуально. Консультации по вопросам ввода своего организма в новый эволюционный цикл можно получить в недавно созданной Партии пенсионеров. Движение спонсируется и всячески поддерживается правительством.

Мздоимство

Это даже не секрет Полишинеля, что в России вся чиновничья рать, включая и её высшие эшелоны, живёт, и неплохо живёт, на взятки. В свете этой ситуации в определённых кругах общественности вызревает предложение о создании по примеру существовавшего в Оттоманской

Порте Диван-бакшиша министерства по взиманию налогов с взятки

(Минвзя). Одна беда – нет уверенности, что само это министерство не погрязнет в мздоимстве и не разворует полученное от налогообложения.

Посему предполагается полное снятие всех чиновников с государственного довольствия, что задумал ещё Пётр Великий. Система мыслится полностью транспарантной, то есть до невозможности прозрачной, чему должна способствовать разрабатываемая для чиновников униформа, отличительной особенностью которой будут огромные накладные карманы из крупноячеистой сети. Оценкой работы чиновников послужит суммарная величина взяткопотока. Наиболее отличившиеся из них будут награждаться орденом "Большая лапа" трёх степеней, а активные взяткодатели наделяться льготами наподобие доноров.

Памятник

В очередную годовщину А.М. Горького в деревне Синебрюхово, что раскинулась на крутом берегу реки Волги, был воздвигнут памятник великому пролетарскому поэту и писателю,

певцу революции. Памятник установлен на поражающей своими размерами гранитной глыбе с искрящимися жёлтыми прожилками и изваян из глины местным народным скульптором. Ваянию предваряла скрупулёзная работа по изучению любимого времяпровождения поэта, который предстаёт перед нами как живой в легко узнаваемой косоворотке и приспущенных на рабочие сапоги шальварах.

Алексей Максимович изображён в традиционной для него позе, на носу круглые очки, на лице – натужная гримаса, отражающая титаническую работу мысли, в руках – свежий номер газеты "Правда".

Он восседает на фаянсовом толчке с деревянным окружьем, у ног в вольных позах расположились любимые персонажи: гордый буревестник, тучнотелый пингвин и костлявая старуха Изергиль.

Трансгенная водка

В ходе проверки винно-водочной продукции ряда отечественных предприятий было выявлено, что некоторая её часть произведена из сырья, содержавшего генно-модифицированные компоненты. Во что может мутировать регулярно потребляющий такого рода продукцию потребитель, науке пока достоверно не известно, но знакомая всем сказка на тему

"Не пей, Иванушка, в козла обратишься" представляется в свете полученной информации не такой уж фантастичной. Следующим объектом пристального внимания Всероссийского комитета генетический безопасности будет типовой набор закуски.

Нелюбимый цвет

ЦК КПРФ заявил решительный протест по поводу зверского разгона митинга сторонников партии и разрыва в клочья вынесенных на митинг кумачовых транспарантов и знамён в посёлке Ильичёвск. Местные власти отрапортовали, что не имеют к этому делу никакого отношения, а набедокурил бык Пионер, принадлежащий одному из участников митинга и увязавшийся за

хозяином. Озверев от изобилия красного цвета, бык устроил на поселковой площади подлинную корриду, а затем вернулся в спокойно наблюдавшее за всем этим стадо.

Связи

В отличие от "Зелёной партии", претендующей на осознание глубокой связи между природой и обществом, "Голубая партия" заявила устами своего духовного лидера Б. Моисеева, что только ей дано осознать глубину той задницы, в которой находятся общественные отношения в

России. Одновременно он предложил своеобразный способ сношения с лидерами господствующей в Думе партии, подчеркнув, что и медведям, властвующим на политической поляне, не мешало бы поберечь свои натруженные тылы.

Шедевр архитектуры

Поражающая своим великолепием церковь на Куличках в известном всей Руси селе Кукуево сработана местными умельцами без единого гвоздя. Куда делись гвозди, а также сами строители, расследуется на текущий момент следователями прокуратуры.

Грабли

Намедни в местный краеведческий музей города Урюпинска был безвозмездно передан на вечное хранение новый экспонат. Это грабли, провалявшиеся в городском парке незнамо сколько времени. Однако достоверно известно, что только за последний год урюпинцы наступили на них 365 раз, причём большинство – дважды. На церемонии торжественной передачи музею этих заслуженных граблей присутствовал городской голова, который, потирая свежую шишку на лбу, подчеркнул в своём выступлении, что наступать на собственные грабли – стародавняя славная

традиция горожан, в связи с чем поднят вопрос о внесении изображения этого предмета обихода в городской герб. Экспонат был торжественно возложен для удобства посетителей музея рядом с порогом, естественно, зубьями вверх.

Версия

Из Италии пришли потрясающие вести. В ходе археологических раскопок на окраине Рима была найдена скульптура обнажённой женщины.

Трудно описать ликование учёных, когда после осторожной очистки и внимательного рассмотрения оказалось, что это точная копия известной всему миру скульптуры Венеры Милосской. Но каково же было всеобщее изумление, когда обнаружилось, что у неё на полагающемся месте сохранились небесной красоты руки. И уж в совсем шоковое состояние впали археологи, когда разглядели, что в этих руках зажато не что иное, как скрипка.

Конечно, историкам и искусствоведам предстоит ещё долгое изучение найденного артефакта. Однако, по предварительной версии, высказанной не назвавшим себя специалистом эпохи ренессанса, можно предположить следующее. Скульптура изваяна с красивейшей женщины той далёкой эпохи, известной также своей любовью к музицированию, а попросту говоря – к пиликанию на скрипочке. И, как порой бывает в жизни, матрона так достала своего супруга неумелыми мяукающими звуками, что он в порыве праведного гнева обломал руки у одной из заказанных накануне скульптур своей жены.

Обживальщик

Всё дальше заходят причуды богатых. Недавно вслед за разносчиками

(от слова разнашивать) новой обуви и обкуривальщиками дорогих трубок среди колдунов и ворожей появилась новая категория лиц, называющих себя профессиональными обживальщиками. Эти лица за баснословные деньги до новоселья хозяев въезжают в фешенебельную квартиру якобы для её обживания и создания в доме благоприятной ауры. Уже не

единичны случаи, когда горе-новосёлам приходилось выкуривать из своих квартир таких обживальщиков с помощью наряда милиции и сотрудников МЧС. Вероятно, пока не поздно, пора вернуться к нашей старой доброй традиции запускать первым в новую квартиру кота

Котафеича и создающих без всякой дорогостоящей ауры домашний уют рыженьких тараканов, любовно называемых в народе пруссаками.

Художества

Отрадно, что в погоне за клиентом предприятия обслуживания расширяют круг оказываемых ему услуг. Однако справедливости ради следует отметить, что некоторые услуги до боли в сердце напоминают пришедшее из прошлого, из эпохи ненавязчивого сервиса. Так, в прейскуранте одной ремонтной конторы, что на Тверском бульваре, появилась новая услуга – художественная наклейка обоев. Каково же было удивление заказчика, когда он убедился, что все художества оклейщика свелись к недоклеенным уголкам, многочисленным пузырям, пятнам неопределённой конфигурации и фигурным складкам, которые действительно, если приглядеться, носили художественно экзотический характер.

На бурно выраженное недовольство клиентов им было мягко, в духе нового времени, указано, что к современным концептуальным задумкам необходимо привыкнуть. Ежели же клиент, который несомненно всегда прав, хочет вернуться к изжившей себя форме классицизма, то переделка может быть произведена в кратчайшие сроки, но, естественно, за его счёт. Вот так выглядит вежливое по форме и социалистическое по сути издевательство в наши дни капиталистического процветания.

Фабрика шедевров

На Сретенке открылся новый фешенебельный ресторан закрытого для средней публики типа. Как мы предполагаем, он нацелен на клиентуру олигархического толка, тянущуюся к святому искусству. В развитие древнекитайских кулинарных

изысков вам, если вы пройдёте так называемый фейс-контроль, предложат исполненные подлинными мастерами своего дела репродукции картин известнейших художников. Трудно поверить, но полотна набраны по цвету и форме мозаичным способом из самых различных продуктов питания, включая такие экзотические, как мясо крокодила и пенис кабарги.

По воскресеньям за ошеломительный гонорар к труду на кухне привлекаются такие светочи художественного искусства, как Глазунов и

Шилов. По признанию откушавших в ресторане толстосумов, наибольшей популярностью пользуются блюда с портретом клиента в одеянии минувших веков, а также галерея из серии "ню".

Неподдающийся

Как известно, в некоторых штатах Америки, в отличие от большинства цивилизованных стран, сохраняется смертная казнь.

Причём, в угоду сохранению демократического имиджа страны казнь производится с учётом пожелания приговорённого путём отравления газом, смертоносной инъекции или на электрическом стуле. Так вот, по поступившей к нам информации, в одной из тамошних тюрем содержится наш бывший соотечественник, много лет назад приговорённый к высшей мере наказания. Узник выбрал отравление смертельной дозой алкоголя.

Директор тюрьмы утвердил эту дозу на основе официальных данных в промилле, и казнь была с выполнением всех полагающихся ритуалов совершена.

Однако, к величайшему удивлению всех присутствовавших, включая медэксперта, узник выжил. Через неделю казнь повторили с тем же благополучным для приговорённого к ней арестанта итогом. И вот все эти годы казнь еженедельно повторяется и превратилась в своеобразную традицию, а узник жив, здоров, как говорится, в ус не дует и с нетерпением ожидает очередного дня исполнения наказания. Так и хочется вслед за сатириком Задорновым воскликнуть: "Ну, и тупые!".

О братьях наших меньших

После установки в Петербурге памятника Чижику-пыжику, который, как известно, на Фонтанке водку пил, общественностью культурной столицы России разработана обширная программа создания монументов, посвящённых нашим братьям меньшим. Так, ассоциация петербургских рестораторов выступила с идеей установки памятника коту Ваське, который слушает да ест. Крупнейшая в области птицефабрика заявила о готовности профинансировать создание памятника петушку, Золотому гребешку. Сохранившая своё инкогнито питерская турфирма возжелала выделить средства на установку памятника лягушке Путешественнице, корейский ресторан – памятника приснопамятной Муму. Но наибольший общественный резонанс вызвало решение городского управления ГИБДД спонсировать создание мемориала Соловью-разбойнику, коего гаишники не без основания считают своим прародителем. Скульптору, который возьмётся за воплощение проекта, обещано освобождение на год от штрафов за нарушение правил дорожного движения, а также безвозмездная передача свистка и милицейского жезла для использования в качестве деталей задуманной композиции.

Рекламный ляп

Мы уже привыкли к случаям негативного влияния на общественные порядки рекламы. Мы также привыкли к наличию у нас в стране и такого антиобщественного явления, как проституция. Как говорится, куда денешься. Но уж если мы молчаливо признаём это явление, то должны уважать хотя бы элементарные права представительниц упомянутой древнейшей профессии, труд коих язык не повернётся назвать лёгким поведением. Как же в этом свете понимать завязший в ушах слоган ряда телефонных компаний "Все входящие – бесплатно"? Девушки с Тверской буквально пребывают в отчаянье и справедливо требуют исправления двусмысленного рекламного ляпа, внёсшего сумятицу в их взаимоотношения с гыкающей клиентурой.

Мы пойдём своим путём

По информации из Соединённых Штатов Америки, в некоторых заведениях системы быстрого питания "Мак Дональд" по совету маркетологов перед входом стали прогуливаться своеобразные

"клакеры". Обычно это цветущего вида мужчины, с подчёркнутой жадностью наворачивающие огромные гамбургеры. Рекламная уловка явно удалась, и народ ещё больше повалил в кафешки.

Приятно отметить, что и наш бизнес не чурается рекламных новинок.

Так, перед входом в ресторанчик средней руки на Тверской был содеян весьма натуралистический муляж упившегося в сиську мужчины в луже.

Вероятно, мотив навеян прочно вошедшими в наш быт "лежачими полицейскими". Эффект рекламной акции превзошёл все ожидания. Редкий мужчина теперь проходит мимо соблазна. Среди входящих в заведение клиентов часто слышна знакомая по анекдотам фраза: "Вон люди уже как люди, а мы ещё ни в одном глазу".

Испытатели

Как известно, ведущие мебельные предприятия тратят значительные средства на испытание своей продукции дабы поддержать марку. И день, и ночь роботизированные механизмы мнут, раскачивают, пачкают и всячески терзают кровати, диваны и кресла, выявляя их слабые стороны. Одна из отечественных мебельных фабрик пошла несколько иным путём. На ночь в лабораторию стали допускать по парочке из числа столь многочисленных у нас бомжей.

Этим, кроме благотворительной, достигается и ряд других целей.

Спальные гарнитуры проходят жесточайшее испытание на прочность и грязестойкость в условиях максимального приближения к условиям реальной эксплуатации. Кроме того, видеоматериалы с камеры наблюдения получили широкое распространение на рынке и приносят предприятию дополнительный доход, сравнимый с прибылью от реализации готовой продукции.

Уборщица динозавров

Трагикомический случай произошёл в палеонтологическом музее на

Большой Никитской, что за углом от старого здания МГУ. Уборщицей там работает дряхлая старушонка. Можно представить, сколь утомительна её работа. Мало того, что толпа посетителей натопчет, так ещё и с экспонатов пыль вытирай. Накорячешься с тряпочками и кисточками, лазая по скелетам динозавров и прочей доисторической нечисти.

Вот и разбил бабусю приступ радикулита, да такой острый, что застыла она в скрюченном состоянии промеж экспонатов, ни двинуться, ни пикнуть. Надо признать, бабушка и сама-то костлявая, наружностью типа бабы Яги. А что вы хотите, если каждый день, как белка, вокруг скелетов страшенных крутится? Народ между тем всё ходит, ходит да вокруг неё собирается, гадает, из какой это эпохи экспонат. Только вмешательство директора, известного палеонтолога, привело к окончанию бабкиных мук. Он почти тут же узнал своего ветерана труда, разогнал публику и вызвал скорую помощь. Дефицит

В результате политической и экономической нестабильности на

Украине поползли слухи о возврате к временам всеобщего дефицита.

Ропщут милицейские власти на недостаточное бюджетное финансирование, низкие зарплаты, слабость технического обеспечения. Дошло и до нехватки амуниции. Так, в Одессе, в одном из отделений милиции, было замечено вывешенное там объявление, как будто возвращающее нас в приснопамятные времена Гражданской войны. Вот оно в вольном переводе на русский язык: "Уважаемые господа налётчики! Уведомляем вас, что в связи с нехваткой патронов, сотрудникам правоохранительных органов приказано при задержании временно, до особого распоряжения, отказаться от практики произведения предупредительных выстрелов в воздух".

Сало

По сообщениям информационного агентства Украины, там возник конфликт, грозящий перейти в серьёзные акции

гражданского неповиновения. Поводом к беспорядкам послужило решение датского правительства поставить в эту страну в качестве экономической помощи и поддержки демократических преобразований несколько хряков наилучшей породы свиней.

Эти свиньи отличаются высокой продуктивностью и великолепным качеством мяса. Однако, как оказалось, выведенная в результате селекционной работы порода практически лишена жира. Это было расценено украинской общественностью как национальное оскорбление.

Многочисленные толпы националистов осадили датское посольство, в здании разбиты стёкла, нанесён другой ущерб.

Чтобы успокоить страсти, правительство приняло решение забить датских хряков для предотвращения распространения заразы, а мясо убиённых животных сжечь либо продать москалям как негодные к употреблению субпродукты.

Китайское яблочко

По слухам, просочившимся в жёлтую прессу США, название для

Оранжевой революции придумал лично Джордж Буш. Правда, сначала, припомнив бытующее название для некоторых стран южноамериканского континента – "банановая республика", он предложил избрать этот фрукт. Однако не столь наивные в вопросах географии и ботаники советники президента натолкнули его на мысль использовать в качестве символа украинской революции апельсин и точно попали в цель. Ющенко даже нисколько не смутило то, что в переводе апельсин означает китайское яблочко. Те же советники удержали уже украинского президента от переименования Чёрного моря в Померанчевое, Украину в пику москалям – в Усередину, а Запорожья, дабы подчеркнуть западную ориентацию – в Запарижье.

Экстрасенс

Экстрасенс Епифанов, чтобы продемонстрировать реальность своих способностей, отключил силой воли на расстоянии электричество в

Приморье. Был бит выездной группой активистов борьбы с шарлатанством в науке. На месте проведена демонстрация протеста под лозунгом

"Долой Чубайса!".

НЛО

На полях фермерского хозяйства "Эй, ухнем" (бывш. совхоз "Заветы

Ильича") вновь появились узоры, обычно связываемые с НЛО. На сей раз ученые реально надеются расшифровать послание неизвестной внеземной цивилизации. С высоты птичьего полёта рисунок на поле очень напоминает оттопыренный средний палец правой руки, круговая вязь – привет мироеду фермеру.

Паранормальность

Продолжают поступать сообщения граждан о контактах с инопланетянами. Сантехник Альфред Кривошея объяснил очередной засор в унитазе проделками уже знакомых ему НЛО-навтов с планеты Альфа

Центавра. Девица Изабелла Иванова (фамилия изменена) по выходе из роддома заявила о непорочном зачатии от зеленого человечка с Марса.

Ребёнок взят под наблюдение местным отделением клуба паранормальных явлений.

Буль-буль

Новые разработки южнокорейской компании "Самсунг" для российского рынка позволяют нажатием кнопки вызывать в телевизоре мелодичный звук бульканья разливаемых напитков, сопровождаемый соответствующими запахами. Для Украины синтезатор предлагает на выбор 53 оттенка аромата сала.

Операция

Врачи больницы г. Чугуева открыли, что забытая при операции на желудке марля и выпавшая из кармана халата хирурга авторучка российского производства послужили организму материалом для восстановления разрушенного тазобедренного сустава. Больной вновь обрел способность ходить не хромая, но просит на всякий случай сделать ему живот на пуговицах.

Вставки

Новые силиконовые вставки в женскую грудь предлагают китайские врачи-косметологи. При лёгком поглаживании они начинают издавать мелодию марша Мендельсона, а при резком надавливании – фуги Баха или национальный гимн КНР на выбор. Демократизатор

Инженер-рационализатор из Минска разработал новую модель милицейской дубинки (так называемый демократизатор), раскрашенную в веселенькие национальные цвета и способную источать елей и убаюкивающую мелодию. Публика, ознакомленная с дубинкой, выразила глубокое удовлетворение новинкой.

Левша

Сообщают, что в Туле появился новый Левша, затмивший ремесленный подвиг своего земляка. Он подковал не только блоху, но и всех окрестных комаров. Теперь местный гнус не только кусается, но и больно топчет жертву копытами.

Хрен

Российские ученые из Тимирязевской академии доказали

спорность поговорки о том, что хрен редьки не слаще. Выведен новый сорт хрена намного слаще редьки, напоминающий по вкусу ананас. Теперь злостным сквернословам придется выбросить из своего лексикона название этого овоща, дабы не быть понятыми превратно.

Открытие

Терапевт Караулов из Мочекамской больницы, думая о чем-то своём, по ошибке прописал страдающему метеоризмом больному противозачаточное средство. Через неделю больной радостно сообщил, что таблетки – чудодейственны, он не только нормализовал стул и перестал неприлично и не к месту испускать воздух, но и вылечил свою грудную жабу, артрит, простатит и на радостях решил в свои 74 года завести ребенка на стороне. Вот так ненароком делаются великие открытия.

Стрекозёл

Путем введения в хромосому эмбриона козы гена стрекозы наконец выведен столь любимый в нашем фольклоре стрекозёл. Он сохранил бодливость, по-прежнему не даёт молока, зато передвигается по воздуху, правда, низко. Продолжаются опыты по выведению змееежа для использования вместо колючей проволоки на новых границах нашей

Родины с ближним зарубежьем.

Робот

Объявлено о скором поступлении в продажу последней разработки японской робототехники. Новый прямоходящий агрегат способен не только выполнять всю работу домохозяйки по уборке дома и уходу за детьми, но и, при необходимости, супружеские обязанности хозяина.

Постоянная автоподзарядка делает его неутомимым

тружеником. Очередь на покупку робота расписана на год вперед.

Антигололёд

Свершилось! В НИИ городского хозяйства, где уже много лет ученые бьются над разработкой второй пумпочки на унитаз для экономичного слива воды при отправлении малой нужды, изобретен портативный антигололёд автоматический (АГА-2). Работает он от микродвигателя, помещаемого в карман брюк, и подаёт беззаботно теперь шагающему по наледи пешеходу веерной струйкой под ноги песок с реагентом из заплечного рюкзака ёмкостью 50 кг. Врачи травпунктов вздохнули с облегчением.

Чип

На пороге решения проблема вавилонского смешения языков. В коренной зуб человека вживляется микрочип, который помогает общаться на любом языке народов планеты, от тонального китайского до

"стаккато" пигмеев. Более того, переключив чип нажатием языка, вы обретете способность понимать и животных, например, подозвать собаку, усмирить взбесившегося слона или, скажем, попав в челюсти акуле, уговорить её отрыгнуть человечину.

Сигареты

В Южной Корее выпущены в продажу бездымные безникотиновые сигареты, источающие при курении восхитительный аромат утренней свежести и оказывающие на курильщика оздоровительный эффект. Успех превзошел все ожидания, народ потянулся к заядлым курякам, млея в окружающей их атмосфере. Уже объявлено о начале производства пробок в выхлопные трубы автомобилей из аналогичного материала. Города превратятся в благоухающие цветники.

Здоровый сон

В Японии изобретен аппарат для производства снов. Обладателю оного надо лишь наговорить примерное содержание сновидения, выбрать звуковой ряд и подходящие запахи, одеть наушники – и в койку.

Аппарат сам побеспокоится о том, чтобы клиент быстро заснул здоровым сном, заботливо взобьет подушку, подогреет простыни, а в случае эякуляции при заказе эротического сновидения отсосёт выделения.

Отпадает надобность и в будильнике, утром точно в назначенное время прозвучит ненавязчивая побудка после гипнотической зарядки на бодрость и активный труд.

Климакс не страшен (на правах рекламы)/

Климакс в переводе с греческого означает "ступень". Кажется, мы все вместе эту ступень благополучно переступили. На прилавки аптек широким потоком хлынул разработанный нашими фармацевтами препарат

"Ягодка", который резко стимулирует угасающие функции яичников.

Уходят в прошлое перепады настроения, потливость, тошнота и прибавка в весе. При регулярном приёме препарата вовнутрь любая женщина, поддавшаяся страшному недугу, становится бабой-ягодкой опять.

Любопытно, что препарат, приготовляемый на ректифицированном спирте, не противопоказан и мужчинам, у которых после первых же ста грамм буквально вновь открываются глаза на принимающих "Ягодку" подруг сердца.

Вирус

Бьют тревогу пользователи последнего поколения

компьютеров отечественного производства. Участились случаи неконтролируемого обретения ими не заложенной в программу самодеятельности. При вводе новой информации машина обозначает своё отношение восклицаниями, самыми мягкими из которых являются "О-го-го!" и "Твою мать!". При допущении даже легкой ошибки из компьютера слышится: "Ну, ты, село, очки одень, недоумок!" и тому подобное. Специалисты теряются в догадках, то ли это зловредный вирус очередного хакера, то ли проявление выхода в виртуальное пространство темных космических сил.

Искусственный глаз

Учёные из лаборатории биоинженеринга Ботсванского государственного университета разрабатывают прибор искусственного зрения, который будет вживляться в человеческий мозг и расшифровывать поступающие от цифровой видеокамеры сигналы. При этом картинка не уступает и даже превосходит изображение, получаемое естественным путём. Беспроводная камера не превышает размер глазного яблока и легко монтируется в глазнице. Среди лабораторных образцов имеется съёмный глаз, который вызывает повышенный интерес среди тучных мужчин, надеющихся с его помощью разглядеть всё, что ниже их выпирающего живота. Поступают заявки и от патологических ревнивцев, рассчитывающих вмонтировать активизируемый на расстоянии микроглаз в спинку супружеской постели.

Подарок

В преддверии праздника международного женского дня участились обращения в редакцию читателей с просьбой подсказать, какой подарок можно сделать прекрасной даме сердца. Проконсультировавшись с ведущими специалистами в соответствующей области, мы пришли к единодушному мнению, что лучшим подарком, способным удивить даже самую изысканную леди, послужит оборудование для переработки твёрдых бытовых отходов.

Оборудование, которое легко монтируется на домашней кухне, доставит хозяйке массу удовольствий и скрасит её досуг. Ведь только из переплавленных пластиковых бутылок можно изготовить множество замечательных вещиц, а переработка одной тонны накопившейся в квартире макулатуры сбережёт пять деревьев. При закупке двух комплектов оборудования очистные агрегаты устанавливаются на унитаз силами специалистов завода-изготовителя бесплатно. Спешите воспользоваться предпраздничными скидками.

Разборка

В Петербурге, на стрелке Васильевского острова бригадой неустановленных лиц проведена разборка, в результате которой автомобиль "Мерседес", принадлежащий бизнесмену, пожелавшему остаться безымянным, был превращён в 600 отдельно взятых деталей.

Полученные в ходе разборки запчасти были реализованы через магазин, работающий на бригадном подряде. План "Перехват", оперативно объявленный по городу, привёл к задержанию глушителя автомобиля, обнаруженного на автомобиле марки "Москвич" из гаража городской мэрии. Означенный агрегат торжественно возвращён владельцу, остальные 599 деталей "сэконд хэнд" продолжают оставаться в активном розыске правоохранительных органов.

Эгзоскелет

Большим подарком рабочим, занятым тяжёлым физическим трудом, стала новая разработка "Зауралмаша". Запущенный там в производство эгзоскелет представляет собой агрегат, дублирующий мускульную систему человека и многократно усиливающий её возможности. Теперь чернорабочий, особенно не напрягаясь, легко поднимает многотонные грузы, передвигая их на любые расстояния. Разработчики добились такой слаженности и точности движений механизма, что при разливе на троих содержимое стаканов оказывается выверенным до миллиграмма, что исключает саму возможность конфликта в рабочем

коллективе и гарантирует душевный комфорт и боевой настрой на трудовую доблесть.

Автотуалет

В Москве предпринята очередная попытка придать отхожим местам цивилизованный облик. После доработки под личным патронатом мэра французского образца новое чудо клозетной техники вскоре украсит центр столицы. Чуду дано название "Атас" по первым буквам слов, определяющих суть агрегата, а именно автотуалет антивандальный, саморегулирующийся. Все детали туалета приварены намертво, а чтобы в корне пресечь попытки потенциального вандала что-либо открутить, его ладони в тот же миг и на весь срок пребывания в кабине склеиваются.

Механическая рука поможет клиенту взгромоздиться куда надо и присесть в национальной позе орла, а по завершении физиологического акта омоет из шланга соответствующее место и проводит мягким шлепком по этому месту под бодрящую мелодию "Марша энтузиастов".

Прочь тревогу

!

Специалисты фармакологического концерна "Матерна Магика" разработали новый медицинский препарат из серии пищевых добавок.

Препарат представляет собой настой соломки десяти травок и производит умопомрачительное воздействие на любого, даже самого хилого мужчину, превращая его в сексуально успешного супергероя.

Быть успешным – значит всё успевать. Мужчины, поспешите в столичные аптеки, ваши девушки не ждут!

Мобильник

На что только не идут в конкурентной борьбе за покупателя производители мобильных телефонов. Недавно в магазины определённой категории поступили в продажу аппараты с усиленным вибрационным вызовом абонента со сменными чехлами в форме мужских гениталий. В режиме вибрации включается мелодия песни "Эй, ухнем!" с регулируемым ускорением. Мобильники предлагаются в подарочном наборе с дюжиной гигиенических прокладок и флаконом духов "Эрот".

Дзерджинсы

Недавно корреспондент газеты "Путинский путь" был допущен в святая святых ФСБ, её техническую лабораторию. Инженеры, не снимая с лица масок, ознакомили его с последними новинками, способными совершенно незаметно для постороннего глаза обезголосить, ослепить, покалечить и даже, мягко говоря, замочить любое физическое лицо в широком ракурсе действия. Особую гордость начлаба составляют штаны из джинсовой ткани, созданные для агентов, работающих под прикрытием. Эти штаны, названные разработчиками дзерджинсами, способны испускать из ширинки тончайшую плутониевую струю, не оставляющую никаких следов и при этом никаких шансов объекту применения радикальной меры на выживание.

Мини-фабрика

Малое производственное объединение "Иванов, Петров, Сидоров и

Ко." наладило производство мини-фабрики по выращиванию грибов, работающей в двух режимах: грибы солёные и грибы маринованные.

Оборудование занимает исключительно мало места и монтируется на подоконнике (можно на кухне). Поступление солевого раствора или уксуса в зависимости от вкуса потребителя регулируется напольным рычагом, подсыпка навозного удобрения (для экономии можно использовать собственные ресурсы) осуществляется вручную.

Производитель гарантирует изумительную закуску, которая

всегда под рукой, и возбуждающий аппетит запашок, создающий постоянно праздничное настроение.

"Антиписун"/

Артелью инвалидов "Самсон и Данила" налажено производство весьма полезного в дачных кооперативах антивандального устройства, отгоняющего любителей справить малую нужду под забором соседа. По забору протягивается не заметная глазу жестяная полоса под напряжением от аккумулятора. При попадании на неё струи происходит электрический разряд в источник слякоти, в быту называемый мужским достоинством. Сила электрошока зависит от длины и калибра упомянутого достоинства, поэтому можно говорить о щадящем режиме для не вступившей в пору половой зрелости молодёжи, кроме мальчиков, обладающих несоразмерно развитым детородным органом.

Испытания, мужественно проведённые инвалидами на себе, продемонстрировали высокую эффективность "антиписуна" (рабочее название устройства) и выявили неожиданный побочный эффект в виде приступа так называемой "медвежьей" болезни в момент срабатывания ловушки. Изделие инвалидов уже поступило в продажу и особым спросом пользуется у хозяев усадьб, близко расположенных к пивному ларьку.

В колонку автолюбителей

В творческих лабораториях производственного объединения "Синий робот" (бывш. завод "Красный пролетарий") разработано новое противоугонное устройство. Оно монтируется незаметно для глаза в рулевую колонку и водительское сидение и автоматически включается при взломе автомобиля и его несанкционированном запуске. Роботосхема предусматривает сначала голосом среднестатистического гаишника сделать правонарушителю вежливое внушение с предложением покинуть машину.

При отказе оного повиноваться устройство точно дозированным ударом рулевой колонкой по голове

обескураживает угонщика.

Выдвигающиеся из спинки сидения механические руки надевают на него наручники. Автопилот связывается с ближайшим отделением милиции и доставляет к нему угонщика, лёгким толчком в область копчика отдаёт его в руки стражей порядка и возвращает авто к месту изначальной дислокации.

Всё происходящее фиксируется замаскированным под футбольный мяч

"чёрным" ящиком, видеоматериал которого может быть использован в качестве вещественного доказательства на суде. Причём нецензурные выражения правонарушителя заранее заменены на не оскорбляющие ухо

"пи-пи".

Кот Котафеич

На рынке появилась невиданная доселе новинка японских роботостроителй. Это последняя модель робокота. Новая игрушка на вид ничем не отличается от живой Мурки, мяукает на семи языках народов мира, понимает и исполняет целый набор команд. Среди прочего робокот не только ловит мышей, но и оперативно засасывает всю квартирную пыль, опорожняя её через ректальное технологическое отверстие в красочно упакованном виде. Он может также произвести влажную уборку помещения, вылизав мебель, как говорится, до блеска.

Кроме того, кот незаменим в охране дома. В случае взлома квартиры он делает злоумышленнику "цап-царап" с введением снотворного реагента и автоматическим поданием сигнала на пульт ближайшего полицейского участка.

Специально для российского рынка разработана модель под кодовым названием "Баюн", которая может голосом Арины Родионовны напеть колыбельную песенку "Баю-баюшки-баю, не ложися на краю", а при дёргании за хвост – озвучить позицию японского правительства по

Курильским островам.

Зубочистка

Воистину наша наука идёт вперёд семимильными шагами, не переставая удивлять потребителя. Вероятно, вдохновлённые заполонившей полки магазинов корейской лапшой с имитацией целой гаммы мясо и рыбопродуктов, сотрудники одного из НИИ пищевой промышленности недавно разработали зубочистки с устойчивым запахом и вкусом чёрной икры, устриц и других деликатесов. Теперь любой пенсионер, сохранивший зубы, может запросто представить себя олигархом, безмятежно отвалившемся от самого изысканного ресторанного стола. По слухам, зубочистки войдут бесплатным приложением к социальному пакету для ветеранов труда.

Шахид

В редакцию газеты Воронежской области пришёл запрос от читателя

Резо Сухошвили несколько необычной формы, а именно: "Родил двух девочек, если в следующий раз жена родит кого угодно, но не мальчика, я приеду в вашу редакцию с поясом шахида ниже пояса, за себя не ручаюсь". Газета спешно дала ответ читателю выделенным шрифтом на первой полосе. Всё оказалось весьма просто. По словам директора центра акушерства и гинекологии, для рождения мальчика нужны самые свеженькие сперматозоиды. Для этого Резо рекомендовано за 3-4 дня до овуляции (середина менструального цикла) использовать презерватив, а потом активно потрудиться без оного. Головой не поручусь, – сказал директор, собирающийся в трёхгодичную научную экспедицию в Месопотамию, – но успех обеспечен на 99,5%.

Резинка

По сообщению американской прессы, в ходе экспериментов по разработке жевательной резинки нового поколения был неожиданно получен умопомрачительный продукт. Кроме своего непосредственного предназначения, то есть жевательного, он оказался весьма простым средством восстановления девственной плевы. Имея в виду вошедший в моду возврат девственности

хирургическим путём, товар, как говорится, попал в точку. Жвачка выпускается в десяти вариантах вкуса-запаха, в том числе и весьма экзотических. Так, в секс-шопы поступил продукт с добавлением запаха, источаемого собакой женского пола в период течки (см. справочник собаковода-любителя). Нежные флюиды этого амбре легко улавливаются на большом расстоянии особями мужского пола, даже страдающими хроническим насморком. Инкогнито покупателя гарантируется красочно оформленным сертификатом.

Программа спонсируется государственными органами, ответственными за резкое ухудшение демографической ситуации в стране.

Деньги пахнут

В плане борьбы с коррупцией сотрудников государственного аппарата разработана субстанция, которая по истечении заданного расчётного времени начинает источать совершенно непереносимый тошнотворный запах. Нанесённая на купюры, передаваемые в качестве взятки должностному лицу, она тут же превращает оного, выражаясь дипломатическим языком, в персону "нон грата". Препарат был использован пока в рамках одной лишь Думы, но привёл к катастрофическому результату. Несмотря на энергичный протест "левой" оппозиции, встал вопрос о немедленном переизбрании части депутатов, источающих амбре выше допустимого предела. До решения вопроса все снабжены противогазами, хранящимися в полной бесполезности на складах Минобороны ещё со времён Гражданской войны.

Максим/

Максим, изобретший в своё время пулемёт, руководствовался благородной идеей искоренения войн в силу устрашающей убойной силы этого оружия. Известно, к чему это привело. На сей раз ошибка исключена. Скромный изобретатель из Житомира разработал гиперболоид, лучи которого превращают пороховой заряд стрелкового оружия в порошок, сходный с нюхательным. Первыми в массовом порядке зачихали палестинцы.

Стрессометр

Свихнувшиеся по поводу своего здоровья американцы недавно объявили о разработке и скором внедрении в производство стрессометра, т. е. аппарата, позволяющего контролировать своё психическое состояние. Прибор представляет из себя микрочип, намертво прикрепляемый на межрёберную эрогенную зону. По команде с мобильника он передаёт на дисплей в упрощённых символах величину стрессового состояния, а также высвечивает телефон психоаналитика для получения немедленной консультации.

Видимо, начиная понимать специфику российского потребительского рынка, фирма-разработчик сообщила о планах выпуска модификации аппарата. Отличие в том, что чип самостийно сносится с мобильником, высвечивая на экране цифровой ряд в граммах и промилле, причём рекомендуемая для снятия стресса алкогольная доза подаётся в пульсирующем оранжевым цветом режиме.

Генная инженерия

Новое достижение в области генетики зарегистрировано в Голландии.

Местным учёным удалось внедрить в особь специфических вошек ген светлячков, в изобилии водящихся по берегам речек этой страны и создающих идиллическую атмосферу в лунные ночи. Вошки, по неофициальному сообщению, были вывезены совершенно случайно доцентом

Амстердамского университета из России, где он совершал эротическое турне.

В результате генного скрещивания выведено очаровательное существо, по виду не отличимое от упомянутых вошек, но искромётно светящееся в темноте. Запущенные в волосяной покров пубертальной зоны танцовщиц в многочисленных стриптиз-барах, оные своим радужным сиянием создают непередаваемой красоты картину, от которой трудно отвести взгляд. Восторг публики неописуем.

Попрыгунчики

Недавно дотошные американские учёные путём сложнейших измерений наконец зарегистрировали высоту прыжка блохи обыкновенной. Как оказалось, она равна 30 см. Сообщение о результатах опытов вызвало буквально фурор в научных и околонаучных кругах США. Посудите сами, при длине блохи в 3 мм это равнозначно прыжку человека почти на 200 метров! Из просочившейся информации явствует, что блошиные исследователи пошли дальше и работают над внедрением прыгательного гена блохи в ДНК человека.

Теперь представьте открывающиеся перед человечеством перспективы.

Никаких автомобильных пробок на улицах. Ать-два и человек-попрыгунчик уже в офисе, три-четыре и он после работы прыг-скок через окно и уже дома за обеденным столом. Оттуда прыг на кровать, а с неё утром прямо на работу. Дух захватывает! Но это не всё.

Армия… Понятно, почему ЦРУ тут же засекретило информацию. Это ж какие возможности открываются перед бойцом! Не нашим, конечно. Наши тут же, как блохи, покинут расположение части, а потом ищи-свищи…

Не располагая достаточным местом в нашем научно-популярном издании, вынужден умерить полёт фантазии. Но хотелось бы призвать и наших учёных поработать над проблемой, пока американцы не упрыгали от нас далече. Опять догонять…

Новое о пред

ках

Немецкие археологи, уже много лет ведущие раскопки в Экваториальной Африке, обнаружили, по их сообщениям в печати, новое подтверждение поблекшей в последнее время дарвиновской теории происхождения человека. В ходе производства раскопок древнего захоронения обнаружены останки доисторической человекообразной обезьяны с палкой в руке. Вокруг расположены скелеты других членов обезьяньего

клана, видимо, выполнявших при жизни рутинные бытовые обязанности. Результаты виртуальной реконструкции открывшейся картины говорят в пользу того, что труд действительно создал человека как только одной из обезьян пришло в голову взять в руку палку.

Вентиль

По сообщениям из некоторых конфиденциальных источников, могущественный Газпром не в полной мере удовлетворён итогом улаженного с Украиной газового конфликта, всколыхнувшего не только наши народы, но и почитай и всю Европу. В этом монстре российского бизнеса остаются опасения, что наши соседи продолжат воровство из проходящего по их территории беззащитного газо и нефтепровода.

Посему, как стало известно, для получения решающего рычага влияния на самостийную Украину разрабатываются планы технического отбора вод

Днепра до полного закрытия потока вентилем из Москвы.

Мюзикл

Видимо, в отместку нашему любимому юмористу Евгению Задорнову, постоянно эксплуатирующему тему тупых американцев, на Бродвее с успехом прошла премьера мюзикла "Ох, уж эти русские!". На сцене и по проходам в зале постоянно суетятся загримированные под Михаила

Потапыча актеры с бутылкой "Столичной" на подносике и (представьте себе!) без какой-либо закуски, предлагая направо и налево сделать глоток (один!) из горла, хор на плохом русском поет "Шумел камыш".

Брежнев в шапке-ушанке и двойном тулупе, со звездными орденами от цигейкового ворота до кушака, исполняет "па-де-де" с Горбачевым под ускоренную мелодию "Шмеля" Хачатуряна, гебешники со страшными рожами в одеянии волхвов пестуют младенца, напевая "ути-путин".

Чувствуется, что авторам мюзикла порой изменяет чувство вкуса и не хватает знания нашей действительности, чего не

скажешь о Задорнове.

В Габрове

Наш звёздный певец Филипп Киркоров принял участие в гала-концерте в болгарском г. Габрове, являющемся мировой столицей юмора. Принятый с восторгом и необычайной теплотой, Филипп на предотъездной пресс-конференции поблагодарил своих земляков за гостеприимство, затем со свойственным ему развитым чувством юмора задал (по его выражению) шакадама за охлаждение отношений с его второй родиной,

Россией, воскликнув: "Почему в Москве днем с огнем не найдешь мой любимый коньяк "Слнчев бряг", где ваши знаменитые фрукты и овощи?

Особенно скучаю по несравненному болгарскому помидору. Ведь в помидоре ко всему прочему заключены мои любимые ноты ми, до и ре". В ответ габровцы так же в приличествующей моменту и месту манере пошутили, что уже завтра коньяк, овощи, фрукты и сигареты "Шипка" будут посланы в Москву по адресу Киркорова, а у филармонии будет поставлен бюст Филиппа в полный рост с Зайкой на левом плече.

В Георгиевском зале

Намедни знаменитый писатель-сатирик Михаил Жванецкий был замечен в Георгиевском зале питерского Эрмитажа. Юморист вскрыл реликтовую бутылку водки "Коленвал" и пытался вилкой вспороть консервную банку кильки в томате. Поспешивший к возмутителю общественного спокойствия постовой милиционер тут же узнал своего кумира, который, как выяснилось, таким оригинальным способом решил отметить 30-летие со дня написания известной всей стране одноименной с залом юморески.

Килька была аккуратно открыта кинжалом из ножен статуи древнеримского гладиатора, водка розлита в походные рюмочки запасливого старлея, за хлебушком смотался вовремя подоспевший директор Эрмитажа. Он же первым произнес здравицу. По распитии бутылки троица под бурные аплодисменты

сбежавшейся публики отправилась в гостиницу "Европа", где остановился писатель.

Б. Н

.

Любители качественного чтива и поклонники многогранного таланта

Эраста Фандорина из произведений культового писателя Чхартишвили, пишущего под псевдонимом Б. Акунин, с удивлением узнали, что недавно вышедшие в свет и высоко оцененные критиками поэтические опусы Б.

Унина также принадлежат его перу. Мало того, известный английский комик недавно признался, что его псевдоним Мистер Бин взят в честь автора всех его интермедий (Б. Ин). Новоявленные российские фандорины включились в международный поиск литературных новинок, подписанных инициалами Б.Н., а также одной буквой "Б".

"Голография"/

В недавно открытом на Новом Арбате стриптиз-баре "Голография" прошло первое гала-представление, вызвавшее подлинный фурор среди присутствовавшей публики. С использованием голографа нового поколения на сцену было спроецировано трёхмерное изображение голого графа, видимо, в целях ненавязчивой рекламы нового прибора. Граф, потрясая своими мощами и не только ими, милостиво ответил на вопросы из зала по поводу войны и мира в Чечне, обнаружив хорошее владение кавказской спецификой. Светский Лев удалился под бурные аплодисменты зала. На подиуме его сменил приснопамятный Иосиф, поразивший зал тщедушностью сложения и умственной скудостью рассуждений о текущем моменте. Другие персонажи, среди прочих пышнотелый Леонид с зажатыми во рту наградами, что исключало возможность словесного обмена, выглядели изрядно бледнее блистательного аристократа. Администрация бара объяснила это внезапным понижением напряжения в электросети.

Тёща

На экраны выходит новый полнометражный научно-фантастический фильм под названием "Моя дорогая любимая тёща". Этот малобюджетный триллер вызвал определённый ажиотаж во время предварительного просмотра и рассчитан на узкую аудиторию истинных любителей неопределённой киноориентации.

Досуг звезды эстрады

В ходе интервью с Борисом Моисеевым на вопрос "Как он провёл летний отпуск?" тот с задумчивой улыбкой на устах, видимо, навеянной приятными воспоминаниями, был краток. "Ушёл в народ, в глушь, в деревню, вкалывал и на свежей вспашне, и на покосе, в общем, жил с мужиками полнокровной жизнью. Так что, с вашего позволения, я постою, трудовые мозоли, знаете ли, саднят", – сказала звезда с мягкой улыбкой. Надо сказать, что отпуск действительно пошёл на пользу Боре. Его концерты проходят с аншлагом, мало того, у него люди стоят даже в заднем проходе.

Трудности регистрации

С неожиданной трудностью столкнулись работники одного из столичных ЗАГСов столицы при регистрации лица кавказской национальности. При выдаче свидетельства о рождении очаровательной новорожденной, дочки всенародно известного эстрадного певца

Павлиашвили, сотрудницы никак не могли образовать отчество ребёнка от имени папы. Наиболее благозвучными были сочтены "Сосиевна" и

"Сосоевна", но в конце концов по просьбе родителей оно было записано как "Ивановна".

Мотя

Из московского зоопарка сообщают, что орангутан Мотя в процессе реализации обучающей программы по превращению обезьяны в человека уже научился членораздельно посылать ученых за бананом на три первые выученные им буквы. В ознаменование этого достижения доцент

Напрягайло совершил три умопомрачительных по сложности исполнения кульбита на ветке растущей в вольере сосны и, бия себя в грудь пяткой, трубным басом поприветствовал публику.

Жирогаф

В г. Урюпинске из местной дворняги путем многолетнего скрещивания вывели новую жирафоподобную породу собаки, которая не только спасает людей с верхних этажей горящих зданий при пожаре, но и успешно работает на стройках, подавая наверх по команде "вира" раствор и кирпичи. Новую породу официально назвали жирогаф, но в обиходе собачку ласково кличут Жиркой.

Симбиоз

Неподдельный интерес учёных биофака Житомирского университета вызвал проживающий в университетском подвале бомж по кличке

Чистотел. Как оказалось, биомасса разведённых им нательных паразитов превысила вес самого бомжа. Проведённая серия экспериментов продемонстрировала наличие симбиоза живых существ, вступивших в оживлённый обмен информацией с учёными.

Коровка

Выведенная в одном из подмосковных хозяйств миниатюрная порода коров позволяет получать в домашних условиях в зависимости от рациона питания практически всю гамму молочных продуктов от бифидока до творожка с наполнителями. При этом благодаря введенному в них гену болонки, коровки отличаются небольшим размером, умом, доброжелательностью и претендуют на роль семейной любимицы.

Немаловажно также для городской семьи, приобретшей это милейшее животное, и то, что её в силу привитой на генетическом уровне безотходности жизненного цикла нет необходимости выгуливать.